

Беловы

Саша Дамиано

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Саша Дамиано

Беловы

«Автор»

2026

Дамиано С.

Беловы / С. Дамиано — «Автор», 2026

Маркус Белов - известный в определённых кругах частный адвокат, работающий на одного клиента уже десять лет. Он за это время для младшего брата создал все условия, чтобы тот жил свою лучшую жизнь, к "теневому" бизнесу не имел отношения и никогда не боялся однажды почувствовать холод пистолетного дула на затылке. Но всё пошло не по плану, когда клиент Маркуса выставил его брату огромную неустойку за сорванную конференцию. Младший Белов не увидел выхода, кроме как обратиться за помощью к незаконному бизнесу, и это поломало всё не только в его жизни, но и в жизни Маркуса.

© Дамиано С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сделка	6
Глава 2. Маркус	9
Глава 3. Офис	13
Глава 4. Семья	16
Глава 5. Выходной	19
Глава 6. (Не)важные формальности	24
Глава 7. Воскресная композиция	28
Глава 8. Долг	32
Глава 9. Коллеги	37
Глава 10. В коридоре	40
Глава 11. Пошатнувшийся мир	43
Глава 12. Мама	47
Глава 13. Тень	50
Глава 14. В гостях у адвоката	54
Глава 15. Просьба о помощи	58
Глава 16. Гость	61
Глава 17. Жаркий Петербург	64
Глава 18. Клиника	68
Глава 19. Подконтрольный	72
Глава 20. Похожие и непохожие	75
Глава 21. На объекте	78
Глава 22. Карина	82
Глава 23. Решение	85
Глава 24. Звёздочка	89
Глава 25. Американские горки	93
Глава 26. Самый большой страх	97
Глава 27. Шторм	100
Глава 28. Внезапное randevu	103
Глава 29. Предупреждение	106
Глава 30. Не ангел	110
Глава 31. Бордель и отель	113
Глава 32. Разговор	117
Глава 33. Задание	121
Глава 34. Волк	125
Глава 35. Фотография	128
Глава 36. Хвост	131
Глава 37. Нежданный посетитель	135
Глава 38. Дружеский совет	138
Глава 39. Два вопроса	141
Глава 40. Собеседование	145
Глава 41. В кабинете	149
Глава 42. Впечатление	152
Глава 43. Отец	155
Глава 44. Зависть	158
Глава 45. Семейный конфликт	163
Глава 46. Даша	168

Глава 47. Слепая зона	171
Глава 48. Откровенность	177
Глава 49. Никогда	181
Глава 50. Усталость	184
Глава 51. София	187
Глава 52. Прогулка	190
Глава 53. Образцовая семья	194
Глава 54. Возвращение	197
Глава 55. Психологические сюрпризы	200
Глава 56. Вина	204
Глава 57. Скандал	207
Глава 58. Соглашение	210
Глава 59. Очная ставка	214
Глава 60. Раны	219
Глава 61. Не чужой	223
Глава 62. Подражатель	226
Глава 63. Второй Белов	230
Глава 64. Выход из тени	235
Глава 65. Миротворец	239
Глава 66. Послушный мальчик	243
Глава 67. Зануда	247
Глава 68. Слишком хорошо	251
Глава 69. Сессия	255
Глава 70. Сложности	258
Глава 71. Опасная игра	261
Глава 72. Сын проститутки	264
Глава 73. На парковке	268
Глава 74. Головная боль	271
Глава 75. Цели и планы	275
Глава 76. Интервью	278
Конец ознакомительного фрагмента.	282

Саша Дамиано Беловы

Глава 1. Сделка

Это была морально тяжёлая встреча. Ладони от страха нещадно потели, и я катал между ними скомканную в шарик салфетку.

«Дай бог, это нигде не всплывёт, иначе Маркус меня закопает».

До событий двухмесячной давности моя работа не имела ничего общего с нелегальными сделками. Я занимался поиском аутсорс-подрядчиков и надёжных свободных специалистов для крупных компаний. Также вёл подбор отдельного персонала для разных масштабных мероприятий, будь то концерт или бизнес-конференция. Меня знали как «белого» профессионала — человека, хорошо знакомого с авторитетами, но из принципа не ведущего с ними никаких дел даже за большие деньги. Те же авторитеты спокойно признавали мою позицию, но говорили, что рано или поздно я всё равно к ним приду. Кто бы ещё подсказал тогда, что они не шутят...

Мы заняли большой квадратный стол в дальнем углу ночного бара. По левую руку от меня на тёмно-красном диване в форме буквы «П» развалился Маршал — высокий жилистый сутенёр. Его коричневая кожаная куртка лежала на спинке, чёрные по-дизайнерски вытертые джинсы перекликались узором светлых пятен с мягкими полосами цвета «латте» на белой рубашке, похожими на мазки акварельной кисти. В лучах прожекторов сверкали серебром наполовину седые волосы. Мужчина пристально смотрел то на меня, то на моего проверенного исполнителя, которого я знал не первый год, и если бы собеседники не закрывали мне выход из-за стола, я бы не смог сосредоточиться. А так у меня не было путей к отступлению. Вообще.

Миша расположился по правую сторону; он поставил руки локтями на стол, опёрся подбородком на сомкнутые «башней» пальцы и за полтора часа ни разу этой позы не поменял. На его спортивном теле строгая офисная рубашка и простые синие джинсы сидели впрытк, а серое классическое пальто лежало рядом на диване. Пятками белых кроссовок Миша отбивал какой-то медленный ритм, и я откровенно завидовал его невозмутимости, потому что встреча меня уже изрядно вымотала.

— Хорошо, давай сюда бумажки, — проговорил, наконец, Маршал, и я про себя с облегчением выдохнул. Мужчина бегло прочитал стандартные положения трёхстороннего договора и на последней странице нарисовал длинный размашистый автограф. Следом расписался Миша, и точку в переговорах поставила моя быстрая сдержанная подпись.

— Надеюсь, ты понимаешь, что, если что-то пойдёт не так, вся ответственность будет на тебе? — сощурился Маршал, и я согласно кивнул.

— Разумеется. Мой исполнитель — мои проблемы.

Сутенёр довольно улыбнулся, пожал нам руки на прощание и бросил танцовщицам толстую пачку денег на подиум. Она в полёте разлетелась по всему зеркально-чёрному гляцевому полу, и та девочка, что продолжала кружиться на пилоне, часть купюр изящно ребром ладони сдвинула ближе к себе.

— Ты как? — обеспокоенно спросил Миша, когда мы сели в его серебристый «Land Cruiser». Я придержал оставленный нараспашку графитовый плащ и захлопнул дверь, абсолютно без сил привалившись головой к холодному боковому стеклу.

— Дерьмово...

Меня мутило и мелко трясло. Не было толку ни от размеренного глубокого дыхания, ни от свежего воздуха, дувшего потоками через щёлку приоткрытого окна; за нарушенные пропорции водки в «голубой лагуне» бармену стоило оторвать руки, потому что эффект получился обратным — я вместо релакса чуть не потерял над собой контроль и не сорвал важную сделку. А теперь ещё понял, что надо было идти не к машине, а в уборную, и рывком распахнул дверь.

— Яр!.. Боже, — только и протянул Миша, когда меня вывернуло наизнанку. По асфальту растекалась безобразная грязно-синяя жижа, и Миша ухватил меня за шиворот, чтобы я не вывалился в благородном порыве не заляпать ему внедорожник.

— Прости...

— Да забей, — отмахнулся мужчина, дал мне пачку бумажных платочков, и я вытер ими лицо. — Ты реально профи, дружище. На твоём месте я бы ещё и обосрался в придачу.

— Так я обосрался, Миш. Ту конференцию в «Атлантике» испортил мой человек, и двадцать мультов убытка Матвеев повесил на меня.

Друг оставил это без комментариев, сердито поджал губы и выехал с парковки на широкий проспект. Историю первого колоссального провала я сам рассказал ему тем же вечером, потому что заказчик не стал её выносить за порог и предавать моё имя позору вселенского масштаба. С другой стороны сделал так, чтобы горечь последствий хорошенько отравила мне жизнь.

— Это крах репутации, понимаешь? — спросил Матвеев холодно и жёстко. Бодрые ребята из его охраны только что отпинали меня, затолкали в «Мерседес» V-класса и посадили напротив заказчика. Я его в полутьме сначала не узнал. Карие глаза показались чёрными, и игра теней исказила лицо. — Я несколько месяцев прогибался и шёл на уступки, собирал нужных людей, а в итоге что? — Мужчина сделал выразительную паузу, глядя на меня в упор. — А в итоге, Яр, твоя гнида лишила меня перспективных контрактов, и я влетел на бешеные убытки.

— Его личные планы меня не касаются, — ответил я, с трудом шевеля разбитыми губами. — Про подставу я сам узнал уже по факту.

— А вот это уже не моя забота. Мы оба отлично знаем, что профессионалы тоже иногда ошибаются, поэтому давай так: я не рушу твою карьеру, а ты компенсируешь мне ущерб. Идёт?

— Как будто у меня есть выбор. — Я в отчаянной улыбке оголил залитые кровью зубы, не думая, что рисковал потерять их так же, как Матвеев — чёртовы контракты. Хотя глубоко внутри бушевало злорадство: со мной обошлись по-божески — разукрасили, поговорили и отпустили на все четыре стороны, а вот Павла, ивент-менеджера, за которого я поручился, очень быстро выследили. Вероятно, он уже кормит костями собак на пустыре.

Тем не менее, драматичности в ситуации от этого не убавилось. Мне выставили счёт на двадцать миллионов (к счастью, рублей) и дали три месяца на возврат. Из них два с половиной ушли на поиски хотя бы части денег, и две трети долга я к моменту встречи с Маршалом успешно погасил. Оставшаяся треть повисла чудовищной ответственностью на плечах у Миши; он единственный знал, какие пути привели меня в бар два часа назад, и понимал даже лучше, чем я, что права на ошибку нет ни у кого из участников сделки.

— Мне подняться? — негромко произнёс мужчина, затормозив у парадной. Он молча краем глаза наблюдал за мной всю дорогу; наверняка хотел убедиться, что я безопасно добрался до тёплой постели, а не упал где-нибудь по пути, но вместо этого получил уверенное «не надо».

— Лучше привези мне хорошие новости, — сказал я с вымученной улыбкой, и Миша без слов ободряюще покивал. Мы обменялись рукопожатиями, но он смог уехать только после того, как я махнул ему рукой из распахнутого окна.

«Господи, как же я вяпался...»

С этой мыслью и мелкой бесконтрольной дрожью по всему телу вернулся в квартиру. Снова накатило мерзостное тошнотворное чувство. Если бы Маркус решил навестить меня прямо сейчас, он увидел бы младшего брата сидящим на полу, бледным и напуганным. Белая рубашка задралась и скомкалась, когда я съезжал по спинке кровати, не в состоянии держаться на ногах. На правой штанине классических пепельно-серых брюк откуда-то появилась длинная чёрная полоса, как будто я, выходя из машины, случайно зацепил порог. А всё из-за чего? Из-за того, что на встрече с Маршалом я собственными руками извалял в грязи годами нажитую репутацию. Нужда заставила буквально уронить себя в дерьмо, поступиться принципами, подписать бумаги и стать участником нелегального экспорта.

«Выплатить и забыть. Выплатить и забыть...»

Рассчитаться с Матвеевым, обелиться и в дальнейшем для таких, как он, курировать исполнителей от момента первой встречи до окончания мероприятий. Лишь бы больше никогда не оказаться снова на сидениях минивэна с разбитым лицом. И больше никогда не испытать настолько парализующего страха, как сегодня.

«Больше никогда».

Я повторял это как мантру, едва размыкая губы, пока смывал прошедший день в канализацию, и только в постели закончил — когда провалился в бессмысленный мутный сон.

Глава 2. Маркус

— Поговори с ним. Я могу предложить хорошие условия и гарантию безопасности.

— Какие условия, Кость? У Яра безупречная репутация, а мы с тобой два гондона, уж прости за откровенность. Он пошлёт меня куда подальше, как только я назову твоё имя.

— Я знаю, но в его интересах выслушать и хотя бы подумать. Он очень талантливый посредник. Я уважаю его стремление сохранить нейтралитет, но кучка серьёзных людей уже давно следит за ним, и будет лучше, если Яр окажется у меня под крылом. И у тебя в том числе. Если бандиты перемянут его к себе...

— Не будет такого.

Маркус перебил Матвеева, зная, что мужчина этого терпеть не мог. Но фантазия нарисовала дерьмовые перспективы гораздо раньше, чем Константин успел закончить фразу, и молодой мужчина обрубил череду горьких мыслей вслух.

— Извини, — добавил он, опустив глаза. Собеседник промолчал — он понял, что тема для адвоката болезненная, но Маркус услышал его глубокий тяжёлый вздох. Успокоительная практика, чтобы лишнего не обронить.

— Обещай мне поговорить с ним. Это не просьба.

— Приказ, да, как обычно, — приглушённо отозвался Маркус, поднялся на ноги, освободив удобное кожаное кресло, стоявшее наискосок от рабочего стола, и повернулся к выходу. — Всё, что в моих силах, я сделаю, но ничего не обещаю.

Он получил от руководителя сдержанный кивок и вышел из кабинета.

Я обнаружил себя в постели раздетым и чистым, укрытым по шею тяжёлым шерстяным одеялом. При этом совершенно не помнил остаток вчерашнего вечера с момента, как опустился на пол возле кровати, но дыра в памяти не спасла меня от волны переживаний. Особенно крепко они захлестнули после кофе, когда прошедший день стал по кусочкам восстанавливаться, как мозаика; чувство страха за последствия, если Миша не справится, заставило меня с глубоким шумным дыханием опереться на край кухонного стола и наслоилось на растерянность после ночного кошмара.

Неспящий, но полуночно пустой Петербург. Оранжевый свет фонарей на Московском проспекте. Люксовая машина с тонированными стёклами неслась куда-то в сторону аэропорта. Я нервно вытирал салфеткой окровавленные пальцы, сидя на заднем сидении. Рядом по правую руку лежал пистолет, а на кресле, расположенном против хода, в расслабленной позе ехал Маркус. Он внимательно смотрел в мою сторону и наблюдал за движением рук, не хмурился и не пытался помочь. Мы словно только что совершили крупное преступление, а теперь убегали куда подальше, пролетая красные светофоры под недовольные разноголосые гудки.

Меня бросило в реальный мир, когда машину занесло на повороте, и та кувырком вылетела с дороги. Я во сне погиб; осознал это сразу, как подскочил на кровати в холодном поту. Кошмар по закону Мёрфи запомнился очень красочным и детальным и преследовал меня навязчивыми кадрами до самого завтрака — полтора с лишним часа, пока не удалось переключиться на рабочие дела.

— Да, привет, в четыре, как и договаривались. — Я застегнул часы на левой руке, зажав телефон между плечом и ухом. — Нет, выходные завтра и в воскресенье. Сегодня как обычно пёрнуть некогда. — Я засмеялся. — Да, на связи.

Только вызов кончился, как поступил новый. Я отыскал гарнитуру, подключился и параллельно запустил ноутбук — с утра там уже повис десяток непрочитанных диалогов от клиентов, партнёров и прочих деловых контактов. Личных сообщений вовсе не пересчитать.

У меня три-четыре полноценных рабочих дня в неделю, и каждый из них проходил в одном и том же режиме: примерно час на пробуждение, сборы и моральную подготовку, час или два на созвоны, уточнения, согласования и переносы, а потом разъезды — встречи с потенциальными исполнителями, заказчиками, простые и сложные переговоры, кофе на ходу и подписание трёхсторонних контрактов. А в дни условных выходных я только отвечал на срочные сообщения и звонки, но не раньше десяти утра и не позже восьми вечера. За очень редким исключением.

Пять лет назад имя посредника Ярослава Белова ещё не было на слуху. Я только начал строить карьеру частного специалиста, выбравшись из найма и продаж, набирался опыта, заводил знакомства, упрямо, но бережно добивался хорошей репутации, завоёвывал доверие и потому контракты подписывал очень редко. Пару раз в неделю, если повезёт. Зато теперь мог спокойно передать заказ другому, не менее профессиональному, коллеге, если сам не успевал. И мне нравилась такая динамичная жизнь.

«И как прекрасна задница, которая тебя накрыла».

Я раздражённо вздохнул. Эта мысль не давала покоя, потому что всё вокруг — моя двухэтажная квартира возле метро на Васильевском острове — стало предметом залога на прошлой неделе. Двадцать миллионов долга уменьшились больше, чем вполовину; две трети остатка вчера утром погасил инвестор, давний хороший знакомый, который Матвеева знал и не перепаривал. Он мог бы продавить его через свои каналы, но резонанса не захотел и просто дал денег. Я взамен обещал хорошую скидку по будущим контрактам. Ещё одна треть — это два с небольшим миллиона — легла на плечи Миши, который повёз молодых проституток за границу. Каким образом, я не хотел бы знать никогда, но если он провалится, мы точно все пойдём по двести сорок первой. Эту статью я запомнил ещё давно, когда со скуки листал Уголовный Кодекс, оставленный братом на столе в гостиной родительского дома.

«С матерью проституткой ты хочешь не хочешь её запомнишь».

Я много раз пытался понять её жизнь и мотивы с таким упоением барахтаться на социальном дне, но так и не получилось. Уже подростком я по воле случая попал на полное воспитание к Маркусу, и брат в противовес семейной греховности вбил мне в голову жёсткие моральные принципы, которые не позволяли вести себя как свинья, курить до потери пульса, напиваться и что-то употреблять, задирать юбки женщинам, потому что они за это дорого платят, пользоваться услугами проституток и помогать людям, которые сегодня улыбаются, а завтра могут упереть тебе дуло в затылок. Хорошо же? Да, с годами это стало обыденностью, но...

«Ты дома?»

Сообщение от Маркуса выдернуло меня из круговорота мерзких рассуждений.

«Пока да, но через сорок минут уеду. А что?»

«Зайти хотел».

«Ну, давай».

Я невольно воспрял духом. Из-за работы мы с братом нечасто виделись, хоть он и мотался без конца между Питером и Москвой, и пускай Маркус опять забежит всего на полчаса, если не меньше, от его присутствия мне станет гораздо спокойнее. Не буду скрывать: после событий с Матвеевым щенячьего восторга поубавилось. Маркус работает на него много лет, и за это время я научился отделять родного человека от его работы, которая с моими «чистыми» нормами шла кардинально порознь.

— Я ненадолго, — сказал он у порога, не успев разуться. — Тоже дел по горло.

Брат увидел меня уже готовым к отъезду — собранным до последнего аксессуара. К его приходу я переоделся в отглаженный платиновый костюм и рубашку темнее на пару тонов, уложил отросшие молочно-кофейного цвета волосы на правую сторону и заправил постель, укрыв под одеялом домашние джинсы и футболку. Для моей безупречной репутации лучше

облика не придумать, и случайно созданное впечатление некой безгрешности дополняли яркие голубые глаза. Чего не скажешь о Маркусе.

— Прости, что не приехал сразу. Там с аудиторами накладка вышла, замотали в край. Я бы даже при всём желании не вырвался, — вздохнул он и сел на диван, закинув ногу на ногу. — Как у тебя дела?

Его манера дома держаться так же авторитетно, как на суде, меня откровенно бесила, но повлиять на это не могли ни я, ни он. Граница между человеком и профессионалом давно стёрлась, и Маркус больше не видел, где заканчивается роль адвоката и начинается он сам.

— Да вроде порядок, — пожал я плечами и присел на диван рядом с ним. — Лицо уже почти не болит, по долгам потихоньку рассчитываюсь, а в остальном сплошная работа, как у тебя. Ничего нового.

— Хорошо. — Брат указательным пальцем надавил на мост имиджевых очков с матовой чёрной оправой и подтянул их обратно на переносицу. Я передразнил его, заменив указательный палец на средний. Думал, это немного сбавит накал серьёзности, но Маркус только сдержанно улыбнулся и положил очки на журнальный столик перед собой. — Костя говорил, что ты вернул ему восемнадцать миллионов наличкой. Это деньги инвесторов, или ты банк ограбил?

— Ну-у, это кто ещё кого ограбил... — усмехнулся я с иронией. — А так и то, и другое. Кое-где старые связи помогли, и два мультя остатка тоже через них заработаю.

— Хорошо, — немного растянуто сказал Маркус и помолчал в коротком размышлении. — Мне нравится, что ты сам стараешься решить такие глобальные проблемы, но почему я узнаю о них от Кости, а не от тебя? Ты бы мог прийти ко мне в первую очередь. — Он выдержал очередную неприятную паузу, посмотрев на меня в упор. — Или не мог?

Я напряжённо поджал губы. Циркониевые глаза, прямой пронизывающий взгляд и резкий контраст очень строгого чёрно-белого делового стиля. Маркус целиком ушёл в адвокатскую роль, и я почувствовал себя как будто свидетелем обвинения.

— Не захотел, — отчеканил в ответ. — Не потому, что у тебя там есть какие-то рычаги влияния на Матвеева. Мне было важно справиться самому, потому что ты и так очень долго меня опекал, пора и совесть иметь.

— Я понял.

Маркус произнёс это спокойно, без тени обиды. Взгляд, прожигающий до самых глубин, не смягчился, из роли брат не вышел, но еле заметный поворот тела и лёгкий намёк на улыбку дали мне повод расслабиться.

— Слушай, Яр, — добавил он гораздо тише и поправил упавшую на лицо горько-шоколадную прядь, — у Кости есть два проекта, куда нужен грамотный переговорщик. Я эти проекты веду сам, так что в плане законности всё максимально чисто. По секрету скажу, Костя не знает, как подступиться к тебе после всего, что случилось, а другие кандидаты объективно слабые. Они не вывезут такой масштаб.

— А я не вывезу Матвеева. Он ублюдок, воротила с кучей наёмников, и только не говори мне, что это не правда.

— Правда, — согласился Маркус, — но тогда и я ублюдок. А ещё манипулятор, двуличная продажная тварь и...

— Да-да-да-да, — покивал я, слегка подался вперёд и добавил низко, на грани шёпота, чтобы брат ощутил себя таким же взятым за горло. — С одним условием: между твоей ролью в профессии и тобой огромная разница. Я очень хорошо вижу, где мой брат, а где адвокат Матвеева, поэтому ты пидорас только в рамках бизнеса. Это его требование, можно сказать. В остальном ты потрясающий человек, и я хочу, чтобы ты об этом не забывал.

Маркус отвёл глаза. Какое-то время он молча смотрел в никуда, словно провалился глазом в себя и внешне замер. Я буквально увидел, как осмысление растворило профессиональ-

ную маску, как опустились напряжённые плечи, и ко мне вернулся тот самый родной человек, живой, эмоциональный, которого я хотел бы таким наблюдать как можно чаще.

— Мне приятно это слышать, — устало проговорил он. — Иногда очень хочется провести с тобой, как полагается, хотя бы один день, но свободного времени с гулькин хрен. Я даже ловлю себя на мысли, что не понимаю, когда ты успел повзрослеть.

— Ты и не поймёшь, потому что мы оба всё ещё дети. Взрослые — это люди, которых родители научили жизни. Которые превзошли их по опыту и навыкам. А мы с тобой как были пацанами, так и остались, только набили шишек за годы и стали успешными, а показать и похвастаться некому. Так что... — Я посмотрел на часы. — Хочешь кофе?

Маркус ожидаемо нахмурился. Как только в разговоре мы каким-то образом цепляли тему семьи и родителей, я резво уходил с неё, хотя довольно часто сам же и начинал.

— Хочу, но не успею. Мне уже через пять минут бежать надо. — Маркус поднялся с дивана, и я вслед за ним. — Ты на досуге подумай насчёт проектов. Я готов предоставить любую информацию, какую попросишь, потому что мутные схемы там нельзя проводить. Это гарантия для тебя.

— Ну, как вечером будешь дома, накидай основное. Завтра гляну. Если не секрет, сколько тебе Матвеев обещал за моё привлечение?

— Нисколько. Максимум спасибо скажет, и то не факт.

Я усмехнулся.

— Ясно. Я бы заплатил.

Маркус не ответил, только неодобрительно покачал головой. Он знал, что привлечение такого специалиста должно оплачиваться, и я крепко держался мнения, что Матвеев не ценит работу своих людей. Поэтому если мы сейчас продолжим это обсуждать, то поругаемся наверняка.

Я тепло проводил гостя и подошёл к окну — посмотреть, как он уезжает. На чёрной «Audi A8» Маркус плавно вывернул из двора и скрылся в проезде между домами. У меня же оставалось пятнадцать минут до выхода, и в это время вполне укладывалась ещё одна порция ванильного латте.

Глава 3. Офис

— Он не отказался, но и не согласился, — доложил Маркус, разворачиваясь на светофоре. — Вечером ждёт презентацию.

— Надо же, — удивился Костя на том конце провода, и ровный фоновый шум нарушил ритмичный сигнал парктроника. — Я ожидал, что с первого раза он пошлёт меня к чёрту.

— Можно сказать, что он именно это и сделал, но очень корректно. — Маркус перестроился на правую полосу, чтобы обогнать ползущую впереди иномарку. — Ты разукрасил ему лицо, и я до сих пор не понимаю, почему нельзя было просто договориться.

— Я уже объяснял, почему так поступил. Чего ты хочешь от меня?

— Остаток долга. Я хочу, чтобы он не возвращал эти два мультя, потому что... — Адвокат запнулся. Он не хотел открывать Матвееву свои домыслы и в то же время не мог не объяснить. — Мне кое-что не нравится. Двадцать миллионов — это очень большая сумма, и если Яр умудрился набрать только восемнадцать к концу срока, значит, легальные источники закончились. А мои деньги он не возьмёт, потому что принципиальный не хуже тебя.

— Слушай, Маркус, — не выдержал Костя, — я не знаю, что у вас там за правила в семье, но на твоём месте я бы не парился. У него всего два варианта: либо ты выкупаешь его долг, и он остаётся чистым, либо он идёт к бандитам, потому что больше не к кому, и тогда его репутация накрывается медным тазом. — Костя откашлялся куда-то в сторону и заговорил чуть громче, будто наклонился к приборной панели, где стоял телефон. — Короче, панику не разводи. Вечером, когда будешь отсылать материалы, обрисуй ему все нюансы. Особенно тот момент, что если он во что-то вляпается, СМИ раздуют из этого скандал и обязательно загребут тебя. А где ты, там и я. Понимаешь?

— Да, — буркнул адвокат и ускорился, пролетев перекрёсток на жёлтый сигнал светофора. — Но и ты должен понимать, что я ничего не обещаю.

— И всё же, — хмыкнул Матвеев и отключился. Его усмешка — всегда своеобразный ультиматум, и Маркус откинулся на подголовник, услышав её. По телу стремительно разлилось ощущение, будто на плечи опустили крышу дома. Старший Белов разогнул напряжённые пальцы, застывшие мрамором на руле, и после глубокого вдоха медленно «сдулся» на протяжном «ха-а». Не время выпасть из морального равновесия.

Маркус торопливо заехал на парковку бизнес-центра на Обводном и занял место между серым кроссовером и шоколадным «Mercedes»-ом. Его мысли уже целиком утонули в предстоящей работе с договорами. Большой частью документов заведовали местные юристы, а то, что выходило за рамки легальности, Маркус обрабатывал сам. Из-за этого Матвеев гонял его между Москвой и Петербургом каждую неделю, потому что в условиях сильно ограниченного доверия не мог себе позволить ещё одного адвоката, по самую шею втянутого в незаконные дела.

Мужчина поправил очки и с полным портфелем бумаг выбрался из машины. Его сосредоточенный взгляд упёрся в чистую блестящую крышу седана и на волне обречённого осознания переместился на приборную панель, украшенную маленькой статуэткой Оскара. Такой же, как на столе у Романа, заместителя директора юридического департамента.

«Молчи».

Старший Белов натянул на себя привычную маску непроницаемого спокойствия, застегнул пуговицу на пиджаке и по пути к офису обернулся через плечо — кнопкой на брелоке поставил «Audi» на охрану. Та моргнула фарами, коротко просигналив. Уже из окна кабинета на девятом этаже Маркус увидел холёного, суетного заместителя, застывшего на несколько секунд возле его машины. Роман остановился у переднего колеса; по движению тела стало

понятно, что коллега хотел его пнуть, но замялся на полушаге, нервно погрузился в «Mercedes» и куда-то уехал.

«Надо будет узнать, где он обедает, и как-нибудь испортить ему аппетит».

Маркус не отличался особой злопамятностью, но Роман после неудачной конференции всеми силами начал подлизываться к Матвееву. Адвокат понимал: человек амбициозный, рвётся выше, хочет больше, и Костя дал бы ему шанс, если бы Роман не использовал для своего блага крысиные способы. В первую очередь не задевал братские отношения, которые его не касаются.

— Я хочу разбить ему лицо, — вздохнул Маркус, когда вернулся пару недель назад из Питера в головной офис.

— Я знаю, — хмуро сказал Костя, не отрываясь от рабочего монитора, — но уволить его нельзя. Нет оснований. Перевести сюда тоже не могу — он тут разойдётся ещё больше. А если возьму по-нашему, он накает иск по сто девятнадцатой*. Проще потерпеть, я считаю.

— Выкати ему штраф за нарушение корпоративной этики. У лояльности руководства тоже есть предел. Напомни ему об этом.

— Ага. Ты что, соскучился по званию стукача? — уточнил Матвеев, покосившись на адвоката, и Маркус неприятно улыбнулся.

— Да брось. У нас свидетелей и доносчиков полный офис. Он ничего не докажет.

Мужчина развернул к себе кресло с высокой спинкой, уселся в него и разложил на столе документы из портфеля.

«Как назло он очень толковый юрист, но обидно, что мразь конченная».

В ином случае Маркус бы его рекомендовал себе в напарники, потому что в одиночку уже не вытягивал объём работы. В общении с Прокуратурой и Следственным комитетом он лавировал как искусный гонщик на опасных горных дорогах, а в нюансах гражданского права сильно проседал. Согласование договоров с поправками на теневой сегмент — это дело нечастое, но затратное по времени и силам, потому что тяжело сопровождать процессы, в которых едва разбираешься. К счастью, Матвеев и сам хорошо понимал юридические основы, поэтому адвокат не чувствовал себя в такие моменты загнанным в угол.

Маркус подвинул к себе рабочий ноутбук, стоявший на краю стола, и взялся разгребать накопившуюся рутинную работу. Срочные запросы по текущим разбирательствам, ответы подрядчикам между делом, переписка со свидетелями защиты и попытки договориться с обвинением. Адвокат в эти часы максимально расслаблялся: вытягивал ноги, позволял себе в закрытом кабинете выглядеть ленивым и полусонным, потому что в остальное время, за исключением ночи (и то не всегда) он пребывал то в разъездах по двум столицам, то в судах, то на переговорах. То по делам Кости, то по своим. Издержки суматошной жизни и профессии, которые выматывали и высушивали порой до чувства глубокой деградации. До отключения здравого смысла, упорных стремлений открыть магнитный замок на двери квартиры банковской картой или паники на парковке, потому что напрочь забыл, на какой машине целый день катался и куда её поставил. Если брату кто-нибудь об этом расскажет...

«Твоего Яра видели с Маршалом. Ты в курсе?»

Адвокат перечитал это сообщение несколько раз. Оно разбудило экран телефона и выскочило маленькой панелью в нижнем углу монитора. Маркуса передёрнуло.

«Нет. Рассказывай».

«Я позвоню».

Старший Белов ответил на вызов и молча, глядя в стену перед собой, выслушал одного из четырёх информаторов.

— Почему сразу не доложили? — напряжённо спросил он и опустил веки, чтобы легче было отдышаться и сбить волну тревоги внутри.

— Да тупо вышло... Там бармен новенький, в лицо гостей не знает, а Лёха менеджер поставками занимался, ему не до зала было. Узнали, можно сказать, чудом. — Информатор на секунду замаялся. — Да и в смысле не сразу? Видели вчера вечером, суток ещё даже не прошло.

Маркус опять уставился в стену. Краски мира едва заметно помутнели, на короткое время поток мыслей превратился в чан с тестом, в котором застопорился миксер, но быстро отпустило.

— Да, прости. Я слегка потерялся.

— Я бы назвал это по-другому, но ладно. Караульных дёргать?

— Да, но без фанатизма. Я вроде догадываюсь, откуда ноги растут, так что сам разгребу.

— Как знаешь, но я на связи круглые сутки, если что. Ты об этом не забывай, ага?

Собеседник положил трубку, не дожидаясь ответа Маркуса. Тот подорвался на ноги; злость и одновременно смятение на грани страха выбили мужчину из рабочего ритма — он заметался по кабинету и с невероятным усилием вернулся к текущим делам.

Ни одна внештатная ситуация не могла так существенно перебить его деловой настрой, как это сделала паршивая новость о Яре. Кристально белая репутация младшего брата — заслуга Маркуса, результат его ежедневного кропотливого труда на протяжении многих лет. Мужчина воспитал Яра в одиночку, родительское бремя свалилось ему на плечи перед третьей сессией в институте, и всё, что произошло тогда, младший Белов забыл только благодаря старшему.

Теперь эту новость о встрече с Маршалом адвокат ощутил ударом под дых. В теневом бизнесе каждому известно, что сутенёр без дела ни с кем не встречается. Раз пришёл, значит, был готовый покупатель на его шалав, и даже как посредник в этой сделке Яр — её полноправный участник. У сутенёра нет устных договорённостей — это всегда подробный договор за подписью всех сторон. По-другому Маршал не работает.

«Старые связи, да?» — огрызнулся Маркус про себя. Мужчина погрузился в состояние глубокой нервозности, которая медленно отступила только после нескольких затяжек «электронкой». И это после того, как он обещал к ней больше не притрагиваться, и долгих мучительных месяцев борьбы с никотиновой зависимостью.

«Сука...»

Маркус подавил обжигающий приступ гнева и продолжил работу — её в любом случае нужно было закончить, как бы хреново ни было.

*УК РФ Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Глава 4. Семья

— Кость. Костя! — на возмущённый оклик Аси Матвеев, наконец, поднял голову. — Ну сколько можно?

Он неохотно закинул мобильный во внутренний карман пиджака и беспокойно погладил пепельно-коричневую окладистую бороду. Жена попросила его отложить телефон, из которого Костя ни на минуту не вылезал, ещё в начале обеденного перерыва, но согласование условий для нового начальника охраны на объектах затянулось. Восемилетний Серёжа грустно уставился в панорамное окно ресторана; за прошедшие сорок минут бизнес-ланча поговорить с отцом о школьных трудностях, ради которых Ася привезла его, мальчику не удалось, и жена в чувстве обиды переключилась на жёсткий, холодный деловой тон.

— То, что у тебя работа на первом месте, приняла только я, но Серёжа на такое не подписывался. Ему нужен отец и нужен прямо сейчас. Не вечером перед сном, не за ужином, а сейчас, потому что я не могу решить его проблемы. Это не женский вопрос.

— Я готов задержаться после обеда, если вы никуда не торопитесь. Но прости, Ась, ты прекрасно знаешь, с какими людьми я работаю. Не все готовы ждать меня целый час.

— Вот именно потому, что ты работаешь со всякими... — девушка приглушила голос, — бандитами, у сына в школе проблемы. Серёж, — позвала она мальчика, и тот с удручённым видом уставился в полупустую тарелку, — давай мы сейчас доедим, и в машине всё папе расскажешь, хорошо?

Восемилетка согласно кивнул, и Матвеев отписался, что вынужден отложить решение вопроса буквально на пару часов — из-за дела, которое совсем не терпит.

«Из-за сына. Я прошу прощения за неудобство, но это очень важно».

Собеседник ответил коротким «жду». Когда-то семью и работу Костя легко совмещал, но за годы клиентов, особенно теневых, стало намного больше, и такая нагрузка неизбежно сдвинула семью на задний план. Ася приняла это и смирилась, потому что видела, как муж находит любую возможность и урывает хотя бы час отдыха для любимых, несмотря ни на что, а вот Серёжа не смог. Он запомнил, что папа всегда на связи с кем-то, кроме него, даже во время самых важных и сокровенных разговоров, и понял это по-своему. Сказал матери, будто отец его почему-то больше не любит. И в двух словах не объяснить, почему он неправ.

После обеда Матвеевы заняли Костин минивэн. Ася расположилась в кресле против хода, развернула выдвижной столик и поставила на него стакан с кофе. Серёжа забрался на сидение возле окна по ходу движения, и мужчина сел рядом с его стороны.

— Тебя кто-то обидел? — спросил он тихо и ласково. Мальчик в ответ яростно замотал головой, но к отцу не повернулся и молча продолжил наблюдать за улицей через тонированное стекло.

— Для начала он обижен на тебя, — начала за него мать, — а так его Володя достаёт каждый день.

— Семёнов?

— Да, у которого отец из комитета. Видимо, тащит работу в дом, а потом сын бегает по школе, тычет в Серёжу пальцем и орёт, что у него папа людей убивает.

— Он будет очень рад, когда я приду к нему с иском за клевету, — сурово проговорил Костя, и мальчик посмотрел на него через плечо с выражением растерянности в глазах — не ожидал рычащих ноток в отцовском голосе. Матвеев аккуратно погладил сына по голове, чтобы он успокоился. — Серёж, всякие там Володи, Пети, Маши, Светы могут говорить обо мне всё, что угодно. У меня большой серьёзный бизнес, я строю дома для очень богатых людей, и кто-то из них может быть плохим. Но я не вмешиваюсь в их дела, и договор о покупке дома не делает меня таким же плохим. Вот представь, что у тебя есть конфета, и местный хулиган хочет её

купить. Ты готов отдать её за монетку в пять рублей. Вы меняетесь, каждый получает своё, но становишься ли ты хулиганом от этого? Нет. Зато какой-нибудь дурак обязательно вас увидит и всем разболтает, что вы друзья.

— Но это неправда! — возмутился мальчик.

— О чём я и говорю. Так что Володе не верь. У него папа не такой обеспеченный, как я, поэтому завидует и говорит гадости, а Володя очень любит папу и всё повторяет за ним. — Костя ненадолго замолчал и добавил с искренней горечью: — Володин папа работает следователем. Это очень опасная профессия, сложная и непредсказуемая. Намного сложнее, чем моя. Но у него с сыном такие замечательные близкие отношения, что я завидую, почему у нас не так же. Не так, как раньше.

Маленький Матвеев опять ничего не сказал. Он заметно сжался, нервно заелозив по сидению, и мужчина не разобрал, это стыд, неприязнь или что-то ещё.

— Мне очень важно вернуть твоё доверие, — сказал он сыну, — потому что моя семья — это самое дорогое, что у меня есть. Подумай, пожалуйста, что я могу для этого сделать, а с Володей я всё улажу сегодня, ну, в крайнем случае завтра, если не успею. Хорошо?

Серёжа покивал, заметно ободрённый. Разговорчивости это не прибавило, но ребёнок хотя бы перестал угрюмо рассматривать мелкие белые точки на матово-графитовом полу.

Костя вызвал машину. Через пятнадцать минут в начале парковки остановился тёмно-серый «Lexus»; молодой водитель открыл заднюю дверь и тактично отошёл, когда Матвеев-старший поймал Асю за руку и притянул к себе — такую хрупкую, худенькую принцессу, любимую до дрожи, с открытым по-детски лицом в ореоле светлых мягких кудрей.

— А нам стоит поговорить? — уточнил он, пока таксист аккуратно усаживал его сына в автомобиль с другой стороны.

— Думаю, да, — улыбнулась девушка и погрузилась пальцами в чуть вьющиеся удлиненные волосы мужа. — Я хочу провести с тобой выходные, но у Серёжи футбол, и как это совместить, я не представляю. Ты же свободен в выходные? Скажи, что да. Пожалуйста.

— М-м... В целом, да. Если никому ничего не приспичит, я завтра с утра закрою отчётности, а там до понедельника весь твой.

— А если приспичит, говорить буду я, и я с удовольствием напомним деловым господам, что серьёзные люди не обязаны выбирать между семьёй и бизнесом. — Ася приподнялась на носочки и быстро поцеловала смеющегося мужа в губы. — Всё, до вечера.

Она села в машину, и Костя простоял на парковке, провожая взглядом «Lexus», пока не потерял его из виду. Телефон в руке тем временем остался с непогашенным экраном; он едва не затрещал от мощного усилия, с которым ухоженные пальцы Матвеева стиснули пластиковый корпус.

«Красивая тёлка. Мне нравится».

Костя оцепенел от ярости. Ледяной испуг оглушил его на несколько секунд, а после звериное бешенство обожгло кипятком и разлилось от груди по всему телу. Это была угроза. Не прямая, но максимально понятная, потому что бизнес оказался у той черты, когда цели начали оправдывать любые средства.

«Спасибо, что подождали, — написал Матвеев подрядчику, вернувшись в офис. — Могу я попросить об услуге прежде, чем мы продолжим?»

«Можете», — ответил собеседник, и мужчина коротко изложил ситуацию. Подрядчик очень долго, больше двадцати минут, ничего не отвечал, и Костя беспокойно наворачивал круги сначала по парковке рядом со своей машиной, потом по офису, пока не получил объёмное личное дело с просьбой изучить его и согласовать до завтрашнего вечера.

«Спасибо».

«На вашем месте я бы с благодарностью не торопился».

Матвеев судорожно вздохнул и сбросил сиюминутное наваждение всё немедленно прочитать — хотя бы открыть и посмотреть на фотографию с первой страницы.

«Хорошо. Тогда вернёмся к основному вопросу».

Ася негромко постучала в дверь кабинета.

— Можно?

— Да, заходи.

Костя закрыл ноутбук и посмотрел на жену из полутьмы, нарушенной светом настольной лампы. Она пришла к нему в шёлковом длинном халате, который всегда надевала перед сном, а сам он до сих пор не снял деловой костюм, только развязал галстук и оставил висеть на шее.

Девушка присела на гостевой стул напротив мужа.

— Ты поговорил с отцом Володи?

— Да. Он любезно пообещал научить сына манерам. В это, конечно, мало верится, но я предупредил, что если Серёжа мне ещё раз пожалуется, я пойду в суд.

— А ты уверен, что ему нечем ответить?

— Я уверен в работе Маркуса. Если бы у Гриши были весомые доказательства, я бы здесь не сидел.

— Можно подумать, у Мара ошибок не бывает, — обеспокоенно вздохнула Ася. — Я иногда смотрю на него и не понимаю, как он всё это вывозит. Это же кошмар какой-то... Я бы с ума сошла.

«У меня к нему тот же вопрос».

— Маркус профи. За десять лет он мой бизнес изучил вдоль и поперёк, поэтому даже не думай об этом. Если он придёт ко мне и попросит помощника, я найду его, но пока всё и так порядком.

Костя отвлёкся на разбуженный экран телефона, глубоко вздохнул и беззвучно выругался. Девушка замерла в напряжённом ожидании. Она пристально проследила за быстрым движением Костиных пальцев сначала по сенсору мобильного, затем по клавишам ноутбука, и муж, уловив её состояние краем глаза, чётко произнёс:

— Я никуда не еду, Ась. Это не вызов.

Ася мгновенно опустила задранные плечи и тихонько подошла, чтобы увидеть происходящее на экране. Там в одном углу на трансляции с камеры внешнего наблюдения кто-то бежал, а в другом углу в каком-то чате Костя просил бросить охрану на объект.

— Кого-то занесло на частную территорию, — пояснил мужчина, — и пока начальника нет, любая тревога падает на мой пульт. Видишь? — Он указал на новое сообщение. — Группу направили. Как только разберутся, я получу отбивку и протокол. И всё.

— А если не разберутся?

— Поверь, сделают лучше всех. У них контракт на такие бешеные бабки, что они наизнанку вывернутся, лишь бы его не потерять.

Костя вышел из программы для мониторинга, выключил ноутбук и, взглянув на жену, стянул с себя галстук.

«Однажды я приду домой пораньше, ты завяжешь мне этим галстуком глаза и сделаешь со мной всё, что захочешь. Любое желание для лучшей женщины на свете. А пока...»

— Пойдём спать, — улыбнулся Матвеев, поднялся с офисного кожаного кресла и заключил Асю в мягкие чувственные объятия. Девушка с удовольствием ответила на глубокий опьяняющий поцелуй и, смеясь, велела в душе не задерживаться, чтобы не уснуть там.

«...а пока я так устал, что даже не могу сосредоточиться на твоём голосе».

Глава 5. Выходной

Миша стоял в аэропорту Шарм-Эль-Шейха и внимательно смотрел на уходящих молодых девчонок во главе с хозяином борделя. Коренастый, бородатый, одетый по-современному в джинсы и футболку, он уверенно прокладывал дорогу сквозь толпу гостей и местных жителей, а проститутки шли за ним, покорно, сдержанно, стараясь не оглядываться по сторонам.

Они приехали на неделю в рамках «культурного обмена» — спецзаказа, чтобы русские девочки обучили местных подобающему сервису. Видимо, египетские гости распробовали столичный интим-досуг, и бордели Шарм-Эль-Шейха серьёзно просели в доходе. Поэтому всю неделю четыре лучшие проститутки Маршала будут рассказывать, как заправлять постель, как общаться с клиентом, куда смотреть, и если заказчик останется довольным, то заплатит больше, чем прописано в договоре. По бумагам он задаток в половину суммы перечислит сразу, как девчонки окажутся в его борделе и приступят к работе, то есть уже сегодня. Остальное через неделю, когда Миша прилетит их забирать.

Он еле заметно усмехнулся. Яр наверняка вообразил себе какой-то хитросплетённый транзит с уговорами нужных людей и перекладными, хотя на деле в перевозке проституток не было ничего сложного. Миша напротив работу с девочками считал самой простой, потому что выдумывать нечего и незачем — забрал товар, оповестил, кого надо, привёз, куда надо, передал, отчитался, уехал. А вот неживые грузы порой мозги выворачивали наизнанку, и каждый раз мужчина рисковал жизнью и свободой. Он и раньше рисковал, когда работал в СВР*, но тогда о помощи теневому бизнесу не было и мысли. Жизнь ещё не дала к этому весомого повода.

Миша забросил на плечо небольшую спортивную сумку, в которой лежали документы, рабочий планшет, органайзер со средствами гигиены и минимальный набор сменной одежды. Времени в запасе до обратного рейса в Петербург — час пятнадцать. От аэропорта до борделя — полчаса на старой кляче, и Миша надеялся получить отбивку до того, как поднимется на борт. Особенно если возникнут проблемы, потому что нет никакой радости в побеге из самолёта за минуту до закрытия дверей. Так было, например, весной в Хургаде и в Париже три недели назад.

Мужчина с удовольствием вдохнул сливочно-кофейный аромат из ближайшего кафе и решил остановиться там на перекус. Он оплатил заказ, не глядя на терминал, забрал капучино в большом стакане навынос, пару сэндвичей и десерт, опустил это всё на столик недалеко от выхода и сел, убрав телефон во внутренний карман пиджака. Но стоило ему только на первом плотке распробовать вкус карамельного кофе, как раздался звонок.

— Да ладно, — со смешком ответил Миша. — Какими судьбами, адвокат?

— Не по твоей душе, не бойся. Хочу кое-что обсудить, и ты мне нужен сегодня в «Палкине» в девять. Отказы не принимаю.

— Ну-у... Обещай заплатить за мой ужин, и я точно приеду.

— А морда не треснет?

Миша рассмеялся и заговорил намного тише.

— Мар, ты же не дурак. И я не дурак. Тебе нужна информация, и мы оба знаем, какая, но просто так я её не выложу.

— Вот знаешь, — процедил адвокат после короткой паузы, — вроде мелочь — оплатить еду, а всё равно какая ж ты меркантильная тварь.

— Взаимно. Ты ещё и похлеще будешь. Да?

Собеседник раздражённо цыкнул на том конце провода.

— Не думаю.

И отключился. Миша на волне детского восторга улыбнулся так широко, что у него свело скулы.

«Цепную собаку Матвеева грех не подразнить».

У Миши получились очень сложные, неоднозначные взаимоотношения со старшим Беловым. Нельзя сказать, что мужчины друг друга едва терпели, но в день знакомства, как говорится, рыбак рыбака увидел издалека.

Они внимательно друг друга рассмотрели, аккуратно прошлись по наводящим вопросам, оценили перспективы и риски. После зацепились языками уже по-человечески, поняли, что оба сильны в словесном фехтовании, ввязались в это с удивительным азартом, и с тех пор условно каждая третья беседа превращалась в соревнование по иронии.

«Товар на месте».

— О, пора ловить валюту.

Миша переслал это сообщение Маршалу с комментарием обналичить долю Яра и подготовить её к перевозке завтра в десять утра. Сутенёр не ответил ни через пять минут, ни через двадцать пять, и мужчина, звучно вздохнув, отправился на поиски терминала для печати билетов.

«Надеюсь, ты мне напишешь, пока я лечу, а то мы с адвокатом устроим тебе весёлое ночное randevu».

Я закрыл ноутбук, отложил его как можно дальше и накрылся с головой тяжёлым одеялом. Идея разобраться в проектах Матвеева, которые Маркус детально и грамотно расписал в двух объёмных документах, оказалась провальной — бесконтрольно уплывая мыслями в тревожные фантазии, десятками плодившие варианты самого плохого исхода событий, я мало что понял и только зевать замучился.

Вторая бессонная ночь изломала; несколько поверхностных коротких снов остались в памяти бессвязным бредом, и после таких качелей тело будто выжали как тряпку. Хотелось позавтракать, но сил не было даже на утренний душ. Я наивно подумал, что изучение проектов меня хотя бы немного взбодрит и переключит голову на рабочий лад, но вместо продуктивности я получил ещё больший мысленный хаос и желание вообще сегодня не вставать. Уснуть опять и проснуться только вечером, после семи, чтобы в поглощающем беспокойстве не потерять весь день.

И всё же в половине первого я встал — удивлённый, растерянный, но заметно воспрянувший духом.

— Почему мне пишешь ты, а не Миша? — негромко спросил я, выбитый из колеи коротким сообщением от брата. Маркус отписался, что по сделке чисто, девки на работе, а Миша в пути. Мол, расслабься — он дослал это в следующем смс. Я с одной стороны действительно опустил напряжённые плечи и как следует продышался, но с другой опешил и тут же перезвонил.

— А разница? Ты изведёшься весь, пока он прилетит, а я облегчил тебе жизнь.

— О... Спасибо, конечно. — Я нервно прочистил горло. — И давно ты в курсе?

— Недавно. Вы вечером подписались, а утром мне доложили. — На несколько секунд в эфире повисла тишина, словно выключили микрофон. — Я ни во что не вмешивался, только поставил на контроль, но проводить такую сделку у меня за спиной было глупо.

— Я много чего глупого творю по жизни, но это мой выбор и мои риски.

— Яр, у меня нет желания сейчас упрекать тебя или обвинять, но я очень хочу, чтобы ты понимал: не каждый риск оправдан. Я знаю, что ты категорически против моей помощи, что тебе было гораздо проще пойти ва-банк, но не делай так больше. Никогда. Пожалуйста.

Маркус последние два слова жёстко продавил сквозь зубы, и я в трубке вновь услышал тишину.

— Я и не собирался. Это была единичная акция.

— Вот и прекрасно, иначе я тебе башку оторву.

Разговор закончился. Точнее, брат его закончил без обычного прощания. Буквально сбросил вызов и не дал мне возможности что-либо ответить, и в этом жесте проявилось его неподдельное бешенство.

Я очень редко на него нарывался, всегда по крайне серьёзным причинам, и теперь со страхом подумал, что у Маркуса из-за меня появились огромные неприятности.

Старший Белов отбросил телефон куда подальше, и тот, отпружинив от мягкого матраца на двуспальной кровати, оказался на полу экраном вниз. Мужчина крепко затянулся электронной сигаретой, бессовестно нарушив запрет отеля на курение в номерах; он далеко запрокинул голову и резко выдохнул густой сладкий пар, который ударился в потолок и расплылся по нему сероватой дымкой.

«Вторая за сутки... Остановись...»

Маркус ощущал никотиновый голод как чесотку и не мог разжать пальцы, чтобы выпустить из неё сигарету. Девяйс перемигивался голубыми огоньками, ярко светился жёлтым на вдохе, и с каждой затяжкой становилось легче дышать. Химическая сладость ягод заливала рот, адвокат, выпуская тяжелые облака, всё больше заваливался назад, пока совсем не опрокинулся на спину и не понял, что машинально ослабил хватку.

«Сейчас».

Один шанс, или это не прекратится. У Маркуса было максимум пять секунд — ошалелые мысли не дали бы большей паузы, но Белов уложился в них и со всего размаху отправил сигарету в распахнутое окно. Та стремительно пролетела вдоль старинного фасада бизнес-отеля «Гельвеция» и разбилась о тротуар.

«Такими темпами психушка улыбнётся мне быстрее, чем я ожидаю».

Маркус досадливо усмехнулся. За десять лет работы на Костю он сотни раз тайком баловал себя хорошим вином и тянул дорогой табак, несмотря на запреты. Матвееву нужен был адвокат, абсолютно трезвый и адекватный в любое время дня и ночи, но без нарушений в разумной мере такую работу никто не вывезет. И Костя наверняка знал, что его корпоративное табу изредка нарушается.

Больше всего проблем доставляла никотиновая зависимость. Адвокат закурил ещё до института; он бросал и начинал, бросал и снова начинал, и чем старше становился, чем активнее росли масштабы Костиного бизнеса, тем сильнее хотелось опереться на костыли, чтобы не упасть.

Он потому и злился — не на брата, а на то, что ситуация сработала для него как спусковой крючок. Она испугала его, потому что любая проволочка даст отличный повод авторитетам надавить на Яра и сделать его такой же цепной собакой, в какую Маркуса превратил Матвеев. Это заставило старшего брата сорваться, и теперь его состояние в норму придёт не скоро. Борьба с наваждением вернула броскую нервозность и вспыльчивость, и Маркус ожидал вопроса в лоб от Кости уже завтра с утра. И нет, оправдаться сложным понедельником не получится.

Никотиновая ломка задвинула на задний план чувство голода и жажды, но к вечеру стало заметно легче, и мужчина спустился в «Кларет» за круассаном и кофе. Какая-то симпатичная незнакомка за соседним столом настойчиво улыбалась, привлекая внимание Маркуса накручиванием пепельно-русых длинных прядей на палец. Адвокат на неё прямо взглянул в конце ужина и мягко покачал головой, отказав во внимании.

«Прости, но я не могу».

Он подозвал официанта, попросил его найти самую красивую открытку и подать её с десертом и оплаченным счётом. Минут через сорок он очень удивился, когда незнакомка из

кафе постучала к нему в дверь номера и, шагнув через порог, уронила к ногам бельевое платье до пола.

— Я знаю, что ты не можешь позволить себе большего, — промурлыкала девушка, — но и мне много не надо.

Гостья прижалась к нему, забросив руки на шею, и стала медленно наступать, вынуждая Маркуса пятиться до кровати. Она до последнего думала, что ведёт эту партию, даже рычала как тигрица, сидя сверху, но мужчина с небрежной улыбкой быстро опустил её до уровня проститутки, которых у него по три на неделе. Он также осадил наглую незнакомку в попытке вернуть себе главенство и завершить игру на своих условиях — он оставил её без окончания внутри, хотя она всеми силами этого добивалась.

— Если ты знаешь, кто я, — проговорил адвокат, наблюдая за сборами гостьи, — то зачем пыталась развести? Это же не твой уровень.

— Я пыталась не развести, а залететь, — с обидой отозвалась девушка. — Если бы хотела подоить, то принесла бы виски, но такое не в моих правилах.

— В следующий раз приноси. Подпишешь бумагу, что ни на что не претендуешь, и мы переспим так, как ты хочешь.

Гостья промолчала, поправила тонкие лямки платья на хрупких плечах и спешно покинула номер.

«Готов поспорить, она ко мне ещё придёт. А если нет, то для неё же лучше».

Маркус поднял рубашку с пола и мельком посмотрел на часы, висевшие над кроватью. Самолёт из Египта приземлился в «Пулково» час назад. Адвокат прикинул в уме время на дорогу до ресторана и на то, чтобы привести себя в порядок, но забавы ради опоздал на две минуты.

Мишу это не смутило, и он поднялся Маркусу навстречу с набитым ртом.

— Дожуй, — бросил адвокат, когда мужчины обменялись рукопожатиями. Он заказал себе стейк «Риб-ай» и мороженое, попутно заглянув в тарелку визави. — А я не понял, что так скромно?

— Я всё сожрал до тебя, — рассмеялся Миша. — Честно, Мар, я голодным приехал, как чёрт, и мне ждать было вообще не с руки.

— Надеюсь, по чеку десятки тысяч, а не сотни?

— Обижаешь. Там шатобриан и яблочный пирог, сезонка, очень рекомендую.

Маркус расслабленно откинулся на спинку стула. Он дал собеседнику спокойно доесть, и когда принесли его заказ, не отрывая взгляда от мяса, произнёс:

— Теперь давай по делу. Мне нужна информация по заказчику, потому что я его не знаю, и мои ребята тоже.

Миша согласно кивнул и придвинулся ближе к столу.

— По заказчику всё чисто. Бордель в Шарм-Эль-Шейхе, хозяину лет сорок, может, чуть меньше. Зовут Табит. Он часто бывает в Москве по делам и шарится по местным конкурентам. Маршал с ним работает очень давно, но предыдущего курьера убрали за длинный язык. Яр об этом как-то узнал и предложил меня. Собственно, я свою работу сегодня выполнил, точнее, первую часть этой работы, бабки уже у Маршала, и завтра я заберу у него долю Яра, чтобы он отвёз её Матвееву. Через неделю поеду девок забирать и получу вторую часть оплаты.

— Хорошо. Мужик болтливый или как?

— На твоё счастье закрытый как отшельник. Он знает о том, что Яр участвует в сделке, но он также знает и тебя, а такие проблемы ему не нужны.

— Ого... Вот этим ты меня очень порадовал, — оживился Маркус и улыбнулся с довольным прищуром. — Во сколько ты завтра будешь у Маршала?

— В десять. Он уже написал, что сумма готова.

— Прекрасно. Как заберёшь, отвези её ко мне в «Гельвецию», потому что Яру с ней лучше не светиться. Если предыдущую наличку он получил напрямую от банка, то с этой я буду колдовать.

— Нет, — возразил Миша, глядя Маркусу в глаза. — В сделке у Яра де-факто нет веса. Он только посредник и поручитель, а деньгами владею я, и я решаю, кому их передавать. Соответственно ты можешь получить наличку, но при условии, что заберёшь брата, и вы вместе поедете к Матвееву закрывать долг. Это для него дело принципа. Если не согласен, то я сам забираю Яра и везу его к Матвееву.

— Мне нравится, что в обоих случаях он не поедет один, — задумчиво отреагировал Маркус. — Это единственное условие?

— Да. Принимаешь его?

Миша протянул ему руку, и старший Белов уверенно её пожал.

— Принимаю.

*Служба внешней разведки

Глава 6. (Не)важные формальности

Костя широким жестом левой руки сдвинул стопку подписанных документов на край стола и вновь уставился на телефон. С утра перед выездом в офис он не выдержал и посмотрел фотографию с первой страницы досье, но в лице охранника ничего знакомого не увидел. Новый телохранитель обладал универсальной внешностью, малоприметной, «серой», не вызывающей никаких эмоций. Образцовая «тень». У Кости в охране двое таких ребят, но конкретно в этом крылось нечто особенное, и рутину субботнего утра мужчина пережил в смутном беспокойстве.

Он приехал домой и нетерпеливо заперся в кабинете. Подрядчик на что-то недвусмысленно намекнул; это «что-то» следовало найти, и Костя начал вгрызаться в каждую строку восьмистраничной биографии.

«Павел. Как иронично».

Матвеев изучил документ и вдоль, и поперёк, перечитал его снизу вверх и обратно, глубоко задумался и позвонил подрядчику.

— Даниил Юрьевич, — обратился он к собеседнику после взаимного приветствия, — можете объяснить, что с этим Павлом не так? Я уже всё перелопатил и ничего не нашёл, кроме того, что он... Павел, собственно.

— Да имя тут ни при чём, — глухо произнёс мужчина, точно хотел, чтобы его не услышали. — Я думал вам вчера после работы написать, но не успел, так что... В общем, не в парнишке дело. Он и сам, походу, не в курсе, что происходит, а вот мне где-то недели две назад по нему бумага пришла, мол, Константину Матвееву никого другого по запросу не предлагать. Я ещё так удивился. Мы же с вами напрямую всегда эти вопросы решали.

— И вы две недели об этом молчали? — неприязненно выдал Костя. Накативший гнев собрался напряжением в районе плеч и вырвался бы наружу, если бы на вдохе Матвеев не запнулся. Он на доли секунды замер; до него с ощущением резкого ледяного дыхания где-то внутри дошло, в какое шаткое положение только что поставил себя Даниил Юрьевич, и Костя мысленно порадовался, что подрядчик не упрёкнул его за хамский тон. — Извините. Когда закончим, сотрите, пожалуйста, запись этого разговора. Пускай все думают, что я ничего не знаю, но очень прошу вас: не слейте себя сами, потому что я не хочу искать вам замену.

— Вот извиняться вы умеете, — с еле заметной улыбкой ответил мужчина, — а вот банальное «спасибо» так и встаёт вам поперёк горла.

— Даниил Юрьевич, вы же знаете. Вам важнее слово или то, что я делаю вместо него?

— То, что вы делаете, Константин, заменяет тысячи таких «спасибо», но до мозгов это долго доходит. Люди хотят формальности. Как вы там говорите, «бездушные» слова их успокаивают, потому что это социальная привычка. А без этого вы тиран. Я так вот и услышал недавно: тиран, который никого не ценит, особенно своего адвоката.

— Неправда. За Маркуса я кому угодно глотку выгрызу, но если народ думает иначе, я не буду его переубеждать.

— А стоило бы, потому что ваше упрямство и принципы создают Маркусу кучу ненужной работы. Как ни посмотрю, он вечно за вас оправдывается. Вечно от кого-то отбивается. Ему прохода не дают, а вас как будто всё устраивает.

— Я его за этим и нанимал, а вы, извините, лезете не в своё дело.

— Извиняю. Могу не продолжать, мы попросаемся, и всё. Но я вижу, что вы свернули вот на такую же дорожку, как мой Витя, только он глупый был, а вы умный. Что такое? — Даниил Юрьевич отвлекся, убрав телефон от уха, и Матвеев услышал, как его собеседника кто-то с молодым мужским голосом попросил подойти к воротам. — Что ж, Константин, и

правда прощаемся. Насчёт записи не волнуйтесь, она и не велась, а вот над словами моими подумайте. Доброго дня.

— Доброго, — устало вздохнул Костя, положив трубку.

«Витя борзый был и адвоката пользовал как затычку во все дыры. Я, конечно, не спорю, у меня Маркус тоже как бессменный солдат, но я не помню, чтобы он жаловался на свою работу».

«Марина тоже не жаловалась и загремела в дурку».

«И что? Маркусу дурка не светит, а у Марины терапия была ещё до адвокатской практики. Так что не сравнивай».

Костя заулыбался, невольно втянутый в оживлённый диалог с самим собой, но отрывочные воспоминания вскоре выпрямили губы в жёсткую линию.

«Витя знал о Марине всё, а я дал Маркусу слово не лезть в его личную жизнь. Котлеты у нас отдельно, мухи отдельно. Он сам решает, как распорядиться временем и деньгами, а я не задаю вопросов. Это разве не максимальный уровень доверия и заботы? В моём окружении никто так не делает, у всех адвокаты как собаки, а у меня вольная птица. Даже в работе у него полная свобода выбора. С хрена ли я тиран?»

Матвеев глубоко вдохнул, задержал дыхание, выдохнул и, хмурый, откинулся на высокую спинку кресла. Браузер телефона по запросу выдал несколько последних новостей; Костя доверился адвокату настолько, что давно перестал отслеживать инфополе, и за несколько лет Маркус его замкнул на себе. Мужчина сосредоточенно просмотрел десятки статей, в которых личного юриста забросали домыслами в части его работы, а также наплодили сплетен и громких заголовков, то порочащих его имя, то наоборот обеляющих.

«Он вечно за вас оправдывается».

«Да, и делает это виртуозно», — подумал Костя, досматривая новостной ролик недельной давности — Маркус тогда отбил от журналистов после победы в деле о клевете. Особо наглые представители каналов едва не задели адвоката по лицу микрофоном, висевшем на пантографе, и Костя не смог не восхититься, как профессионально Маркус владеет эмоциями на публике. Толпа репортёров готова порвать его на части, а он с интеллигентной улыбкой спокойно парирует каждый выпад, оставляя без единой зацепки для очередной сенсации.

«Мне с таким адвокатом никакой PR-менеджер не нужен. Он тащит на себе всю мою репутацию, но если бы задолбался, то пришёл бы и сказал. Я же его знаю. А раз не приходит, значит, это не критично, и я тут не виноват. У него, может, вид уставший, потому что он ночами с проститутками резвится вместо того, чтобы спать, а я тиран теперь из-за этого».

Костя отложил телефон и со скрипом себе признался, что неприятные слухи его задели. Он всегда выкладывался на полную, старался для семьи, для коллектива и компании в целом, пусть даже не совсем привычными способами. А с адвокатом у них сложились особые отношения; Костя взял Белова-старшего сразу после института, вырастил специалиста под нужды бизнеса, потратил на это годы, погрузил его в процессы, доверил всё самое важное и секретное, поставив на одну планку с семьёй. И после этого народ упрекнул его в тирании, что стало обидным ударом исподтишка.

Матвеев разблокировал экран телефона и в поле набора номера зажал единицу.

— Я хочу поговорить. Ты сильно занят?

— Нет, — отозвался Маркус после краткой заминки, — но при такой формулировке я готов сорваться ближайшим рейсом. В чём дело?

— Не надо никуда срывать, — улыбнулся Костя. — Я тебе не как адвокату звоню, а как партнёру и, наверное, другу, если позволишь.

— Боже, Костя...

Маркус отключился. Несколько секунд Матвеев ошарашенно смотрел в экран, пока на нём не появился входящий видеозвонок.

— Я хочу тебя видеть, потому что у меня чёткое ощущение, что тебя огрели лопатой по голове, — серьёзным тоном озвучил адвокат, и Костя расхохотался на весь кабинет.

— Огрели, конечно, но не лопатой. Да и я вроде нормально выразился, разве нет?

— Нормально? За одну твою реплику я дважды оказался в тупике. Во-первых, мы работаем с тобой одиннадцатый год, и последние лет семь ты не спрашиваешь, удобно мне или нет. Ты звонишь и сразу выкладываешь суть, и я сразу — или почти сразу — еду и разгребаю. А во-вторых, дружба у нас — явление само собой разумеющееся, и твоё «наверное, если позволишь» меня покорило.

— Ну, прости, — смешливо откликнулся Матвеев и плавно вернулся в состояние тревожной задумчивости. — Ты даже не представляешь, как много раз я пытался с тобой поговорить, но ты в разъездах вечно, а я разрываюсь между семьёй и работой. И вроде бы я тебе многое доверяю, вроде мы очень близко общаемся, кучу всего друг о друге знаем, а как обозначить наши отношения, я не понимаю. Не было этой формальности... сука...

Костя отвернул камеру, ощутив, как его плечи снова начали деревенеть от злости. В этот раз на себя — игнорируя все проформы, он только что сам же поймался на одной из них, и Маркус не понял его нервного смеха.

— Ты точно уверен, что мне не нужно приезжать?

— Точно, — порывисто ответил Костя. — Я тебе дальше всё расскажу, а сейчас давай уже договоримся, дружба у нас или что.

— Я бы сказал, что это гибрид из дружбы, родственности и деловых отношений. Мы можем обсуждать и личное, и рабочее, можем ругаться и не соблюдать субординацию там, где она не нужна. Ну и если уж мы говорим откровенно, то я долго привыкал к твоей особенности нащупывать границы дозволенного без слов. То есть ты меня планомерно подвёл к тому, что я теперь спокойно реагирую, когда ты не здороваешься, не спрашиваешь, как дела и всё ли в порядке, не жмёшь мне руку и так далее — список можно продолжать бесконечно. С одной стороны получилось очень тесное взаимодействие, где формальности лишние, потому что работа идёт непрерывно, а с другой стороны ты словно видишь меня насквозь, и тебе не нужно что-либо спрашивать. Или не важно. И я свыкся именно с тем, что не важно, потому что ты в принципе за все годы ни разу не спросил о моей жизни. Потом уже я с опытом понял, что моя жизнь — это работа, и нет смысла задавать глупые формальные вопросы.

— Вот из-за этих самых глупых формальностей я тебе и позвонил. Даниил Юрьевич меня кое-чем огорошил буквально полчаса назад, и я хочу понимать, насколько всё плохо.

Маркус удивлённо повёл бровями. Костя ему в деталях пересказал недавний разговор с подрядчиком и впервые открыто поделился ворохом эмоций и тягостных переживаний.

— Спасибо, что позволил увидеть себя таким незащитным, — тепло произнёс адвокат. — Это бесценно.

— Не за что, — отмахнулся Матвеев. — Лучше скажи, эти слухи могут быть связаны с угрозой на парковке?

— Да, могут, потому что любые сплетни я узнаю в тот же день, как они появляются. Тут либо мои ребята не в тех местах уши греют, либо кто-то очень хорошо знает, как я работаю. И тут тоже два варианта: либо Даниил Юрьевич — подельник, либо — случайный свидетель. Это уже выясню послезавтра, когда буду в Москве.

— Хорошо, — согласился Костя и вытер ладонями лицо, чтобы вернуть ему выражение деловой собранности. — Ася вчера спрашивала, как ты всё это выводишь. Я ответил, что для такого профи нет ничего невозможного, но по факту у меня тот же вопрос. Как? Как ты ещё не сторчался нахрен...

Теперь настала очередь Маркуса хохотать во весь голос.

— Наверное, потому, что ты мне всё запретил? В какой-нибудь очень редкий свободный вечер я могу выпить один бокал вина в ресторане с красивой дамой, и то нет никакой

гарантии, что я не прыгну за руль через пять минут. Сколько раз уже было — красotka того гляди разденется, а мой максимум — это чпокнуть её в уборной, потому что времени нет на всякую романтику. Не каждому такое под силу. Это настолько высокая моральная нагрузка, что реально можно либо спиться, либо сторчатся, но я, во-первых, эту профессию и жизнь выбрал сам, а во-вторых, у меня очень грамотный психотерапевт. Его работа и есть ответ на твой вопрос.

Матвеев понятливо закивал, и цепкая тревога сжалась внутри до маленького комочка. Мужчины провели за расслабленным диалогом ещё несколько минут; под конец адвокат начал собираться на очередную встречу с «теневыми» партнёрами, и Костя попрощался с ним, наполненный смесью благодарности, горечи и стыда за то, что одно простое напутствие так его встряхнуло.

«В том, что у Маркуса нет ничего, кроме работы, вина моя и только моя. Но я допустил это не как тиран, а как махровый эгоист, а это уже совсем другой разговор».

Глава 7. Воскресная композиция

— Перезвоните мне завтра в рабочее время. Да, завтра, вы не ослышались. Я сейчас не в том положении, чтобы обсуждать такие вопросы.

Ася беспокойно покосилась на мужа. Он высказался жёстко, тоном, на который мало кто осмеливался возразить, но несмотря на приглушённый голос, парочка родителей обратили на Костю внимание. Ася поёжилась. Следователь Семёнов разместился на одну трибуну выше и сел чуть левее — он выбрал удачное место, чтобы во все глаза наблюдать за каждым движением Кости, слушать их разговоры и при случайной встрече глазами улыбаться. Делать вид, что любит красивую женщиной, а вовсе не ищет повода упечь её мужа за решётку. И как назло, старший Матвеев не мог отойти, потому что младшему важно его видеть с поля во время игры, но и оборвать этот бесцеремонный разговор тоже не мог.

— Антон, у меня единственный выходной, я вас очень прошу перенести разговор на завтра. Во-первых, потому, что вопросы по сделкам не обсуждаются в толпе, а я при всём желании не могу покинуть место, в котором нахожусь. И во-вторых, у моего юриста законный отгул, а без него я в дела не полезу. Насколько помню, вы тоже без Алексея ничего не решаете, верно?

Серёжа пробежал мимо трибун и помахал отцу высоко поднятой рукой. Мужчина с радостью помахал ему в ответ, как будто ничего не происходило, но Ася видела, каких трудов ему стоила маска непринуждённости. Костя разговаривал по телефону через маленькую гарнитуру, поворачивая голову к жене, и девушка старательно ему подыгрывала.

— Хорошо, Антон, давайте так: я через два часа освобожусь и позвоню Маркусу. Если он готов уделить полчаса на обсуждение самых критичных вопросов, мы их обсудим. Если нет, тогда согласуем время на завтра. Договорились? Да, через два, не раньше. Нет, Антон, при всём уважении к вам я также уважаю себя и Маркуса и наше право на отдых. Оно в Конституции прописано. Вы же ничего не имеете против Конституции? Вот и прекрасно. Тогда я перезвоню, ожидайте. Хорошего дня.

— У тебя не клиенты, а сволота какая-то невоспитанная, — поделилась недовольством Ася, когда муж успокоил себя долгим выдохом. — Можно же как-то один день потерпеть?

— Это новый клиент, Ась, — отозвался Костя. — Он, походу, не в курсе, что я по воскресеньям делами не занимаюсь. Максимум подтверждаю договорённости.

— И что? Опять уедешь?

— Нет. Мы поедem в Сити. Я вас оставляю в каком-нибудь кафе минут на сорок, а сам вернусь в машину и там уже поговорю с клиентом. Ну и на обратном пути куплю Серёже наушники, чтобы он мои не таскал.

— А ты уложишься в сорок минут?

— Конечно. Маркус и этого времени может не дать. Он там в Питере по мостам гуляет, поэтому я даже звонить ему не хочу. Но придётся.

— Сдались ему эти мосты. Он же к брату ездит. А кстати, — с оживлением Ася развернула к мужу плечи и посмотрела на него распахнутыми глазами, — давно хотела узнать: как Мар смотрит на то, чтобы привезти Яра в гости? Ко мне в гости, естественно.

— Так спрoси у него сама, — улыбнулся Костя, поймав её по-детски широкий взгляд. — Возьми телефон, позвони, назначь дату. Только предупреди меня, если вечером соберётесь, чтобы я в отель уехал, а не домой.

Ася опешила.

— Какой отель, Кость? Я же не в ночь его приглашаю. Нет, ну если Мар попросит подождать до вечера, чтобы они вместе приехали, то ради бога, но допоздна я их держать не буду.

— Так я про ночь и не говорил, — с лукавством ответил мужчина. — Зачем я буду ночевать в каком-то отеле, если можно спать дома? — Он наклонился ниже и прошептал Асе на ухо: — И давно ты так задней мыслью фантазируешь?

Девушка непонимающе качнула головой. Осознание догнало её немного позже, она выдала нервный смешок и посмотрела на мужа с плохо скрываемой напряжённостью.

— Это очень плохая шутка.

— А я не шучу. Даже наоборот, предлагаю обсудить это на досуге.

Матвеев отстранился от супруги, внимательно проследил, как растеклась по её лицу волнительная бледность, и в тихом смехе затрясся, игриво прикусив нижнюю губу.

— Аська... Я не знаю, о чём ты думаешь, но, походу, твоя фантазия тебя уже расчленила и закопала. Расслабься.

— Не могу. Ты сыграл на каких-то своих домыслах, и мне теперь некомфортно.

— Да? Боишься, что я... — Костя запнулся, благоразумно проглотив остаток фразы, и аккуратно поцеловал жену в лоб. — Ладно, извини. И расслабься, правда. Я знаю, что я мудака, но не до такой степени.

— Я подниму эту степень до небес, если ты не объяснишься.

— Да не вопрос, — улыбнулся он снова. — Перед сном изолю тебе душу. Ну а ты всякую дрянь из головы выброси, а то она у тебя через глаза просвечивает.

Ася вздохнула и отвела взгляд, едва подняв уголки губ. Она даже краешком мысли ни разу не помещала фигуру Маркуса в эротический смысл. Ей никогда не приходило такое на ум. Не приходило же?

Девушка сцепила пальцы и вытянула руки вниз, будто незаметно потягивается — раньше, чем скованное тревогой тело успело невольно дёрнуться. Это не первый раз, когда муж позволил себе пошлые вольности. Он посадил жену дома, верил ей всё домохозяйство, ребёнка, свободное время, оградил от работы и нервотрёпки, взялся полностью содержать расходы на каждый чих, и Ася прыгнула в такую жизнь с удовольствием, оставив подвешенным только вопрос времени — до первого намёка на взгляды по сторонам из золотой клетки. А намекал Костя очень изощрённо. Это специфическая игра, в которой он словно раскачивал маленькую лодку посреди глубокого озера и наблюдал, останется ли в этой лодке его жена или бросится в воду искать помощи у другого лодочника.

Жена сидела до последнего. Держалась за борта, ложилась на дно и также наблюдала. Она понимала, что муж проверяет не только её, но и себя, потому что самое дорогое в его жизни находится в стенах дома, и даже маленькая трещина в нём лишит его шаткого равновесия, которое он с таким трудом удерживает.

И всё же Ася поникла. Раньше Костя подкалывал и подначивал, аккуратно щекотал нервы, но не откладывал разговор и тем более не предлагал обсудить. Она же никогда не давала ни малейшего повода. На чём он её поймал?..

«У твоего подсознания губа не дура. Понимаю».

Костя подловил жену, как и раньше, но не ожидал, что она испугается. Это его расстроило. Фривольный разговор, который должен был закончиться так же, как заканчивались остальные подобные до него, сломал привычную систему и потребовал детальной ясности.

Матвеев из-за этого с трудом выждал обещанные два часа. Он, насколько мог, постарался не отвлекаться на мысленную жвачку в общении с сыном, закрылся в машине, вдохнул как следует, выдохнул и максимально включился в рабочие дела.

— Слушаю, — проговорил Маркус. Костя нахмурился.

— Что у тебя с голосом?

— Ничего. Я лежу лицом в подушку. Какой голос ты хочешь услышать из этого положения?

— Честно? Вообще никакой. Я надеялся, что ты выкинул телефон, и мой новый клиент пошёл бы лесом до завтра.

— Что за клиент?

— Антон Колосов. Хочет выкупить землю на двух участках. Он устроил мне вынос мозга на сорок минут, и теперь я должен ему перезвонить и сказать, будешь ты с ним разговаривать или нет. Один я в эти дебри не полезу, а ты имеешь право отказаться. Он в курсе об этом. Так что решай.

— Решил уже. Перезванивай, но больше часа я ему не дам. Это лично моё условие.

— Я тоже не дам. Надо в полчаса уложиться, потому что семья меня в ресторане ждёт. У тебя что, с Антоном какие-то тёрки? — уточнил Костя после короткой паузы. — Я прямо по тону слышу, как ты оскалился.

— Да он конченный. У меня с ним личные счёты по давним делам. Ты, если не трудно, попробуй с ним особо не артачиться, потому что эту роль я целиком заберу на себя. Я буду курировать эту сделку наравне с тобой, и объяснять правила нашей игры тоже буду я.

— Звучит как попытка реванша. В детали меня посвяти, чтобы я не облажался.

— Угу, — промычал адвокат, не раскрывая рта. — Одеться надо, или мы без видео?

— Без.

— Отлично. Тогда перезванивай.

Маркус отключился. Костя передёрнул невольно сдвинутыми вперёд плечами. Он словно сжался — и внешне, и внутренне. Уклончивое адвокатское «угу» вытянуло наружу его смятение, тщательно спрятанное после разговора с Асей, и по телу прокатился колючий импульс гнева. Сначала клиент, потом жена, следом юрист. Очень мерзкое совпадение. «Закон пачки*» в действии.

«Пиздец какой-то, а не выходной. Надо эту сраную воскресную композицию с Антоном закольцевать и выключить нахрен телефон».

Костя набрал клиента, подключил адвоката и через пару минут разговора, где ему досталось несколько дежурных реплик, почувствовал себя пассивным наблюдателем. Удивительно воодушевлённый Антон ответил вызывающей наглостью на железобетонную принципиальность Маркуса. Тот согласовал из восьми требований только два, остальное в ультимативной форме перенёс на завтрашнее утро, самое начало рабочего дня.

— Письмо с деталями встречи у тебя на почте, — подытожил адвокат всё тем же безэмоциональным голосом. Он с момента приветствия обозначил им серьёзный противовес живому экспрессивному голосу Антона, и Костя не сдержал улыбки, наблюдая за невидимой борьбой. — Планируй на неё где-то около двух часов и Алексею передай, что явка для него обязательна, раз он сегодня не смог. Это всё.

— Это значит закончили?

— Да. Я передаю слово Константину и отключаюсь. Всего хорошего.

Маркус вышел из конференции. Костя выдержал паузу, ожидая, что клиент захочет остановить его, но Антон промолчал, пожевал что-то в трубку и цокнул языком.

— Ну ладно, сойдёт и так. Вы что-нибудь скажете мне на прощание, Константин?

— Да. Я хочу ещё раз напомнить, что воскресенье у меня нерабочее, поэтому на будущее огромная просьба иметь это в виду.

— Когда у меня возникнут вопросы, я в календарь смотреть не буду. В моём бизнесе любую проблему нужно решать здесь и сейчас, и кто из вас поднимет трубку, вы или ваш адвокат, мне абсолютно без разницы.

— Антон, это очень грубо с вашей стороны. Моё право на отдых закреплено законом, и кем бы я ни был, его никто не отнимет. У меня есть семья, жена, сын, и я даже не по закону, а чисто по-человечески должен проводить с ними хотя бы один день в неделю. Разве я неправ?

— Не надо говорить о семье. Вы прекрасно знаете, куда залезли и с кем работаете.

— Знаю. Давайте на этом закончим.

Собеседник равнодушно хмыкнул. Костя попрощался с ним и досадливо поморщился, взглянув на электронное табло со временем.

«За эти мысли я буду тысячу раз козлом, но как же мне сейчас хочется пива, а не вот этих семейных посиделок...»

Именно сейчас, когда клятвенно обещал никуда не срываться и провести весь день как обычная нормальная семья. Когда наконец-то приготовился выдохнуть в окружении самых дорогих людей, но понял, что их присутствие и забота — совсем не то, что могло бы снять его чудовищное внутреннее напряжение.

Мужчина вернулся к жене и сыну с большим опозданием, вручил заскучавшему Серёже наушники, а жене цветы. В его глазах Ася мгновенно разглядела опустошённость, которую никто другой, кроме неё, во всех нюансах не видел, поэтому глубоко за полночь, когда Матвеев-старший вернулся из кабинета и лёг в постель, Ася предложила поговорить в другой раз. Костя отказался.

— Нет, я хочу сегодня. Это важно. И я обещал.

*Непонятная способность однородных событий группироваться друг с другом, подобно бумажным листам в пачке.

Глава 8. Долг

«Я изучил проекты и готов подумать над ними, когда верну долг».

Сообщение в мессенджере улетело Маркусу в начале девятого, сразу, как я вышел из душа. На самом деле я ничего толком не посмотрел и очень поверхностно понял материал, но в смятении после вчерашнего разговора дал положительную отмашку, потому что ничего лучше не придумал. С самого начала, с момента, когда мне рассказали про курьера Маршала, здравый смысл точно испарился. Я действительно поверил, будто сделка наилучшим образом пройдёт мимо брата, и он никогда ни о чём не узнает. Слепая наивность убедила, что за пределы нашего столика информация не просочится, и вчера я закопался в чувстве стыда от мысли, как можно было в отчаянии так помутиться рассудком. Напрочь забыть, что куда ни плюнь, тебя в этом городе знает каждая вторая собака, а Маркуса — каждая первая, поэтому если в округе ты не видишь никого знакомого, это не значит, что не видят тебя.

Вчера я подумал, что самое страшное позади, потому что дико боялся реакции брата. Сегодня утром понял, что у Маркуса хватило моральных сил не устроить разнос по телефону, и теперь неясно, худшее в прошлом или только ещё маячит на горизонте. Причём худшее для кого? Для меня или брата?

Я уронил голову на руки, сидя за барной стойкой в кухонной зоне, постарался в таком положении замереть с опущенными веками на несколько минут и представить, как мысленная каша смывается в унитаз. Уплыла она с дьявольской неохотой; пустая кружка после кофе машинально оказалась у рта, но меня встретила только засохшая пена на чёрных стенках. Я расстроился. Мне не хватило одного глотка для символического выхода из медитации, и чтобы ради него не расходовать новую капсулу, я жадно хлебнул холодной воды. С непривычки она взбодрила не хуже ристретто.

«Жалко, что эффект одноразовый. На постоянку не пойдёт».

Экран телефона включился от новых уведомлений. Календарь оповестил о скором выходе, банк — о зачислении денег, сообщения по текущим проектам из мессенджеров образовали длинный список, пока моё сознание полоскалось в туалете. Входящий лид я сразу перенаправил коллеге, но тот перезвонил, недовольный, через двадцать минут, когда меня уже несло попутным ветром к машине.

— Зачем ты мне её скинул? Она же чётко написала, что ей нужен именно ты.

— Сев, поверь, они все так пишут. Я уже своих едва тяну, куда мне ещё?

— Ну туда, не знаю. Я ей позвонил, а там такая стервозная мадам. Говорит, мол, ничё не знаю, переводы обратно, я работать буду только с ним. Я и отвечаю, типа, что, по-вашему, я не компетентный? Она фыркнула и такая «нет, но у вас нет опыта с такими запросами». Короче, забирай её нафиг. Весь понедельник мне с утра испортила.

— Я тут не виноват. У меня реально каждая вторая заявка такая, как будто я последняя надежда человечества.

— Да это из-за Маркуса по-любому. К нему напрямую на сраной кобыле не подъедешь, а через тебя можно ход конём устроить. И попробуй потом докажи.

— Маркус-то докажет. Ему такие знакомства никуда не упёрлись, и если он реально поймает за руку на этом, будет нехорошо.

— Правильно, зачем московскому авторитету какая-то челядь.

— А ты не завидуй.

— Было бы чему завидовать. Я не мечтаю о жизни, в которой меня каждый день пытаются грохнуть. — Я промолчал, захлопывая дверь машины. Сева шмыгнул носом. — Ладно, я слышу, ты в тачку сел. Отвлекать тогда не буду. Но ты потом расскажи, что эта стервозина от тебя хотела, окей?

— Угу, — промычал я и задумчиво постучал пальцами по рулю. — Мы же с тобой одинаково понимаем слово «авторитет»?

— Ну... Наверное. Про Маркуса много всякой дичи несут, но конкретно я ничего криминального не имел ввиду. Хотя, честно, Яр, не удивился бы, уж прости. Он там у тебя в таких кругах вертится, что наоборот нонсенс — ни в чём руки не измазать.

— Тогда почему ты думаешь, что его постоянно хотят убить?

— Потому что он уголовный адвокат. Ты фильмы, что ли, не смотрел? У крупных бизнесменов личные адвокаты тоже на мушке. Мало ли чем занимается Матвеев? Про него такое пишут, ты бы знал.

— В чём замешан Матвеев, если вообще замешан, к тому мой брат не имеет никакого отношения, и я это знаю наверняка. Так что давай без фантазий.

— Окей. Если все эти слухи — бред собачий, я же только рад.

— Прекрасно. Скинь мне заявку, и я поехал.

Сева бросил её немедленно с приложенной записью разговора. Мы попрощались. Пока выезжал на Малый проспект, я шутливо передразнил новую клиентку с приторным упрямым голосом и набрал её после светофора на четвёртой линии.

— Карина, добрый день, это Ярослав. Мой коллега сказал, что вы хотели слышать исключительно меня. Чем могу помочь?

— Добрый, добрый, — промурлыкала в трубку молодая девушка. — Я хочу обсудить одно дело, но по телефону не могу. Мы сможем встретиться?

— Сегодня? Вряд ли. У меня понедельник всегда очень загруженный. Можете хотя бы в двух словах обрисовать суть? А то вдруг я не ваш исполнитель.

— Мой, стопроцентно мой. Но я действительно не могу по телефону. Может, всё-таки найдёте полчаса для красивой девушки?

— Карина, простите, но у меня среди заказчиков много прекрасных женщин, и если я буду под каждую менять расписание за одни красивые глазки, грош мне цена как эксперту. Давайте завтра в двенадцать. Или совсем с утра, если вам удобно.

— Не очень, — драматично вздохнула собеседница. — Я буду после смены, но если уж других вариантов нет вообще, то давайте с утра.

— Прекрасно. Тогда предлагаю ресторан «Балтия» на Смолячкова, бронь столика на девять утра. Согласны?

— Да. Я там однажды была, мне понравилось. А кто оплачивает счёт? — спросила она, рассчитывая, очевидно, на мою мужскую природу, но я безжалостно разбил её ожидания.

— Каждый платит за себя. Мы с вами будем на деловой встрече, а не на свидании, поэтому я воспользуюсь правом на отдельный счёт.

— Эх, не джентельменская история... Ну ладно. Завтра тогда увидимся, Ярослав. И если вам не трудно, пожелайте мне удачи перед сменой. Она мне сегодня о-о-очень пригодится.

— Удачи, Карина. До завтра.

Я положил трубку.

— Стервой она была только с тобой, а со мной она бесстыдно флиртвала.

Голосовое сообщение улетело в наш с Севой чат. Мою серую «BMW-7» восторженными глазами окинул какой-то молодой парнишка из неприметной иномарки на соседней полосе. Он толкнул водителя, мол, посмотри, какая карета; тот вытянулся из-за руля, скептически повёл бровями и вновь уставился на дорогу, а мы с пассажиром переглянулись. Он разулыбался во весь рот и показал мне поднятый вверх большой палец, кивнув на машину. Я дружелюбно махнул рукой в ответ.

«До этой красотки тебе расти и расти. Она и мне тяжело досталась. Моя первая тачка и полгода не прожила, я её разбил, а на второй около четырёх лет отъездил, пока копил на новую. Зато теперь не стыдно сказать, что эта роскошь у меня заслуженная».

Светофор переключился, иномарка рванула вперёд, а я плавно тронулся, как будто спешка на перекрёстке у Благовещенского моста потеряла всякий смысл. На другой стороне разводной переправы меня вернуло в реальность Мишино сообщение; Маршал отдал ему деньги, и друг уже мчался на всех парах к офису на Обводном.

— Знаешь, что меня бесит? — озвучил я, когда мы встретились на парковке бизнес-центра. Он махнул головой в немом уточнении. — Что я отдам эти деньги не брату и не Матвееву лично, а какому-то леваку.

— Не парься, — поддержал Миша, закинув на спину рюкзак со спрятанным внутри кейсом. — Левак проверенный. Они с Маром в контрактах, но крысячить за его спиной он не будет.

— Уверен?

— Естественно. Ты бы крысячил, зная, что тебя за это закопают? Я думаю, вряд ли.

Я недоверчиво потоптался на месте, пока друг не дёрнул меня за собой. Он напористым шагом дошёл до стойки регистрации, назвался и попросил девушку известить о нас Романа Сергеевича.

— Минуту, — проговорила сотрудница, подняла трубку стационарного телефона и вызвала нужного человека на первый этаж. — Можете пока присесть на диванчик. Он сейчас за вами спустится.

Я с удовольствием плюхнулся на кожаный гостевой диван, положив ногу на ногу. Миша остался стоять. Его цепкий пронзительный взгляд изучил каждый угол просторного холла, и пока я наблюдал за другом, он заметил Романа ещё на выходе из лифта у дальней стены — я понял это по тому, как он замер и подался юристу навстречу. А мне человек в чёрном строгом костюме — суетной, осанистый, лощёный — попался на глаза уже у турникетов.

«Мне бы твою соколиную зоркость».

Хотя о чём речь вообще? Где я и где бывший сотрудник разведки...

— Здравствуйте. — С открытой широкой улыбкой Роман прошёл через турникет. Они с Мишей обменялись крепким рукопожатием, но я заметил, как юрист озадачился на долю секунды, взглянув на меня глубоко посаженными карими глазами. Очевидно, мужчина хотел поздороваться прежде со мной, но мой друг стоял ближе к нему на несколько шагов, и было бы странно его проигнорировать.

— Ярослав, — обратился ко мне Роман, проведя нас через дальний боковой вход со створками, как в метро, — вы не представляете, как у меня поднялось настроение от нашей с вами встречи. Когда Маркус мне вчера позвонил, я чуть не подпрыгнул от радости. С ним-то мы каждую неделю видимся, а с вами вроде в одном городе живём, даже в одном районе, если не ошибаюсь, и всё никак не пересечёмся за столько лет.

— Вы могли бы написать мне напрямую. Я бы не отказал, потому что вы не клиент. У вас тоже квартира где-то на Васильевском?

— Да, на Приморской.

— Понятно. Я в эту сторону мало езжу. У меня вся работа, в основном, в центре и не по графику, как у вас. Вы в десять утра уже на смене, а я только встаю, и вечером вы уже спите в одиннадцать, а я только домой приезжаю. При такой жизни можно годами не видеть даже собственных соседей.

— Вы успеваете отдыхать?

— Ещё бы. У меня три-четыре загруженных дня против вашей пятинедневки.

— Вы заставляете меня завидовать.

— Да не стоит. Уйдите из найма, потратьте несколько лет на сбор контактов, сделайте имя и репутацию, а там и посмотрите, где окажется ваша зависть.

— Я ж по-хорошему, Ярослав. Работа на себя — не мой формат, но раз уж вы сказали, что у вас есть свободное время, и разрешили вам лично писать, я возьму это на заметку. Мы, кстати, пришли. Заходите.

Роман открыл дверь кабинета. За диалогом мы поднялись на третий этаж, миновали длинный светлый коридор и остановились перед стеклянной матовой непрозрачной дверью с табличкой «Чернов Роман Сергеевич. Заместитель руководителя юридического департамента». Я невольно рассмеялся.

— Чернов и Белов, — ответил на удивлённый взгляд мужчины. — Один в Питере, другой в Москве. Мне говорили, вы не ладите с Маркусом, и меня очень повеселила эта ирония. Простите.

— Ничего, — произнёс Роман, заперев кабинет на ключ изнутри. — Вы не первый, кто заметил эту злую шутку. Смешнее было, когда мы работали в одном офисе, здесь, и я вам, положа руку на сердце, говорю, что с вашим братом было очень тяжело работать. Они с Костей... С Константином нашли общий язык, и я рад, что он уехал в Москву. Не в обиду вам, Ярослав.

— Да какие обиды... Мы с Маркусом тоже начали нормально общаться только после его отъезда. Работа в одиночку — это его стезя, он там как рыба в воде, а здесь ему было очень тесно, поэтому злиться на него бессмысленно. Если хотите, могу вас попробовать помирить, — предложил я и забрал из рук юриста пару скреплённых степлером листов. На одном — типовый акт приёма-передачи денежных средств, на другом — акт произвольной формы о полном погашении задолженности. Второй предназначался мне. Миша такой экземпляр не получил.

Тем временем Романа моё предложение смутило, и он нерешительно затеребил пальцы, невзирая на зажатую в них ручку.

— Я не уверен, что это возможно. У нас разногласия не только личные, но и рабочие, там всё гораздо сложнее, чем может показаться, и я бы не хотел посвящать вас именно в рабочую часть отношений. Она, во-первых, под NDA, а во-вторых, я пока не хочу мириться с человеком, который со мной очень некрасиво обошёлся и до сих пор это не признал. Поэтому спасибо, Ярослав, за ваше рвение и поддержку, но я откажусь.

Мужчина подошёл к рабочему столу, на который Миша положил вынутый из рюкзака металлический кейс. Я ему не ответил и подошёл посмотреть. Оранжевые купюры лежали ровными стопками; Роман их внимательно пересчитал, уложил обратно, захлопнул крышку и спрятал чемоданчик в нижнем ящике стола под замком.

— Всё, Ярослав, поздравляю, вы свободны, — сказал он довольным тоном. — Второй экземпляр актов я вам сейчас отдам, а Маркус приедет, будет сам разбираться, куда и что списывать. Кстати, пресса уже успела раструбить, что вы в другие долги залезли ради этого. Может, я чем-то могу вам помочь?

— Этой прессе надо руки оторвать и выбросить, — посетовал я. Моё дело с Матвеевым вышло резонансным. — Я взял залоговый кредит и с него расплатился. Ничего особенного. Если вы хотели мне как-то финансово помочь, то точно не надо, но раз мы с вами встретились, буду рад сотрудничеству в дальнейшем. А то у меня из юристов только брат, и я, честно говоря, подустал его бесконечно дёргать по всем вопросам.

— Я только за. — Счастливый Роман взял со стола визитку, подписал время на обороте и вручил её мне вместе с дубликатами актов. — Вот здесь мой номер телефона и почта. Я, конечно, не Маркус, круглосуточно не сижу на телефоне, но мне стопроцентно можно писать и звонить с семи утра до одиннадцати ночи. Отвечу на любой вопрос по гражданскому праву, а что не осилю, то передам коллегам из отдела.

— Договорились.

Он крепко пожал мне руку и сразу не отпустил, словно вдоволь насладился моментом, затем повернулся к Мише и попрощался уже с ним. На первом этаже Роман выпустил нас через тот же боковой турникет со створками. Я напоследок обернулся; мужчина не поменялся в лице, восторга в нём не убавилось, и на парковке меня слегка затуманило.

— Может, я чего-то не понимаю, — сказал я, как только Миша взял трубку, — но за сегодня это уже третий человек, с которым я говорю про Маркуса. И ни один из них не сказал о нём что-то хорошее.

— А про него и не будут говорить хорошее, — отозвался друг, — потому что он адвокат Матвеева. А Матвеев гондон. Следовательно, для всяких зевак и тех, кого он обидел персонально, он тоже гондон. Всё просто.

— Да ни хрена не просто, Миш... Я раньше внимания не обращал, а как мы ввязались в эту сделку, всё как-то по одному месту пошло.

— Ну, выпечи брата на разговор, поспрашивай, что да как. Понаблюдай. Ты же умеешь. Я вон тоже слышал о нём такую бурду, что повеситься можно, но всему верить — себе дороже.

Я раздражённо вздохнул. Маркус до сих пор ничего не ответил, и я бросил ему вдогонку ещё одно сообщение.

«Как будешь в Питере, найди для меня пару часов, пожалуйста».

Без комментариев, без вопросов — потому что для них в голове ещё не сложилась конкретная формулировка.

Глава 9. Коллеги

Двадцать пять минут девятого Маркус, погруженный в телефон всем своим существом, поднялся по лестнице и пересёк относительно свободный от людей холл бизнес-центра. Он отрывистым движением на ходу достал пропуск из внутреннего кармана пиджака; мир вокруг был для него пустым и беззвучным, но возле турникета знакомый оклик заставил его вздрогнуть и настороженно оглядеться.

— Эй, куда без меня?

Белов уставился на мужчину ростом ниже себя на целую голову, одетого как депутат, в сине-белую гамму. Последний раз они виделись два года назад, и с тех пор аккуратный низкий хвост, в который Алексей неизменно убирал свои длинные светлые волосы, стал вполтину короче.

Турникет перестал пищать и снова загорелся красным. Маркус протянул коллеге руку.

— Доброе утро? — спросил он Алексея, который тоже решил приехать раньше клиента.

— Очень. Я почти не спал, у меня башня трещит, и я понятия не имею, как переживу сегодняшний день.

Маркус пропустил его через турникет и прошёл следом.

— В офисе есть обезбол. Могу дать.

— Его там не должно быть.

— Я сказал в офисе, а не в офисной аптечке. Насколько помню, там есть три «колеса» на выбор: «Ибупрофен», «Аскофен» и «Нурофен». Тебе какое надо?

— Давай второе. Давно ты таблетки «колёсами» называешь? — усмехнулся коллега. — Я, конечно, не хочу лезть не в свои дела, но Мар, ты же вроде не торчок.

— Когда сплошные «фены» в окончаниях, ассоциации работают быстрее логики, — ответно хохотнул Маркус. — Расслабься. Учитывая круги, в которых мне приходится вертеться каждый день, это профессиональный слэнг, но даже если бы я был торчком, об этом не узнала бы ни одна собака.

— Знаешь, глядя на тебя сейчас, я бы не удивился даже самому сверхневероятному. — Маркус открыл перед адвокатом стеклянную матовую дверь переговорок, и тот уверенно шагнул внутрь. — Ты настолько изменился за десять лет с выпуска, что я иногда вспоминаю наши студенческие времена и не узнаю тебя.

— Я как минимум повзрослел, — засмеялся Маркус. Он подошёл к месту за длинным овальным столом, где обычно сидел Костя на совещаниях, открыл ключом и выдвинул узкий незаметный ящик и, вынув из него упаковку таблеток, протянул её визави. — А если серьёзно, то такая работа, как у нас, мало кого оставляет прежним. Я за десять лет столько всего повидал и переделал, что не вижу смысла сравнивать себя двадцатилетнего и себя сейчас, когда уже за тридцать. Это два абсолютно разных человека.

— Это и удивляет. Я вот не поменялся, хотя тоже обслуживаю не какого-то хрена с горы. — Алексей выдавил таблетку себе прямо в рот и запил её водой, налитой тут же в кулере.

— В этом и разница. Ты обслуга, а я партнёр, и с таким правовым статусом можно запросто отлететь кукухой за пару лет. Умножь этот срок на пять, умножь результат на полуторный коэффициент прироста бизнеса и ещё раз умножь на процент моего вмешательства во все сделки. Он составляет шестьдесят, плюс-минус, потому что Костя не практикующий юрист, в отличие от меня. Также по делам компании я стою наравне с директором департамента в Питере, а ты с Антоном, во-первых, работаешь всего три с половиной года, а во-вторых, отвечаешь только за гражданку. По уголовке у него другой адвокат. Разный уровень, Лёх, понимаешь?

Алексей после такой тирады помрачнел и выложил на стол бумаги из папки уже не в том приподнятом настроении, с каким приехал.

— Мар, я хотел бы задать вопрос.

Он занял место по левую сторону от медиаэкрана, Маркус выбрал себе стул напротив и поставил локти на стол, опустив подбородок на сомкнутые пальцы.

— Рискни.

Адвокат Колосова пристально взглянул коллеге в глаза.

— И рискну, потому что мы в похожей правовой заднице. Ты прикрываешь дела своего авторитета, а я — своего, но у меня очень мало шансов умереть по пути домой. — Он заговорил чуть тише. — Мар, тебе разве не страшно?

— Страшно? — переспросил Белов, остро сощурился и тихонько рассмеялся. — Страшно было, когда первый раз прилетело в плечо. И страшно, и очень больно. Когда девушку, с которой я попробовал встречаться, изнасиловали и убили после моей победы в деле о краже, тоже было страшно. Страшно, когда избили до потери пульса за то, что не тому человеку не то сказал. И не так. — Он выдержал паузу и резко стёр с лица всякий намёк на улыбку. — А теперь я, Лёха, адвокат без тормозов, и надо очень сильно постараться, чтобы я реально испугался. — Маркус кивнул на бумаги перед коллегой. — Дай посмотрю.

Алексей подвинул документы ближе к бывшему сокурснику. Тот их начал быстро внимательно изучать, почти не моргая.

— На что способен адвокат без тормозов? — настороженно спросил Алексей.

— Задай правильный вопрос, — ответил Маркус, не поднимая головы.

— О таком не спрашивают напрямую.

— Если ты боишься камер, то здесь их нет. — Белов оторвался от бумаг и шмыгнул носом так же, задрав голову, как это делают коксовые наркоманы. — Я выгляжу и веду себя как человек, стоящий одной ногой в чистом поле законности, а второй — в грязной луже преступности. С утра я деру какую-нибудь шалаву, потому что на отношения нет времени, днём работаю с Костей, а вечером иду желанным гостем на день рождения и смотрю, как местные упоротые солью авторитеты стриптизёрше бабки в трусы заправляют. И об этом знают все — от районной полиции до верхов адвокатской Палаты. Да, моралью и совестью тут не пахнет, но если ты намекаешь, что я такой же бандит после этого, то оставь домыслы при себе. Они недоказуемы.

— Потому что нет шансов это доказать или потому, что ты не имеешь к этому отношения?

Алексей подёрнул уголками губ. Маркус расплылся в самой отвратительной улыбке, на которую был способен, и очень сильно подался вперёд, не сводя с адвоката прямого гипнотического взгляда.

— Я имею отношение ко всему, что происходит в бизнесе Кости, но ты уверен, что хочешь дальше задавать такие вопросы?

— Ты мне угрожаешь?

— Хочу понимать, насколько ты погружён в специфику жизни Антона. Если ты адвокат, которого держат далеко от кормушки, то с вопросами надо быть аккуратнее. А если хлебаешь из неё половником, то я не буду прикусывать язык.

— Я знаю, что ты высоко поднялся, Мар, — натянуто произнёс Алексей, — но то, что я слышу сейчас, меня пугает. Как будто я разговариваю с совершенно чужим незнакомым человеком.

— Да брось. Ни хрена ты не боишься.

Адвокат Колосова замер на несколько секунд, уставился на бывшего сокурсника со смесью осознания и потерянности внутри, и откинулся на спинку офисного стула с выражением нескрываемой досады.

— Ёбаная ты сука. Что на первом курсе был гондон, что сейчас. Ты же всё знаешь, да? Маркус, не сдерживаясь, громко расхохотался.

— Молодец, что просёк это. И молодец, что не потерял со мной лицо. Да, я знаю, что у тебя с Колосовым такие же близкие бизнес-отношения, как у меня с Костей, и что ты умеешь играть свою роль хорошего мальчика до конца независимо от обстановки. Мне это пригодится. У нас с тобой после встречи дела будут идти параллельно, бизнесы пересекутся, и также пересекутся важные связи, поэтому мне важно, чтобы мы не встали в оппозицию.

— Не встанем, расслабься, — небрежно ответил Алексей, и Маркус удивлённо повёл бровями.

— Это моё коронное слово.

— Оно и моё ещё со студенчества. И Костя у тебя эту привычку перенял, разве нет? И эту, и кучу других.

Белов промолчал, только усмехнулся и вновь погрузился в текст.

— У меня ещё один вопрос, — не медля сказал Алексей.

— Валяй.

— С тобой всё нормально? — Белов тут же вскинул голову и выжидающе уставился на собеседника. — Ты какой-то дёрганный, как будто у тебя отходá или нервный срыв.

— Никотиновая ломка, — признался Маркус, опустив глаза в документы. — Я снова начал курить, чтобы как раз на нервах и не свалиться.

— Дам тебе непрощеный житейский совет: лучше кури. Костя это как-нибудь переживёт, если ты ему грамотно объяснишь, нахрена тебе это надо. Все эти слёзы и сопли в кабинете психолога физически дерьмо наружу никак не выводят, а курево — это хоть какая-никакая сублимация. Лучше выкурить пачку за день, чем в один момент очнуться от запаха крови под носом. — Алексей поймал испытующий сосредоточенный взгляд Маркуса и выдержал небольшую паузу. — Ты же ещё по эту сторону черты, я надеюсь?

— Да, — отчеканил Белов после мучительных раздумий, отразившихся на лице игрой желваков и морщинами промеж нахмуренных бровей, — если сто восьмая и тридцать седьмая* не считаются.

Алексей отрицательно покачал головой. Маркус вернул ему вопрос.

— А ты?

— А я везучий дебил со сто пятой**, поэтому очень настоятельно рекомендую послушать совета и не делать из себя покорную правильную куклу. — Алексей кивнул на папку рядом с коллегой, у которого под маской тотальной сосредоточенности буквально на секунду мелькнуло чувство смятения. — Ты мне свои бумажки собираешься дать?

Белов подтолкнул к нему папку с бумагами и взглянул на часы на правой руке. До начала встречи оставалось чуть больше десяти минут, и Алексей повернул голову на голоса в коридоре.

— У меня электронка без запаха, — предложил он коллеге. — Будешь?

— Давай после встречи. Если я сейчас покурю, меня затрясёт ещё больше, и я точно огребу по самое не хочу.

— Ну тогда держись, Мар. Если что-то начнёт выходить из-под контроля, я тебя выведу. Маркус оценил это и расслабленно улыбнулся.

— Договорились.

*Статьи 37 и 108 УК РФ регулируют наказание за убийство в пределах самообороны и убийство с превышением пределов самообороны соответственно. **Статья 105 УК РФ — преднамеренное убийство

Глава 10. В коридоре

Костя собирался на работу в состоянии донимающей нервозности. После ночного разговора с Асей он ещё долго не мог заснуть и ворочался; жена спокойно вынесла череду его совершенно бестактных и безобразно откровенных вопросов, задумалась над бессознательным и взамен попросила рассказать, что думает об адвокате его собственное бессознательное. То, что он услышал, оставило гигантскую пробоину в фундаменте отношений между ним и Маркусом.

— Ты хочешь затащить его третьим в постель, потому что у меня там какая-то фантазия про него. Хорошо. Допустим, я соглашусь. Мне ещё никогда такого не предлагали. Но вот честно, Кость, ты действительно уверен, что это именно я так хочу, а не ты? Что именно я фантазирую, а не ты свои выдумки проецируешь на меня? Ты так уверенно насаждаешь эту идею, что мне кажется, у тебя самого есть какой-то особый пунктик.

— И какой же?

— Его свобода, наверное. То, что Мар от тебя независим, а я знаю, как ты любишь тотальный контроль. Я, может, и не шибко соображаю в психологии, но твоя сексуальная фантазия для меня похожа на желание подчинить человека целиком. Подмять его под себя, может, и физически, не знаю. Он, как и любой другой человек, во время секса будет уязвимым, а ты выйдешь безусловным хозяином. Я так думаю. Ведь ты же не дашь Мару делать со мной всё, что он захочет. Он будет делать только то, что захочешь ты. Даже если ты не скажешь ни слова, он всё прочтает по глазам и по лицу. Так никакого удовольствия не получится. А я тебе сразу скажу, он дикарь, он в постели слушаться не будет.

«Он и вне постели ни хрена не слушается, но я закрываю на это глаза, потому что он решает мои проблемы. Жаль, не все».

Костя шёпотом выругался. Каждое буднее утро он был наедине с собой. Ася в это время всегда ещё спала, её день начинался часа на два позже, и мужчина перед работой сосредотачивал внимание только на себе и предстоящих делах.

Сегодня же он в мыслях кочевал между подготовкой к непростым переговорам и внутренней эмоциональной суетой по поводу Маркуса. Тот заверил Костю, что беседу с Антоном и Алексеем будет вести, в основном, сам, как и договаривались, и Матвеев решил понаблюдать за чувствами и реакциями, раз выпала такая уникальная возможность побыть молчаливым свидетелем. Но в пути передумал и вернулся к вчерашним сомнениям.

Он заехал на парковку в восемь сорок семь, поднялся на этаж и в переговорке увидел только адвокатов. Алексей сразу предупредил, что Антон может опоздать минут на десять из-за аварии на перекрёстке возле метро, и Костя открыто пожал ему руку с готовностью подождать. Адвокат клиента с лёгким недоумением проследил за мужчинами напротив; Костя и Маркус не поздоровались друг с другом, коллега даже взгляд не оторвал от документов, когда Костя повесил пальто на вешалку у двери и занял место по левую сторону от него, но в тихий диалог охотно включился.

— Какой план? — спросил Матвеев.

— Для тебя никакого. Как и обсуждали, твоя задача — начать эту встречу, обозначить время и темы и подвести итоги. Всё остальное на мне.

— Роль наблюдателя меня не очень устраивает.

— Мы это обсуждали, — повторил Маркус, понизив голос буквально на полтона и посмотрев на босса поверх очков. — Ты согласился. Если что-то поменялось, надо было предупредить, я бы внёс коррективы и подготовил тебя.

Костя промолчал, на долгом выдохе поднялся и вышел в коридор. Маркус проводил его красноречивым взглядом; Алексей поддержал его замешательство и кивнул в ответ на досадное «ладно, у меня были понедельник и похуже».

— В чём дело? — спросил адвокат. Его тряхнуло на шаге через порог, но он перевёл произвольное движение тела в быструю плечевую разминку. Матвеев оттолкнулся от стены, к которой прислонился спиной, и подошёл к собеседнику, нарушив его личное пространство. Маркус, обременённый тяжёлым взглядом ровно напротив, произвольно чуть задрал подбородок, но не отступил.

— Я хочу, чтобы у Антона не возникло убеждение, будто бизнесом управляешь ты. Если за всё время переговоров я выступлю только в начале и в конце, то он примет меня за твоего секретаря. Да, я не предупредил тебя вчера, потому что возникла жопа не меньшая, чем этот грёбанный Антон, поэтому давай сейчас как-нибудь исправим мою роль конферансье, пока он не припёрся.

— Вот именно потому, что у тебя какая-то жопа, и ты зол, как чёрт, я ничего менять не буду. Антон в курсе, что я всего лишь адвокат, и это первая установочная встреча, на которой я согласую только правовые аспекты сделки. Если ты всё внимательно прочитал, то должен был заметить, что в конце при подведении итогов ты назначаешь вторую встречу, где уже я буду, как ты говоришь, твоим секретарём. А сейчас твоя задача не мешать мне, если не хочешь облажаться. И не угрожать.

У Кости на лице мелькнуло непонимание.

— Шаг назад, Костя. Ты слишком близко стоишь.

Матвеев оторопело послушался, но мгновенно пришёл в себя и внимательно присмотрелся к едва различимому тремору пальцев у адвоката.

— Ты хочешь меня ударить или что?

— Или что, — приглушённо ответил Маркус. — Я всю ночь не спал, у меня на сегодня задач до ёбаной матери и блядский клиент на завтрак. А ещё к вечеру будет полный рот хуёв, которых напихают в Палате и Следственном, потому что я накосячил. И сейчас ты ещё выдвигаешь своё внезапное «хочу», к которому я не готов. Тебе действительно так принципиально важно всё поменять за пять минут до встречи? Я поменяю, не вопрос, но ответственность целиком положу на тебя, и когда всё пойдёт по пизде, я не буду за это отвечать. Согласен?

Костя потупился. Он пошевелил языком за плотно сомкнутыми губами, словно пережевывал всё вышесказанное; Маркус очень редко позволял себе в офисе такую насыщенную бранью речь, и Матвеев от греха подальше помотал головой.

— Я понял. Оставь как есть.

Он обошёл адвоката, собравшись вернуться в переговорку, но тут заметил невысокого мужчину средних лет с перекинутым через руку тёмным пальто, одетого в серые брюки и белую рубашку, еле стянутую на пупке. Тот вышел из лифтового холла, остановился, чтобы внимательно прочитать указатели на этаже, и Костя бросил Маркусу, не оборачиваясь на него:

— Это оно?

— Оно, — неприязненно подтвердил адвокат.

— Всё настолько плохо?

— Конкретно у меня с ним — да, но тебе это мешать не должно. Это как раз тот редкий случай, когда нам нужно разойтись в тактике, и если ты мне вечером напомнишь, я тебе вкратце накидаю суть.

Костя глубоко вздохнул, развернулся к Маркусу лицом и нахмурился.

— Когда я напишу, ты будешь *абсолютно* свободен?

— Можно и так сказать, — насторожился Белов. — А что?

— Да в морду хочу тебе дать, но чтобы ты потом никуда не поехал.

Маркус на секунду оцепенел от осознания перспектив, а после громко рассмеялся, запрокинув голову.

— Боже, ты даже тут со своей заботой... Кость, — продолжил он тихо и твёрдо, — хочешь ударить — бей. Хочешь отпинать до потери пульса — пинай, но лицо, пожалуйста, не трогай, я им торгую. И уж тем более не спрашивай, когда мне удобно быть побитым, это верх абсурда.

— А ты не хочешь спросить, почему? — оскалился Матвеев, сунув руки в карманы деловых брюк. — Тебя это не волнует?

— Я хочу спросить, почему ты решился только сейчас. Мы столько раз не совпадали мнениями по важным вопросам, столько раз конфликтовали по личным и рабочим темам. В конце концов я тебе кучу раз откровенно хамил, а ты спускал всё на тормозах. Вот на такое «почему» я хочу знать ответ. Почему ты босс, который ведёт себя как патологически заботливая мамка.

Костя привычно втянул в себя воздух до упора, до боли в груди, чтобы не сорваться, но волна захлестнувшего кипящего гнева уронила пелену на глаза. Мужчина молниеносно сократил расстояние между ним и адвокатом; он крепким ударом под дых заставил того с хрипом согнуться пополам и, схватив его левой рукой за шею, чтобы удержать на ногах, прорычал Белову на ухо:

— Потому что лучше такая, чем та, которая у тебя была.

Матвеев разжал пальцы. Маркус упал на одно колено, закашлялся и упёрся ладонью в пол, чтобы не опрокинуться набок. Сотрудники на этаже поспешили сделать вид, что ничего не происходит, но Костя смутился от испуганного взгляда новенькой девочки из отдела аналитики — та подалась было в сторону Маркуса, пробегая мимо, но замялась, растерялась от напряжённого вида Кости и ретировалась чуть ли не по стеночке.

«Блядство».

— Суровый вы, Константин, — мрачно проговорил Антон, неслышно встав по левую сторону от Матвеева. Мужчина посмотрел на него с выражением искреннего сожаления и протянул руку для приветствия.

— Извините, что заставил это увидеть. Такого у нас обычно не случается.

— Случается всякое, — слегка улыбнулся гость. — Тем более Маркус не подарок, так что всё в порядке.

Костя поблагодарил его за понимание и присел перед адвокатом на корточки.

— Живой?

Тот кивнул, отнял пальцы от паркета, но встать не смог. Матвеев обругал его еле заметным движением губ и аккуратно помог распрямиться.

— Я не против, если нужно перенести встречу на другой день, — предложил Антон, посмотрев на бледного Маркуса. Белов криво усмехнулся.

— Не нужно. Ты же знаешь, как я веду дела.

Костя по лицу Антона понял, что мужчина удержался от едкого комментария по старой памяти. Вместо этого Колосов осуждающе покачал головой.

— Знаю, Маркус, но лучше бы не знал. Идёмте? — обратился он к Матвееву.

Костя указал ему рукой на дверь переговорок. Заходя последним, он увидел на лице Белова закрытую полуулыбку — дефицитную маску для довольного состояния.

«Что же ты, сука, творишь...»

Паршивую личную перепалку адвокат развернул в пользу бизнеса, Костя примерно ухватил его задумку, но за брошенные на эмоциях слова всё равно почувствовал горький стыд. Оно того не стоило, и вечером об этом обязательно нужно будет серьёзно поговорить.

Глава 11. Пошатнувшийся мир

— Вы хотите сказать, что я не могу торговаться?

— Я хочу сказать, что вы можете обсуждать условия, но вы не вправе дешевить мою экспертизу, потому что я вам не по карману. Если я прав, нам лучше дальше не продолжать.

Я решил окончить переговоры. Мы провели за беседой чуть больше сорока минут, и за это время потенциальный клиент умудрился дважды уложить меня лицом в помой. Со мной за годы работы по-всякому говорили, но чтобы так искусно опускать меня до уровня наёмных клерков из консалтинга — такого ещё не было. Грубое принижение было, недоверие было, а вот целенаправленного измывательства ни разу не случилось до сегодняшнего дня.

— А вы бы не лезли в мой карман, Ярослав, — отозвался мужчина, прищурился. Его тело напряглось, острые плечи поднялись, и я собрался в ответ — опустил голову и поменял позу с уверенной деловой на защитную. — Мне ничего не стоит купить и вас, и вашего брата, и даже заплатить столько, что вы с удовольствием отсосёте друг другу.

— Владимир, давайте начистоту: вы чего добиваетесь? Я не намерен вести переговоры в таком ключе. Мне не нужны клиенты, которые меня оскорбляют прямым текстом.

— Я хочу, чтобы вы кое-что понимали: весь теневой бизнес уже поголовно в курсе, что вы числитесь в договоре у Маршала. Это сильно уронило вашу значимость в определённых кругах. Хотите начистоту? Да ради бога. Если вас не куплю сейчас я, купит кто-нибудь другой, но там уже вряд ли будут разговаривать. Там просто скажут, что ты, Ярослав, у нас как падшая девица, так что вот тебе хер и цена в три рубля. И чтобы такого позора в вашей жизни не случилось, мы сейчас оба здесь, но я сбиваю цену ровно настолько, насколько низко вы пали. И да, это не касается ваших текущих «белых» клиентов. Для них ценник прежний. Понимаете?

Я выдал нервный смешок.

— Погодите То есть люди, с которыми я принципиально не веду дела, столько времени ждали, когда же я наконец оступлюсь, а теперь, когда это произошло, я для них как дешёвая проститутка?

— Всё верно. Они уважали вас ровно до момента, пока вы им стойко сопротивлялись, а теперь я пока единственный, кто может почти безболезненно восстановить ваш авторитет.

Я с улыбкой покивал, хорошенько покрутил в голове услышанное, сформулировал одну ёмкую мысль и выдал её без тени сожалений.

— Идите на хер, Владимир, и всех, кто считает меня павшей дешёвкой, забирайте с собой.

Я резко встал, одёрнул слегка задравшийся пиджак и накинул плащ на плечи.

— Но спасибо за честность.

Владимир не стал меня останавливать. Выезжая с парковки ресторана, я увидел его всё также сидящим на полукруглом диванчике за столом; он подозвал официанта, что-то заказал, и, судя по виду, его не особо расстроил итог переговоров.

«Я даже не знаю, как это комментировать. Нет, я, конечно, благодарен, что этот мудака хотя бы разъяснил мне, в чём дело, но это хорошо или плохо?»

Первая мысль была позвонить Маркусу, когда он освободится. Как бы я ни отрицал причастность брата к «серым» (а может, и «чёрным») делам Константина, логика буквально кричала, что с его работой действительно было бы странно остаться «чистым». Он слишком хорошо знает закон, чтобы играючи прыгать из одной его дыры в другую.

Вторая мысль убедила не торопиться с выводами, потому что теневой бизнес не может сосредоточить общее мнение в одном человеке. Владимир не был известным аналитиком или авторитетным информатором; если бы он владел ресторанной группой, где серьёзные люди за

бокалом вина перемывали кости неугодным, я бы ещё задумался, но главу рекламного агентства вряд ли можно считать истиной в последней инстанции.

«Завтра приеду. Сегодня занят».

Я разблокировал экран и торопливо набрал, пока весь поток стоял на светофоре:

«Во сколько?»

«Без разницы. У меня тур на весь день».

«Ок. В семь пойдёт? У меня».

«Да».

— Походу, у тебя тоже хреновый понедельник.

За столько лет я научился понимать по длине предложений, в каком состоянии находился Маркус. Если на своей волне, подгоняемый только срочностью или пинком от босса, то фразы растягивались и наполнялись эмоциями. Но если, как сейчас, они были короткие, бездушные, отрывистые, значит, брат опять по самую шею закопался в проблемных делах, и его личного ресурса хватило только на эти нейтральные отписки. И я с ходу под них подстроился. На импульсе, автоматически.

«Интересно, а у Маркуса есть такие же привычки в отношении меня?»

Я удивился этой мысли. Прежде никогда не приходилось о таком задумываться, и я сразу поймал себя на неприятном чувстве, что после сделки с Маршалом как будто сошёл с ума — стал задаваться вопросами, которые раньше не возникали и не расшатывали мой комфортный знакомый мир. При этом не отмахнулся от тоненького голоса подсознания, который напомнил, что я давно порывался узнать, — по-братски, по секрету, — как у Маркуса сложилась московская жизнь. Он уехал через два года после выпуска из института, перевёлся в головной офис с подачи Матвеева, и с тех пор я знаю...

«А что я вообще про него знаю?»

Меня словно обожгло изнутри. Дорога на считанные секунды превратилась в красочный размытый тоннель, и я овладел невесомым телом, когда уже вылетел передними колёсами за стоп-линию перед «зеброй».

— С-сука...

Плавное сдал назад, насколько это было возможно, голову опустил на руль, отдышался. Разразился коротким идиотским хохотом, потому что мозг ещё не понял, какая реакция тут нужна. Позже, в пути, с немного остывшей головой, ощутил себя нервным и подавленным, и это вынудило меня заглянуть в первую попавшуюся кофейню ради проверенной дозы успокоительного — латте с порцией ванильного сиропа.

— Ты можешь мне в этом помочь? — спросил я, когда подробно рассказал Мише о навязчивых вопросах, которые меня сегодня замучили, и с кого это началось. Друг задумчиво помычал в трубку, что-то в уме прикинул и хмыкнул.

— Думаю, да. Но я сразу предупреждаю, что если инфа будет совсем дерьмовая, она останется у меня.

— Боишься, что я с ней не справлюсь? — Я усмехнулся, потянув горячий кофе через трубочку.

— Боюсь, но не этого. У Мара круг общения, ну такой, специфический, и если его прижмут за яйца, — если вообще будет, за что прижать, — тебе лучше ничего не знать.

— А какая разница? Если я ничего не знаю, Маркусом же тогда ещё проще будет управлять. Мол, твой братишка несведущий осёл, вот мы ему сейчас всё про тебя и расскажем. Если не хочешь огласки, плати, или что там по сценарию обычно происходит.

— М-м, тоже верно. Ты звонил ему, сказал, что хочешь поговорить?

— Написал. Он приедет завтра, но я чувю, что мне не хватит двух часов. Надо больше.

— Не заморачивайся. Всё, что удастся найти, я тебе принесу, и на Владимира этого тоже забей. За один вынужденный прокол «теневики» не возьмут в оборот, если ты сам, конечно,

ещё раз туда не полезешь. — Миша протяжно зевнул. — Давай-ка, не кисни, Яр. Всё нормально.

— Да не нормально это. Я себя никогда так не чувствовал. Эта сделка меня сломала, точнее, не меня, а размеренность, в которой я жил. Ты можешь себе представить, каково это — цепляться за кучу деталей, которых раньше не замечал?

— Тут поправка: не хотел замечать. Не было необходимости. И да, могу представить, потому что когда я уволился из разведки, жизнь оказалась тем ещё квестом. Вообще не то, к чему я привык. И меня тоже ломало, я тоже чёрт те о чём думал, но сейчас, как видишь, отлично живу. У всех бывают моральные переломы, Яр. Твой наступил сейчас, и в этом нет ничего страшного.

— Да, Мишань, — вздохнул я устало, — страшного ничего, ты прав, но я не понимаю, как так вышло. Маркус у меня единственный родной человек, а я настолько хорошо обустроился, что его жизнь стала фоновой, типа, «живой, успешный и ладно». Вот что страшно.

— Слушай, я тебе так скажу: ты спокойно себе живёшь, пьёшь кофе, работаешь в своё удовольствие. Никто тебя не трогает. А у Мара и жизнь, и профессия не сахар. Что если он нарочно сделал всё, чтобы ты ничего не спрашивал? Я могу его понять. Это очень высокий уровень манипуляций. Но если он хотел так оградить тебя от проблем, то нечего злиться. Для тебя у него всё прекрасно, он улыбается, работает, катается в гости. А вот для меня Марк вечно напряжённый, нервный и замученный недосыпом. Подумай, Яр: если бы у тебя был младший брат, этакий законопослушный ангелочек, ты бы заставлял его беспокоиться о себе?

— Я бы держал его в курсе хотя бы самого основного, — парировал я с нотками обиды в голосе. — Мы друг у друга одни. Если с ним что-то случится, я же даже не соображу, что делать, потому что ни хрена не знаю.

— Слушай, — натужно произнёс Миша, будто собрался выдать государственную тайну, помолчал и продолжил гораздо тише, — если с ним что-то случится, ты ничем не поможешь. У тебя нет ни таких связей, как у него, ни ресурсов. Даже у меня возможностей больше, если говорить честно. А если уж совсем честно, то мы с Марком часто видимся из-за моей работы, и поверь, твоя «чистота» ему очень дорого обходится. Он не позволяет тебя доставать, но взамен достают его.

— Хорошо, — огрызнулся я, — если всё так серьёзно, почему ты тогда не отговорил меня от этой сделки с Маршалом? Маркус из-за неё разозлился, но ты ведь ничего тогда не сказал.

— Потому что ты бы не послушал. Тебя время клевало в задницу, и я вписался, потому что лучше я, чем кто-то другой. И да, я знал, чем это закончится. Ты брательника знатно подставил, но он отбил тебя у московских. Завтра будет отбивать у питерских, и я хочу, чтобы ты рассказал ему про этого мудака до того, как он приедет. Чтобы у него сюрпризов не было. Или я сам расскажу.

Миша на эмоциях начал скалиться и подрыкивать. Охваченный чувством беспомощности, я сдался и, втянув остатки латте до противного хлюпанья, удручённо вздохнул.

— Рассказывай. У меня сегодня день под завязку забит, а ночью по такому поводу я точно звонить не буду.

— Лады.

Мы попрощались. Я опустил руку с телефоном на стол, потряс опустевший большой стакан и уныло подумал, что не отказался бы сейчас от простого джин-тоника. После неудачной «Голубой лагуны» любовь к изысканным коктейлям временно затухла, но удобный способ заглушить тревогу остался, и я бы мог немного выпить, если бы не сидел за рулём. Всего один бокал — чтобы сосредоточиться на клиенте и встрече с ним, а не застрять в переживаниях и всё испортить.

Я вышел из кофейни, распахнул водительскую дверь и замер, глядя на соседнее крыльцо уютного бара. Переборол себя. Проглотил импульсивный порыв, уселся в машину и рванул, оставив на асфальте чёрные следы от шин.

Глава 12. Мама

Ася медленно спустила ноги на пол и размяла стопы на белом прикроватном коврикe. Первое, что она всегда делала по утрам, когда просыпалась, — это погружала в мягкий пушистый ворс одну из самых чувствительных частей тела и начинала день с удовольствия. Не как муж — с новостей, рабочих переписок и самокопания за чашкой крепкого кофе.

В душе «тропический ливень» и пышно вспененный фруктовый гель добавляли наслаждению глубину, девушка заряжалась им на долгие часы вперёд, и этот маленький ритуал заботы о себе делал Асю волшебной женой. Перед сном он повторялся в обратном порядке, и Костя в него не лез, потому что на нём балансировала семейная гармония.

Мужчина понял это не сразу. К счастью, в начале отношений он очень трепетно отнёсся ко всему привычному для супруги и быстро научился не вторгаться в её особенное пространство, куда она убегала всего на пятнадцать-двадцать минут. Обжёгся несколько раз, покатался на бесовской карусели эмоций и приноровился терпеливо ждать.

Обнажённое тело девушка после душа спрятала под тонкой флисовой пижамой, спутанные мокрые волосы расчесала широким деревянным гребнем и оставила сушиться без фена.

«Сегодня придёт мой личный охранник. Мой первый в жизни телохранитель. Дожили...»

Она взяла телефон, вышла из комнаты и спустилась по лестнице со второго этажа в кухню-гостиную.

«Буду совсем как Костя, только радости от этого никакой».

Ася провела рукой по мокрому столу, заглянула в холодильник и посудомойку. Серёжа после завтрака поставил кастрюлю с кашей на место, грязную тарелку положил на нижнюю решётку, а тряпку толком не выжал, и на столешнице осталось много воды.

«Ах, да, мама же собиралась его забрать. Надеюсь, она запомнила, что не надо таскать моего ребёнка по всяким выставкам, потому что мне надоело потом «перетаскивать» его по детским паркам».

— Ма-ам, — услышала девушка за спиной и обернулась на негромкий, полный надежды, голос, — я всё убрал. Можно теперь шоколадку?

Ася деликатно улыбнулась и позвала Серёжу вниз.

— Можно, но сначала хорошенько вытри стол, чтобы он не был таким мокрым.

— Эта тряпка дурацкая, — недовольно проговорил мальчик и бегом спустился к матери. — Я её выжимаю, выжимаю, выжимаю, выжимаю, а она не выжимается!

— Покажи, как ты это делаешь.

Серёжа взял висевшую на кране жёлтую салфетку для уборки, намочил её под краном и стал комкать между ладоней.

— Подожди, — остановила его Ася. — Смотри, как нужно.

Сын заворожённо проследил, как мама выжала салфетку, взяв её двумя руками, тут же повторил и радостно вытер всё вокруг, даже то, что в этом не нуждалось.

— Мам, смотри, не мокро! — Счастливый ребёнок повозил растопыренной ладошкой по глянцевой столешнице барной стойки. Ася его похвалила, велела честно-честно закрыть глаза и достала из верхнего шкафа обещанный десерт.

— А бабушка скоро приедет? — уточнил Серёжа, набив шоколадом рот.

— Давай узнаем.

Ася позвонила матери, но тут же сбросила, увидев из окна первого этажа знакомый матовый седан. Её мама припарковалась напротив подъезда, небрежно захлопнула дверь «Mercedes»-а, и девушка машинально растрепала волосы.

— Бабушка! Бабушка идёт!

Серёжа побежал к двери и начал пританцовывать около неё в ожидании гостыи. Ася распахнула дверь квартиры, и женщина ещё на ступенях расплылась в ослепительной радушной улыбке.

— Серёженька, радость моя!

Девушка молча, с дежурно вежливым видом, подождала, пока мать наиграется с внуком и отпустит его одеваться. Как только ребёнок убежал к себе в комнату на второй этаж, гостыя повернулась к дочери.

— Я собираюсь показать ему выставку.

— Мама, ну я же просила...

— Ты не дослушала. Я собираюсь показать ему интерактивную выставку по его хобби. На, посмотри.

Женщина протянула Асе буклет — яркую листовку-приглашение на экспозицию для детей по теме авиации. Мальчик обожал самолёты, увлечённо собирал деревянные модели и восхищался перелётами, когда у Кости были дела в Петербурге, и он забирал семью с собой на несколько дней. Ася расслабилась.

— Ну это ещё приемлемо. Я думала, ты опять его собралась по музеям таскать.

— Я занимаюсь его культурным просвещением, — напомнила гостыя, — потому что у него не лучший пример для подражания.

— Господи, мама, не начинай...

— Я и не заканчивала. У Кости опять вчера не нашлось времени для сына? Я Серёже написала «как дела», а он мне в ответ «хочу поиграть, но папа занят». Вчера занят, позавчера занят. Я бы не возмущалась и не брала воспитание твоего сына в свои руки, но это уже ни в какие ворота не лезет.

— Да, у нас непростая жизнь, — повысила голос Ася, — и я сто раз уже говорила, почему. Почему у Кости нет времени, почему Серёжа понимает всё неправильно, почему не надо ему навязывать свои идеи. Ты хочешь как лучше, я вроде бы это понимаю, но это ни хрена не лучше, потому что ты не знаешь, какими трудами обеспечивается вся вот эта красивая спокойная жизнь. Сколько денег уходит на то, чтобы мы с Серёжей радовались каждый день. Сколько сил я трачу, чтобы сын легче переживал отцовскую занятость. И сколько этих самых сил Костя тратит на семью, когда выбивает себе лишнее время.

— Ася, мы с тобой столько раз это обсуждали, но ты не слышишь, что именно я хочу тебе сказать.

— Не поверишь, слышу. Ты уже лет пять прямым текстом мне говоришь, что мой муж бандит, и я должна закрыть рот и позволить тебе с отцом как правильным высокоморальным людям, — эти слова девушка выделила особо едкой интонацией, — заниматься воспитанием Серёжи. А Серёжа и без вас растёт отличным человеком, потому что у него есть я. И я для него самый главный пример для подражания.

Гостыя набрала воздуха в грудь, чтобы ответить, но не успела. Собранный Серёжа выбежал из комнаты и громко всех оповестил, что готов идти.

— Молодец, — отозвалась женщина. — Давай, беги к машине, а я сейчас догоню.

Мальчик весело вприпрыжку отправился на выход, а гостыя внимательно рассмотрела фотографию на стене. Там Костя в обнимку с Маркусом застыли на фоне башен «Москвы-Сити», и женщина сосредоточенно постучала по лицу адвоката длинным бордовым ногтем.

— Знаешь, вот этот парнишка был бы для тебя куда более удачной партией. Он тебе и по возрасту ближе, и внешне мне больше нравится.

— Ну, если нравится, забирай, — саркастически парировала дочь. — Он пока что свободен.

Гостья разочарованно вздохнула, но ничего не сказала и, не прощаясь, ушла. Девушка из окна проследила, как Серёжа запрыгнул на заднее сидение машины, подаренной Костей на юбилей.

«Он купил тебе тачку, оплатил отцу лечение, помог с ремонтом. Какая же ты неблагодарная, мам...»

Ася гневно передёрнула плечами и подошла к фотографии, несколько лет висевшей напротив дивана. От беспардонных тычков на акриловом стекле остались царапины; гостья даже не извинилась, хотя то, что она испортила дорогую для Кости вещь, не заметить было невозможно.

«Ты хочешь мне адвоката в мужья, — горько про себя усмехнулась Ася, — но упорно забываешь, что мы все на своих местах только благодаря Косте. Без него Мар бы не стал таким известным, у тебя бы не было машины, у меня бы не было сына и такой сытой жизни. От его денег зависит всё, так какая нахрен разница, как он их зарабатывает?»

— Один меня тычет носом в какие-то фантазии, вторая туда же — Девушка скривилась от ночных воспоминаний. — А Мар и знать не знает, наверное, что его тут продают как на базаре.

Ася разозлилась. Она долгое время тщательно скрывала, что мать её допекает, и сейчас, наводя утренний травяной чай, мучительно размышляла, сказать об этом Косте или лучше в первую очередь обратиться к адвокату, которого такие перспективы точно не обрадуют. Характер у мужа вспыльчивый; он с самого начала в курсе, что родители невесты были против брака и пошли навстречу только из-за непреклонной позиции дочери. Но то, что его жене с момента свадьбы каждую неделю компостируют мозги и вплетают её в дела, к которым она не имеет никакого отношения, может привести его в бешенство.

Девушка сорвалась на протяжный стон и в гневе постучала кулаком по столу, так старательно вытертому Серёжей. Горячий напиток обжёг язык; Ася набрала в диалоге с адвокатом строчное «привет», но в порыве эмоций удалила, закрыла мессенджер и бросила Маркусу короткий дозвон.

Это как сигнал «sos», и девушка верила, что адвокат его поймёт.

Глава 13. Тень

Антон в переговорке хорошенько осмотрелся, поздоровался с Алексеем и занял место напротив Маркуса. Вышла перекрёстная посадка — очень удачное расположение, где каждый видит каждого, и нет возможности тайком переглядеться.

Колосов показал адвокату что-то смешное в телефоне, но Алексей не разделил его веселья. Он с едва заметным вздохом закатил глаза и что-то быстро написал со своего мобильного. Сообщение пришло Маркусу. Тот улыбнулся.

«Драку обсуждаете?» — напечатал Костя и неотрывно понаблюдал, как Белов набирает ему ответ большим пальцем левой руки — чётко, быстро, уверенными скользящими движениями, словно рисуя слова на экране.

«Естественно. Такое шоу по всем отделам уже разлетелось».

— Я предлагаю начать, — оборвал он тишину бесцветным отчуждённым голосом и выразительно посмотрел на Костю. Матвеев откинулся на спинку кресла, развернулся полубоком и, поставив локоть на стол, оперся головой на раздвинутые углом пальцы — так, что большой оказался под подбородком, а указательный надавил на висок.

— Не вопрос. У нас на повестке дня сегодня то, что мы не смогли обсудить вчера в силу объективных причин. Вопросов немало, поэтому встреча продлится около двух часов. За это время мы придём к какому-то единому решению по поводу оставшихся шести условий, из-за которых возникли разногласия, и согласуем дальнейшие шаги. Специально для Алексея уточнение: сегодня встреча сугубо правовая, вести её будет Маркус, поэтому я жду от вас активного участия. Если кому-то нужна вода, то кулер у двери. Туалет — из переговорной направо и до конца. На этом этапе всё ли понятно? — Участники молча покивали. — Прекрасно. Тогда мой адвокат в вашем распоряжении.

Костя слегка расслабился, готовый ненавязчиво наблюдать за своим юристом. Маркус неудачно повернулся и сощурился от боли; Матвеев не без гордости отметил, что даже после конфуза в коридоре адвокат остался внешне серьёзным и сконцентрированным.

«Надо же... Ночь не спал, пиздюлей получил, а выглядит так, будто на ковровую дорожку собрался».

Я так не умею, добавил он про себя и поёжился, будто за что-то внутренне зацепился, но упустил.

— Первое, что я хочу обсудить, — это персональное сопровождение, — вступил Маркус, одарив Антона волевым немигающим взглядом. — У нас такая опция есть, но она не предполагает сопровождения двадцать четыре на семь, а ты, как я понял, именно этого и просишь.

— Верно, — согласился клиент. — Я опираюсь на опыт своих знакомых. Конкретно Селищева ты взял под личный контроль, так почему я не могу воспользоваться тем же?

— Потому что Селищева только так можно было уговорить стать главным инвестором на конференции. Тем более глупо сравнивать условия, когда ты владеешь саунами, а Селищев — инвестиционным фондом. Я не готов, не имея серьёзного основания, тратить своё время, которого и так очень мало, на персональное прислуживание.

— Протестую, — возмутился Алексей, но Маркус легко от него отбил.

— Я не выхожу за рамки деловой этики и не оскорбляю Антона, потому что вчера во время разговора он всеми силами пытался убедить нас именно в этой формулировке. Как и ты, я работаю круглосуточно только для своего клиента. Это прописано в договоре. Если мне кто-то другой позвонит или напишет посреди ночи, я либо не отвечу, либо пошлю на три буквы и буду прав, потому что есть служба охраны, которой мы платим немалые деньги за безопасность и решение нештатных ситуаций на объектах. Всё остальное спокойно терпит до рабочего времени, и я всегда заключаю сделки в его пределах, неважно, «серые» они или «белые». Для

какого-то исключительного случая должен быть исключительный противовес, а у вас я его не вижу.

Костя испытал объёмное пронизывающее воодушевление. На суде в качестве обвиняемого он был последний раз лет пять назад, и адвоката в своей непосредственной работе больше с тех пор не видел. Маркус по его гражданским делам везде катался с генеральной доверенностью, по уголовным Костя не привлекался благодаря стараниям Белова, и Матвеев улыбнулся, подметив, каким напористым, опытным и влиятельным стал выращенный им юрист.

«Он диктует свои правила, и даже вон Алексей особо не рыпается. Вякнул один раз и притих».

Костя присмотрелся к Антону. Колосов не выглядел напуганным или прибитым, хотя Маркус откровенно давил на него и заставлял самого Костю временами замирать от резкого тона; напротив, Антон принимал адвокатский вызов и отвечал по существу. Разве что вчерашней экзальтации не было — Колосов показался Матвееву чем-то слегка расстроенным.

— Хорошо, — подытожил Маркус, — я тебя услышал. Вопрос о полном сопровождении до следующей встречи оставляю открытым, потому что ни отказать не могу, ни согласовать. Предлагаю перейти к следующему.

Белов перечеркнул первый абзац, оставив на листе жирную синюю полосу.

— Ты не согласишься, — отрезал Алексей, прикрыв губы кулаком.

— Да, — подтвердил Маркус и покрутил ручку между пальцами. — Объясню, почему. Сразу оговорю, что ограничения по этому условию зависят не от меня, а от целевого назначения земли. Мы не вправе его менять, и удовлетворить ваше желание поставить жилой дом на рекреационном участке я не могу.

— Это моя ошибка, — подключился Антон, постучав ногтями по столу. — Я когда такое заявлял, не увидел, что вокруг одни турбазы. Ты этот пункт просто вычеркни и напиши, что строительство будет по назначению.

— Можно рассмотреть другие участки.

— Нет, я хочу эти. Давай дальше.

Костя начал тихонько крутиться на стуле из стороны в сторону. Маркус на него ни разу не посмотрел, зато на коллегу в упор исподлобья уставился Алексей. Белов не мог не чувствовать этот взгляд, но продолжал вести себя так, будто ему не грозил очередной протест и выволочка в коридор. А напряжённый адвокат клиента, как виделось Косте, готов был того гляди встать и вытолкать Белова за дверь.

— Дальше я поведу разговор, — не выдержал Алексей и придвинул к себе документы, вытянув их из-под рук удивлённого Колосова. Маркус повернулся к нему всем телом, и Костя увидел его патологически расширенные зрачки.

«Кайфует, гадёныш, ты посмотри-ка».

Он вспомнил, как испугался в первый раз. Белов тогда обедал в гостях у Матвеева, и парню так понравилась еда, что патология себя проявила во всей красе — в глазах вокруг огромного чёрного круга осталась тоненькая светло-серая полоска.

«Интересно, что думают его проститутки, когда такое видят?»

Натуральный демон, добавил Костя. Уголки его губ дёрнулись наверх, обозначив намёк на улыбку, но мужчина задумчиво вслушался в структурированную точную речь адвоката и почувствовал себя очень близко к разгадке подсознательных сигналов. Он целенаправленно переключился на Алексея; два юриста вели занимательную словесную перепалку на уровне теории, которую Матвеев понимал в силу образования, а Колосов — нет, и Костя непроизвольно усмехнулся, видя, как Антон очарованно смотрит на Маркуса. На собственного адвоката клиент обращал внимание, когда у того повышался голос, в то время как глубокий тембр и интонации Белова гипнотизировали. Костя вновь повернулся к Маркусу и несколько минут спустя расправил машинально поднятые, одеревенелые от гнева плечи.

Тень.

Вот на что реагировало Костино тело — на интуитивное понимание себя как тени Белова. С момента сдачи адвокатского экзамена до сегодняшнего дня прошло семь лет, и за это время Маркус очень высоко поднялся. Он забрал себе работу со СМИ, с теньвыми партнёрами, с репутацией, показал себя в нужных кругах, обзавёлся сотнями полезных контактов, наладил связи, приобрёл не только профессиональный, но и личный авторитет, и теперь тот же Колосов сидит и смотрит на него как на божество. Харизма, «демоническая» патология, ролевая мобильность и внешняя неоспоримая привлекательность.

Матвеев захлебнулся накопившимися эмоциями и «проснулся» от ощущения, что кто-то расправляет ему растёгнутый воротник на рубашке. И этот самый кто-то носит очень близко сидящие к коже духи с ароматом плотным, густым и сладким, вызывающим желание вдыхать его снова и снова.

— Я смотрю, вы оба сегодня не в себе, — обеспокоенно проговорил Антон, когда смущённый Костя извинился перед ним и Алексеем.

— Похоже на то. — Матвеев попытался улыбнуться. — Я надеюсь, я вас не сильно испугал?

— Нет, но выглядели, мягко говоря, странно. Вы уверены, что вам не нужен медик?

— Уверен. У меня такое бывает, когда я слишком глубоко задумаюсь, поэтому не переживайте, я в полном порядке. Маркус, подтверди.

Костя не смог посмотреть на адвоката, но краем глаза увидел его кивок. Беседа между юристами продолжилась. Матвеев максимально сосредоточился, чтобы снова так постыдно не провалиться в эмоциональную яму; он поймал упущенную нить разговора, понял, что адвокаты добрались до условия в конце списка, и уже безо всякого энтузиазма подметил не изменившиеся тон и напор Белова.

«Теперь непонятно, как реагировать. То ли хорошо, что он продолжает, как будто ничего не случилось, то ли плохо».

— Да, — утвердил Маркус в ответ на реплику Алексея. — В этом я готов пойти навстречу и, если необходимо, провести дополнительную консультацию. Но не более, потому что подрядом занимается Константин, а не я. Закрыли вопрос?

«Подрядом мог бы заниматься твой брат, — подумал Костя, — но он всё никак не отделится».

— Закрыли, — выдохнул коллега.

— Прекрасно. Тогда передаю слово Константину и обещаю до вечера прислать все детали на почту.

Матвеев ободрился, взял у Маркуса бумагу, на которой тот зачёркивал абзацы и добавлял комментарии, бегло всё прочитал и вернул на место. Белов её сложил пополам и спрятал в портфель наряду со стопкой прочих документов.

— Что ж, я буду краток, — сказал Костя. — По итогу встречи согласованы все условия, кроме персонального обслуживания. Об этом мы поговорим на следующей встрече, и я предлагаю выбрать дату.

— Давайте на той неделе в среду, также с утра, — предложил Маркус. — Я самый загруженный из вас, поэтому резонно опереться на моё расписание.

— Я не против, — развёл руками Антон.

— У меня в одиннадцать занято, — нахмурился Алексей, полистав календарь в телефоне.

— Подключись удалённо, — сказал Белов. — На этом этапе наша помощь как юристов не особо нужна, так что без разницы, где ты будешь — тут, в машине или на пляже в Италии. Коллега недовольно вздохнул, но не возразил.

— Ну, раз мы договорились, можно и завершать, — попытожил Костя. — В среду на следующей неделе в девять утра встречаемся в этой же переговорной, подключаем Алексея и

двигаемся дальше. Есть какие-то вопросы, пока мы не разошлись? — Участники переговоров замотали головами. — Отлично. Тогда на этом благодарю за продуктивную работу, надеюсь на плодотворное сотрудничество, и, если что, в рабочее время у нас телефоны доступны. Мы на любые вопросы, которые вдруг не успели обсудить, ответим. Всё, хорошего дня.

Костя попрощался с Алексеем и его клиентом и спустился на парковку, чтобы забрать новый проектор из машины. У служебного входа он на обратном пути заметил адвокатов; оба курили поочередно одну «электронку», Маркус ей затягивался до упора и выдыхал пышное облако пара, неохотно возвращая сигарету владельцу.

«Да ты издеваешься!»

Костя чеканным тяжёлым шагом направился к служебному входу. Пока он шёл, Маркус в очередной раз утонул в молочном тумане и спиной медленно съехал по стене, опустившись на корточки и прислонившись затылком к антрацитовый плитке.

— Прежде, чем ты соберёшься меня опять отмудохать, знай, что на этом держится моя кукуха.

Белов покачал в руке глянцево-чёрный девайс, выдохнул и набрал полные лёгкие пара, выпустив его через нос. Костя промолчал; у него внутри прокатилась волна эмоций от ярости до смирения, и то, что «электронка» принадлежала не Маркусу, удержало мужчину от импульсивного жеста. Иначе бы он её немедленно разбил об асфальт.

— Живи пока, — выдал Матвеев сквозь зубы. — *Вечером* будешь объясняться.

Он удобнее перехватил проектор, обошёл мужчин и вздрогнул от мысли, догнавшей его на служебной лестнице между этажами: Маркус давно уже перестал быть ему подчинённым. Он сильный, гибкий, уважаемый, равный. И непослушный. Матвеев оскалился в понимании, что жена оказалась права, и фантазия, которую он навязал ей, на деле принадлежала ему — искажённая, неправильно выплюнутая подсознанием. Фантазия не сексуальная, а властная, в которой Костя победно заламывает руки непокорному слуге закона, показывая, что тот зарвался.

В кабинете он постепенно остыл от яркого напоминания, что без Маркуса у него семейная жизнь и бизнес давно бы пошли под откос. Обещал вечером не ругаться. В первую очередь не ругаться и попробовать, наконец, узнать о жизни своего адвоката — хотя бы то небольшое, до чего он позволит дотронуться.

Глава 14. В гостях у адвоката

«Привет, моя Звёздочка. Завтра найдёшь для меня время?»

Белов убрал телефон во внутренний карман пиджака, зная, что девушка никогда быстро не отвечает. Звёздочкой он называл Кристину, проститутку из борделя Маршала, у которой на лопатке была татуировка в виде падающей звезды. Не сказать, что Маркус обожал её и заказывал чаще остальных, но она — платиновая блондинка, невысокая, фигуристая — напоминала ему Катю, не дожившую до предложения руки и сердца буквально пару недель. Из-за этого мужчина относился к ней очень бережно и злился, когда видел синяки на теле девушки после других клиентов.

Маркус вышел из машины и поднялся домой на шестой этаж. Просторная студия встретила его мягкой сиреневой подсветкой по периметру натяжного потолка и вдоль плинтусов. Адвокат решил не зажигать основные лампы; он переоделся в домашний костюм из полуспортивных брюк и футболки, повесил рабочее в зеркальный шкаф-купе, убрал очки в кожаный футляр и поставил разогреваться запоздалый ужин. Точнее, завтрак, потому что меню у сервиса доставки здорового питания не приспособлено под изменчивый адвокатский график, и то, что планировалось на восемь вечера, после десяти было уже неуместным.

«Подъезжай, я дома», — написал Косте Белов и получил от него почти мгновенный ответ: «Уже в пути».

— Круто. Я дожрать-то успею? — досадливо бросил Маркус в пустоту и продолжил размеренно смаковать горячую кашу с английским сыром. Его раздражала спешка вне работы; в домашней обстановке он замедлялся до состояния медитации, чтобы восстановиться после бешеного дня, и потому Костя, прилетевший за двадцать минут, ещё половину от этого времени молча скучал — дожидался, пока Маркус вручную домоет посуду и перевернёт ротанговые палочки в карамельном диффузоре.

— Музыку? Чай? Кофе? — осведомился Белов. — Еда тоже есть, но я не знаю, будешь ты такое или нет.

— Да я не голоден, — ответил Костя и заинтересованно осмотрелся. — У тебя тут очень уютно и, я бы даже сказал, интимненько. Как в этой... как её...

— Дрочильне, — подсказал адвокат и спрятал за ладонью усталый зевок. — Если некомфортно, могу включить обычный свет.

— Не надо. Я как раз пришёл тебя задрочивать всякими вопросами, так что атмосфера как по заказу.

Белов улыбнулся. Мужчины заняли диван, стоявший в центре студии на стыке спальной и кухонной зон; Матвеев развернулся полубоком к собеседнику и предпочёл сдержанную деловую позу, в то время как адвокат уселся к нему лицом, поджав по себя левую ногу и в ожидании положив голову на мягкую фактурную спинку.

— Боже, как непривычно — с трепетным вздохом признался Костя. — Я к тебе ехал злой как сука последняя, думал, сейчас накидаю за воротник и поеду довольный спать. А ты тут такой полусонный и вообще поломавший мои ожидания. Ещё смотришь на меня этими своими... демоническими глазами, чтоб их.

— Расслабься, — остановил его Маркус и растянул это слово на безмятежном выдохе. — Я пригласил тебя в гости не для того, чтобы ты боялся, но если совсем некомфортно, я повторюсь: можно включить свет.

— Не надо, — решительно отказался Матвеев. — Я потерплю. Нет, даже не так: если всё это — действительно твоё настоящее, а не маска, как обычно, то я готов приспособиться. Хотя, честное слово, это охренеть как сбивает с толку. — Он нервно засмеялся, попросил стакан воды и жадно выпил её в один заход. — Я на самом деле приехал обсудить только два вопроса,

— продолжил он более приглушённо. — Они оба касаются сегодняшнего дня, и первое, что меня интересует, это сигареты. Я не раз объяснял, что для меня это критичная история, и задело не только то, что ты куришь, причём, походу, уже давно, но и то, что для тебя это было важно, а ты ничего не сказал.

— А ты как себе это представляешь? — с недоумением откликнулся Маркус и опустил голову на подлокотник вместо подушки. — Ты мне ставишь категоричное условие и чётко даёшь понять, что это не обсуждается. Хорошо. Я прихожу к выводу, что условие для меня невыполнимое, и начинаю его втихую нарушать. Любой другой человек на моём месте поступил бы так же, если бы знал, что у него нет возможности пересмотра запретов.

— И что же изменилось сегодня? Ты потерял инстинкт самосохранения?

— Его Катя забрала, ты же знаешь, — парировал адвокат укоризненным тоном. — А если по факту, то я сегодня заебался, Кость. У меня закончился один из самых ублюдских понедельников. Я с утра собрал такое комбо, что ты даже не представляешь, в каком состоянии я вернулся домой. И что ты там скажешь по поводу сигареты, мне было максимально насрать. Я курил, потому что был на грани истерики. Представь: у меня только что кончились переговоры с клиентом, которого я ненавижу, и который взаимно ненавидит меня. Потом нужно было ехать в Комитет, и я там проторчал не час, как планировал, а два, потому что одна сука заартачилась, и я за свой косяк её целый час ублажал. Из-за этого сдвинулся график, и я не смог пообедать. В итоге закончил только в девять, а должен был в семь, и вот такое я без курева не вывожу. Да и кто вывезет? Ты придумал идеальный образ сотрудника, но при всех условиях моей работы он на практике неприменим.

— То есть я правильно понимаю, — сказал Костя после того, как, обескураженный, с минуту молча перемалывал в себе услышанное, — что ты работаешь на износ, из-за этого куришь, и если бы не вся эта ситуация, я бы ничего не узнал?

— Я курю, потому что взял на себя много процессов, и одной терапии мне недостаточно. А про то, что ты ничего не знаешь, мы говорили вчера, и сегодняшние эксцессы ничего принципиально не поменяли, разве что без них ты бы сюда пришёл ещё очень не скоро.

— А давай я скажу по-другому, — напряжённо улыбнулся Костя и поднялся на ноги, парой активных движений размяв затёкшее тело. — Ты куришь, потому что тебе нравится нарушать правила. Ты непослушный. Ты заставляешь меня чувствовать, что у меня нет над тобой контроля, и вот тут мы как раз плавно подобрались ко второму вопросу, для которого я всё никак формулировку не подберу.

— К чёрту формулировку, неси как есть, — отозвался Маркус. Он машинально распрямылся вслед за Костей, почуввав нутром угрожающие импульсы; Матвеев развернулся к нему с опущенной головой и прищуренным испытующим взглядом, но адвокат обманчиво лениво поднял руки к потолку и хорошенько потянулся, готовый в любую секунду сгруппироваться.

Не пригодилось. Костя подошёл, но не так близко, как в офисном коридоре, и внимательно посмотрел своему юристу в глаза. У него на лице застыло выражение уязвлённости, и Маркус обратил внимание на опущенные плечи — Костя не собирался нападать, но его чувство загнанности было в шаге от бешенства.

— Как есть... Ну давай, как есть. Я тогда особо не буду распаляться, потому что... Ладно, неважно. Я ехал сюда с единственной мыслью придушить тебя, но понятное дело, что это всё эмоции, и надо как-то более цивилизованно решить проблему. Так вот, Маркус... — Мужчина замялся и пересобрал застывшую на языке мысль. — Так вот. Я потерял контроль. Над собой, над жизнью, над бизнесом. Я сегодня сидел на встрече и понимал, что как будто моё дело и команда мне не принадлежат. Как будто всем владеешь ты, а не я. У тебя в руках СМИ, у тебя ресурсы, люди, движуха, а я торчу где-то на заднем плане. Ты видел, как на тебя сегодня смотрел Антон? Нет? А я видел. С раскрытым ртом он смотрел. У меня такого в жизни никогда не было, и я сам наблюдал за тобой, а внутри зависть, понимаешь? И всё это, оказывается,

кипело во мне годами, а я понял только сегодня, и то не сам. — Он горько усмехнулся. — Жена подсказала.

— Да ладно? Какая прекрасная попытка спихнуть на меня свою ответственность, — полушёпотом выдал Маркус, ни секунды не раздумывая, и нарушил личные границы Кости так же, как это сделал Матвеев с утра. Костя весь подобрался; Белов не позволил ему отступить и поймал излюбленное чувство властности над гостем, замершим и поглощённым дьявольским эффектом от его патологии. — Давай-ка я кое-что проясню. Пока ты спокойно ведёшь свой «белый» бизнес, на мне висят «серый» и «чёрный». Целиком. Я взял на себя почти все процессы и дал тебе возможность отдыхать и заниматься семьёй. При этом ты сам ни разу не спросил, а как я справляюсь. И справляюсь ли я вообще. Какая у нас стратегия, какие планы, что получается, что нет, куда движемся, что в целом происходит. У тебя жена и сын, стабильный график, крупные проверенные клиенты и слегка испачканные руки, а я в дерьме по самую шею и вылезать оттуда не планирую. Иными словами, продолжая вчерашний разговор, ты не только не спрашивал о моей жизни, ты не спрашивал даже о моей работе. Отдал мне бразды правления, как говорится, и открестился от этого. А теперь вопрос: если безразличие всё это время было твоим косяком, почему виноватым оказался я?

Матвеев не нашёл ответа. Он остался стоять на месте, словно вкопанный, даже после того, как Белов отошёл от него, налил себе воды и со стаканом уселся на подлокотник дивана.

— Я понимаю, очень тяжело, когда твой адвокат не просто адвокат, но и де-факто бизнес-партнёр, который тебя во многом превосходит, — добавил Маркус; его голос стал удивительно проникновенным и убаюкивающим, потому что после экспрессивной тирады воцарилась пиковая тишина, вот-вот готовая вылиться во что-то необдуманное. — Только ты понятия не имеешь, как дорого мне обошлось таким стать, и какую цену я за это плачу сейчас. Оно не стоит твоей зависти. — Он выдержал короткую паузу. — Спроси себя: чего ты конкретно хочешь? Разделить со мной внимание народа, а может и перетянуть его на себя или примерить мою жизнь вместе с работой и получить контроль над всем? Если второе, то даже не надейся, потому что ты не справишься, а если первое, то я с радостью помогу в этом. Выровнять наши авторитеты не проблема. Проблема — ослепнуть в жажде контроля и сломать систему, которую я столько лет выстраивал. Услышал меня?

Костя пробурчал себе под нос тихое «да», обошёл журнальный столик и плюхнулся на диван с видом настолько потрепанном, будто его несколько часов подряд не выпускали из допросной комнаты. Маркус его не трогал минуты три; он в это время заглянул в телефон, у которого вспышка изредка моргала уже полчаса как, и с кошачьей улыбкой вчитался в игривое сообщение от Кристины.

«Моя ж ты прелесть, — подумал он. — Если бы ты не была проституткой, а я — вечно занятым адвокатом, я б женился на тебе».

Девушка написала, что предпочла Маркуса более щедрому клиенту, приправила слова обилием сердечек, и Белов невольно прикусил нижнюю губу на волне сладкого предвкушения.

— У кого-то будет секс? — осторожно спросил Костя.

— О, да, — промурлыкал адвокат. — Моя любимая проституточка отказала хорошему клиенту ради меня. — Он съехал с подлокотника, повалился на спину головой к Матвееву и показал ему фотографию Кристины во весь экран. — Гляди, какая.

— Красотка, — поддержал мужчина и вновь замолчал. Маркус перевернулся на живот и внимательно посмотрел на гостя, который задумчиво уставился куда-то перед собой.

— Ты опять завидуешь или что?

— Я не могу понять, что ты сделал, — отозвался Костя. — Мы же с тобой чуть не подрались, а теперь я сижу, и знаешь, как пьяный какой-то.

— Конечно, — чуть пониженным бархатным голосом ответил Маркус. — Волшебной водички напился, афродизиаками надышался, в глаза мои демонические насмотрелся и что-то ещё пытается понимать.

— Какой ещё на хрен водички?! — дёрнулся Костя, напуганный до резкой бледноты. Белов зашёлся громким безудержным хохотом.

— Боже, да я пошутил, — сказал он, когда успокоился, — но твоё лицо — это просто мем. Хотя насчёт афродизиаков я не соврал. Видел, как я перевернул палочки, когда ты пришёл? — Мужчина кивнул. — Это первый. Второй на мне, и ты так красиво на нём поплыл, что даже не понял, как.

— Да уже догадался, — огрызнулся гость. — Это со всеми так работает?

— Нет, это всего лишь одна из манипуляций. Самая эффектная. Для остальных мне требуется куча навыков и умение видеть момент, поэтому я серьёзно сказал, что могу обучить этому. Если хочешь. Если ещё не передумал узнавать меня.

— Ну уж нет, — усмехнулся Матвеев и растрепал адвокату причёску до состояния «гнезда». Белову это не понравилось, и он тут же попытался разровнять пальцами волосы. — Ты меня настолько впечатлил, что я теперь с тебя живым не слезу. Не сегодня, конечно. Сейчас мне уже ехать надо, но завтра скажи мне, когда свободен в следующий раз. И дай, пожалуйста, название своих духов. Это что-то невероятное.

— У них нет названия. Мы с девочкой-парфюмером создавали их несколько месяцев, и я заплатил за её работу бешеные деньги. Если ты готов ждать и платить, я дам её номер.

— Давай. Если мы соберём такую же крутую композицию под меня, то я денег жалеть не буду.

Маркус дотянулся до телефона на журнальном столике, продиктовал Косте номер девочки, и тот потихоньку собрался домой.

— Я надеюсь, меня отпустит, когда я выйду на улицу? — насмешливо спросил мужчина.

— Естественно, но шлейф останется.

— Отстирается.

Костя распахнул входную дверь, и Маркус выпустил его в подъезд. Он в забрызганное моросью окно проследил, как Матвеев уехал, и включил кондиционер, чтобы разбавить в душном воздухе концентрат ванили с карамелью.

«Блин, а свой вопрос о мамке я так и не задал...»

Адвокат с чувством смертельной усталости бросил одежду себе под ноги и в тёплом душе смыл прошедший день. Его организм отчаянно требовал сна; в постели мужчина выключился, не успев накрыться одеялом, и мысль переставить кондиционер на ночной режим осталась в виде забытого пульта на подлокотнике дивана.

Глава 15. Просьба о помощи

Худенькая милая хостес проводила меня за столик без пяти девять. Я выбрал отличное место возле окна, заказал себе завтрак и оставил под рукой меню с напитками, потому что с ходу не смог определиться, хочу я привычного кофе или чего-то более экзотического.

Петербург осенний в районе Выборгской за большими стёклами выглядел уныло. Если бы Карина согласилась на более позднюю встречу, я бы пригласил её в ресторан с видом на Финский залив.

Мне принесли двойную порцию блинчиков и взяли заказ на кофе. Девушка задерживалась; она мне ничего не написала, не предупредила и до сих пор не ответила на утреннее сообщение, где я уточнял актуальность её намерений. Трубку тоже не подняла.

«Что ж, вот поэтому у меня сначала телефонный разговор, а потом встреча. Дёрнуло же изменить правилам...»

Я расстроился от мысли, что полтора часа, начиная с выезда из дома, обесценились по моей глупости, доел и собрался уходить, но стоило мне накинуть плащ, как за столик буквально упал какой-то незнакомый запыхавшийся до хрипа молодой парень. Он посмотрел на меня ошалелыми глазами, прокатил по столешнице в мою сторону телефон с открытой фотографией, и я весь похолодел.

— Это кто?..

— Карина, — отозвался парень. Он без спроса взял стакан воды, который мне не пригодился, опустошил его жадными глотками и рукой показал, чтобы я вернулся на место. — Ей помощь нужна. Она вот такая от клиента сегодня припёрлась. Сам понимаешь, с такой физиономией какие там встречи. Даже врача не вызовешь. Короче...

— Подождите, — отрезал я. — Вы не хотите для начала представиться и извиниться за опоздание? Ваше счастье, что я не уехал, но могу сделать это в любой момент, потому что ваша хамоватая манера общения меня отталкивает.

— Ярослав, — обратился ко мне собеседник, опустившись грудью на стол, чтобы я лучше услышал его приглушённый голос, — я не клиент, мне похер. Карина — моя сестра, и всё, что я сейчас хочу, — это чтобы ты выслушал и помог ей. Окей?

— Ну, окей, — натужно согласился я и придвинулся ближе, сложив руки на груди. — Я слушаю.

Парень схватил телефон и затолкал его в глубокий карман дутой осенней куртки. Он рассказал, что девушка на фотографии — сотрудница эскорт-агентства, но его владелец — конченный урод, потому что клиентские деньги ему дороже безопасности девочек. Искушённые заказчики про это в курсе и творят безумства без ограничений. Бьют, насилуют, издеваются; я в деталях запомнил лицо Карины — молодое, красивое, но изуродованное разноцветными синяками, опухлостями и запёкшейся кровью. Девушка устала это терпеть и выплачивать неустойки за время, в которое лечится, поэтому через других эскортниц вышла на меня, чтобы я поручился за неё перед Маршалом.

— Она не хочет бросать это всё, — сказал парень, — но и ждать, когда грохнут, тоже не дело. А к этому сутеру хрен подберёшься. К нему за ручку надо привести, вот у меня Каринка и хотела, чтоб ты её вытащил.

— А она знает, что я поработал с Маршалом, потому что у меня выбора не было? И что у меня репутация теперь в заднице? И что она окажется в ещё большей заднице, если я ей помогу?

— Знает, но Ярик, ты спасёшь ей жизнь! Она единственная, кто решился на такой шаг. Остальные сидят и терпят. А Маршал своих блядей любит. Каринка бы у него на ноги подня-

лась и учёбу бы оплатила, и, глядишь, потом бы устроилась куда-нибудь в нормальное место. Она не справится без тебя, понимаешь?

— Понимаю, но я из-за неё потом из дерьма не вылезу. Она меня в нём закопает, потому что на меня и так из-за сделки окрысился весь теневой бизнес. А я репутацию, между прочим, годами строил и не хочу всё окончательно потерять из-за какой-то проститутки.

— Да я знаю, блин... — Собеседник отчаянно спрятал лицо в ладонях, чтобы после взглянуть на меня покрасневшими глазами и сорваться на безнадёжный тон. — Я не знаю, к кому бежать. Маршал меня поганой метлой погонит, потому что ему нужен проверенный человек. А я кто такой? Хрен с горы, у которого сестра проститутка. Таких, как я, тысячи, и я понимаю, что на всех добра не напасёшься. Но Ярик... блядь... Нас даже поддержать некому. Родители сдохли, мы вдвоём с Каринкой в этом дерьме варимся. Понимаешь?

Меня передёрнуло. Незнакомцу хорошо, если двадцать исполнилось, а сестре и того, наверное, меньше. Перед глазами тут же вспыхнули воспоминания тринадцатилетней давности; мы с братом остались одни, когда он готовился к сессии на втором курсе, и теперь я даже не представляю, кем бы вырос, если бы Маркус тогда не вывернулся наизнанку и не оформил опеку.

«Если Карина так в меня вцепилась, значит, она знает об этом. Какая же лажа...»

— У меня встречный вопрос: почему я? Почему Карина не обратилась к Маркусу, например? Да, он в Москве, но таскается сюда постоянно, и у него не только больше полномочий в этом плане, но и нет риска похерить репутацию, как у меня.

— Ну, как она сказала... Типа «я не расплачусь с ним, он слишком дорого берёт». Я, правда, не понял, дорого — это в деньгах или что.

— Хорошо. Почему на телефон не отвечала, когда я звонил сегодня?

— Потому что это мой телефон, а я его чисто физически не мог достать. В этом сраном автобусе все как кильки набились. Тачки-то нет, и на мотор ценник конский.

— Ты работаешь?

— Конечно! Но я только с уника вылез, копейки собираю... Ярик, — взмолился парень, — я не продажник. Я не умею убеждать и давить. Мне это нахер не надо. Но мне Каринку жалко, она же в эту срань от безысходности влезла. Я все свои бабки с уника потратил на похороны, а Каринка пошла пиздой торговать, чтобы я не вылетел за неуплату. Она же сдохнет, пока я заработаю на все её неустойки!

— Давай без истерик, — ровно сказал я, понизив голос, и незнакомец волнительно закачался на стуле, не в силах держать в себе поток эмоций. — Зовут как?

— Меня?.. А, Рома.

— Прекрасно. Слушай, Рома: я не обещаю тебе решение прямо здесь и сейчас, потому что для меня это колоссальные риски. Но я готов взять небольшую паузу, чтобы всё это обдумать. Карина, как я понимаю, будет ещё с неделю восстанавливаться, если не больше, поэтому давай мы с тобой созвонимся или спишемся завтра вечером. Попробую что-нибудь придумать, но, Рома, повторюсь: не обещаю. Понял?

Мой собеседник благодарно закивал. Я стерпел то, что он нарушил все мыслимые и немыслимые правила приличия; передо мной сидел рано повзрослевший мальчишка, ещё не наученный сервису и манерам, коротко стриженный, голубоглазый, скуластый, и я почувствовал себя загнанным в угол.

— Кто ты теперь по профессии?

— Юрист, — ответил Рома, шмыгнув носом. — Работаю в конторе, банкротство людям оформляю. Полтинник чистыми есть, но сука, я как будто совесть свою закапываю каждый день.

— А так всегда. Либо ты делаешь благое дело, но за копейки, либо не очень благое, но за хороший процент. Я со своей стороны могу спросить у брата, есть ли у него на примете что-то приличное, и дать ответ уже либо сегодня ближе к ночи, либо завтра утром.

— Ты заберёшь за это всю мою зарплату? — сказал Рома одновременно с иронией и зыбкой надеждой.

— Я не уверен, что буду это оценивать, а если и буду, то мне заплатит компания, а не ты. Что-нибудь закажешь, пока я здесь?

— Не, я ж не потяну.

— Я оплачу.

Рома сконфузился.

— Дофига добрый, что ли... — буркнул он себе под нос, и я сердито сдвинул меню в его сторону.

— Я предлагаю один раз. И ещё: ты только со мной выбрал такую безобразную манеру общения, или тебя в универе даже элементарному не научили?

— Научили. — Рома подтянул на край стола красочную презентацию блюд и взялся неловко её листать. — Но я не со зла, наобум просто... Я знаю, что у какого-то клиента именно эта схема лучше всего сработала, ну, и попробовал. Пошёл ва-банк, короче.

— На будущее, Ром: неважно, о чём ты просишь, и неважно, что у тебя случилось. Прежде, чем так экспериментировать, сначала убедись, что визави поймает твою волну. Тебе повезло, что я очень редко сразу выхожу из переговоров, но я всё же известная личность и уважаемый профессионал. Такой резкий переход на «ты» со всеми вытекающими произвёл на меня крайне неприятное впечатление, но если я ещё закрыл на это глаза по своей прихоти, то другой на моём месте велел бы вышвырнуть тебя за порог. Это понятно?

Собеседник пристыженно покивал. Он попросил у меня разрешения взять двойную порцию горячего, потому что ресторанная еда сильно уступала порциям из столовых, и алкогольную «Малиновую симфонию».

— Ты, главное, сестру не обнадеживай, — сказал я, готовый к отъезду, и оплатил счёт. Официант ушёл довольный с пятисотенной бумажкой в кармане; Рома с удовольствием вдохнул аромат малины из бокала и посмотрел на меня с такой благодарностью, будто за пару тысяч я купил ему счастливый лотерейный билет.

— Не буду. Ярослав, — обратился он ко мне уже размеренным сильным голосом, — я хочу, чтобы ты знал: Каринка у меня бесценная. Даже такая. Ты поэтому лучше сразу напиши, если вдруг обломается всё. Ладно?

— Не переживай об этом. Не получится одним путём, пойдём другим.

Рома с улыбкой покивал, и я, попрощавшись, вышел под морозящий противный дождь. Изуродованная Карина заняла собой все мои мысли; с одной стороны мне категорически нельзя в это снова лезть, потому что я не выберусь, а с другой ситуация упёрлась в совесть и человечность по отношению к таким же сиротам, как и я. Как и Маркус. Ведь не каждая проститутка безродная, и не каждую кто-то способен, как Рома, рискованно отбивать.

Я сел в машину в состоянии душевного раздора. Среди людей, способных мне помочь или хотя бы подсказать, были только друг и брат, но Мишу запрягать во что-то второй день подряд я посчитал неприличным и потому написал Маркусу, что помимо личного разговора будет ещё и деловой.

«Как иронично — совсем недавно утверждать, что я всё разгребу сам, а теперь просить помощи».

Я усмехнулся. Намечался очень интересный вечер.

Глава 16. Гость

— Я поговорить хочу. Без Кости. Наедине, — сказала Ася, когда Маркус ей в дороге перезвонил и коротко уточнил, в чём дело.

— Не вопрос, дорогая, но могу предложить только среду с одиннадцати до двух. Раньше никак.

— Да я и не тороплю, Мар, это не срочно. В среду у меня как раз мама приедет, они там с Серёжей погуляют, а мы с тобой посидим спокойненько, поболтаем. Я, если что, не планирую мучить тебя все три часа, но мало ли...

— Ася, — успокоил адвокат, — я буду слушать тебя столько, сколько нужно, в пределах своего свободного времени. Это, во-первых, моя работа, а во-вторых, для меня твои просьбы раз в пятилетку — отдых, а не мучение. Так что расслабься.

— Хорошо, — тихонько засмеялась Ася, приобняв себя в кокетливом движении тела. — Мне так нравится это твоё «расслабься». Оно звучит твёрдо, но от него как-то сразу тепло становится. У Кости оно совсем другое.

— Конечно. Мало скопировать само слово, нужно ещё и речевую манеру перенять. А она в оригинале только у меня. — Маркус вышел из машины, и девушка услышала, как он поставил её на сигнализацию. — Ладно, Ась, я пойду. Если что-то изменится до среды, звони сразу. Давай.

Адвокат положил трубку. Он расценил её молчание как повод закончить разговор, и Ася поддалась очень лёгкому налёту грусти от того, что не успела с ним в ответ попрощаться.

«Ты мне нравишься, Мар, это правда, — подумала девушка и сбросила руку с плеча, как будто в этом её положении было что-то непристойное. — Очень нравишься, но у меня к тебе юная девчачья влюблённость безо всяких подтекстов. Если бы я действительно фантазировала, мы бы уже давно переспали, но десять лет дружбы, господи... За десять лет я никогда не опошляла наши близкие отношения. Это же дикость! Но спасибо Косте. Теперь я знаю, что у него в голове даже самые светлые чувства бывают с подковыркой».

Асю не отпускала досаждающая злость. Адвокат её приглушил на время звонка, но после она вернулась и продолжила так же целенаправленно вытягивать обиду, прикрытую зрелостью суждений в ночном диалоге. Ася проглотила желание ничего не выяснять и не вдаваться в подробности оскорбительной подначки; о сексе втроём она и раньше задумывалась, не примеряя третьими знакомых и друзей, но собиралась принести это как идею для разнообразия, а получила как завуалированный упрёк. И что бы Ася ни говорила себе в защиту намерений Кости, внутренняя гармония пошатнулась.

Лодка семейной жизни поплыла дальше, девушка со дна вновь пересела на скамейку, но качка истощила в этот раз, и Ася кинула задумчивый взгляд на тёмную воду за бортом.

Она очень старалась быть отличной женой, понимала и принимала всякие дурости мужа, но вчера в искусстве перевода стрелок он превзошёл сам себя. Настолько, что девушка почувствовала себя впервые униженной — Костя в ответ на придуманное «хочу» будто собрался швырнуть ей Маркуса под ноги как вещь какую-то, ведь о чувствах и желаниях адвоката речи не шло. Это и стало камнем, разбившим опору морального равновесия.

Видеодомофон оповестил о приходе Павла громким переливчатым звонком. Ася придиричиво рассмотрела черты невозмутимого лица через монитор у входной двери; она с минуту подержала гостя за порогом запертой квартиры, наблюдая, как он без суеты расстёгивает удлинённую куртку и прячет в её карман ключи с брелоком от машины, глубоко вздохнула и встретила парня с очаровательной улыбкой.

— Добрый день, — сказала девушка, и Павел в ответ любезно приподнял уголки губ.

— Добрый день, Анастасия. — Он быстрым движением тела показал на вход позади себя.
— Вы открыли мне, ничего не спросив. А вдруг это был бы не я?

— Ну, как же не вы? — уверенно проговорила Ася. — Я видела ваше лицо в документах, да и кроме вас я никого не ждала в это время. Вы Павел же, верно?

— Верно, — согласился гость, уже открыто улыбаясь.

— Тогда заходите. Будете мой новый фруктовый чай? — спросила девушка, пока визитёр устраивал тяжелые ботинки на железной полке и вешал куртку в гардеробный шкаф.

— Да, не откажусь, спасибо, — кивнул он, недолго думая, и хозяйка повела его за собой в просторную кухню-гостиную.

«Какой вежливый мальчик».

Ася включила чайник и с баночкой ароматной травяной заварки в руках задумалась, как ей дальше повести беседу: оставить образ деловой женщины или показать домашнюю натуру, далёкую от бизнеса, конкурентов и дел, из-за которых ей как раз и понадобился личный вооружённый телохранитель. Дел, о каких ей муж не рассказывал, но она прекрасно всё знала и без него.

— Анастасия, — обратился к девушке Павел, — вам Константин рассказал, почему он нанял для вас охранника?

— Я могу только догадываться. — Ася в заварочный чайник насыпала тёмно-зелёные мелкие листья, перемешанные с кусочками фруктов. — Костя все проблемы бизнеса хранит в тайне от меня, поэтому я не знаю, что у него там происходит. Знаю, что он охрану при себе держит уже лет шесть. Ещё знаю, что Костя у меня вспыльчивый, так что, может, кому и наговорил чего лишнего. — Закипающая вода начала шуметь, и девушка замолчала, пока не раздался мягкий щелчок. — Я домохозяйка, Паш, — Ася перенесла всё необходимое на кофейный столик, — у меня бытовых забот полон рот, — она села на диван на расстоянии двух вытянутых рук от гостя, — но я всё никак не докажу Косте, что меня не надо оберегать от информации. Я не глупая. Если Костя ведёт какой-то незаконный бизнес, то у меня шансов не будет независимо от того, знаю я что-то или нет. От этого зависит только то, насколько быстро я умру в худшем случае. Ой... Ничего, что я вдруг на «ты»? — участливо спросила хозяйка, прихлебнув из чашки.

— Ничего, я к этому лоялен. — Павел осторожно подул на исходящий паром напиток и вдумчиво его распробовал. — Очень интересное послевкусие.

— Да, надо будет ещё заказать. Шикарный купаж. — Ася допила содержимое чашки и покачала ей в воздухе. — Ты наливай ещё, если хочешь, и, Паш, давай тогда взаимно на «ты», хорошо? Не против?

— Нет. Я же как собака, — шутливо ответил гость и последовал совету Аси, налив себе новую порцию чая. — Собаку же на «вы» не называют, а клиенты редко когда считают охранников за людей. Мы для них чаще — цепные шавки, поэтому обращение на «ты» уже давно привычно. Я ни в коем случае не хочу тебя обидеть. Я это всё к тому, чтобы ты зря не беспокоилась о моём комфорте.

«Какое жуткое сравнение... Надеюсь, Костя своих ребят шавками не считает?»

— Я бы, скорее, возмутилась, чем обиделась. Это же надо так одуреть от денег и проблем, чтобы других людей собаками считать. Я понимаю, когда тебя называют обслугой, тут есть, за что, но собакой?

— Знаешь, за те деньги, которые мне платят, я могу даже погавкать, — рассмеялся Паша, и девушка осуждающе покачала головой. — Да ладно тебе. Всё это терпимо. Со временем оно реально превращается для тебя в некий стандарт профессии, но с другой стороны, может, я такой везучий. Я у других ребят не спрашивал, как у них дела с клиентами. Они все молчаливые, как старые опера, но если в офисе как-то пересекаемся, то я понимаю, что они вечно хмурые только из-за клиентов.

— А ты? — совершенно искренне любопытствовала Ася; в планы эта волнующая реакция не входила, но в беседе с человеком, отлично владеющим аналитикой и психологией, способным просчитать мотив, если поймает на чувственной лжи, она повысила уровень доверия. Паша немного расслабил собранную статичную позу. — Ты тоже будешь таким же хмурым по привычке?

— Не знаю, но ты вроде не похожа на плохого босса.

— Я похожа на типичную маму, — развеселилась девушка и накрутила прядь волос на указательный палец. Новый телохранитель не выглядел как ребёнок; у него лицо молодое, ни страшное, ни красивое, без проглядывающей детскости в чертах, и причёска ровная, без юношеского сумбура. Под тёплой однотонной водолазкой Ася разглядела сбитую крепкую фигуру, но почему-то не увидела в парне того, что носили внутри охранники мужа. — А вот тебя в роли защитника почему-то никак не могу увидеть. Ты сколько уже работаешь в охране?

— Год. Почти год.

— Тебе нравится?

— Я привык. — Паша в короткой паузе проницательно взглянул Асе в глаза. — Открою тебе один маленький секрет: если ты чего-то во мне не видишь, а оно по логике вещей должно быть, значит, я прекрасно отрабатываю свою роль. Константин о тебе рассказывал, как о милой принцессе, поэтому я подумал, что золотой стандарт охранника тебя испугает. А образ хорошего приятеля вполне сойдёт. Тебе нравится?

Ася недоумённо хлопнула ресницами. Паша вернул ей вопрос, обойдя неловкую тему, и девушка на волне азартного отклика изнутри одобрительно расхохоталась.

— Да, нравится. Но начнём с того, что у Кости обо мне очень однобокое представление, а вот с тобой у нас, походу, будет очень занятная история.

Паша растянул губы в довольной улыбке и вернул пустую чашку на блюдце. Разговор продолжился, но первое, что Ася холодно произнесла, когда перестала смеяться, погрузило гостя в состояние прежней собранности.

— Вот что, Паш: я не принцесса и никогда ей не была. Соответственно всё, что ты каким-либо образом узнаешь, должно остаться строго между нами. Договорились?

— Договорились, — твёрдо ответил парень. Девушка тряхнула головой, убрав с лица доброжелательную бодрую маску, размяла правой рукой шею и плечи и протяжно вздохнула.

— Отлично. Свози меня погулять. Начнём с малого.

Глава 17. Жаркий Петербург

Кнопками на подлокотнике Маркус отрегулировал широкое кожаное кресло, разложив его на максимум. Он ехал в одиночном левом ряду; «Сапсан» отправился в северную столицу в шесть пятьдесят утра, и Маркус пока отказался от предложенного завтрака, надев маску для сна.

Мужчина проснулся в пятом часу и зашёлся глухим надрывным кашлем. Его квартиру сплит-система за несколько часов проморозила до уличной температуры, тело на такое безобразие ответило жаром и ломотой, и в душевой комнате Маркус упёрся руками в края глубокой раковины, со свистом выдыхая воздух через рот.

«У тебя ровно час, чтобы привести себя в порядок».

Адвокат не испытал ни удивления, ни расстроенных чувств. Ополоснулся в душе, как в любое другое раннее утро перед командировкой, пошатываясь, добрёл до кухонного шкафа, где в коробке хранились лекарства, и вынул из неё проверенное временем жаропонижающее и спрей для горла. Привычный порядок действий, когда не знаешь слова «больничный».

В кресле поезда он отключился почти мгновенно. Перед этим успел заметить, как на него с соседнего ряда заинтересованно смотрит какая-то размалёванная брюнетка, и будь у него сейчас не такое разбитое состояние, мужчина поиграл бы с ней. Однако чувство, что тебя как будто накануне знатно отпинали, не располагало даже к мимолётной дежурной улыбке.

За полчаса до прибытия стюардесса очень аккуратно разбудила Маркуса и принесла ему горячее, овощную нарезку и стакан кофе. От вина ему пришлось отказаться; девушка сочувственно улыбнулась, поставив мужчине завтрак на разложенный столик, и тихонечко спросила, не нужна ли ему медицинская помощь. Он удивился такому вопросу; работница объяснила, что во сне Маркус начал хрипло дышать через приоткрытый рот, незаметно для других пассажиров, но волнительно для неё, и мужчина её успокоил.

— Нет, я в полном порядке, спасибо. Извините, что заставил переживать.

Он проводил глазами участливую стюардессу, которая также любезно наклонилась с вопросом к девушке в первом ряду.

«На самом деле мне очень паршиво, но кому нужны лишние проблемы?»

Адвокат невольно усмехнулся. Он неторопливо позавтракал, отрешённо глядя в окно, растянул капучино до самого Петербурга, до моста над Обводным каналом, и велел заботливой работнице принести ему самый дорогой шоколад из ассортимента. Она вернулась, держа в руках молочный «Mergé», и мужчина с обаятельной улыбкой молча вручил его девушке на выходе из вагона. Стюардесса буквально расцвела; он поймал её счастливую благодарность уже на перроне, обернулся и слегка махнул рукой на прощание.

«А теперь, Мар, будь так добр, не упади».

Адвокат пересёк набитый людьми зал ожидания Московского вокзала и вышел на площадь Восстания. По пути его несколько раз занесло; он случайно толкнул какую-то женщину в попытке её обойти, врезался плечом в иностранного гостя и на крыльце здания решил от греха подальше девятьсот метров до отеля проехать на такси.

«Опять давление, что ли, упало...»

На заказ откликнулся водитель на такой же чёрной «Audi», как у него; мужчина не стал отменять поездку, но почувствовал себя неуютно, взглянув на знакомую до мельчайших деталей приборную панель с заднего пассажирского места. Первый и последний раз он так ездил, когда его, битого, нашёл возле машины один из московских осведомителей и на ней же отвёз в больницу. Было это года четыре назад; без этого исключения Маркус всегда водил только сам и сейчас отвернулся в окно, чтобы не накачивали дурные воспоминания.

«Так. Сначала посмотреть, что у меня там с температурой, потом часок поваляться, потом в офис и оттуда к Авдееву. Потом пожрать, навестить Яра и от него уже к Кристине. Блядь... — недовольно вздохнул Маркус. — Мало того, что я устану как собака во всей этой беготне, так ещё и простуда подкосила. А если я приеду к Кристинке как выжатая тряпка, она мне больше такого одолжения не сделает».

Он выбрался из машины хмурый и, растянув у сумки с вещами длинный ремень, повесил её на плечо. В отеле на стойке регистрации мужчину встретила опытная сотрудница, которая без вопросов отдала ключ от номера и пожелала хорошего дня. Она выучила требования гостя, что во время его пребывания в отеле номер убирать не нужно, стучаться в него — тоже, как и предлагать что-либо из дополнительных услуг, и Маркус однажды очень резко осадил её начальство, когда услышал за спиной претензии по поводу «непродажного диалога». Он ничего не хотел — ни спа, ни транспорт. Он приезжал сюда отдыхать, в том числе от людей, потому что в Питере это единственное место, где он мог на время расслабиться.

Внутри номера Маркус опустил сумку на пол, кое-как разулся и встал, опёршись плечом о стену. Мир у него перед глазами плясал и расплывался; мужчина ещё в такси почувствовал, что ему вновь необычно жарко, и тёплое чёрное пальто здесь ни причём. Он бросил его на пол у порога, с трудом пожевал закуски, оставленные заранее на кофейном столике, затем измерил температуру, выпил необходимые лекарства и свалился на высокую двуспальную кровать животом вниз.

Уснул. Проснулся от мелодии будильника в половине первого и в душе, обливаясь горячей водой, не без радости подметил, что ему значительно полегчало. Жар отступил, и надоедливая ломота больше не подкашивала ноги.

«Это хорошо. С такой падлой, как Авдеев, надо держать лицо, а то раскатает, не отбреешься».

Маркус отодвинул перегородку по борту ванной и встал на белое мягкое полотенце. В полузапотевшее зеркало он блудливо улыбнулся. Мокрые тёмные волосы упали растрёпанными прядями на глаза. В чёрный кружевной узор под грудью, похожий на птицу с длинными крыльями, стекающая по телу вода словно добавила цветности, и мужчина пожалел, что такое шкодливое настроение достанется не Кристине.

«С каким удовольствием я бы трахнул её прямо сейчас, а всё остальное доделал бы после. — Он мечтательно вздохнул. — Но, как ни прискорбно, Звёздочка у меня на то и Звёздочка, что днём её не взять, так что, Мар, закатай-ка губу, как говорится, и вали работать».

Адвокат вышел из ванной комнаты без халата босым и начал собираться, надевая каждую деталь одежды с особенным вниманием. Как ритуал — движения чёткие, но неторопливые, на галстуке узел отдельно для Петербурга сложный, завязанный с первого раза, не дилетантский; часы на правую руку, туда же — кольцо на указательный палец, на губы — крошечную каплю масла, чтобы не трескались на ветру. Ещё пара движений миниатюрным роликовым флаконом по шее, небрежный жест пальцами по уложенным волосам — и ритуал закончен. Правда, радости Маркусу надолго не хватило.

Он вызвал такси до офиса на Обводном, и в машине опять закружилась голова. Слабее, чем на перроне, но ощутимо, чтобы заставить адвоката нервничать.

«Если я шлёпнусь тут в обморок, Костя за мной приедет лично, но зачем конкретно он приедет, — отмудохать меня или выдать внеплановый отпуск, — это большой вопрос».

Такси остановилось на парковке. Маркус пересел в свою корпоративную «Audi», сиротливо стоявшую в самом дальнем углу возле дороги, и переставил её ближе к центральному входу. Как он собрался на ней рассекать по городу, когда в глазах мир как у астигматика, и голова не на месте, как чужая, непонятно. Тем не менее мужчина положил в бардачок новую «электронку» и пачку обычных сигарет, пошарил там же в горе всяких чеков и документов в поисках зажигалки, а нащупал забытый шокер.

«О, мой новогодний подарок, — усмехнулся Маркус. — Ни разу не пригодился».

Он захлопнул бардачок и вышел из машины, сунув свободные руки в карманы пальто. С собой в этот раз ни портфеля с документами, ни пропуска — мужчина попросил у девочек на ресепшн «гостевой», поднялся к себе в кабинет и забрал из него большой горизонтальный пакет с объёмным пуховиком, в который Чернов упаковал полный наличности кейс.

«Удивительно, что мы не встретились, а то мне вечно везёт увидеть его в самый неподходящий момент».

Белов мельком глянул на часы. В четырнадцать семнадцать он вошёл в офис и в четырнадцать тридцать вышел. На фоне «летающего» состояния без лишних мыслей, но предельно сосредоточенный, как пьяный на пути домой, Маркус управился даже быстрее, чем планировал; он улыбнулся девушкам из бухгалтерии, которые возвращались весёлые после обеда, и те, обратив внимание на пакет, радостно похвалили его постоянную личную заботу о нуждающихся.

«Эх, девчонки, срать я на них хотел, если честно, но без этого же к вам не подкатаешь, когда надо».

Эмблема фонда помощи бездомным, как и всегда, сыграла на руку; пуховик адвокат забросил по дороге в первый попавшийся благотворительный контейнер, а с кейсом без остановки направился к Авдееву. Кирилл Авдеев, он же Финансист, он же «упырь, из-за которого после разговора хочется выйти в окно», знал десятки способов отмыть «грязные» деньги и помогал в этом Белову, но сегодня тот ехал к нему ещё и по поводу брата, потому что Владимир не стал бы трогать Яра без отмашки Финансиста. Ладно хоть Миша — с караульными вышла разница в полчаса — заранее предупредил об этом инциденте, а то получился бы очень неприятный сюрприз и продление командировки за свой счёт.

Маркус остановился во дворе на Садовой. Маленький бар на цокольном этаже, даже, скорее, не бар, а наливочная в подвале, встретила мужчину запертой дверью, но тот постучал в неё тремя громкими ударами костяшек по металлу, и замок открыли поворотом ключа изнутри.

— Здорово, Мар, — усмехнулся встречающий. Лысая голова мелькнула в дверном проёме вместе с прищуренным после травмы глазом.

— И тебе не хворать, — похожей усмешкой ответил адвокат, проходя внутрь. — Босс на месте?

— Да уж давно. И босс, и Гончий тут. Ну и я, естественно.

— Нечестно трое на одного, — подшутил Маркус, и лысый подхватил его настрой, несильно, дружески, толкнув мужчину кулаком в плечо.

Тот машинально вскинул руку, на секунду потеряв равновесие. В полутьме картинка перед глазами поплыла ещё больше, и Маркус едва не оступился. Тусклый свет горел только над дальним столом возле барной стойки, где на одном широком диване расселся немолодой, уже слегка оплывший, Кирилл и напротив него на другом диване — похожий на шпалу Гончий.

«Мало того темно, так ещё и душно невыносимо, — посетовал Маркус, перебрасывая снятое пальто через левую руку. — В прошлый раз он хотя бы вытяжку включил, а сегодня, походу, знает, зачем я пришёл, раз устроил такую душегубку».

— Здравствуй, Мар, — сально улыбнулся Кирилл, протянув адвокату руку. Тот её пожал, перегнувшись через большой квадратный стол, и сразу так же поздоровался с Гончим. — Сколько там?

— Два «мульта». — Белов, усевшись на диван, открыл перед Авдеевым кейс, и мужчина неприятно почавкал, оглядев купюры.

— В прошлый раз было больше.

— В прошлый раз я привозил свои деньги, а сегодня — чужие. Будешь пересчитывать?

— Ты и сам считать умеешь. Зачем я буду делать твою работу?

— Не делай. Делай свою. Когда раскидаешь бабки и принесёшь отчёт, я заплачу тебе десять процентов от этой суммы.

— Две сотни налом... — снова почавкал Авдеев. — Неплохо, но лучше три.

— С хрена ли?

— Чужие деньги, сам же сказал. Это совсем другая ответственность.

— Такая же, — отрезал Маркус, удержавшись от порыва немного ослабить галстук. — Это деньги Кости, поэтому две сотни, и вопрос закрыт.

— Две сотни, и твоя блондинка.

Адвокат от неожиданности крикнул и расхохотался.

— Она не моя. Бери, если хочешь. Номер Маршала ты знаешь.

— Не-не, Мар, она мне нужна по твоему ценнику. Я же знаю, что она тебе нолик из чека вычёркивает.

— Да, вычёркивает, но я плачу ей щедрые чаевые, и сумма выходит больше изначального чека. Она знает мою манеру. Если кому-то нужно дешевле, то я плачу дороже, так что, Кирилл, две сотни, и впредь не думай, что я гондон, который экономит на удовольствиях.

Гончий по правую руку завистливо хмыкнул и покачал головой. Авдеев задумчиво пошевелил губами, глядя на полный чемоданчик денег.

— Ты реально гондон. Мне даже крыть нечем.

— Расслабься, — гадко улыбнулся Маркус. — Впереди ещё одна тема, и я уверен, там ты точно разгуляешься. — Он размеренно, чтобы его никуда не мотнуло, поднялся на ноги и всё-таки ослабил галстук. — Продолжим через пять минут. И включи, ради бога, вытяжку, а то тут сдохнуть можно.

Кирилл удивлённо поднял брови, но Маркус это воспринял как реакцию на его наглость. Мужчина отправился в уборную; в кабинке он прикрыл глаза и тут же покачнулся, а возле раковины вновь упёрся ладонями в её край — так же, как сделал это рано утром у себя дома.

«Да что ж как паршиво-то...»

Видимо, он простоял так немало времени, потому что в уборную зашёл лысый и скорым шагом двинулся прямо к нему.

— Ты чё тут застрял? — осведомился мужчина и взял Белова за плечи. — Мар?

— Жарко у вас, Михалыч... — полушёпотом выдал Маркус, повернувшись к собеседнику с тяжёлым глубоким дыханием.

— Жарко? — недоумённо переспросил Михалыч и коснулся его лба. — Ёб твою мать, да ты весь горишь! Господи...

Маркус невесело рассмеялся, тихонько, хрипловато. Лицо мужчины перед ним размазлось.

— И хуле ты ржёшь-то, а? — взволнованно бросил Михалыч и громко позвал на помощь. Это последнее, что услышал адвокат перед тем, как его реальность выключилась.

Глава 18. Клиника

Сказать, что я охренел под вечер, — это ничего не сказать. Меня вызвонил главврач из частной клиники и сказал, что Маркуса привезли туда в полуневменяемом состоянии — с высокой температурой и спутанным сознанием. Как я умудрился не растеряться и мгновенно предупредить его о сохранении инцидента в тайне — вопрос интересный, потому что с Мишей только вчера разговаривали, и я очень убедительно распинался, в какую панику ударюсь в подобном случае. Не ударился почему-то; даже наоборот — на волне раздражения с холодной головой и плотно сжатыми губами собрался за пять минут, сел в машину и поехал по названному адресу.

«И пусть только попробует встретить меня своей сраной лживой улыбкой. Я ему такое устрою, что он при мне вообще улыбаться перестанет».

В клинике меня пробило на нервный смех. Девочка-администратор вытащила из себя, наверное, годовой запас вежливости. В её перепуганных глазах отразился бесконтрольный внутренний переполох, с которым она не справлялась, и он выплёскивался дрожью тонких бледных рук. Я мягко попросил её не превращать ситуацию в катастрофу вселенского масштаба. Да, московского гостя такого уровня здесь не ждали; судя по тому, как бегали врачи из кабинета в кабинет, взмыленные, как лошади на скачках, руководство клиники, видимо, пригрозило им голым окладом, если что-то пойдёт не так. Я в это время молча наблюдал за происходящим, изредка поднимая глаза от бумаг, и надеялся, что они все просто сошли с ума, и меня не ждёт какая-то из ряда вон выходящая правда о Маркусе. А если и ждёт, то пускай не та, которая снесёт к чертям собачьим границу между ним и адвокатом, которую я столькими трудами выстроил.

Администратор забрала у меня заполненные документы и провела за собой в кабинет главврача. Первое, что я сделал, когда мы взаимно поздоровались, это высказал недоумение по поводу хаоса среди его подчинённых.

— Я не вижу повода обхаживать Маркуса с таким размахом. Это же не президент, в самом деле.

— Да, но понимаете, — застелился мой собеседник, высокий, выше меня, мужчина за пятьдесят, седой наполовину, с ясными голубыми глазами, — Маркус Александрович у нас персона очень известная, и нам за него голову открутят.

— Интересно... — Я про себя прокатал на языке отчество, которое даже в СМИ давно уже не светилось. Только имя и фамилия по личной прихоти брата. — И чем же он таким известен, кроме того, что он успешный адвокат?

— Как раз именно этим, — растерянно заикнулся главврач. Он удержал заискивающее выражение лица, но почти неразличимую заминку я всё равно услышал. — Он такой один, остальные ему в подмётки не годятся, и нам сейчас категорически нельзя ошибиться в диагнозе и лечении. Предварительно у него сильная простуда, но всей картины я не знаю и жду ответа из клиники, которая ведёт вашего брата в Москве.

— Да? — хмыкнул я и быстро глянул на золотой бейдж, висевший на груди мужчины. — Вячеслав Антонович, я наивный и вижу в людях лучшее, но дураком никогда себя не считал. Вам привезли человека, который всего лишь является прекрасным видимым профессионалом, однако все вокруг этим напуганы. У девочки на ресепшн трясутся руки, врачи бегают как ужаленные, а вы, уж извините мою профессиональную внимательность, запнулись в начале ответа. — Я подошёл к столу врача вплотную, опёрся на него ладонями и напряжённо посмотрел Вячеславу в глаза. — Я хочу понимать, что здесь происходит. И только не говорите, что у вас нет полномочий что-либо рассказывать. Я уверен, что вы уже обо всём доложили Константину Матвееву. Так доложите и мне, будьте любезны.

Вячеслав Антонович судорожно вздохнул и сел на своё место, положив руки со сцепленными в замок пальцами перед собой. Мой ангельский внешний облик покрылся нехорошей тенью; манера переговоров у меня всегда была дипломатичной и мягкой, но сейчас, как бы я ни хотел остаться таким же миролюбивым, захлестнувший гнев заставил уподобиться Маркусу.

— Да, вы правы, — обречённо согласился врач, — Константину Сергеевичу мы позволили сразу, и он приедет сюда через несколько часов. Это одна из причин, по которой я поставил на уши весь персонал. Всё-таки Константин спонсировал строительство этой клиники. Мы не можем его подвести. А вторая причина — это люди, которые вместе с вашим братом приехали на карете «скорой помощи». Я могу о них рассказать только то, что они — влиятельные друзья нашего руководства, а я проблем не хочу. У меня их и так немало.

— Спасибо и на этом, — сказал я и выпрямился, оттолкнувшись от стола. — Маркуса можно увидеть?

— Да, я вас провожу. — Вячеслав Антонович поднялся и указал рукой на дверь кабинета. — Пойдёмте.

Я вышел в коридор и подождал, пока главврач закроет дверь на ключ.

— Температуру мы сбили, — объяснил мужчина в пути до палаты, — но необходимость госпитализации Маркус Александрович воспринял в штыки.

— Это нормально, — бросил я, не глядя на собеседника. — У него столько работы, что в больнице лежать некогда. Но я не намерен его отсюда забирать.

— Я попытался убедить его, чтобы он не горячился. Мы дождёмся Константина Сергеевича, и я надеюсь, он будет со мной солидарен.

— Будет. Не убедите вы, послушает меня.

Мужчина обеспокоенно покосился в мою сторону.

— Вам бы тоже успокоиться, Ярослав Дмитриевич.

— Вячеслав Антонович, — отозвался я с металлическими нотками в голосе, не сбавляя ход, — пожалуйста, перестаньте обращаться к нам по отчествам. И я, и Маркус не просто так их не используем.

— Как скажете, Ярослав, — смутился врач, — простите ради бога.

Я промолчал. Мужчина развернулся ко мне лицом возле палаты на первом этаже, открыл дверь и пустил меня внутрь.

— Маркус, — обратился он к пациенту, едва не забыв о моей недавней просьбе и нелепо зажевав букву «а», — к вам Ярослав.

Я кивнул Вячеславу, дождался, когда он закроет дверь с другой стороны, — благо, на это потребовалась пара секунд, — и Маркус даже поприветствовать меня толком не успел, как я зарядил ему смачную оплеуху.

— За что?! — ошарашенно спросил он, прижав ладонь к пылающему лицу. Его переодели в плотную больничную пижаму, и до меня дошло, почему он так ненавидит корпоративный запрет на чёрные рубашки. Белый цвет обострял его природную бледность кожи, не создавал с ней яркого контраста, и она приобретала «мертвецкий» оттенок. Только за счёт очков в ониксовой оправе и строгой чёрной «двойки» это было не так заметно.

— За то, что ты никогда ничего не рассказываешь. — Я присел на край постели. — Я только и слышу все последние восемь лет, как ты уехал в Москву, что у тебя всё хорошо. И это вот так оно выглядит, твоё «хорошо», да? Когда ты с обычной простуды в обморок падаешь?

— Яр, — протянул с улыбкой Маркус, и я тут же на него шикнул, подняв руку и согнув пальцы, точно собрался невидимыми когтями вцепиться брату в горло.

— Сотри эту грёбаную улыбку с лица. Ты всегда ей прикрываешься, когда хочешь обезоружить, но не прокатит. Не сегодня. Сегодня я хочу, наконец, узнать, что же у тебя за жизнь такая, что тебя ведут врачи в Москве, и что здесь ты вдруг оказался в палате вместо отеля. — Я глубоко и шумно вздохнул. — Твою ж... Не так я представлял себе этот разговор.

— Яр, — всё равно улыбнулся Маркус, — расслабься. Я не первый раз так падаю, потому что иногда у меня давление шалит. Московские врачи по запросу тебе скажут то же самое, поэтому всё реально в порядке. Не злись.

— А Матвеев знает, что это не впервые?

— Нет, — не сразу ответил брат. Я хмыкнул.

— Теперь знает. Ему уже позвонили, и он летит сюда. Полагаю, для него это тоже стало очень неприятным сюрпризом. Что скажешь?

— Скажу, что ребята меня очень сильно подставили, — недовольно проговорил Маркус и отвёл задумчивый взгляд. Я не удержался, взял его за подбородок и развернул к себе.

— Какие ребята?

— Которые вызвали «скорую», — не медля сказал Белов-старший. Он растерялся и замер, потому что собственные фишки против него ещё никто не применял. Особенно Маркус не ожидал этого от меня.

— Почему?

— Потому что Костя внезапно опомнился, что за столько лет надо бы покопаться в моей жизни. Он вытрахал мне мозги вчера вечером, и за всё вот это, — брат обвёл глазами палатную обстановку, — вытрахает их ещё раз, когда придет.

— А я с удовольствием добавлю. — Мои губы растянулись в издевательской усмешке, которую Маркус не оценил. Он крепко перехватил мне запястье и прижал руку к постели.

— Ты говорил, у тебя есть ко мне деловой разговор. Давай-ка начнём с него.

Старший Белов закашлялся, и я из ослабевших пальцев сразу освободился, растерев покрасневшую кожу.

— Не вопрос. Нужно поручиться перед Маршалом за одну проститутку, и мне нужна твоя помощь.

Маркус ещё раз сдавленно кашлянул и уставился на меня исподлобья с таким выражением лица, будто я попросил его спуститься в Ад, не иначе.

— Чего, блядь?

Я пересказал ему вкратце детали встречи с Ромой. И про Карину, и про то, как её «красиво» разукрасил один из клиентов, и про парня, который чуть не расплакался передо мной. И самое главное, про то, чем это всё меня зацепило и заставило прийти с такой просьбой.

— Почему ты решил, что я тебе помогу? — осведомился Маркус.

— Ты знаешь Маршала и знаешь очень хорошо. — Я закрыто улыбнулся. — Не смотри так. Мне было, у кого спросить. Просто так я бы не стал об этом разговаривать.

— Дай угадаю, — сощурился брат, и в его голосе появилась неприязненная настороженность. — Миша?

— Он у меня не единственный информатор. Так что, — более твёрдо произнёс я, — могу я рассчитывать на твою помощь?

— Я всего лишь клиент, Яр. Мы не друзья.

— Да ну? Клиенты в барах с сутенёрами не зависают.

Маркус приподнялся и сел. Я очень близко увидел огромные зрачки и тонкие светло-серые полоски вокруг них, и старший Белов перешёл на хрипловатую приглушённую речь.

— Эй, не смей со мной так разговаривать. И в это дело не лезь, понял?

Он откинулся вновь на подушку — вернулся в полулежачее положение, и я с досадой сдержанно выдохнул.

— Это спасёт ей жизнь.

— Я сказал, не лезь, — процедил сквозь зубы Маркус. — Или с первого раза не доходит?

— Да почему, Маркус? — не выдержал я и сорвался на крик. — Почему? Если Карина погибнет из-за какого-то уroda, меня же совесть замучает!

Старший Белов на эмоциях мгновенно подскочил, но состояние подвело, и вместо ответа он начал заваливаться набок. Я рывком перехватил его за плечи, прижал к себе, и Маркус вцепился мне в правую руку, слегка повернув голову к шее.

— Закопай свою совесть куда-нибудь поглубже, — прошептал он, рвано дыша, — пока не закопали тебя.

«Ты сам меня таким воспитал. Какие теперь претензии?»

Я хмуро поджал губы и осторожно уложил брата на постель. Головокружение быстро отпустило его, он взглянул на меня прямо и осмысленно, и в этом пронизательном взгляде было больше мольбы, чем во всех уже высказанных словах.

Это сделало мой раздрай ещё более ощутимым, и я разозлился на воцарившийся мысленный беспорядок.

«И как теперь продолжать?..»

Глава 19. Подконтрольный

— У тебя адвокат в обморок шлёпнулся.

Костя резко затормозил посреди коридора. Мужчина спешил в кабинет, когда ему позвонил Авдеев, и новость ошеломила его до взрыва колючего холода внутри.

— В смысле?!

— В прямом. Я не знаю, как он сюда вообще доехал. Мало того, что его Михалыч в туалете поймал, так он ещё притащился ко мне в хлам простуженным. У него температура тридцать девять, хотя с виду я даже не понял. И ладно, мы ещё только начали разговор, он свалился, не отходя от кассы, как говорится. А если бы закончили, и он бы за рулём так отключился?

— Блядь... — придушенно выдал Костя. — Где он сейчас?

— У меня пока. «Скорую» ждём.

— Хорошо. Дай мне знать, куда повезут. Я как найду ближайший билет, сразу приеду. Прилечу... Не знаю. Разберусь, короче.

— Да в мою повезут, там ребята толковые. А ты не паникуй. Но слушай... Костолом, — усмехнулся Кирилл, — раз я это увидел, не могу не спросить: ты Мара в натуре держишь как ломовую лошадь? Наши пощёптываются, будто ты в его отношении форменной тиранией занимаешься. Витькину Марину же помнишь? Девка в дурку залетела, а твой что? Сразу в могилу метит?

— Я не знаю, кому выгодна такая чушь, — огрызнулся Костя, продолжив торопливый шаг. — Если Маркус появляется на людях в измотанном состоянии, то это вопрос не ко мне, а к нему, какого чёрта он это делает. Я ему в отдыхе никогда не отказываю.

— Верю, — хмыкнул Авдеев и что-то в трубку пожевал. — Давай тогда прилетай, приезжай, — он хохотнул, — приплывай, но шибко не мечись. Я уже дал отмашку, чтобы Мара не выпускали как минимум до выходных. А там сам решишь, что дальше.

— Понял. Спасибо, что позвонил.

— Да всегда пожалуйста.

Костя добрался наконец до кабинета и выронил ключи в попытке открыть его быстрее. Дверь осталась нараспашку; мужчина бросил документы, которые нёс подмышкой, на стол, и аккуратная стопка тут же разъехалась по нему в разные стороны.

«Походу, я зря тебя сдуру наградил полной свободой».

Костя плюхнулся на кожаное офисное кресло с высокой спинкой, поднял крышку ноутбука и написал заместителю, чтобы все текущие дела на сегодня и завтра он перехватил на себя.

— Константин Сергеевич, — обратилась к нему слегка запыхавшаяся секретарша, догнавшая босса ещё от лифтов, — договора можете подписать?

— Зайди к Артёму, он подпишет, — ответил Матвеев, оперативно забив данные в бизнес-агрегатор, и нашёл подходящий рейс до Петербурга с вылетом из «Внуково» через два с половиной часа. Не удостоенная даже мимолётного взгляда, секретарша без вопросов застучала каблучками до соседней двери. Костя усмехнулся, различив обиду в чеканной походке; он выключил ноутбук сразу, как прошла оплата, — сразу, если не считать нервирующего пятиминутного зависания онлайн-терминала, — заказал такси и на ходу записал для жены короткое голосовое сообщение.

«Вчера я хотел тебя придушить, — мысленно прошипел он, достав из памяти прошедший вечер, — а сегодня хочу этого ещё больше».

К разговору накануне Матвеев ещё не раз вернулся, пока смотрел в иллюминатор на мелкие редкие огоньки посёлков далеко внизу. Беспардонно нарушенные границы никак не выходили у него из головы. Почему он не смог отойти? Почему от воспоминания, как звучал умело заниженный обволакивающий голос, тело невольно замирает и наливается тяжестью?

Почему замерло вчера, превратив мужчину в загипнотизированного кролика? Ведь он сам не раз подходил к собеседникам слишком близко, заставляя их натянуться струной, но это не сравнится с эффектом вязкого пространства, в котором Костя вчера потерялся.

«Он меня схватил за рубашку, — подумал он, коснувшись верхних пуговиц. — Я точно мог вырваться, оттолкнуть его и отойти, но блядь... Что он со мной сделал, что я встал как истукан?»

Буквально выпал из реальности, уставился, едва дыша, в чёрные непроницаемые зрачки с фиолетовым бликом, вдохнул опьяняющий аромат духов, в которых до сих пор не смог угадать ни единой ноты, и потерял контроль над собой. Перестал быть властным над своими чувствами и восприятием.

«Он подчинил меня как марионетку, и я либо слепой ишак, либо он реально, сука, демон».

Бело-синий «Боинг» «Аэрофлота» приземлился в «Пулково» в начале девятого. Мужчина вышел из самолёта злым и накрученным до боли в скованных плечах, и сверху Петербург ещё добавил нудного ледяного дождя. Костя вызвал машину; на заднем сидении «Mercedes»-а он всю дорогу под тихую музыку и бой капель по стеклу мучительно размышлял, кинуться ли с порога на Маркуса, вывалить на него кипящую злость или подождать до выписки. Решил сориентироваться на месте. Главврач, утомлённый затянувшимся рабочим днём, его встретил лично, и с первым шагом по палате Матвеев поймался на том, что руки безвольно повисли плетьюми. Снова.

«Да ёб твою мать...»

Адвокат посмотрел на него спокойно и прямо, но не с вызовом, как обычно, и даже не полусонно, как вчера. Во взгляде Маркуса вместо чёрного пламени горела еле живая спичка, и Костя увидел оттенок беспомощности, которая тут же его обезоружила.

— Езжайте домой, Вячеслав, — сказал он тихонько врачу, повесив тонкую куртку на спинку стула возле кровати, и тот с очень плохо скрываемой радостью кивнул, — дальше мы тут сами.

— Спасибо.

Как только мужчина вышел, и щёлкнул дверной замок, Матвеев чуть согнулся и с протяжным глухим стоном уронил лицо в ладони.

— По твою душу плачет котёл в Аду, — проговорил он, выпрямившись.

— По твою тоже, — слабо засмеялся Маркус и надрывно сухо закашлялся. Когда приступ кончился, адвокат стыдливо отвернулся к стене, и тяжёлое свистящее дыхание напомнило Косте другую больничную палату — с тем же Беловым на койке, только с потёками крови на одежде и дыркой в плече.

— Что, — поддел он, — не мог остаться дома? Деньги бы никто не спёр. — Матвеев подвинул одеяло на краю постели и сел поближе к изголовью.

— Не мог, — отозвался Маркус. — Яра начали прессовать, и я ехал сюда в первую очередь из-за него. Если бы Финансист дал мне отлежаться, мы бы с ним договорили, а теперь я ничего не могу, и меня это бесит.

— С Кириллом я сам поговорю насчёт Яра. Он из-за долга куда-то влез, я правильно понимаю?

— Правильно.

— Почему не сказал мне?

— Потому что все проблемы с братом я решаю сам, и его сделка с Маршалом — это мой косяк. И Миши, дружба его, который взялся за дело, а меня в известность не поставил.

— И ко мне ты не пришёл, потому что детали не обсуждаемы? Как с сигаретами?

Адвокат глубоко натужно вздохнул.

— Да.

— Пизда, Мар, — на эмоциях бросил Костя, и Маркус повернулся к нему с настороженным выражением лица. Матвеев его никогда прежде кратким прозвищем не называл, потому что считал его слишком вульгарным. — Чем больше я узнаю о тебе и твоей жизни, тем больше мне это ни хрена не нравится.

— Готов передумать? — прищурился адвокат, изменив подозрение на лукавство.

— Нет, — процедил в ответ Костя и надолго безмолвно всмотрелся в глаза напротив. — Сука... И жалко, и придушил бы прямо на месте.

Мужчина поднял руку, как будто целится пальцами в шею, но держится из последних сил.

— Ты не первый в очереди.

Белов издевательски улыбнулся, едва запрокинув голову, и у Кости сбилось дыхание, когда Маркус опустил его руку себе на горло.

— Хотя бы сымитируй, может, полегчает.

Он не отпустил запястье Матвеева, но закрыл глаза в ожидании. Мужчина внутренне пометался несколько мгновений, прежде чем напряжённые пальцы сдавили бледную кожу. Несильно и ненадолго — до момента, когда Маркус опять зашёлся в удушающем приступе кашля.

— Давай-ка мы на этом закончим, — хмуро сказал Костя и поднялся на ноги. Проверенный долгий выдох не помог ему убрать нервный тремор после имитации. — Яр во сколько завтра приедет?

— В одиннадцать.

— Отлично. Постараюсь к этому времени тоже быть. Отдыхай.

Матвеев забрал куртку, вышел из палаты и в пустом коридоре скорчился в немом вопле. Такси под затяжным дождём подкинуло его до входа в отель «Гельвеция», Костя поднялся в номер адвоката с его ключом и там наорался в подушку, пока не охрип.

Это была очень опасная игра. Целенаправленная провокация. Но Маркус её контролировал, не убирая руку с запястья, и ловко навязанная роль подконтрольного, как вчера, Костю взбесила до исступлённого боя кулаками в мягкий матрац.

«Как же много я о тебе не знаю, чёртова ты скотина...»

Матвеев перевернулся на спину. Если Маркус так играет по мелочам, то каких масштабов у него трясина в голове?

Глава 20. Похожие и непохожие

«Чем больше я узнаю, тем больше мне это не нравится, — мысленно передразнил Костю Маркус. — Ну и не лез бы тогда. Только лишней головной боли добавил».

Матвеев показался ему слишком взвинченным, как будто накануне переговоров с Антоном у них с Асей что-то произошло, и события прошедших двух дней основательно расшатали Косте и без того нестабильное состояние.

«Может, Ася как раз об этом хотела поговорить?»

Адвокат уснул, перемалывая в себе чувство острого сожаления. После редких аккуратных сообщений с просьбами о мелкой помощи она вдруг оборвала звонок; это был условный сигнал, которому он обучил подругу ещё в первый год знакомства, и Маркус обернулся как удавкой мыслью, будто бросил её одну в трудную минуту.

Разбудил его брат в начале двенадцатого. Спросонья Маркус подорвался с постели, глянув мельком на часы, но младший Белов рывком усадил его на место с отрезвляющим «куда?!».

— Забыл, что ты не в Москве?

— Забыл, — прибито сказал Маркус и отвёл заспанные глаза. — У меня поезд был в семь утра... — Он огляделся. — Где мой телефон?

Яр покопался в вещах, которые кто-то из персонала бережно развесил на стуле, вынул мобильный из кармана пальто и протянул его брату.

— Спасибо.

Маркус обозначил сокрушённым судорожным вздохом ошеломляющий список уведомлений. Его потеряли; Григорий Семёнов из Следственного комитета ждал его к двенадцати и названивал с восьми утра, следачка из того же комитета написала, что за ним ещё один косяк обнаружился, и если адвокат не приедет, она завтра доложит об этом начальству. Та незнакомка, с которой они переспали в прошедшее воскресенье, каким-то образом узнала, что мужчина снова в Питере, нашла его номер и написала, что готова обсудить условия договора. И это не считая множества звонков с незнакомых номеров и не критичных сообщений — вперемешку личных и деловых.

Маркус нервозно сжал пальцами край больничной рубашки.

— Новости лучше не смотреть, да? — спросил он безнадежным тоном, и Яр опустился на свободный стул возле кровати.

— Там ничего не должно быть, по-хорошему. Вячеслав Антонович обещал мне, что о твоём присутствии здесь никто не узнает, но насколько это правда, учитывая, что все тут носились вчера, как умалишённые, я не знаю.

— Я бы выкрутился в любом случае, но ты мне сильно облегчил жизнь, — улыбнулся Маркус и взялся большим пальцем левой руки стремительно набирать ответы. — Я сейчас, кого надо, оповещу, а там уже в Москве по факту разберёмся. Ты, кстати, платёжки на меня, я надеюсь, заполнял?

— Нет, на себя, — спокойно ответил Яр. — И палата оформлена на меня. А что?

— Ничего — слегка растерялся Маркус. — Меня же пациенты всё равно видели, можно было так не париться.

— Не видел тебя никто. Всех пациентов по палатам разогнали, поэтому в коридоре ты только под камерами засветился. И то не точно.

Яр достал из кармана брюк вибрирующий телефон, задумчиво посмотрел на экран и спрятал мобильный обратно.

— Если важно, ответь, — сказал Маркус, не отрываясь от переключения вкладок.

— Это Рома. Он ждал от меня ответа ещё утром, а я не знаю, что отвечать.

— Мы это обсудили вчера, Яр.

— Если ты это называешь «обсудили», то я ничего не понял. Это какая-то подстава? Или у Карины сутенёр ненормальный, и меня грохнут из-за неё? Что, Маркус?

Младший Белов с самого пробуждения адвоката смотрел на него с необычно опущенной головой. Из-за этого Маркус уронил руку со смартфоном на постель и внимательно рассмотрел сидящую напротив свою внезапную — вполне добротную — копию. Неподвижную внешне расслабленную позу «нога на ногу», положение рук со скрещенными кончиками пальцев на колене, не сжатые, но плотно сомкнутые губы и совершенно не дипломатичный взгляд.

— Я не хочу, чтобы ты в это лез, потому что любая твоя причастность к незаконным делам, прямая или косвенная, тебя похоронит. Если я помогу, это будет косвенная причастность, а ещё ты закрепшишь в голове, что у меня есть возможности прикрывать твои благородные порывы. Они реально есть, но пользоваться ими свободно я не могу. И если что-то вдруг пойдёт не так, я рискую оказаться в такой же заднице, как и ты. Или что, — развёл руками старший Белов, — ты решил, будто я там в своей Москве не ебаться какой всеильный авторитет?

— То, что авторитет, — это бесспорно, но какой именно, я об этом спрошу, когда ты выйдешь отсюда. — Яр улыбнулся, но как-то неровно, с мгновенно заглушенным импульсом к усмешке. — И ты бы хоть умылся, что ли. Выглядишь как потрёпанная мочалка.

В свою очередь Маркус открыто ухмыльнулся и, поднимаясь с кровати, сказал брату прямо в лицо:

— Выйди из моего образа. Тебе не идёт.

«Но как ты уверенно в нём смотришься, это просто песня».

Адвокат направился в душевую комнату и потратил несколько минут на бестолковое стояние без движения. Вода из лейки била ему в затылок; мужчина уставился под ноги, захваченный трепетом от осознания, что он проспал больше двенадцати часов. Такого не случилось много месяцев подряд. Маркус подумал, что его бы воскресила пара недель в таком стационаре, потому что лёгкие рано утром выплюнули из себя немалый кусок болезни, но расслабляться настолько он не привык. Мужчина и вспомнить не смог, каково это — расслабляться, хотя сам в излюбленной манере постоянно просил об этом других. И даже спаренные жаркие выходные раз в месяц давно перестали давать ему силы для нового марафона задач. Он выходил с них отвлечённым, но не отдохнувшим, и впрягался в новую неделю на старых ресурсах.

Адвокат обтёрся длинным белым полотенцем, сотни раз уже кипячёным, и уныло взглянул на пизжаму.

«Интересно, Костя догадается привезти мне мою сумку?»

Там на дне осталась косметичка со средствами для ухода за кожей и волосами. Матвеев должен был помнить, что без этого у Маркуса не начинался даже самый заурядный день.

Поэтому адвокат испытал искреннее облегчение, когда, выйдя из душевой, увидел на постели заветный чёрный органайзер. И Костю, которого Яр смиренно терпел возле себя.

— Вы не подрались? — подколол он, взглянув на Матвеева. Тот усмехнулся.

— Как видишь. — И добавил: — Для пизски тоже какой-то отдельный крем?

Адвокат закончил с сывороткой для лица и принялся за флюид.

— Если такой придумают, я куплю его в числе первых. И ты, кстати, не смейся особо. Я свою популярность обрёл в том числе из-за этого, — он обвёл пальцем баночки в косметичке, — потому что моё лицо и тело — это товар. Причём товар эксклюзивный.

— Звучит так, будто ты проститутка, — нахмурился Яр, и Маркус нехорошо улыбнулся, глядя в косметическое зеркало.

— Не будто, а по факту. Когда вывозишь не мозгами едиными, жить намного проще.

«Вы оба решили забраться с головой в мою душу, но вам никто там Диснейлэнда не обещал».

— Я вас, пожалуй, оставлю. — Яр поднялся на ноги и снял со спинки стула маренговый плащ. — Договоритесь тут без меня, на какой срок продлевать палату, потому что я заплатил только за двое суток.

— Завтра я выпишусь, — ответил Маркус и взялся причёсываться мелким гребнем.

— Хрена с два, — отчеканил младший Белов. — Пока мне врачи не скажут, что ты здоров, ты отсюда не выйдешь.

— Ты посмотри на него, — пожаловался Косте Маркус, кивнув на брата. Матвеев и сам покосился на Яра с удивлением в глазах. — Он дерзит мне со вчерашнего дня.

«Не будь у меня такой дикой ответственности за его репутацию и впечатление, которое он производит, я бы сказал, что мне нравится».

— Скажи спасибо, что я не с кулака тебе вчера заехал. Ты не представляешь, насколько я зол, потому что с родными людьми так не поступают. И то, что я в эту сделку вляпался, даже не плохо, потому что после неё стало много чего всплывать. И когда я доберусь до нормального разговора с тобой, молись, чтобы мы не поубивали друг друга. — Яр направился к выходу из палаты, но развернулся к Матвееву на полпути. — Да, кстати. Константин, по поводу ваших «белых» проектов я подумал и готов их сопровождать. Ожидаю контракт.

Он не попрощался ни с кем и вышел, громко захлопнув дверь. Какое-то время Костя с адвокатом просидели молча, пока Маркус не нарушил тишину очередным приступом кашля.

— М-да, — протянул Матвеев, — с таким взглядом я видел его последний раз в машине, когда он сидел передо мной с разбитой мордой. Я ещё подумал, что вот так вы с ним очень похожи. Забавно...

— Я сделал всё, чтобы он не был на меня похожим, — прорычал адвокат, — а теперь это выглядит даже хуже, чем я мог представить.

Он резким движением лёг на кровать, ударив затылком в подушку.

— Как всё не вовремя...

— Что-то срочное по своим делам я могу взять на себя, — сказал Костя, и Маркус махнул рукой.

— Нет, у меня там были личные договорённости. Хотя к Авдееву смотайся. Эта мразь от Яра просто так не отвяжется, и сам не приедет, и я вырваться отсюда не смогу. И медсестру позови... — устало добавил мужчина, закрыв глаза.

— Хорошо, — вздохнул Костя. — Продлеваться на сколько? День? Два?

— Не знаю. Как врачи скажут, так и сделаем. Будто у меня выбор есть.. — договорил адвокат еле слышно.

Костя перекинул пальто через руку, и вместо него через пару минут пришла хорошенькая чуть полноватая медсестра. Она с каменным лицом прижала несколько раз головку фонендоскопа к обнажённому торсу пациента, дождалась, пока он перестанет кашлять после неосторожно глубокого вдоха, и спросила, что ему принести на завтрак.

— Мясо, овощи, кофе, если есть, — ответил он тихим бархатным голосом, и девушка растянула, наконец, в улыбку ровную линию губ.

— Я замужем, если что.

— А я не флиртую, — засмеялся Маркус, едва запрокинув голову. — Я просто такой сам по себе. Простите... Марина.

Он улыбаться не перестал, но внутри его передёрнуло. Мужчина с адвокатом Виктора был очень хорошо знаком и с самого начала понимал, что девчонка так долго не выдержит.

«Как ты там, дорогая? Давно я к тебе не приезжал...»

Медсестра закончила заполнять бумаги, обещала вернуться с едой через десять минут, и Маркус проводил её в спину долгим печальным взглядом.

«Как хорошо, что в вас общего только имя, иначе бы я здесь одурел».

Глава 21. На объекте

Паша размеренно вёл машину по московским улицам и старался не смотреть на пассажира справа. Он её видел прежде только на фотографиях и живую один раз издали. В домашней обстановке Ася поначалу оправдала «воздушное» описание Константина и закрепила наивный облик принцессы, но проницательность и навык замечать детали вывели впечатление парня совсем в другую плоскость. Он увидел жену Матвеева — раньше, чем она себя раскрыла — очень красивой молодой женщиной, у которой хватило бы сил одурачить его, если бы она этого захотела. Как сделала это с мужем, оставив для него на виду лишь одну свою сторону. Вторая сейчас ехала в машине и сосредоточенно смотрела в окно перед собой.

— Ась, — позвал её Паша, не отводя взгляда от дороги, — у тебя с Маркусом какие отношения?

Девушка резко повернула к нему голову и ответила жёстким ледяным тоном:

— Очень некрасивый вопрос, Паш. Дружеские.

«Я знаю, но если спрошу иначе, будет совсем не то».

— Прекрасно. Вот ради вашей светлой дружбы расскажи ему про свои дела. Это важно и для тебя как для клиента и для него как для адвоката. А взамен пускай расскажет о своих.

— Каких своих? — Ася в удивлении подняла брови и восторженно засмеялась. — У него что, тоже двойная жизнь? При его-то занятости?

«Двойная, тройная... — мысленно усмехнулся Паша. — Там чёрт голову сломит».

— По делам Константина у него занятость как у всех частных адвокатов. Остальное время у него сжирает личный «чёрный» трафик. Хотя я не понимаю, нахрена он ему нужен, если муж у тебя зарплату ему сотнями отстёгивает.

— Ну... — Ася игриво повела плечами. — Он любит красивую жизнь. Видимо, не хватает. Или на что-то копит. Почему нет? И вообще, — добавила она уже серьёзно, — неприлично копать в чужом кошельке.

— Я вижу, как копаются другие. Сложно не мотать на ус.

Они свернули в частный массив, подъехали к высокому забору, за которым шумела стройка, и Ася внимательно осмотрелась.

— Это личная машина или рабочая?

— Личная.

— Хорошо. Я попрошу, чтобы её убрали с камер. Она у нас будет только для официальных поездок, а для таких, как сегодня, я подключу дилера. Или покатаемся на такси. — Девушка кивнула на раскрытые ворота. — Давай, заезжай. А, хотя погоди.

Она разблокировала экран телефона, который не выпускала из рук с самого выхода из дома. Паша краем глаза увидел на нём студию семейную фотографию; девушка нетерпеливо отбросила назад пшеничные кудри, набрала по памяти чей-то номер и достала беспроводной наушник.

— Даниил Юрьевич, Ася, да. Добрый день. У меня к вам маленькая просьба. Выключите, пожалуйста, камеры на седьмом объекте. Да. Спасибо. Жду.

— Номера клиентов ты тоже держишь в голове? — осведомился Паша, как только разговор закончился.

— «Теневых» — да, — объяснила блондинка, не отрывая взгляд от экрана. — Сам понимаешь, у меня ребёнок в доме. Он, конечно, по моим шкафам не лазит, но если по запарке что-то оставлю на виду, он принесёт это во главу стола.

— Что будет, если муж тебя спалит?

«Дай угадаю: концерт с фейерверками?»

— Скандал и истерика, — нахмурилась Ася. — Я работаю за его спиной уже десять лет. Если он узнает, что я уговариваю сложных клиентов раньше него, и что сделки проходят намного легче не его стараниями, это уничтожит его мужскую гордость. Ну, ладно... Не уничтожит, это я громко сказала, но больно ударит точно.

— Он разве плохо соображает в бизнесе?

— Поехали, — кивнула девушка, получив долгожданное сообщение. Паша медленно тронулся и вкатился в открытые ворота. — Костя соображает, но ты же в курсе, наверное, что он бывший наёмник?

— Естественно.

«Допустим, не наёмник, а «шестёрка» по кличке «Костолом», у которого хватило мозгов не сдохнуть раньше времени».

— Вот я у него поэтому вместо дипломата. Как только я получаю контакты, мы с клиентом встречаемся, и я готовлю его к переговорам. Костя их так и не научился вести как бизнесмен. Так и проскальзывает бандитская манера до сих пор. Причём не вовремя.

— Но это получается, — тут же вступил Паша, притормозив на свободной от строительного мусора площадке, — что клиент, по сути, ведёт переговоры с тобой, а Костя... Константин у него уже на подхвате.

— Да можно просто Костя, Паш. Со мной можно. По сути, да, — продолжила Ася и отстегнула ремень безопасности. — Костя по старой памяти, скажем так, путает берега и забывает, что эти клиенты — люди уважаемые не только в «теневых» кругах, но и в обычных. То есть с ними нельзя разговаривать, как с авторитетами. Он не всегда это понимает, и я несколько раз спасала его сделки.

— Ась, — обратился к ней Паша, когда они вышли из машины и направились к вагончику, где их дожидался владелец участка, — ты в первый день знакомства выложила мне столько конфиденциальной информации, что я обязан спросить. Ты хорошо понимаешь, что делаешь?

— Отлично понимаю, — неуместно сладким тоном ответила девушка. — Взять тебя с собой и не посвятить в дела было бы странно, но и ты тоже понимай, что очень важно быть мне верным. Я предательство не прощаю.

— Что, уволишь и покроешь мою карьеру? — натянуто улыбнулся парень.

— Нет, что ты. Я попрошу, чтобы скормили тебя собакам.

«Вот тебе и принцесса, Костолом. Мало того, что водит тебя за нос столько лет, так ещё и убийством угрожает».

— И скольких ты так скормила?

Девушка не ответила. Она шагнула к двери вагончика и громко в неё постучала. На пороге возник начальник охраны седьмого объекта, немало битый жизнью мужчина, и Паша коротко обменялся с ним приветственным кивком.

«Я уверен, за десять лет её куча людей попыталась сдать, но если она про собак не шутит, то у меня к папаше куча вопросов».

Отец отправил его на эту работу, чтобы как можно больше узнать о Косте, на чём его можно подловить и прижать. Но он ни слова не сказал, что у него жена — экспонат интереснее «Моны Лизы», и Паша всеми силами держал невозмутимое лицо, лишь бы не выдать искреннего недоумения. И заодно не поддаваться желанию прямо сейчас позвонить и заявить, что не подписывался на такой квест.

— Асенька, здравствуйте, — обрадовался владелец участка, сидевший за столом в компании личного юриста. Он поднялся девушке навстречу, и та первая протянула ему руку.

— Здравствуйте, Артём Михайлович. Я ненадолго сегодня.

Мужчина несильно пожал её ладонь, слегка повёрнутую к полу. Таким же образом Ася поздоровалась с юристом и не дала ему положить сверху вторую руку. Судя по взгляду, ему это не понравилось.

— Я хотела обсудить завтрашние переговоры, — сказала она, присев на свободный стул, когда клиент вернулся на своё место. — Маркус будет в отъезде, поэтому правовые вопросы вы обсудить не сможете.

— Очень жаль, — отозвался юрист и взглянул на девушку в упор. — А что сможем?

— Всё, что не касается юридических нюансов. Костя без Маркуса не рискует в этом разбираться, но основные пункты в части плановых работ, например, сроков, договоров подряда и оплат он спокойно согласует.

— Когда Маркус возвращается?

— В среду.

— Я не хочу кататься и тратить время просто так. Максимум, на что могу согласиться, это перенести встречу на среду, чтобы уже в присутствии Маркуса обсудить сразу всё.

«Ага, то есть, противные клиенты у тебя — это не только сами клиенты, но ещё и их адвокаты. Вы поглядите на него. Какая крыса, а».

— Александр Игоревич, вы можете завтра не приезжать, — бесстрастно сказала Ася, и Паша задумался, как она выдерживает этот прожигающий взгляд напротив. — А можете действительно для общего блага и удобства заявить о переносе. Маркус даже удалённо подключиться не сможет, и мне жаль, что я сообщаю об этом только сейчас.

— Я понимаю, — примирительно поднял руки Артём Михайлович, — Асенька, у вас ограничены ресурсы. Мне не принципиально, завтра приехать или в среду, но у меня упёртый адвокат. — Он засмеялся, показав головой на юриста, который всё так же сидел, оскорблённый доминантным приветствием. — У него плотное расписание, и я вынужден на него ориентироваться.

— Именно поэтому я позвала вас обоих, — обезоруживающе улыбнулась девушка, и мужчина, заметив напряжённость адвоката, взял его за плечо.

— Давай на среду, Саш. Или на четверг. Когда у тебя там свободное окошко?

— У меня до пятницы всё забито. Максимум среда, как и сказал, но при условии, что Маркус обязательно будет.

— Он сказал, что вернётся к полудню. Если договоритесь, он с вокзала сразу поедет в офис. Это для него нормальная практика.

— Я знаю. — Александр неохотно заглянул в исписанный ежедневник и постучал ногтем по листу, где осталась пара свободных строк. — Хорошо. Мы тогда заявим о переносе встречи и согласуем её на среду. Но больше переносы я не планирую, потому что сроки и так поджимают.

— Пока что мы в них укладываемся. По срокам изначально был заложен небольшой люфт, поэтому волноваться не о чем. — Ася поднялась на ноги, и клиент неторопливо распрямился вслед за ней. Адвокат остался сидеть. — Это всё, что я хотела донести до вас. Если вдруг появятся какие-то вопросы, предложения или замечания, пишите мне на почту.

— Обязательно напишем, Асенька, обязательно.

— Спасибо. До встречи, Артём Михайлович. — Ася подала ему руку в той же манере, как и в начале разговора, и тот с удовольствием её пожал. — И вам до встречи, Александр Игоревич.

Она дождалась, пока мужчина встанет, подойдёт к ней и придирчиво оценит протянутую ладонь. В этот раз прямою, без наклона.

— До встречи, Анастасия Юрьевна, — сухо сказал он, чуть сильнее сдавив тонкие женские пальцы. На этот жест Ася шире улыбнулась, освободила кисть и вышла на улицу.

— Ты прям воюешь, — энергично произнёс Паша, когда вырулил за ворота.

— Ну, не-е-т, — протянула Ася. — Это лёгкий нажим, потому что у Саши самомнение зашкаливает. Его надо сбивать иногда.

— Маркус вроде бы не такой.

Девушка рассмеялась.

— У Мара тоже бывают приступы свинства, но в целом он прелесть.

«Ага. Потому что красивый, и ты, как любая женщина, слепнешь от этого».

Ася получила новое сообщение. Паша услышал её расслабленный вздох и заметил, как она удалила с телефона звонок и два смс.

— Детализация хранится у оператора, — проговорил он как бы между прочим. Ася хмыкнула.

— Да, но оператор её предоставляет только по запросу самого абонента или официальному письму. Самой мне это не нужно, а для письма пусть сначала докажут, что это необходимо.

Паша повторил её усмешку. Его синяя «Honda» выехала на шоссе и влилась в общий плотный поток машин. Ася, наконец, убрала телефон.

— Домой? — спросил её парень, и та кивнула.

«Свози меня погулять, — припомнил охранник слова девушки перед выездом. — Хорошая прогулка, ничего не скажешь».

Он ожидал совсем не этого, но утверждать, что ему не понравилось, не стал.

Глава 22. Карина

Как только я сел в машину, злость ошпарила меня и вырвалась наружу стремительным и болезненным ударом ладонями по рулю.

«Значит, о моей репутации ты печёшься, а свою валяешь в говне и в ус не дуешь. Лицемер херов...»

Меня покорило братское «по факту». Он ещё в институт документы не подавал, когда я слышал изо дня в день, что всякую шлюху надо подвешивать за ноги и распиливать пополам, как это делали в Средние века. Сегодня же он сидит и улыбается, хвастается половой свободой, как будто никогда не учил меня вести порядочную жизнь. Как будто забыл, что именно произошло тринадцать лет назад перед тем, как мы остались одни.

«Если и правда забыл, то он пидорас вдвойне, потому что я до сих пор это всё в кошмарах вижу».

И боюсь об этом заговорить. Я вывернул из крайнего парковочного ряда, на светофоре вызвал Рому и поставил телефон в автомобильный держатель.

— О, Яр, наконец-то, — с ходу выпалил парень, и я поморщился от его неожиданно громкого голоса. Пришлось немного убавить звук. — Привет. Я уж думал, ты не позвонишь.

— Привет, Рома. Я говорил, что наберу или вчера, или сегодня с утра, и пока что, можно сказать, утро. Во всяком случае, для меня.

— А у других уже полдень, — беззлобно поддел собеседник. — Я так понимаю, обрадовать нечем?

— Да. Маркус отказался помогать, и мы чуть не поссорились. Но я на этом не заканчиваю. Мне нужно, чтобы ты скинул адрес, и будет особенно хорошо, если я смогу подъехать прямо сейчас.

— Да ну можешь... — замялся Рома. — Каринка только не обрадуется. Она же всё ещё с разноцветным лицом ходит. Ей стыдно будет.

— Либо стыдно, либо снова больно. Пусть выбирает. Я не лицо её смотреть поеду, а решение принимать, и если она заартачится, я просто развернусь и уеду.

— Ладно, — вздохнул парень, — лови адрес, но подъезжай хотя бы через полчаса. Каринка двери не открывает никому, а я не дома ещё.

— Мне откроет. Это в её же интересах.

— Но Яр...

— Рома, не спорь. Я и так злой как чёрт, без тебя хватает.

— Ладно, — пробурчал собеседник, и мы попрощались. Я забил адрес в навигатор.

«А я туда за полчаса даже при всём желании не успею».

Карта показала мне сорокаминутный путь на север Петербурга, в Парголово; я приехал с учётом пробок за час, и Рома, недовольный, пустил меня в простенькую небольшую студию.

— Знал бы, что ты приедешь не скоро, не торопился бы.

— Если ты пробежался, то молодец, это для здоровья полезно. — Я снял обувь у порога и взглядом упёрся в кого-то, сидевшего на разложенном двуспальном диване. Человек закутался в одеяло настолько плотно, что остались наружу только воспалённые карие глаза, и я по очертаниям прикинул, что фигура там если не подростковая, то близкая к этому. — Плащ куда могу повесить?

Рома показал на двустворчатый зеркальный шкаф-купе, замешкался и подал мне из него вешалку прежде, чем я успел открыть его сам.

— Извини, — прожевал он под нос, — с гостеприимством я не дружу.

— Заметно. Кофемашина есть? — Парень замотал головой. — Значит, просто налей стакан воды и не мешай.

Я накинул плащ на вешалку, спрятал его в глубине полупустого шкафа и задвинул створку до упора. Карина проследила за каждым моим движением; я присел на край дивана в метре от неё, забросил ногу на ногу и внимательно посмотрел на девушку, опёршись правой рукой на жёсткое сиденье. Рома в это время погрел посудой на верхней полке и, не найдя стакана, подал мне до краёв полную кружку с «Ведьмаком».

— О, Геральт, старый друг, — улыбнулся я и очень аккуратно сделал несколько глотков, чтобы не наделать мокрых пятен на светлом костюме.

— Тоже играешь? — повеселел Рома.

— Нет, у меня коллекция книг. И где-то ещё валяется кулон с волком, но я так давно его не видел, что даже не представляю, где он. А ты, — обратился я к Карине, — Гюльчатая, книги любишь?

Девушка нахмурилась. Ей не понравилось сравнение с героиней советского фильма, но согласный кивок меня удивил.

— Мне Лукьяненко нравится, — проговорила Карина высоким неуверенным голосом, кукольным, пережатым одеялом.

— Да? Прекрасно. Тогда предлагаю выйти из сумрака. Что скажешь?

В этот раз она слегка прищурилась — улыбнулась в ответ на знакомые слова из крылатого выражения.

— Я не хочу, чтобы ты меня видел такой уродливой.

— А я как раз наоборот очень хочу увидеть масштабы бедствия, потому что от того, что я увижу, зависит моё решение. Рома тебе передал, что брат отказался мне помогать? — Карина огорчённо кивнула и опустила глаза. — Значит, ты понимаешь, почему я здесь. У меня есть выбор: встать сейчас и уйти, и разбирайтесь со своими неустойками как хотите. Или же оценить, насколько я готов наступить себе на горло.

— Я говорила, что он не поможет, — бросила Карина куда-то в сторону и повернулась ко мне. — Я про Маркуса. У него эскортницы все как мировые модели, и то, если с ними что-то случится, он их не вытащит. Палец о палец не ударит. Куда мне с ними тягаться? Я предложила бы своё тело вместо оплаты, но Маркуса такое не устроит. Это не его уровень. Он потребует деньги, но у меня столько нет.

— Извини за вопрос, Карина, но сколько ты стоишь?

— Обычный вопрос Двадцатка за ночь. Из них половина мне, половина борделю. Свою половину я делю ещё пополам из-за неустоек.

— Так, и ты хочешь перейти к Маршалу, потому что там выше зарплата и уровень безопасности, верно понял?

— Да. Не дай бог какой-то клиент искалечит его девочку. Он этого клиента в асфальт закатает.

— Окей. Но у Маршала элитный бордель. Ты понимаешь, что, если я за тебя решу поручиться, твои навыки должны быть мастерски отточенными?

— Да. Я могу показать их на практике, если хочешь. Когда снова буду красивой, — смущённо засмеялась девушка.

Я замолчал. Медленно шумно вдохнул, ещё медленнее выдохнул и залпом осушил бокал с водой, поставив его на пол.

— Чтобы я сказал, хочу или не хочу, мне нужно тебя увидеть.

«Не хочешь, Яр. Ты не хочешь».

Я не просто не хочу — я не могу. Проститутка — не мой формат. В голове калёным железом на мозгах отпечаталось методично навязанное презрение, но какой же теперь у меня чёртов диссонанс внутри от того, что у брата жизнь оказалась прямо противоречащей убеждениям. Его собственным убеждениям, из-за которых я вырос таким образцово хорошим.

«Ты уже показал себя не с той стороны сегодня. Может, не надо крайностей?»

Не с той стороны. А какая из этих сторон конкретно — не та?

Я запутался в вихре чувств и мыслей и сильно тряхнул головой, чтобы выбросить из неё всё, как мусор. Карина, пока во мне бушевали страсти, под села ближе; между нами не осталось даже полуметра, одеяло краями легло мне на руку и колени, и девушка разжала пальцы, которыми держала его у шеи. Моему взору постепенно открылось очень миловидное лицо в рамке чёрного растрёпанного каре, если опустить обилие синяков и припухлости, затем оголённые плечи с лямками от домашнего топа и заметная грудь на хрупкой фигуре. Я мысленно поблагодарил Рому, что он ухватился за одеяло с другой стороны и скомкал его возле себя, оголив изящные ноги сестры, потому что левая рука уже потянулась откинуть его в нетерпении.

— Вот она я, — улыбнулась Карина, насколько позволили синяки. Я всмотрелся в её гладкую персиковую кожу, прогулялся взглядом по излому тёмных бровей и контуру маленьких пухлых губ; девушка в ответ открыто рассматривала меня, играя плечами, а я всеми силами старался не опускать глаза ниже её ключиц.

«Возьми себя в руки. Сейчас же».

Я переключился на Рому. Тот у края постели всё ещё тербил одеяло и упорно делал вид, что ничего не замечает.

— Не молчи, Ярослав, — промурлыкала Карина, — а то я подумаю, что ты меня обманул.

— Не спеши, Карин. Я так быстро не соображаю.

Она едва подтянулась ко мне, и я также еле заметно отстранился, когда девушка по кончику моего носа задела своим.

«Блядь, Яр, у тебя секса нет уже четвёртый месяц. Ты либо встань и отойди, либо уже не мучайся и не строй из себя святошу».

Я вновь посмотрел Карине в глаза. Глаза проститутки, которую нагнули до меня десятки других мужчин — красивые, большие, не затуманенные, как у тех девчонок, что я видел не раз идущими под руку с влиятельными людьми. Спасти меня из плена метаний и хаоса в голове могла только одна последняя соломинка — Рома, но парень мой красноречивый взгляд понял по-своему. Он выпустил, наконец, одеяло из рук, шкодливо улыбнулся и бросил меня один на один с сестрой.

— Подожди, — окликнул я его, но дверь захлопнулась у Ромы за спиной. Карина расмеялась.

— Ты боишься? — спросила она, встав на колени, и красиво колыхающаяся грудь оказалась у меня перед лицом. — Яр, только не говори мне, что у тебя никогда не было секса с проститутками. Ни за что не поверю.

— Поверь... — только и выдал я, сорвавшись на частое дыхание через приоткрытый рот.

«Останови её. Останови, боже...»

Сверху раздался вновь залихватистый смех, и нежная девичья рука нырнула под пиджак. Я ощутил, как он начал тихонько сползать — сначала с одного плеча, потом со второго; Карина легко перебросила ногу через меня и села сверху, а тело как замерло в ступоре ещё минут пятнадцать назад, так и не дало сейчас оттолкнуть её и прекратить это безобразие.

«Твою ж мать...»

Пальцы с длинным искусным наращиванием упёрлись мне между ключицами, и под несильным, но упрямым давлением я беспомощно откинулся на спину.

Глава 23. Решение

Мы с Ромой столкнулись возле парадной, когда я выходил из неё. При взгляде на меня зародившуюся лукавую улыбку парень тут же погасил и расстроено опустил плечи, спрятав руки в глубоких карманах джинсов.

— Ну что? — спросил он обеспокоенно.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — ответил я, смотря на Рому и одновременно в никуда. — Я напишу тебе.

Состояние было размазанным, как после долгой интенсивной нервотрёпки. Сил и желания не хватило даже на то, чтобы протянуть человеку ладонь для прощания, и ноги понесли меня к машине бессознательно.

— Эй! — крикнул Рома вдогонку. — Сестра написала, что ты её лучший клиент!

Я только махнул рукой, не оборачиваясь.

«Она тоже хороша».

Лучшей язык не повернулся назвать, хотя слово так и рвалось наружу. Карина завязала мне глаза моим же галстуком, чтобы я не блуждал ими по контурам жёлто-фиолетовых пятен на её лице; она изучала меня, пока я её не видел, тонко следила за каждой реакцией и понимала каким-то образом, когда меня откровенно заносило на вспышках протестующего сознания; я машинально дёрнулся в сторону пару раз, но Карина с удивительной точностью запомнила места на теле, где от касаний пальцы сжимали простынь до белых костяшек.

Меня всего передёрнуло от воспоминаний, как я в эти моменты снова тонул в процессе. Тишину студии разрывали мои непотребные стоны, и девушка заглушала их жадными поцелуями. Мы часто с ней менялись ролями: то я забывался и напрочь терял контроль над собой, то она брала верх над моей чувственной бурей. Незабываемо и в то же время до мелкой дрожи неправильно.

«Всё, соберись. Договор сам себя не перезаключит, так что давай, вдох, выдох, и поехали».

В расписании на сегодня стояла единственная встреча, и тонкая папка с документами для неё лежала на соседнем кресле. Мы с клиентом знали друг друга не первый год; он пришёл ко мне по «сарафанному радио», подписался на полное сопровождение банкетов, и я ни разу его не подвёл, обеспечивая штатных сотрудников дополнительной квалифицированной помощью. Условия на встречах мы по большей части не обсуждали, ставили подписи и тратили остаток времени на праздные разговоры. Я к этой беззаботности быстро привык, поэтому хмурый сосредоточенный взгляд собеседника, упёртый в бумаги, меня встревожил.

— Тебя что-то смущает? Я только стоимость поменял, как и договорились.

— Я знаю, — сухо сказал клиент, мужчина одного со мной роста, зеленоглазый шатен с очень коротко стриженными волосами. — Слушай, Яр, мы с тобой уже много лет работаем, и я не хотел бы сейчас наломать дров.

— Тебя прижали из-за моей сделки? — вступил я, не дав человеку объясниться. Тот посмотрел на меня так же мрачно, как в документы, и собрался с мыслями на решительном вздохе.

— Не то, чтобы прямо прижали, но неприятно намекнули.

— Макс, давай сразу начистоту. Что именно тебе сказали, кто, и что тебе грозит за дальнейшую работу со мной. По порядку.

Я забрал у мужчины договор из рук и положил его на стол текстом вниз. В этот раз встреча проходила не в одном из его ресторанов, а в офисе на двадцать четвёртом этаже бизнес-центра, и я подошёл неторопливо к панорамному окну, чтобы городской пейзаж меня успокоил. Чтобы перестал быть заметным тремор от наслоившихся друг на друга переживаний.

— Твоя сделка буквально пошатнула бизнес-среду, — начал Макс. — У меня постоянники встали в позу, когда узнали, что я не собираюсь расторгать договор. Они сказали, что раз ты теперь водишься с сутенёрами, то легко можешь подсунуть эскортниц вместо официанток.

— Интересно, как? Я всего лишь притащил сутенёру своего хорошо знакомого исполнителя. Всё. Товар я не видел, в самом деле не участвовал. Маршал заплатил мне деньги только за то, что я ему человека надёжного дал, остальное меня не касается.

— А другого способа заработать не нашлось?

— Сроки поджимали, Макс. — Я вернулся на место за столом напротив собеседника. — Я до последнего рассчитывал на себя — заложил квартиру, получил бонус от инвестора, но всё равно не хватило. Матвеев мне выбора не оставил со своей принципиальностью. А двадцать мультов на дороге, знаешь, не валяются, да и на счетах у меня таких сумм никогда не водилось. Вот и пришлось поучаствовать в аванюре, чтобы Матвеев мне снова морду не набил.

— Он бил тебя? — искренне удивился клиент.

— Конечно. Ты что, не знал? Я же неделю «красивый» ходил. Даже где-то в интернете фотка осталась, на которой я с опухшим лицом у машины стою.

— Кстати, точно, — вспомнил Макс. — У тебя же машина есть. Почему ты не заложил её вместе с квартирой?

— Потому что она не моя. Мы когда с Маркусом в салон ездили, он её на себя оформил, а теперь я всё не дожусь, когда он найдёт время переоформить её как положено.

«Видимо, на радостях отключился мозг, раз я без вопросов сел и поехал. А надо было ещё тогда обратить внимание, что мне тачку пригнали по «серым» каналам».

— Ладно. — Мужчина в остатках сомнений покачал головой, подвинул к себе договор, повернул его лицевой стороной и, где галочки, расписался на каждой странице. — Я не хочу разрывать с тобой деловые отношения, потому что мы очень хорошо сработались, но теперь это всё очень долго не утихнет. Возможно, я часть клиентов потеряю из-за тебя.

— Мне жаль, Макс. Правда. Сделка и меня нехило вышибла из колеи, поэтому тоже своих проблем выше крыши.

— Да я понимаю, но если постоянники опять упрутся, я тебя позову, и будешь сам перед ними объясняться.

— Ну, что поделать. Значит, буду.

Макс не предложил мне завершить встречу недолгим перекусом в ресторане, и я ушёл от него с чувством недосказанности. Точно в голове у клиента плохо закрепилось убеждение, что мне всё ещё можно доверять, как прежде, и он остался в плену опасений.

«Здорово, что сказать. Если я начну так терять людей, Маркус моей репутацией разве что подотрётся в итоге».

Дома кружка горячего латте меня привела в состояние относительного равновесия. До восьми вечера я несколько часов подряд пролежал на кровати, глядя в потолок и думая, что надо бы в конце концов определиться, что делать с Кариной после того, как она высосала из меня всю душу. Тело больше не потряхивало от мелькавших кадров перед глазами; кофе мягко выровнял мысли, расслабил меня до способности холодно перебрать десяток возможных решений, хотя по факту на задворках разума выбор уже давно был определён, и я лишь отчаянно искал способы его избежать.

После долгих изнурительных гудков Маршал ответил на мой звонок и выдохнул в трубку процеженный сквозь зубы воздух. Или дым от курева, что больше похоже на правду.

— Есть дело, — сказал я напряжённым глухим голосом и различил на заднем фоне бульканье кальяна за долгой затяжкой.

— Неплохо. Вошёл во вкус? — усмехнулся Маршал.

— Очень смешно. Я тебе девочку одну приведу, толковую. Там без моей помощи она содохнет, а я с совестью потом замучаюсь.

— Даже та-а-ак, — ответил сутенёр и вновь затянулся. — Ну, веди, посмотрю. Через сколько будете?

— Смотря какой адрес ты дашь. Она живёт в Парголово, и я поеду за ней прямо сейчас. Только это ничего, что она у какого-то другого сутенёра числится?

— Наплевать. Если ты её приведёшь, он не рыпнется в мою сторону.

— А в мою?

Маршал громогласно расхохотался.

— Понятия не имею.

— Кто бы сомневался. Ладно, жду адрес. Девочка, если что, проверенная.

Сутенёр зашёлся второй волной оглушительного смеха, дал добро и скинул вызов. Я получил от него сообщение через полчаса, когда уже ехал по Каменноостровскому проспекту через Малую Невку, и на ближайшем перекрёстке под светофором написал Роме, что скоро буду.

«Походу, я всё решил, ещё когда увидел её лицо в телефоне брата. — Руки нервно стиснули кожаную обивку руля. — А Маркусу нехер жаловаться. Воспитал меня на свою голову слишком хорошим, вот я и не стал терпеть такой беспредел».

Карина встретила меня одетой в короткое чёрное платье, высокие сапоги и кожаный тренч, но мой уставший сосредоточенный вид её огорчил. Она ни слова не проронила, пока мы ехали в Петроградский район, и притормозила меня за локоть у входа в бордель Маршала.

— Тебе хоть понравилось? — тихо поинтересовалась девушка, заглянув мне в глаза. — Ты убежал, ничего не сказав.

— Извини, — проговорил я рассеянно. — Да... Да, мне понравилось. Ты молодец.

Меня чуть позже осенило, что последняя реплика была явно лишней, но слова в глотку обратно не затолкать, и я решился только с беглой улыбкой поцеловать Карину на лестнице перед дверью.

— Я не в себе, Карин Пожалуйста, не обижайся.

Она понимающе посмотрела на меня, такая красивая, с пышно накрашенными ресницами и винным гляncем на губах. В полумраке под слоем тона разноцветные пятна синяков стали почти незаметными.

«Скажите мне, что я сплю, что это грёбаный кошмар, и мне надо проснуться».

Девушка с тихим хихиканьем провела рукой по моей щеке, и мне показалась, что та от её касания запылала.

— Пошли.

Я с трудом отвернулся и пропустил Карину в открытую дверь. Элитный бордель Маршал обустроил как нечто среднее между люксовым массажным салоном и ночным клубом, поэтому сутенёр ждал нас на большом диване перед одним из пилонов.

— Одуреть, — произнёс он вместо приветствия, отложил кальянную трубку и встал, чтобы рассмотреть гостью поближе. Она ему на каблуках едва доставала до плеча. — И кто тебя так оприходовал, дорогуша?

— Клиент, — буркнул я за Карину и попятился к выходу. — Позаботься о ней, чтобы я её такой больше не видел.

— А ты не беги, — спокойно с улыбкой отозвался Маршал, и следующий мой шаг оборвал кто-то крупный и пахнувший терпкими духами. Я налетел на него спиной и мгновенно ударился в панику, рванувшись к двери перепуганной ланью. Здоровяк выше меня на две головы поперёк груди мне выставил руку и так сильно толкнул в сторону Маршала и Карины, что я не удержался и упал.

— Эй-эй, ты что, — упрекнул его сутенёр, и Карина со злостью бросила, помогая мне встать:

— Пусть идёт. С него на сегодня и так достаточно.

Я не узнал её голос. Он прозвучал не так мелодично, как в студии, пролетел надо мной стальными нотами как мастерский взмах остро заточенным мечом, и Маршал одобрительно закивал.

— Дама просит, видишь? — сказал он помощнику. — Аккуратней в следующий раз.

Я бросил ей скомканное тихое «спасибо», получил в ответ воздушный поцелуй и вылетел из борделя на улицу, задыхаясь от накатившего страха. Может быть, сутенёр ничего и не хотел — только напоить, угостить «товаром», поговорить, — но меня так переклинило, что я в машине ещё минут двадцать приходил в себя. А когда отпустило, понял, что девушка что-то глубоко во мне зацепила до чувства жгучей тоски.

«Она проститутка, Яр. Забуди её, как Матвеевские сраные контракты, из-за которых ты во всё это влип».

Я выбрался из салона, развернулся и грудью прижался к крыше, положив левую руку на распахнутую водительскую дверь. День меня раскатал и высушил; в двенадцатом часу ночи уже ничего не хотелось, кроме как упасть на кровать на втором этаже и вырубиться до завтра, поэтому я сел обратно в машину, но только тронулся, как прямо перед капотом выскочила полуголая платиновая блондинка в кожанке Маршала. Она прыгнула на пассажирское сидение и уставилась на меня глазами, полными тревожного блеска.

— Скажи мне, где Мар. Пожалуйста.

Глава 24. Звёздочка

Восемь двадцать шесть утра. Маркус уставился в потолок, измученный попыткой вновь уснуть после визита медсестры. Марина заглянула к нему час назад, вытащила из мутного сна, — не так заботливо, как стюардесса в «Сапсане» позавчера, — за десять минут провела осмотр и ушла. В этот раз она, правда, задела титановую штангу в левом соске мужчины — случайно зацепила её головкой фонендоскопа. Маркуса проняло до крупных мурашек; он машинально вскинул голову и сорвался на судорожный вздох.

«Такой неочевидный, но безотказный способ разбудить меня за секунду».

Адвокат откинул одеяло и сел на постели. Несмотря на то, что ещё вчера он мечтал о двухнедельном отпуске в стационаре, сегодня фрагментированный сон вернул его в повседневный ритм жизни, и больничная обстановка с её раздражающе белыми стенами и тишиной, как в морге, породили желание встать и уйти. Прямо сейчас. Помыться, как следует, привести себя в презентабельный вид и сбежать. Можно даже через окно — благо, не двадцатый этаж, а всего лишь первый.

«Иди душ прими для начала. Потом решишь».

Он поднял упавшую на пол рубашку, которую не стал надевать после осмотра, и лениво добрался до душевой комнаты. Там под размеренный шум воды Маркус упёрся макушкой в плитку, такую же издевательски белую, как стены в палате и безупречно выкрашенный потолок, и хорошенько напрягся, размяв уставшие без движения мышцы.

«Когда ты гончая псина, — подумал он, глубоко вдохнув, и горло, наконец, ответило ему ровным выдохом, а не диким кашлем, — отдых становится испытанием. Сутки — и ты уже на взводе. Да, Мар? — Адвокат усмехнулся. — Ты по-другому теперь и не умеешь?»

Он вспомнил, как уходил в отпуска первые года три. Планировал, изучал новые маршруты, бессонные ночи прошедших месяцев досыпал в отелях по максимуму, выключал телефон и бесстыдно ленился. Иными словами, жил себе спокойно и рабочее время с личным почти не смешивал.

Адвокатская практика ненавязчивому «почти» планомерно растянула границы дозволенного. Маркус из месяца в месяц утопал в процессах Костиного бизнеса всё больше и больше, заканчивал позднее то на час, то на два, стремясь ничего не оставить брошенным на полпути. В какой-то момент он начал отвечать на рабочие вопросы далеко за полночь, их решение здесь и сейчас стало нормой, и Маркус не обращал на это внимания, пока не взял однажды трубку прямо во время секса.

«Боже, — он неловко рассмеялся, — каких я криков тогда наслушался...»

Девочка ему попалась очень впечатлительная. Не проститутка — молоденькая студентка, подхваченная ночью на остановке. И то, что мужчина несколько долгих минут отвечал на вопрос клиента, не вынимая и глядя на неё в упор, незнакомка восприняла как неслыханное оскорбление.

«Со шлюхами проще. Они не обижаются. Для них моя безумная жизнь не имеет значения, потому что у меня в кошельке лежат их деньги. А с этих что взять? Что та в истерику кинулась, что эта, которая из отеля. Девушка-залеташка... — Адвокат, сильно запрокинув голову, распрямился, и вода упругими струями забила ему в лицо. — Самое смешное, мне было настолько похер, что я даже не спросил, как её зовут».

Он передёрнул всем телом, закончил купаться и вышел из душевой комнаты вновь без рубашки. На мгновение закралась дурная мысль выйти в одном полотенце, и Маркус пожалел, что этого не сделал, потому что с кровати ему навстречу поднялась Кристина, одетая в белый халат поверх кожаного ультракороткого платья.

— М-м-м, моя Звёздочка, — промурлыкал адвокат и в крепких объятиях закружил её над полом. Она увлекла его в жаркий поцелуй сразу, как опустилась на высокие платформы ботильонов, и вырвала из мужчины сдержанный рычащий стон, слегка зажав пальцами левый сосок.

— Обожаю эту реакцию, — страстно проговорила девушка. Маркус её посадил обратно на кровать и неохотно шагнул в сторону, чтобы расчесать мокрые спутанные волосы.

— Меня бесит, что дверь тут не закрывается изнутри. Если бы закрывалась, я бы трахнул тебя в душевой, потому что твое присутствие возбуждает само по себе.

— Почему не на кровати? — игриво улыбнулась Кристина, замотав ногами.

— Она скрипит, а стены тонкие, — адвокат махнул в сторону выхода из палаты, отложил расчёску и взялся за пузырьки с уходовой косметикой.

— А в душевой, значит, не слышно будет, — засмеялась девушка, и Маркус повернулся к ней, подушечками пальцев мягко вбивая сыворотку в кожу лица.

— Там воду включил, рот зажал, и вперёд. В ресторанных уборных та же история, ты вспомни.

— Я и не забывала. — Кристина рывком поднялась, подошла к адвокату и аккуратно подлезла ему под руки, чтобы прижаться щекой к груди. — Ты бы хоть не скрывал от меня, что попал в больницу, а то я очень испугалась.

— Не до телефона было, Крис. Прости. — Мужчина закончил с кремом, уложил все средства в органайзер и, закрыв его, зарылся носом в платиновые волосы. — Я всем, кому нужно, вчера отписался, а Яр сделал моё пребывание здесь строго конфиденциальным. Отсюда у меня вопрос, Звёздочка: как ты меня нашла?

— Чудом, Мар. — Девушка провела рукой по голому торсу Маркуса от резинки приспущенных брюк до ключиц и обратно. — Твой брат вчера заявился к Маршалу с какой-то битой девицей, вот я и прыгнула к нему в машину, пока он не уехал.

— Стоп! — дёрнулся мужчина. — Ещё раз. Что он сделал?

— Новенькую привёл, — настороженно сказала Кристина. Гостья подняла испытующий взгляд на Маркуса, поддетая его резко поменявшимся тоном голоса; он продолжил обаятельно улыбаться, но светлая кожа словно бы выцвела ещё больше, и вместо радужки в глазах осталась тонкая серая кайма. — Не ругайся, пожалуйста. Эту девочку бы точно убили без его помощи, забили бы до смерти, а он ей жизнь спас.

— Звёздочка, дорогая, — прерывисто выдохнул адвокат, очень аккуратно отстранившись от девушки; его в секунду захватила настолько разъедающая ярость, что блондинка увидела, как задрожали у клиента пальцы, — ты не понимаешь.

— Мар... — подалась к нему взволнованная Кристина, и Маркус молниеносно выставил руки перед собой.

— Не подходи, иначе я случайно на тебе сорвусь. — Он попятился до кровати, сел на неё и потрянул головой, осознавая, что на эмоциях мир поплыл, как после шампанского на голодный желудок. — Сука... Крис, ты реально не представляешь, в какую задницу он нас засунул. Я ему чётко и по-русски вчера сказал, не суйся, блядь, не смей, а теперь нам обоим пизда. Мне от Авдеева ни откупиться, ни отбрехаться будет. Он меня с потрохами сожрёт, вместе с говном. Боже...

Маркус отчаянно застонал, прикусив губу; стон перерос в озлобленный животный рык, адвокат, поглощённый бешенством, задохнулся и хватил воздуха, точно будущий утопленник — через рот, волевым раскрытием плеч. Кристина метнулась к нему, перепуганная, и Маркус, откинувшись на спину, потянул её на себя.

— Тихо, Мар, тихо, тихо... — прошептала девушка, скрестив подогнутые ноги, чтобы не завалиться ни вбок, ни назад. У адвоката голова повисла над полом, и обстановка вокруг замерла перевёрнутой; холодные пряжки на платье гостьи, длинные ногти, вилявшие остри-

ями по коже, и тёплые влажные губы на призывно оголённой шее погасили разбушевавшийся внутри огненный смерч, и Маркус опасливо прогулялся пальцами по завязкам на изогнутой спине Кристины. Он не решился жадно прижать её к себе. Остатки блуждавшей по телу злости ещё накатывали короткими волнами, и он испугался переборщить, причинить своей Звёздочке боль.

— Я его покалечу, когда увижу, — приглушённо сказал адвокат. Кристина поцеловала его между ключиц.

— Остынь, я прошу. На месте Яра любой мужчина, для которого женщина — это в первую очередь женщина, пришёл бы в ужас. Я не знаю, как эта девочка всё это терпела, сколько она терпела, но Яр её правда спас. Не трогай его, пожалуйста.

— Крис, малышка моя, тут дело не в том, что он спас её, а в том, кого он спас. Понимаешь разницу? Это ведь не левая девка с улицы, это проститутка. Он украл её у одного сутенёра и притащил другому. Это, блядь, вмешательство не в свои дела. Мало того, что «тени» в курсе о сделке Яра с Маршалом, и их никаким местом не ебут её причины, так ещё и теперь для своих «белых» клиентов он такой же, сука, сутенёр. Он одной помог, там вторая услышит, тоже прибежит за помощью, будет плакаться у него на груди. А клиентам похуй. — Маркус остановился, чтобы перевести дыхание. — До меня уже дошли слухи, что один из крупных рестораторов столкнулся с бунтом гостей. Типа, Яр блядей вместо официанток подсовывает. Охуенная репутация, не правда ли? А я его чистый образ, между прочим, тринадцать лет выстраивал и поддерживал. Я отбивал его у «теней», я делал всё, чтобы у него жизнь не пошла так же по пизде, как у меня. Чтобы он счастливо жил, Крис, и не знал, каково это — будни свои ебаные коксом занюхивать.

— Ма-а-ар, — протянула девушка с удручённым вздохом. Адвокат аккуратно поднялся, и гостья плавно соскользнула ему на колени, забросив руки на шею. — Ради меня обещаю, что не будешь горячиться. Яр же поступил так не по глупости. Он хороший и добрый, и ты его, получается, сам таким воспитал, разве нет? — Он не ответил, опустившись поцелуями по коже от правого уха к плечу под халатом. Кристина мягко взяла его за просохшие волосы на затылке и слегка сжала их между пальцами. — Мар... ах... ну перестань! — Она потянула мужчину за пряди, и тот недовольно замычал. — Оторвись от меня и обещаю, что вы просто поговорите.

— Я никогда ничего не обещаю, — горячо прошептал адвокат, прикикая вновь к исцелённой шее гостьи, — но ради тебя, так и быть, не сломаю ему нос при встрече. Ты, кстати, клиента себе вчера на замену нашла?

— Спрашиваешь... Конечно. У меня простоев не бывает.

Кристина деликатно подалась назад, упёршись ладонями в рельефные плечи, и выскользнула из нежных, осторожных объятий. Маркус уныло сгорбился, глядя, как его любимая эскортница ловко застёгивает пуговицы на халате, чтобы не испугать пациентов, пока идёт до гардероба.

— Эту ночь я могу провести с тобой? — спросил он, облизав губы кончиком языка.

— Можешь, — улыбнулась гостья, подошла ближе к Маркусу, и тот её втянул в глубокий нетерпеливый поцелуй. — На твоё счастье, место ещё не занято. Хочешь выписаться сегодня?

— Хочу сбежать.

Кристина расхохоталась. За ней приехало такси, и адвокат отпустил девушку нехотя, до последнего не желая убирать руки, сцепленные на талии.

«Звёздочка, если бы не ты...»

Он бы сорвался и всё тут разнёс, потому что, узнав о поступке Яра без Кристины, гнев остановить бы не сумел. Мужчина сосредоточенно посмотрел на улицу — на пустые тротуары, гнущиеся от ветра деревья и низкие рваные тучи.

«Решётки нет. Вали, если хочешь».

Если. Не было никакого «если». Двадцать минут до очередного прихода Марины, осточертевшая белизна и стояк, от которого скучная душевая вместо расслабления не оставила бы следа.

Маркус вызвал машину, переоделся в костюм и сложил некомфортную пижаму на край постели. Пальто надевать не стал; адвокат накинул его на голову, когда водитель затормозил под самыми окнами, как его и просили, распахнул откидную раму и вместе с сумкой махнул через подоконник, запрыгнув в открытую заднюю дверь.

— Это не погоня, — улыбнулся Маркус молодому парню за рулём, который полетел по улицам, бросая косые взгляды в зеркала. — Расслабьтесь.

В пути до отеля он доделал причёску и быстро мазнул духами по шее. Костя из номера к этому времени уже выехал, но бронь от новых гостей ещё не поступила, и Маркус оформился на сутки, еле соображая от возбуждения, которое серьёзно мешало думать.

«Отельным койкам не привыкать».

Мужчина скинул туфли у порога и небрежно уронил пальто себе под ноги. В привычной обстановке на двухспальной кровати он так бурно выплеснул тяжело опьянившее напряжение, что, глядя в потолок, как утром, мысленно поблагодарил историческое здание за толстые стены.

«И трахаю шлюх, и сам шлюха. И мать у меня была шлюха. Чего ещё стоило ожидать?»

Он нащупал телефон, брошенный куда-то за подушки. Задание найти Яра в чате осведомителей Маркус напечатал двумя руками, трясущимися после оргазма как у запойного алкаша.

«Он дома», — пришёл ответ где-то минут через пятнадцать.

«Прекрасно. Следите, чтобы он никуда не вышел, а если выйдет, остановите».

«Словами или силой?»

«По ситуации».

— Можно и силой, там лишним не будет, — шмыгнув носом адвокат и вызвал такси.

Глава 25. Американские горки

Костя упал в рабочее кресло, выжатый полубессонной ночью. Душный аромат карамельной ванили не дал ему спать; он засел глубоко в одежду и ткани сумки, приехал вместе с адвокатом и, даже сильно ослабленный злыми ветрами Петербурга, сохранил тяжёлый гипнотический эффект. Матвеев оставил окно до утра приоткрытым, но избавиться от бесконтрольной нервозности это не помогло. Костя измучился; он устал одёргивать себя в моменты, когда запах настырно возвращал его чувствами в дом адвоката, в телесный ступор, и подумал, что коронная манипуляция Маркуса, видимо, надломила ему подсознание.

«Он, интересно, знал, что я так среагирую, или это была мастерская импровизация?»

Костя неуверенно покачал головой. За десять лет работы Маркус изучил его до последней молекулы, — так ему казалось, — и поэтому легко сыграл на тонкостях восприятия, чтобы выйти из конфликта. С одной стороны. С другой он даже не успел доужинать, и диффузор поставил явно не в понедельник вечером, потому что запаху на такую площадь нужно время. Не час и не два — как минимум сутки, чтобы стать концентратом, от которого Матвеев будто бы захмелел ещё у порога.

«Да нет. Он же гостей не любит. Вряд ли он вообще рассчитывал, что я когда-нибудь приду».

«И что? Сообразил на месте. Он же адвокат».

«Ну да, ему прям делать больше нечего, как уставшим и злым ещё тебя окучивать. Ты бы лучше работой занялся, чем этим мозгоёбством. Параноик хренов».

Костя безо всякого энтузиазма придвинулся ближе к столу и прошёлся поверхностным взглядом по сообщению в почте от Александра. Мерзкий адвокат нового клиента встречу в ультимативной форме перенёс на понедельник с объёмным комментарием, как халатно Костя ведёт дела. Мужчина не понял претензий; Александр согласился подождать возвращения Маркуса, внял обстоятельствам его отсутствия, но сегодня выдал такой монолог на четыре абзаца, что Матвеев усомнился в плодотворном сотрудничестве. Он отправил это письмо Белову, потребовав объясниться; в Петербург адвокат уехал спонтанно, и согласовать новую дату встречи было его первостепенной задачей. Почему он этого не сделал, непонятно.

Костя вдумчиво перечитал отрывок сообщения.

«О том, что Маркуса не будет, я узнал из сторонних источников, а не от вас и тем более не от самого Маркуса. Это очень безответственно».

— Вот и обращался бы к виновнику торжества, — нелюбезно заметил Матвеев. — Хули ты мне-то пишешь?

Он толкнулся ногой, оказался спиной к двери и взглядом упёрся в забрызганное дождём окно. Спать хотелось невыносимо; кофе, проглоченный в самолёте четыре часа назад, эффекта не дал, и Костя вновь подвинулся к столу, всерьёз увлечённый идеей всё свалить на заместителя хотя бы до обеда. За это время он поспал бы в одном из гостевых кресел, но телефонный звонок оборвал его размышления.

— Лёгко на помине, — съязвил мужчина. — Видел, что я тебе прислал?

— Видел, — флегматично отозвался Маркус. — Ты для начала свой календарь проверь, потому что мне эта встреча не падала. Я про неё не знал. Точнее, не знал, что она была на вчера.

— Мы с этим клиентом общались на той неделе, — произнёс Матвеев, открыв месячный график. — Почему я помню о договорённостях, а ты нет?

— А ты подумай. У меня за день куча визитов, и если я буду помнить абсолютно всё, я ёбнусь.

— И к кому же ты столько ездешь? На мне что, куча уголовных дел?

— Прежде, чем я отвечу, скажи, нашёл ты эту встречу или нет.

— Нашёл, — не сразу констатировал Матвеев. Его захватило чувство прожигающего стыда, потому что претензия Александра касалась его непосредственно. — Это мой косяк. Я забыл добавить тебя в событие.

— Молодец, — не меняя тона, всё так же невозмутимо сказал адвокат. — По поводу разъездов я вдаваться в подробности не буду, не телефонный разговор, но да, на компании висят ещё старые разбирательства, всякая административка. По уголовке я постоянно мотаюсь в Прокуратуру и Следственный, потому что кое-кто на тебя давно точит зуб, и только моими стараниями никто до сих пор не явился к тебе в кабинет. А ещё я за твою неприкосновенность очень дорого плачу и не буду рассказывать, как именно. Этого достаточно?

— Пока да. Что по выписке?

— Ещё не думал. До вечера понаблюдаю, а там, если всё нормально, выпишусь завтра. Эти белые стены меня убивают.

— С учётом твоей фамилии должно быть наоборот, но ладно.

— Костя, — вздохнул Белов, — что опять не так?

— Да ничего, — бросил Матвеев и положил трубку. Он предпочёл убежать от ответа, чем пожаловаться на выходку Маркуса и её последствия.

«Ты с Кириллом насчёт Яра поговорил?»

Сообщение разбудило экран телефона, и Костя торопливо напечатал:

«Да. Он сказал, что раз Яр теперь под моим крылом, то трогать его не будет. Но помимо него есть ещё куча других отмороzków, и нет гарантий, что они посчитаются с такой «крышей» как я».

«Они посчитаются со мной. Только мне теперь придётся уезжать на более долгий срок, потому что этот мелкий кретин подставил вчера нас обоих. Когда до Кирилла это дойдёт, он тебе припомнит ваш разговор».

— Во что он ещё вляпался? — удручённо произнёс Матвеев, набрав адвоката.

— Какая-то битая шлюха попросила у него помощи, и он притащил её к Маршалу. Поручился, потому что по-другому Маршал не работает.

— Да, я помню правила, — судорожно выдохнул Костя. — Красавчик, блядь...

— Не то слово. Мне Кристинка даже нос ему сломать не разрешила, а я бы с таким удовольствием его отпинал сейчас, ты не представляешь.

— И представляю, и понимаю. Надеюсь, ты знал об этом? Или Яр опять всё провернул за твоей спиной?

— Он меня радикально не послушал. Мы обсуждали это перед твоим приходом. Я объяснял, что это не просто девочка, это шлюха, причём чужая, и клиенты таких пачками убивают. На всех жалости не хватит и места в борделе Маршала тоже. А он пристал со своей совестью, добродетель херов, и Крис мне тоже знатно на уши присела. Типа не ругайся, он поступил как мужчина.

— Безмозглый мужчина тогда уж.

— Я сказал бы резче, но не буду. Короче, не знаю, Кость, я, как выпишусь, пойду с ним разговаривать, но сразу предупреждаю: одним разговором не обойдётся. Я слишком зол. За неделю две таких подставы — это перебор.

— Я тебя ни в чём не ограничиваю, делай, что считаешь нужным. — Телефон завибрировал у Кости в руке, и тот мельком посмотрел, от кого поступил параллельный входящий вызов. — Так, у меня тут вторая линия, повиси минуту. — Он принял звонок. — Да, Вячеслав Антонович. Доброе утро.

— Доброе, да не доброе, Константин Сергеевич, — нервозно произнёс главврач. — Я долго думал, звонить вам или пока самим разобраться, но решил, что всё-таки лучше сразу сказать. — Он собрался с духом. — У нас Маркус сбежал. Марина пришла к нему на осмотр, а в палате ни его, ни вещей, и окно нараспашку. Что делать?

Костя вместо ответа подальше убрал телефон от уха и зашёлся безудержным хохотом.

— Ничего не делать, Вячеслав, — проговорил Матвеев, когда более или менее успокоился. — Закройте документы, выставите счета, если там что-то ещё не оплачено, и расслабьтесь.

— Но он же не долечился. Ему здесь нужно было остаться ещё как минимум на пару дней. Как же так-то?

— Ничего страшного. Я ему сам тут устрою домашний арест. Не волнуйтесь.

— Это нонсенс, Константин Сергеевич, нон-сенс. У нас такого ещё не было.

— Всё когда-то бывает впервые, — вновь засмеялся Костя. — Давайте, всего доброго, а то у меня второй звонок висит. — Он сбросил Вячеслава и вернулся к адвокату. — Скажи мне, дорогой друг, с каких пор ты начал в больничные окна прыгать? Попросить, чтобы тебя просто выписали, не судьба?

— Это долго и муторно, — улыбнулся Маркус, не удивлённый вопросу. — Я после Кристины был чертовски заведённый, во всех смыслах, поэтому вырвался просто на импульсе.

— А сейчас ты где?

— Там же, где был до клиники. В отеле.

— Дурдом какой-то, — в очередной раз тихонько засмеялся Костя. — Вот если бы Вячеслав мне не позвонил, я бы как об этом узнал?

— По факту. Я говорил тебе в понедельник, что ты гиперзаботливая мамка, а с такими мамками как в пословице: меньше знаешь — крепче спишь.

— Мар... Тьфу. — Матвеев изнурённо протяжно выдохнул. — Маркус, сука ты хренова, ставь в известность, когда ты что-то творишь. Если тебе моя гиперзабота ложится палкой поперёк хребта, я могу перестать в любой момент, но ты уверен, что хочешь этого?

— О... — коротко сказал адвокат с заинтересованной интонацией и продолжил, понизив голос до глубокого густого тембра. — Ну, попробуй. Для начала возьми за привычку на постоянной звать меня Мар — именем, которым зовёт каждый, кто хотя бы раз взял меня за горло, — и ты среди этих людей, кстати, — а я посмотрю, как ты справишься. Очень лёгкая задача, но важная, если ты реально готов перестать.

Костя промолчал. Настроение разговора молниеносно сменилось; он от возмущения рвано задышал, положил на стол крепко сжатую в кулак руку, свободную от телефона, и облизал пересохшие губы.

— Я тебя поставил на одну планку с женой и ребёнком. Ты вроде неплохо жил. А сейчас что, скучно стало?

— Да нет. Это ты полез ко мне в душу, а я вот такой провокатор уже лет двадцать. Не нравится? Отступись. Это предложение ещё действует, потому что дальше будет хуже.

— Я это уже понял. Хватило и сраного понедельника, и вчерашнего дня. — Костя резко откинулся на спинку кресла. — Маркус — Он осёкся. — Мар, ты только заранее скажи, что меня ждёт в конце этого блядского квеста. Начало уже впечатляющее, а в итоге к чему готовиться?

— К Преисподней, — хохотнул Белов. — Шутка. Всё, что тебе понадобится, — это принятие и смирение. Я порой работаю вопреки здравому смыслу, принципам, совести и человечности, поэтому я не зря тебе в который раз предлагаю не заходить так далеко.

— Один вопрос, Мар: ты людей убиваешь?

— Нет, во всяком случае не напрямую.

— Я понял, — опустошённо сказал Костя, проведя ладонью по лицу и следом пальцами по глазам, несколько раз, указательным и большим, от кончиков бровей до переносицы и обратно. — Вряд ли что-то может быть хуже этого.

Маркус усмехнулся.

— Где у нас будет первая, так сказать, лекция по твоему успешному успеху?

— Надеюсь, не у тебя дома, потому что после того вечера мне до сих пор нехорошо.

— У меня такая атмосфера там двадцать четыре на семь. Если плохо, лучше не ходи ко мне вообще. Я буду только рад.

«Шах и мат, параноик. Выкуси».

— Какая прелесть. Значит, будет номер в отеле, офис или квартира. Без разницы.

— М-м-м, номер на двоих.

— Мар, — одёрнул адвоката Костя с еле заметным рыком, — я понимаю, что ты блядища у нас, оказывается, но имей хотя бы каплю приличия.

— Да хоть целое море. Я же шучу. — Белов шмыгнул носом. — Ладно, приеду, разберёмся.

Адвокат закончил разговор. Матвеев посмотрел в экран мобильного, злой от того, что не успел разъединиться первым; их беседа вышла похожей на американские горки с плавным подъёмом, весёлым спуском и вышибающей дух мёртвой петлёй.

«Я бы не Маром тебя называл, а Мором, от слова «морок», потому что с тобой, как выяснилось, психика отъезжает нахрен».

А за ней и тело, которое покрылось мурашками, когда Белов понизил тон. Матвеев стиснул подлокотник офисного кресла.

«Сука. Научи меня делать так же, и я при первой возможности нагну тебя твоим же методом».

Глава 26. Самый большой страх

Я поднялся в квартиру, положил папку с договорами на диван и бросил пиджак на его спинку. До следующей встречи оставалась куча времени, целых три с половиной часа, и я заехал домой, чтобы в тихой закрытой обстановке набрать Мишу. Он ещё с утра прислал мне один кадр с любительской камеры, где мой старший брат упивается шотами, поставленными в длинный ряд, и сказал, что всё остальное выложит по звонку.

— С чего тебе начать? — уточнил мой друг, и я, сидя за барной стойкой, развёл руками.

— Ну, давай с фотографии, например. Я помню, Маркус говорил, что Константин не разрешает ему пить. Или это какое-то исключение?

— Да. Это съёмка в закрытом клубе. Не спрашивай, как я получил эту фотографию, но обрати внимание, что он держит в руках.

— Как минимум рюмку. — Я поставил вызов на громкую связь, открыл изображение и рассмотрел его приближенным. — Во второй руке тоже что-то есть, но я не понимаю, что именно.

— Я не буду показывать тебе следующий кадр, но это свёрнутый «косарь». Маркус через него подышит, а потом развернёт и сунет его шлюхе в трусы.

— погоди, — не понял я, — подышит — это занюхает, что ли?

— Какой ты молодец, — улыбнулся Миша. — Конечно. Раз в месяц у Маркуса два спаренных выходных, и он отрывается так, что тебе и не снилось. Это у него разгрузка такая.

— То есть, у меня брат — наркоман, — попыток я упавшим голосом.

— Скорее, залётный юзер. Раз в месяц — это не зависимость. А вот конкретно зависимость у него от никотина, но с нашими реалиями пачка в день — это ни о чём. У нас таких каждый третий.

— Ладно, — вздохнул я, — давай дальше.

— Дальше... — протянул Миша и, судя по звуку, постучал по экрану, перелистывая вкладки. — Дальше инфа по здоровью. Маркуса уже несколько лет ведёт один и тот же психотерапевт, но по какой причине, я не знаю. Может, брат у тебя реально башню лечит, а может, и просто таскается к нему, чтобы поплакаться. Это я без понятия. Так Ещё что-то было... А, девушка у него была пять лет назад. Он думал на ней жениться, но её грохнули сразу после победы в суде. Там были серьёзные разборки, и конкуренты вот так поднасрали. Может, поэтому, кстати, Маркус и торчит у терапевта. Как вариант. Сейчас он берёт шалав из борделя Маршала, если говорить про Питер, и есть там одна красotka, с которой он постоянно тусит.

— Кристина, я знаю. Мы виделись с ней вчера.

— Фига се, — удивился Миша и хмыкнул. — Ты что у сутенёра забыл?

— Девочку новую привёл, — сразу сознался я. — Ничего мне не говори, я не смог не помочь, там девчонка... А, ладно, забей.

— Яр, мы только позавчера с тобой обсуждали...

— Да знаю я, сказал же, забей. Я уже понял, что у меня будут проблемы, но сейчас хотя бы моя совесть чиста.

— А Мар в курсе того, что ты сделал?

— В курсе. Миш, — я не выдержал, — давай закончим пока. Спасибо за информацию, но, честно, прости, эта тема меня заводит не в лучшем значении слова. Мне надо остыть.

— Хорошо, — согласился друг. — Я тебе основное раскрыл, но если будут какие-то ещё вопросы, звони.

— Окей. Давай, на связи.

Я отложил телефон и уронил голову на руки. Сколько так просидел, не заметил, но вздрогнул от неожиданно громких ударов то ли кулаком, то ли здоровенным ботинком в дверь.

«Кого ещё принесло?..»

После разговора с другом я очень глубоко провалился в тяжёлые мысли, немало расстроился, что жизнь и круглосуточная работа довела Маркуса до крайних мер, но липкая тревога перед неожиданным гостем задвинула переживания о брате на самый дальний план. Я на цыпочках подобрался к двери; голову первым деломхватило чёткое ощущение, что там, за порогом, сутенёрские бодрые ребята, такие же, как охрана Матвеева тогда в машине, ждут меня, готовые с ходу бить.

«Надеюсь, перед «глазком» сейчас нет пистолетного дула».

Железная многослойная дверь от настойчивого битья вновь содрогнулась, и я с бешено колотящимся сердцем осторожно и максимально бесшумно глянул в оптическое стекло.

«Маркус?!..»

На мгновение промелькнула внутри досада, что по мою душу явились не лютые головорезы. После всего, что я знаю с детства и что узнал сегодня, уж лучше они, чем разъярённый старший брат, потому что от бандитов я хотя бы понимаю, чего ждать. А с Маркусом это всегда сюрприз.

Верхний замок отщёлкнулся, и ноги тут же меня стремительно унесли на несколько шагов назад. Маркус это заметил; он неспешно чеканно ступил в прихожую, взялся за ручку двери и с такой силой её захлопнул, что с маленького гвоздика над ростовым зеркалом упали сувенирные колокольчики.

«Господи, помоги...»

Я попятился. Брат оставил пальто брошенным у порога, пошёл в мою сторону молча, сунув руки в карманы деловых брюк; его плотно сжатые губы, лицо, на которое в гневе ложатся контрастные тени, и залитые чернотой глаза наводили тошнотворный ужас ещё с юности, и я, не в силах отвернуться, болезненно задел плечом косяк.

— Маркус, пожалуйста, давай по-человечески...

Боль от ушиба отвлекла меня. Зрительный контакт буквально на секунду разорвался, и брат нанёс удар — настолько сокрушительный, что мир передо мной ненадолго померк. Я только успел зацепить детали — резкий шаг, замах, быстрый, быстрее, чем я смог это понять, и меня отбросило к середине кухни-гостиной, по инерции протаскив по полу.

— Мы по-человечески уже разговаривали, — голос Маркуса, ровный, давящий и низкий, еле пробился сквозь шум и звон в ушах, — но ты не понял. А раз не понял, какие тогда претензии?

Как я это в кучу собрал, неясно, чудом, наверное. Мысли перемешались. Я приподнялся на руках, порывисто дыша, и увидел под собой размазанные по ламинату красные капли, которые продолжали множиться, срываясь с подбородка; рассечённая бровь жгуче запульсировала; после беглой попытки вытереть залитый кровью глаз ладонь осталась в ней обильно перепачканной от запястья до крайних фаланг.

— У меня клиенты... — надсадно проговорил я, слушая, как звуки мира плавно возвращаются вместе с пониманием происходящего. Маркус припечатал ногой моё бедро.

— Сегодня? Да насрать. Ты подставил меня, я ответил тем же. Всё вполне справедливо. Давай, — он пихнул меня каблуком, — вставай. Мы ещё не закончили.

— Остановись, пожалуйста...

— Вставай, я сказал. Две подставы за неделю, Яр, — зарычал старший Белов. — Две, блядь. За неделю. Ладно, там первая, с ней мы с Костей на пару разобрались, но вторая какого хера? А?! — Маркус молниеносно присел и заглянул мне в лицо с совершенно безумной улыбкой. — Понимаешь, из-за твоей сраной шлюхи мне теперь придётся вывернуться наизнанку, чтобы тебя ни одна мразь не тронула, а Костя, который впрягся в это вместо меня вчера, со своим поручительством оказался шутком гороховым. Яр, — заговорил он тише, — ты реально, что ли, не вдупляешь, за каким чёртом я четырнадцатый год позволяю себя нагибать?

— Не вдуплюю, — огрызнулся я и, наконец, посмотрел брату в блестящие немигающие глаза. Обстановка прояснилась. Сознание для более или менее осмысленных ответов тоже. — Ты не спрашивал, хочу ли я такой защиты. Ты решил всё за меня. Может, я не хотел быть этим «белым» спецом. У меня было право выбора. Ты его не дал. А я не тупее тебя. И манипулятор тоже тот ещё... — На мгновение мысли разбежались, но прежний общий смысл удалось схватить за хвост. — У тебя это забота, да? Так называется? А я марионетка, Маркус. Именно так себя и чувствую.

Я кое-как поднялся на ноги, не отрывая взгляда от собеседника, мертвенно-бледного, шумно дышащего через рот, и Маркус плавно распрямился вслед за мной.

— Что, не нравится? А, да, — выплюнул, понимая, что ситуацию всё равно уже ничего не спасёт, — нечестно... Нечестно мне диктовать, как жить. Правильно жить тем более. Ты же сам... Ты сам свою жизнь без пыли не вывозишь. И я должен тебя слушать, вот такого?

Я выдал это с огромным трудом, ловя ускользающие слова, и шмыгнул носом. Не специально — прочистить заложенность после крепкой встряски, но этот жест пробудил в Маркусе настоящее животное остервенение. Мы сцепились в ту же секунду и рухнули возле барной стойки; порвали друг другу одежду, я разодрал брату шею и грудь, но в драках даже в юности толком не участвовал, а у Маркуса всегда был существенный силовой перевес. Широкое кольцо справа на указательном пальце стало аналогом кастета; брат истерзал меня, осыпав дождём ударов, — спасибо, что больше не целил в голову, — блокировал мощным захватом со спины, и я в панике захрипел от согнутой руки на шее.

— Отпусти...

У брата выровнялось дыхание в почти неподвижной позе; моё трепетание не мешало ему, пусть даже я неистово хлестал единственной относительно свободной рукой по нему и полу, обламывая ногти об тонкие зазоры в ламинате.

«Прекрати же... Хватит...»

Я замер в какой-то момент, осознав, что дёргаться бесполезно, и вдруг ощутил свободу — вдохнул, как утопленник, зашёлся диким кашлем, в котором извивался чёрт знает сколько времени, пока не затих в предельно ослабленном состоянии.

— Яр, — трясущимся шёпотом позвал меня брат, тронув за плечо. — Яр... Боже...

Я переключился на него, насколько смог, потому что Маркус несильно сжал мне руку, пару раз активно всхлипнул и замолк. Я краем глаза в мутной пелене проследил за его силуэтом, как он, шатаясь, ушёл куда-то в коридор, с кем-то очень неразборчиво поговорил и вновь опустился рядом со мной.

— «Скорую» вызвал, — доложил брат обесцвеченным севшим голосом. Я не ответил. Даже пошевелиться не смог; всё, что прозвучало после, собрал буквально по крупичкам, но суть от меня тут же ускользнула.

Стало хуже, я погрузился в себя и отключился от реальности. Самый большой страх моей жизни только что обрёл материальную форму, но если в этот раз Маркус остановился, где гарантия, что он остановится в следующий?

Глава 27. Шторм

— У тебя это забота, да? Так называется? А я марионетка, Маркус. Именно так себя и чувствую.

Старший Белов задохнулся от возмущения. Он шумно задышал через приоткрытый рот и понял, что накотившая мелкая дрожь усилилась — от гнева Маркуса начало приметно трясти, и мужчина поднялся на ноги вслед за братом, медленно, осторожно, чтобы тело не повело от тремора.

— Что, не нравится? — добавил Яр, залитый кровью, начиная от левой брови, заканчивая штанинами светло-серых брюк. — А, да, нечестно... Нечестно мне диктовать, как жить. Правильно жить тем более. Ты же сам... Ты сам свою жизнь без «пыли» не выводишь. И я должен тебя слушать, вот такого?

«Откуда ты знаешь про пыль?..»

Адвокат загорелся внутри. Его бросило в лютый жар, потому что коксовые дорожки он тянул только в пределах закрытого клуба или в одиночку, и то, что младший об этом узнал, подломило под ним опору.

«И какая же сука меня сдала?..»

В голове мужчины мгновенно выстроилась цепочка возможных подозреваемых, тесно связанных не только с ним, но и с Яром; он разозлился до исступления — мало того, что вместо прямого разговора младший предпочёл крысятничество, так ещё и помогли ему люди, давно проверенные, на которых адвокат открыто полагался. Яр без их участия даже при всём усердии ничего бы не узнал.

«Я всё, конечно, понимаю, но со мной нельзя так играть».

И вот такого, Яр, — это какого? — додумал мужчина с горечью. Фоном, никак не ожидая, что мысль искрой пролетит по нервам и выцепит изнутри что-то смутное, неуловимое и похороненное в очень глубоких слоях сознания. Что-то, сорвавшее пломбу с законсервированных эмоций; адвокат почувствовал, что напряжение стало неуправляемо распирает его тело, и разум начал опасно крениться. Глубокий вдох и выдох, проверенная годами техника, не удержали бешеный напор ярости, которая затмила собой всё, перемешав и своих, и чужих. Желание наградить брата парой синяков уплыло на самый дальний план; время словно замедлилось; после ответа Яр успел только перемяться с ноги на ногу, а Маркуса в состоянии психического шторма накрыла неуправляемая череда когда-либо услышанных упреков.

Не спрашивал, не хотел, решил, не дал. Нечестно. Марионетка. Молчание. Вот такой. Безжалостно перечёркнутые годы стараний. Снова. И снова. И снова...

Мужчину переклинило. Мозг отключился. Адвокат рванулся к брату, не видя его самого, не мигая, не чувствуя ничего, кроме буйства адреналина. Он рухнул вместе с противником на пол, затрещала разорванная ткань, и верхние пуговицы на рубашке адвоката разлетелись куда попало. Между ударами Маркус поправил кольцо на указательном пальце; он пробил несуразный блок Яра, которым тот попытался защититься, и врезал прямо под рукой по рёбрам. Раз. Второй. Методично вышибая дух из младшего Белова, старший устремился перед собой немигающим отрешённым взглядом. Он не думал; тело сработало на автомате, обездвигив Яра, и Маркус предельно сдавил брату шею, поймав от его отчаянной борьбы чувство удивительного внутреннего покоя.

«Кайф...»

Эта мысль вспыхнула после долгого, казалось, бесконечного затишья, и адвокат ухватился за неё, вынырнув из вакуума. До ушей его долетел беспомощный хрип; реальность вокруг опять обрела детали и краски, Маркус волевым усилием осознал себя и то, что в его душающих объятиях погибал брат.

«Отпусти».

Это была даже не мысль — импульс, от которого мужчина подорвался с места и забился в леденящем ужасе под барную стойку. Освобождённый Яр закашлялся, жадно хватая воздух и чуть ли не выплёвывая внутренности; Маркус уставился на него, до смерти перепуганный, — на измазанный кровью пол, на обломанные до мяса ногти, — и тихонько дополз до брата, когда тот, наконец, измученный, затих.

— Яр, — шёпотом позвал Маркус, тронув младшего за плечо. — Яр... Боже...

Он сорвался на громкий всхлип, затем на второй, но стремящийся наружу плач задавил чудовищным усилием.

«Я потерял контроль...»

Но так и не понял, из-за чего. Память не выбросила секунды между последней репликой брата и пустотой; мужчина запутался в спорных чувствах и навязчивом ощущении дежавю, безбожно трясушимися руками схватился за голову, согнувшись в немой истерике, и после выбрался в коридор, чтобы там, не видя младшего, вызвать экстренную бригаду частных врачей — из той же клиники, откуда сбежал сегодня утром.

— «Скорая» уже едет, — доложил он обесцвеченным севшим голосом, вновь опустившись на пол рядом с братом. Яр дышал, видел Маркуса, наблюдал за ним краем глаза, не залитого кровью, но лежал неподвижно, как парализованный. — Ты вправе подать на меня заявление по тридцатой. Там часть третья, неоконченное преступление, лишение свободы на срок от пяти лет. — Адвокат через силу сглотнул. — Я всё на почту пришлю, не забывай.

«Он вообще меня слышит?.. Ты слышишь, да?..»

— Яр, — сказал мужчина и придвинулся к младшему ближе, — дай знать, что ты понимаешь, о чём я говорю.

Вместо ответа Яр закрыл глаза. Маркус потрясённо закачался из стороны в сторону, понимая, что если он не убил родного человека, то нет гарантий, что не оставил инвалидом на всю жизнь.

«Какой же я всё-таки конченный...»

И всегда им был. Адвокат сторбился и сжался до состояния эмбриона с рычащим стоном. Он не знал, как объясняться перед врачами, которые вот-вот приедут; как об этом сказать Косте прежде, чем это сделает кто-то другой; как собрать себя, раскрошенного в пыль, — похожую на ту, без которой он действительно не вывозил эту жизнь, — и продолжить дела. И как объяснить психотерапевту на ближайшей сессии, что он чуть не стал убийцей.

«Я как будто что-то прожил заново, но что именно — не помню».

Сигнал домофона вытянул Маркуса из переживаний, заставил быстро на ходу сконцентрироваться и сбросить разорванную рубашку. Бригаду врачей он чётко и собранно встретил, проводил до брата, честно признался, что в драке переборщил, и велел поместить Яра в ту же палату, где сам лежал ещё утром.

— Я попрошу вас ещё об одной услуге, — сказал он прежде, чем медики подняли носилки. — Меня привезли конфиденциально, потому что журналисты заклевали бы и меня, и клинику. Поэтому очень прошу вас, пожалуйста, Яра тоже как-нибудь задним числом проведите. Он всё-таки весь в крови, будет очень много ненужных вопросов.

— У Вячеслава Антоновича насчёт вас всё схвачено, — успокоил врач. — Не волнуйтесь.

«Я боюсь, а не волнуюсь».

— Он же выберется? — спросил адвокат, открывая входную дверь, и девушка терапевт кивнула.

— Конечно. У него шок, но угрозы жизни нет. Более подробно будем смотреть уже на обследованиях, но если вдруг что найдём, то позвоним вам сразу же.

— Спасибо.

Маркус аккуратно улыбнулся, проводил врачей и уткнулся головой в ростовое зеркало, стерев с лица деловую маску.

«Молись теперь, сука, чтобы он тебя реально не посадил. Семёнов из кожи вон вылезет, чтобы накинуть статей по всем делам, и ты, блядь, сгниёшь на пожизненном».

Адвокат ударил кулаком в косяк. Оттолкнувшись им, он шагнул в сторону пальто, всё ещё лежавшего на полу, вытащил телефон из внутреннего кармана и прислал на почту брата образец заявления для полиции, как обещал. Пока направлял письмо, блуждающим взглядом окинул пространство; младший Белов обитал на двадцати квадратах, не считая верхнего яруса, и квартира по сравнению с личным жильём в Москве старшему показалась очень тесной и давящей со всех сторон.

«И конурой не назвать, и развернуться негде, одни углы».

Он неспешно прогулялся по студии, касаясь кончиками пальцев буквально каждой поверхности на пути. Гладкая спинка дивана, столешница барной стойки, матовое стекло обеденного стола, деревянный поручень широкой лестницы, шершавые обои без рисунка, мягкое бельё на двухспальной кровати. На втором ярусе Маркус облокотился на поручень и с чувством сожаления взглянул оттуда на квартиру брата.

«Я думал, что знаю про него всё, а сам даже ни разу тут детально не осмотрелся».

Мужчина присел на край постели и лёг на спину, раскинув руки. Студия пропиталась ароматом свежего кофе; более плотный запах обосновался в углах и под потолком, более мягкий и тонкий остался шлейфом, как после недавнего завтрака. Маркус к такому светлому уюту не привык; он атмосферу своей квартиры выстроил на сочетании глубоких сумеречных оттенков и любимой ванильно-карамельной тяжести. Яру бы там не понравилось.

«Ты уверен, Мар?»

Он сквозь зубы тихонько выругался, на минуту опустив голову на руки. После сделки с Маршалом, Карины, — будь она неладна, — впечатления собственной копии, дерзости в палате и сегодняшних упрёков, невзирая на боль и кровь, Маркус понял, что больше не может высказываться о Яре безоговорочно.

Хотя упрёки брату всё же стоило вернуть, потому что адвоката занесло на чувстве замкнутого круга. Он не только поймал отголосок чего-то повторного и затёртого; мозг у него закоротило на непробиваемой убеждённости Яра, что Маркус его воспитал и вырастил как удобную куклу. И что бы старший ни говорил, как бы ни объяснялся, тема снова и снова всплывала в очередном конфликте.

Снова разговор о праве выбора, когда уже сто раз обсуждали, почему его не было; снова избегание факта, что Яр годами всё это принимал, не задавая вопросов — молча; снова попытка перенести ответственность за безразличие, за покорность, когда Маркус в ответ на возражения мог свободно показать, почему в условиях жизни старшего младший Белов загнулся бы непременно. Костя вечером понедельника ненароком создал параллель на отчасти совпавших претензиях, и Маркус оказался загнанным в тупик.

Он вернулся на первый этаж и сделал себе капучино. Парить в этих стенах адвокат не рискнул; он, сидя за барной стойкой, отписался Косте, чтобы тот не ждал его до конца недели, а Маршала попросил отдать ему новую девочку по самому дешёвому тарифу.

Мужчина хотел с ней спокойно и обстоятельно поговорить, — если спокойно и обстоятельно вообще применимо к его состоянию сейчас, — но Маршал не из тех, кто позволяет девочкам тратить время бесплатно. Маркус его уважал за это; сутенёр ответил, что Карина согласилась на часовую классическую программу, и адвокат, надев пальто прямо на голый торс, отправился на такси в бордель.

Глава 28. Внезапное рандеву

«Когда ты теперь вернёшься?»

«Не раньше понедельника. У тебя вопрос насколько критичный? Я могу оплатить проживание и проезд, если ты сможешь с кем-то оставить Серёжу».

«Критично, но терпимо. Я подожду».

«Так, дорогая, давай без этого. Я не люблю жертвенность. Найди, кому оставить сына, скажи, какая сумма за билеты, и приезжай».

«Но Мар, а как же Костя?»

«Что Костя? Ты не собака на привязи. Захотела — уехала. За один день без тебя семья не развалится, но если хочешь, я сам с Костей разберусь».

— Велика разборка, — улыбнулась Ася.

«Хочу. Мне очень нравится, как это звучит».

«Ну и не тяни kota за яйца».

— Да ладно, — удивилась девушка, прождав несколько минут и не получив нового сообщения. — А где фирменная шуточка в конце? Я ответ для кого придумывала?

За десять лет дружбы Ася провокационный юмор адвоката научилась предугадывать, почти дословно, и с лёгкостью отвечать на него. Сейчас она ожидала, что он пошутит, мол, тяни меня (а не kota), если душа просит, но Асин остроумный комментарий, что им обоим за это накостыляют, не занял должное место. Девушку это слегка расстроило.

«Мар, у меня же теперь Паша есть, который телохранитель. Он по договору всегда должен сопровождать меня в поездках. Мне его брать с собой или просто не говорить, что я куда-то уехала?»

«Бери. Я с тобой на постоянной быть не смогу».

«Жаль, — с хихиканьем ответила Ася. — А может быть, я куплю тебя? Хотя бы на день?»

«Двойной тариф, дорогая. Потянешь?»

«Контора платит».

«Контора разорится, но за красивые глаза дам дисконт. Детали при встрече».

«Какое счастье, что Костя не лезет в мои переписки, — мысленно порадовалась девушка, выбрав из длинного списка чатов диалог с мамой. — Я не представляю, Мар, что бы он с нами сделал за такие разговорчики...»

Он бы подтекста не понял и учинил скандал. Ася это знала, поэтому никогда не вела телефонные беседы с адвокатом в присутствии мужа. С Маркусом в этих играх она утонула с первой недели знакомства, и, может быть, Костя поймал её как раз на случайных эмоциях от жарких подначек в сообщениях. Не вечно же держать лицо, когда игра ведётся на высоких оборотах.

— Да, мам, — Ася ответила на звонок. — Да, мне очень нужно уехать, и я хочу, чтобы ты Серёжу привезла вечером, когда Костя вернётся. Нет, не надо с ним разговаривать, просто улыбнись хотя бы ради приличия и отдай ребёнка. Это всё, что нужно. И завтра тоже. Нет, я не знаю, когда вернусь. Наверное, тоже вечером. Если очень нужно, мы завтрашний день тебе оплатим, это не проблема. Хорошо, спасибо. Пока.

Мать положила трубку раньше, чем закончился разговор, и Ася попрощалась сама с собой. Это девушку не смутило; она тут же переключилась на поиск авиабилетов, не нашла подходящих и выбрала «Сапсан» с отправлением чуть больше чем через час.

«Не вызывай такси, я заеду, — отписался Паша двадцать минут спустя, когда получил отбивку от руководства, что выезд одобрен. — Мы в Питер по личным делам или по рабочим?»

«По личным. У меня внезапное рандеву с Маром, поэтому ты даже сможешь погулять, пока он будет со мной».

— А ты знаешь, что у Маркуса нет охраны? — с хитрой улыбкой спросил Паша по дороге к Ленинградскому вокзалу.

— В смысле нет?! — не поверила Ася, взглянув на водителя с искренним изумлением. — Он себя богом, что ли, возомнил? Бессмертным?

— Да не-е-ет, — рассмеялся телохранитель. — Хотя для всех, с кем он переспал, может, и да. Может, и бог. А так он просто хороший адвокат. Тут подлизал, там договорился, вот его и не трогают. А если кто тронет, сразу найдутся люди, которые вздёрнут за это. Так и живёт.

— Чем больше я узнаю, — пробубнила Ася, делано отворачиваясь к окну, — тем больше охреневаю...

— Что ещё ты чувствуешь по этому поводу? — спросил Паша, улыбаясь ещё шире, чем прежде, и слегка качаясь в такт одному ему известному ритму.

— А ты специально мне это рассказываешь?

— Конечно, мне нравится твоя реакция. Так что?

— Я чувствую азарт, — обозначила девушка, переняв задорное настроение спутника. — Хочется теперь вскрыть Мара, как ящик Пандоры. Такой уникальный кадр, я не могу.

«Как много у меня теперь вопросов, Мар, ты бы знал...»

Паша остановился на парковке у вокзала, помог Асе выйти из машины и в приложении для каршеринга закончил поездку. Девушка небольшую спортивную сумку с вещами повесила на плечо; телохранитель ничего с собой не взял и обошёлся только паспортом. Он усадил спутницу на место в одиночном ряду, сам устроился в двойном у прохода, и Ася расслабилась на откинутой спинке.

«Буду в Питере в 19:35, — написала она Маркусу. — Нам сразу куда-то ехать, или ты встретишь?»

«Встречу».

«Удивляешь, Мар. Ты так быстро никогда не отвечал».

«Ты сегодня везучая».

Девушка бросила адвокату радостный «смайлик» и положила телефон на откидной столик. Москва потихоньку начала тонуть в ранних сумерках; осенняя — уже октябрьская — столица полетела мимо разноцветными деревьями, серостью неба и грязью застроек, пока в районе шести часов не погрузилась в вечерний мрак с дальними огоньками.

Ася взяла себе чай и лёгкий ужин. Обернулась на телохранителя всего раз, в начале пути, а потом уже до самого Петербурга задумчиво пролежала в кресле, глядя в черноту за бортом.

«Вот почему на въезде в Питер красивая набережная, а Москва у вокзала как провинция какая-то?»

«Сапсан» неспешно прокатился по мосту над Обводным каналом и вскоре плавно затормозил у платформы. Паша взял Асю под руку — ненавязчиво, чтобы выходящие из вагона люди не толкнули её.

— Не пиши, — сказал он, заметив, что девушка начала набирать сообщение адвокату с вопросом, где он. — Вон он идёт. Красавец...

— Где? — Ася подняла голову, спрятав телефон в карман осенней куртки. Она быстро внимательно пробежала глазами по толпе пассажиров, гремящих сотнями колёс на чемоданах, и выцепила из неё Маркуса. — Господи...

Она невольно замедлила шаг и прикрыла пальцами губы. Адвокат шёл им навстречу, выдыхая настолько большое облако пара, что утопал в нём почти наполовину; он приехал в брюках, но без рубашки, застегнул пальто на одну пуговицу и демонстративно распахнул его сразу, как остановился перед Асей.

— Сiao, дорогая, — сладко улыбнулся Маркус и облизал губы. — Прости за вид, я только что из борделя. — Он протянул Паше ладонь. — Мар.

— Паша, — ответил телохранитель, принимая крепкое рукопожатие. — Именно Мар, не Маркус?

Адвокат облизал губы ещё раз и понизил тон.

— Да, с зачином на будущее. — Он развернулся к прибывшим спиной и махнул рукой, приглашая двигаться вслед за ним. — Идёмте, нас ожидает чёрный «Bentley».

Маркус направился вперёд по краю платформы. Холодный ветер взметнул полы его длинного пальто, и девушка осуждающе покачала головой.

— Ма-а-р, застегнись, простынешь же.

— Расслабься, — бросил мужчина через плечо. — Я на моторе, что мне будет?

— Он под кайфом, Ась, — проговорил тихонько Паша, наклонившись к спутнице. — Ему адски жарко.

— Мне стоит бояться? — серьёзно спросила девушка.

— Нет. Он юзает чистый кокс, так что соображает лучше, чем мы с тобой вместе взятые.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Работа такая. Осторожнее.

Паша за локоть аккуратно притянул Асю ближе к себе, чтобы она, глядя в упор на Маркуса, не наступила в лужу. В здании вокзала гостя Петербурга отвлеклась на детали архитектуры и, выйдя на площадь Восстания, с удовольствием глубоко вздохнула.

— Красота какая...

Маркус тем временем на пути к машине остутился и громко заразительно рассмеялся. Ася едва тряхнула волосами; она друга никогда таким не видела, и весь день ей казался каким-то волшебным сном.

— Добрый вечер, — поздоровался водитель, приятный внешне парень в деловом костюме, и открыл заднюю правую дверь.

— До-обрый, — произнёс Маркус так, будто встретил давнего знакомого. Ася парню вежливо кивнула.

— Я вперёд, — определил Паша, удостоив водителя таким же кивком. — Вы оба назад.

— Прекрасно, — выдал адвокат излюбленным заниженным тембром и сказал таксисту: — Я сяду сам, не трудитесь.

Он обошёл премиальный автомобиль, намытый до зеркального блеска, устроился рядом с Асей на заднем сидении и, долго — несколько секунд — посмотрев на девушку, немного съехал по нему вниз.

— Дорогая, сможешь мне пристегнуться?

Мужчина в очередной раз облизал губы, и Ася немного замешкалась, увязнув в этих чёрных дырах вместо глаз; она мельком рассмотрела узор чёрной татуировки под грудью Маркуса, неуверенно подалась к нему, затаив дыхание, и адвокат, захохотав на весь салон, остановил её с вытянутой рукой.

— Я же пошутил! Боже...

Ася в долгу не осталась. Она поджала губы, метнулась к нему так быстро, что он не успел оторваться от ремня безопасности, и двумя пальцами сжав Маркусу подбородок, сказала ему — процеженным шёпотом, прямо в лицо:

— Мне не нравится эта шутка.

— Я понял, прости, — мгновенно ответил мужчина и, прикусив губу, уставился в окно.

«Соображает он, как же», — нахмурилась Ася и щёлкнула своим ремнём. Она увидела, как адвокат чему-то вульгарно улыбнулся, запрокинув голову, и понадеялась, что его скоро отпустит. Иначе они не смогут поговорить. Она не сможет.

Глава 29. Предупреждение

Костя наступил на первую ступень в подъезде и остановился, крепко зацепившись рукой за поручень. Вторую руку — прямо рукавом пальто — он прижал к разбитому носу, чтобы кровь не заливала лестничную площадку. Мужчина прикинул, как незаметно шмыгнёт в ванную, чтобы умыться и выйти к сыну в более или менее адекватном виде, но тут его осенило.

«Блядь... У этой кобры же нет ключей».

А это значит, она с внуком ждала его в машине, — вряд ли не приехала совсем, — видела, как он вернулся, как едва не вывалился с водительского места. И не было никакого плана, ни «а», ни «б», только факт — его разукрашенное лицо и ничтожно малый шанс оправдаться.

Костя прижался к поручню и достал телефон.

«Добрый вечер. Серёжа у вас остался, или вы где-то на подходе?» — написал он кое-как, морщась от ноющей боли в кистях.

«Вряд ли он добрый, Костя, — ответила тёща. — Мы на парковке у дома, но вы сначала приведите себя в порядок, а потом я верну вам сына».

— Разумно, — усмехнулся Матвеев, убрал мобильный и тяжело добрался до двери в квартиру. Связка ключей ожидаемо выпала из негнущихся пальцев; он очень давно так остервенело не дрался, со времён, когда прозвище «Костолом» ушло на задний план, и манера что-либо доказывать силой уступила место навыку бизнес-переговоров. Лет десять прошло, если не больше.

«Как бы я ни хотел не трогать ребят, но теперь так и придётся переводить их на круглосуточное дежурство».

Костя полдня промотался по городу — вытащил Александра на короткую встречу, чтобы не оставаться незаслуженно оплётанным, и заехал на седьмую линию, где в выходные ловили незваного гостя; заодно прокатился по всем объектам, которые вёл Даниил Юрьевич, и за подписанием актов сдачи-приёмки выполненных работ аккуратно сам для себя подтвердил: опасность надо искать не здесь. Маркус ещё в понедельник доложил, что у подрядчика немало сложностей с другими крупными заказчиками, и контракт Матвеева буквально держит его на плаву. Отсюда подстава ему не выгодна.

«Хорошо. Тогда если это не ваши орлы, то чьи?»

Костя закончил в начале седьмого, отправил своих ребят отдыхать, но получаса не прошло, как его зажали в проезде между набережной и проспектом. Он ударил по тормозам, чтобы не вписаться в серый внедорожник, перекрывший путь; сзади его подпёр битый седан, разномастные по росту и комплекции пассажиры вышли из него, не смогли распахнуть заблокированные двери и разбили боковые стёкла. В шесть рук они выволокли Костю из машины; удар — Матвеев загнулся, не в силах дышать, ещё удар — уже Костин перехват и подсечка. Из второй иномарки никто так и не вышел, но мужчина почуял нутром, что за ним наблюдают через тонировку. Иначе смысл?

Он сбросил на землю пальто. Резвая тройца решила взять измором, нападая поочередно со всех сторон; голова забыла за десять лет, каково это — в хлам разбивать кулаки о других людей, а рефлексy и привычки остались. Не к месту вспомнился Маркус с его походами в зал.

«Как только я тут закончу, куплю себе абонемент».

Слегка поплывшее от семейной жизни тело не подвело, но и результаты дало не те, что были у Костолома. Костя вырубил самого хилого, но напоролся на мощный удар по лицу от более широкого в плечах. Его развернуло и бросило в лужу пластом; от звона в ушах он сразу не понял, что губы мокрые не от грязной воды, а от хлынувшей из носа крови; кто-то из парней следом отбил ему спину жёсткой подошвой, и Костя только увидел, как опустилось чёрное стекло на пассажирском месте внедорожника, и некто показал из темноты широкую ладонь.

— Жена у тебя красивая, — осклабился второй из троицы, невысокий, нервный. — Только это жёсткая больно. Ты ей передай, пусть она помягче себя ведёт, а то в следующий раз мы её так же искупаем в луже, как тебя. Ладно?

Он с нарочитым усилием похлопал Костю по травмированной спине, ребята подхватили третьего, до сих пор лежавшего в нокауте, и через минуту обе машины исчезли из поля зрения.

«Как интересно...»

Матвеев со стоном сквозь зубы поднялся на ноги, перемазанный в грязи с головы до ног. Он забросил пальто на заднее сидение, свернув его испачканной частью внутрь, забрался в «Mercedes» и всю дорогу до подъезда провёл в удручающих мыслях об Асе. Маркус отписался, что она уехала к нему в Питер; Костя испытал колкое раздражение, что супруга не сообщила об этом сама, но другое яркое чувство — ревность — накрыло его от осознания, что Маркус, неописуемо развязный в родной северной столице, мог на Асю дурно повлиять. Ещё более дурно, чем здесь, в Москве.

«Блядь... Вот после такого концерта я даже не знаю, что хуже: что Ася укатила к этой шлюхе без предупреждения, или что меня отпиздили из-за неё».

Шлюха, Костя. Ты назвал своего адвоката шлюхой. Матвеев зарычал, ударив кулаком об руль, и рык из яростного стал болезненным.

«Он сам себя так назвал. Я только повторил».

Мужчина дёрнул минивэн при парковке, наехал на бордюр и пошатнулся, выходя из машины. Его прижало доводчиком; он агрессивно толкнул дверь, забрал пальто и на пути к подъезду включил охрану.

«Суки...»

И Белов, и Ася, и те, кто его избил. За несколько дней Костя узнал больше, чем за прошедшие десять лет; вместо родных людей под боком оказались адвокат-шалава и жена-лицемерка — один забивает на правила, вторая строит из себя примерную домохозяйку.

«А ты кто тогда, а? Тень? — Костя неприятно про себя засмеялся. — Какая ты, нахуй, тень? Олень, блядь...»

Мужчина в ванной рассмеялся в голос — напряжённо, с нотками отчаяния. Он даже мысли не допускал, что мог о чём-то неправильно рассуждать. Адвокат показал себя вечером понедельника во всей красе. Одурманил, обездвигил, не касаясь. Это власть, о которой Костя мечтал, но Маркус эту мечту воплотил за него. А сегодня его избил, потому что Ася с кем-то перегнула палку, и этот кто-то — явно не из «белых» кругов. Она его знает. Она с ним общается, ведёт переговоры, хотя должна сидеть дома и заниматься бытом и сыном. Она говорила, что ничего не понимает в бизнесе. А теперь получается, эти двое вполне прекрасно годами держались «серыми кардиналами», пока Матвеев жил в иллюзиях, будто контроль целиком у него в руках.

«Всего неделя, сука, и всё наперекосяк...»

Мужчина умылся, вставил ватные тампоны в нос и переоделся в тёмно-синий домашний костюм из лёгких брюк и футболки.

«Можете подниматься, — написал он теще. — Я закончил».

Асина мама с внуком зашли в оставленную открытой дверь. Костя окровавленную одежду бросил в машинку, пальто завернул в пакет, чтобы завтра отвезти в химчистку, и когда раздался громкий голос сына, вышел из ванной с улыбкой и плотно замотанными костяшками.

— Всё-таки вечер добрый, София Михайловна, — поприветствовал он гостью. Женщина встала у порога, не собираясь раздеваться, но Матвеев подхватил Серёжу на руки и подошёл к ней ближе. — Вы уверены, что хотите уйти?

Он оглядел её без тени презрения или злости. Теща была красивой, как и всегда — в брюках-палаццо, на шпильках, с уложенными платиновыми кудрями. Та же Ася, только лет на двадцать постарше.

— Хочу, — сказала София, — но, очевидно, вам есть, что сказать.

— Мне есть, что спросить. Это ненадолго.

Женщина молча задумалась на пару секунд и уверенным движением сняла белое шерстяное пальто-жакет. Костя развернулся к ней спиной, не дожидаясь, пока София разуется, и попросил Серёжу полчаса побыть в своей комнате.

— Опять ты занят — протянул мальчишка, расстроенный, и Матвеев клятвенно обещал ему провести вдвоём весь оставшийся вечер, как только бабушка уедет.

— Я правда обещаю, — сказал он, погладив сына по голове. — Мама сегодня уехала по делам с дядей Маркусом, поэтому я буду весь в твоём распоряжении.

— Хорошо, — буркнул Серёжа и убежал к себе наверх.

«Ещё и с сыном бесконечная нервотрёпка из-за его обид. Какая-то лажа, а не жизнь...»

— Чаю, София Михайловна? — предложил Костя, но женщина мотнула головой и присела на диван, изящно закинув ногу на ногу.

— Что случилось, Костя? Что за вид?

— А это я у вашей дочери хотел бы спросить. — Матвеев опустился рядом с гостьей. — Она в чём-то знатно накосячила, а побили почему-то меня.

София никак в лице не поменялась. Она продолжила внимательно смотреть на мужчину, как будто в словах ничего странного не нашла.

— Что конкретно вы хотите услышать от меня?

— Всё, что вы знаете. Я десять лет прожил в браке, а сегодня узнал, что моя жена, оказывается, прекрасная бизнесвумен.

— Она никогда не стремилась в бизнес, Костя. Может, за время жизни с вами что-то поменялось, но тогда спрашивать надо не у меня, а у неё. Мы с ней в последнее время ну не очень хорошо ладим, и я вряд ли могу помочь.

— Почему не ладите, если не секрет? — криво улыбнулся Матвеев.

— Не секрет, — неласковой улыбкой ответила София. — Столько лет прошло, а я всё ещё к вам не привыкла и не считаю вас хорошей партией для дочери.

— А кто же хороший тогда? — Костя перешёл на откровенный смех и ляпнул наобум: — Маркус?

— Как вариант, — уклончиво сказала женщина.

— Как вариант... — растянуто повторил Матвеев. — Тогда радуйтесь. Эти двое сейчас в Питере, и я понятия не имею, чем они там наедине занимаются.

— Гуляют. Не нужно думать, что моя дочь, извините, шалава.

— О, ваша дочь — нет, а вот мой адвокат — очень даже да. — Мужчина глубоко вздохнул и поднялся, выразив этим желание закончить разговор.

— Костя, — с упрекающей интонацией обратилась к нему София, поднявшись следом, — развязность Маркуса — это часть его роли, и я не хочу слышать, как вы неуважительно о нём отзываетесь. Он работает для вас круглые сутки годами напролёт, и не вам судить, как именно он себя ведёт. И моя дочь, к слову, не глупая, чтобы клюнуть на эту внешнюю мишуру.

Женщина прошла к порогу, неспешно собралась и достала из кармана пальто ключи от машины.

— Маркус мне нравится больше, чем вы, но не потому, что он красивый и убедительный, а потому, что вы — агрессивный и ревнивый. Вы контролёр, и я не удивлюсь, если Ася что-то натворила в попытке вырваться из-под вашего контроля. Может, она меня и не слушает, но даже в таком ключе это радостные новости. Не в обиду вам, Костя. Я радуюсь как мать. — София открыла дверь и вышла за порог. — Всего доброго.

Дверь захлопнулась сама. Костя замер у вешалок, глядя в пол, и вместо привычной злости, от которой всегда деревенели плечи, он погрузился в состояние полной опустошённости.

«Вот и приехали...»

Мужчина поплёлся к лестнице на второй этаж и беззвучно выругался, потому что в который раз его обещание целиком и полностью отдаться заботе о сыне поломали обстоятельства.

Костя указательными пальцами задрал уголки губ, чтобы улыбка для Серёжи перестала быть похожей на вымученный оскал.

Глава 30. Не ангел

После того, как Маркус меня отпустил, и я чуть не выплюнул все свои внутренности в безумном кашле, мне стало хуже, но я остался в сознании. Не запомнил, что делал брат, пока дожидался врачей, но в нос основательно забился запах медицинского спирта из кареты «скорой помощи». В длинном коридоре на шумной каталке я уже осоловело рассматривал смутно знакомые стены, а в палате выдал неопределённый смешок, узнав тягостный для Маркуса белый интерьер.

«Сначала я его сюда притащил, теперь он меня. Вот и рассчитались».

Пришла медсестра, взглянула на меня в глубокой задумчивости и села за столик, положив на него бумаги.

— Ярослав, — обратилась она ко мне тоном советской учительницы, — я надеюсь, вы брату не будете подражать? Не сиганёте в окно, когда надоест?

— Нет, конечно, — я тихонько рассмеялся. — Не беспокойтесь. Я пройду лечение, как положено, сколько бы оно ни длилось. Вы только подскажите, Марина, где мой телефон? Меня сегодня клиенты ждали, а я не знаю, Маркус предупредил их о моём отсутствии или нет.

Медсестра бегло прошлась глазами по всем поверхностям в палате, зацепилась за что-то на прикроватной тумбочке и, подойдя ближе, переложила мобильный с ниши на крышку.

— А в руки чего не отдали? — осведомился я, взяв телефон. Марина вернулась за столик и принялась заполнять документы.

— Такие у нас правила. Как сказали, так и выполняем.

Я понятливо покивал. Нужно было придумать удобную формулировку, чтобы клиенты не обиделись за сорванные договорённости, но, к своему неподдельному изумлению, в переписках я нашёл их отбивки с просьбой связаться, как только смогу продолжать работу.

«Ну всё, журналюги теперь с потрохами сожрут и меня, и Маркуса».

Оба потенциальных заказчика написали, что брат им рассказал о конфликте, и что по его вине я не приду сегодня на встречи.

«Прошу прощения, Андрей Владимирович, — написал я одному из них, — могу поинтересоваться, какую именно информацию вы получили от Маркуса?»

«Разумеется. Он рассказал, что вы подрались, и он испортил вам внешний вид. Это правда?»

«К сожалению, да. Вы не подумайте ничего плохого, я доверяю брату, но не ожидал, что он вот так честно во всём признается. Если мы с вами перенесём встречу на понедельник, будет ли удобно?»

Марина терпеливо дождалась, пока я с клиентом закончу всякие формальности и перебую желание немедленно ответить на письмо со страшным вложением; она молча меня послушала через фонендоскоп, что-то отметила в длинной таблице быстрыми точками и спросила мои предпочтения в еде.

— Я не люблю овсянку, — развёл я руками. — В остальном, что у вас повар приготовит, то и съем.

Девушка покачала головой, и я заметил у неё морщинки возле глаз. Она широко улыбнулась под синей медицинской маской.

— С Маркусом были какие-то сложности в этом?

— Да нет, — сказала Марина, собравшись уходить. — Вы просто с ним такие разные, я даже не знаю, как вам сказать. Он... м-м-м... на демона-искусителя похож, что ли. Прости, Господи...

— А я на ангела? — дополнил я, не скрывая веселья.

— Ну, в какой-то степени, — помялась медсестра. — Я такого никогда не видела, чтобы братья были настолько непохожими, поэтому простите, если вдруг это как-то задело...

— Марин, всё в порядке. Мы с Маркусом сводные братья, поэтому на самом деле очень разные. Но в этом даже есть свой определённый шарм.

Она ничего не ответила, только похихикала в маску, собрала документы и направилась к выходу из палаты.

— Мне пора идти к другим пациентам, но если вам что-то понадобится, кнопка вызова персонала на тумбочке. А, — спохватилась она у двери, — какая я молодец, всё спросила, а самое главное не узнала. Вам покушать сейчас принести или лучше позже?

— Давайте позже. Я пока не понимаю, хочу я чего-то или нет, поэтому, как надумаю, нажму на кнопку.

Марина кивнула и закрыла дверь с другой стороны. Я прислушался к себе; несмотря на то, что после шока тело значительно обессилело, по пути в клинику туман в голове постепенно рассеялся, и появилась охота встать, но я не рискнул — устроился поудобнее на приподнятой кровати и хмыкнул.

«Да уж, братец, если ты реально думаешь, что я готов тебя посадить после этого, то ты очень плохо меня знаешь».

Это была его четвёртая попытка за тринадцать лет, но если в прошлые разы Маркус наседал сверху, придушивал и отпускал быстро, осознанно, то сегодня остался сзади, и я впервые почувствовал иссушающий страх. Брат обездвижил меня захватом, который, даже если захочешь, никогда не забудешь. Даже если увидел его лишь однажды из-за угла.

«О, не надо, не вспоминай»

Я мучительно заёрзал, с усилием разбивая в пыль кадры из прошлого. Мне стукнуло пятнадцать, когда жизнь увела своё течение в другое русло, но Маркус как-то умудрился радикально перестроиться, а я не смог и с тех пор уже безумно устал через раз умирать в кошмарных снах.

«Я не ангел, Мариночка, и Маркус не демон. Просто так получилось, что он мою крышу развернул в другую сторону».

И в таком положении со временем стало привычно, хотя при всех прочих равных «белая» карьера мне изначально не светила.

«Вот зачем тебе это сейчас?»

Мысли несло, как бешеную собаку. Я вспомнил, как поступил в институт с оглядкой на брата, на то, как он наберётся опыта, перейдёт в частную практику и возьмёт меня под крыло финансовым советником. А он попался на глаза Матвееву и, пока не уехал в Москву, за пару лет методично затолкал мне в голову понятия законности и высокой морали. Причём настолько профессионально, что навязанная картина мира начала ломаться только после неудачной работы с Константином, через десять лет. Она раньше подрагивала, когда на крупных мероприятиях я волей случая пересекался с «теневыми» авторитетами, общался с ними, замечал их девочек из местных агентств и чувствовал отвращение вперемешку с растерянностью. А теперь у самого есть девочка в борделе Маршала, из-за которой больше нет покоя ни в душе, ни в теле.

«Каринка, Кристинка... Мы по подобию, что ли, выбирали?»

По подобию Катерины, мамыши-проститутки. Я фыркнул с кривой усмешкой.

«Господи, блядь, да остановись уже, а».

Экран телефона показал мне открытое письмо старшего с образцом заявления для подачи в полицию и с подробным описанием, как его заполнять. На волне досады оно стремительно полетело в корзину.

— Прежде, чем такое присылать, — озвучил я рычащим тоном в голосовом сообщении, — ты сначала приди и объясни, что произошло. Не надо решать за меня, окей?

Рука с мобильником тяжело рухнула на одеяло. Изнутри на эмоциях поднялась очень мелкая достающая дрожь, и я нажал на кнопку на краю тумбочки. На зов прибежала всё та же медсестра.

— Мариночка, нужен кофе, — бросил ей прямо сразу, не успела девушка ступить на порог палаты. — Латте с ванильным сиропом ноль три из ближайшей кофейни. Можете и себе заодно взять, я заплачу как за три и за кофе, и за старания.

— Ох — занервничала Марина. — Мне нельзя убежать с работы, но я сейчас девочек с регистрации попрошу. Они сбегают, ладно?

— Конечно. Большое спасибо.

Я шумно выдохнул. Ванильный латте — мой испытанный годами релаксант. Избыток чувств он очень мягко растворял за время от подачи до последних капель на дне стакана; как и в математике, где минус на минус даёт плюс, бодрящий по сути кофе заливал внутреннюю бурю, и воцаряется штиль.

У меня в руках яркий цветной стаканчик из сетевой кофейни «to-go» оказался минут через двадцать. Курьера я ждал бы намного дольше.

— Ярослав, вы говорили, что заплатите как за три, — смущённо проговорила Марина, когда отдала мне напиток, и меня разнежило с первого глотка. — Так вот. Анечка деньгами брать не захотела, поэтому взяла кофе на всех. И на вас, и на меня, и на себя тоже.

— Это вы так извиняетесь? — улыбнулся я, в удовольствии прикрыв глаза на несколько секунд.

— Да нет... Конечно, нет, — осмелела девушка, хлебнув из своего стаканчика. — Но я подумала, что лучше сказать, как мы распорядились вашей щедростью.

— Также мне, щедрость... — Я лениво открыл банковское приложение. — Так, кому и сколько переводить?

— Ну давайте мне, — пожала плечами Марина. — Записывайте.

Она продиктовала номер телефона, мы сверили получателя, сумму и банк, и медсестру перевод немало озадачил.

— Но я не такую цифру называла.

— Это чаевые за спасённые нервы. Поделите их с Анечкой и проведите остаток рабочего дня в хорошем настроении. Договорились?

Марина рассыпалась в благодарностях, и я остался в палате один. Бариста ванильного сиропа налил, не жалея; кофе получился на грани сладости и приторности, меня с него разморило, размазало по кровати, и поток обрывочных путанных мыслей, наконец, остановился.

«М-м-м, а какой я, наверное, красивый...»

С таким сервисом напрочь забыл о своей разукрашенной физиономии, но фронтальная камера показала, что всё не так плохо, как ожидалось.

Я отложил телефон на тумбочку и снова прикрыв глаза.

Глава 31. Бордель и отель

— Продлеваться будешь? — Карина провела ноготком по контуру татуировки под грудью Маркуса. Тот слегка напрягся, и рельефные мышцы пресса утонули в глубоких контрастах света и тени.

— Если хочешь, буду.

— Я хочу, но ты не в том состоянии, чтобы я тебя раскручивала, как других клиентов.

— Боже, и ты со своей совестью туда же... Да раскручивай. Тебе же такая жирная рыбка досталась. Наоборот, вытягивай всё, что можешь, пока мне похуй на это.

— Мар, — укоризненно сказала девушка и махом уселась на адвоката сверху — чтобы взглянуть в упор, и он не смог отвести глаза, — ты не просто клиент. Ты брат человека, который меня спас, и я не хочу, чтобы Яр как-то плохо обо мне подумал.

— Кариночка, — низко и хрипло проговорил Маркус, — это твоя работа. Если у Яра там какие-то свои загоны по поводу тебя, то они никого ебать не должны. Ты эскортница. Тебе деньги надо зарабатывать, а не бояться, что там твой спаситель о тебе подумает. — Он дьявольски улыбнулся. — Напомню, я этого спасителя сегодня чуть не грохнул, потому что он одного вытащил, а двоих подставил, и это я сейчас в полной заднице, а не он. Это мне нужна помощь. Хотя бы такая. — Мужчина взял руку девушки, положил её на проколотый сосок и прижал, закусив нижнюю губу. — Если ты готова отработать на максимум, я оплачу любые твои капризы. Если нет, то слезай. Я всё, что хотел, узнал.

Он отвернулся, опустив ресницы. От Карины аппетитно пахло сладко-фруктовым парфюмом; за час приватного разговора Маркус оценил её пленительные формы тела и большие кукольные глаза, девочка ему понравилась, и он подумал уйти. Но не смог. Остался лежать на кровати, понимая, что за пределами комнаты в одиночку рискует с собой не справиться.

«Давай ты будешь готова, пожалуйста...»

Маркус пожалел о бездумно брошенной возможности выбора; он почувствовал, что девушка приподнялась, точно решила закончить их короткую встречу, успел расстроиться, но Карина всего лишь пересела чуть ниже и всеми десятью острыми ногтями прошлась по торсу от шеи до ремня на брюках. Адвокат непроизвольно дёрнулся с рычащим стоном.

— Мои капризы, — жарко выдохнула эскортница, — поставят тебя раком, и ты будешь умолять меня о пощаде. Советую подумать ещё раз: ты точно хочешь продолжить на моих условиях, или мы всё-таки обойдёмся без хард-режима?

— А хард-режим разве есть в списке программ? — завёлся Маркус и облизал губы.

— О, да, — протянула Карина будто бы в предвкушении. Будто бы адвокат уже согласился, хотя тот уставился на неё с азартом и одновременно с осторожностью. — Сотка за два часа. Фишка программы в том, что девочка и клиент меняются местами. Если очень грубо сказать, то клиент становится послушным рабом, а у девочки из ограничений только здравый смысл. Если ты вообще без тормозов, то там есть и фетишизм, и игрушки всякие разные, и даже доминация. Особенно доминация. Я люблю её больше всего. — Карина легла на Маркуса, воткнула ноготки в напряжённые плечи и прошептала прямо в губы: — Ну, что думаешь? Возьмёшь? Или не будешь рисковать?

— Буду, если риск не сопряжён с болью и страхом, — откликнулся адвокат, играючи лизнув девушке кончик носа.

— Боль бывает и в удовольствие, но я про здравый смысл не просто так сказала. Я же наблюдаю за клиентом, хорошо ему или нет. И если нехорошо, то у меня есть куча других капризов на замену. Так что думай. У тебя минута.

Карина втянула Маркуса в настойчивый жадный поцелуй, и мужчина вновь зарычал, ощутив, как его титановую штангу девушка поддела ногтями и аккуратно потянула наверх. Не воз-

буждающий приём — терпимо болезненный, заставляющий внутри поджаться и утратить чувство власти над происходящим. Словно оказаться с остриём ножа у горла.

«Я ещё худо-бедно держусь, а Яр в этом неискушённый. Под таким напором на его месте я бы сдался за пару минут».

— Время вышло, Мар, — подвела черту Карина и распрямилась, посмотрев на адвоката сверху вниз, как на человека, стоявшего перед ней на коленях. — Ты рискуешь или уходишь?

— Рискую, — решительно выдохнул Белов, — но с одним условием. — Девушка удивлённо повела бровями, и Маркус рывком поднялся, чтобы напоследок сжать Карину в объятиях, из которых не вырваться, и прикусил ей мочку уха. — Мне нужна «пыль». Я без неё на это не подпишусь.

— Я не собираюсь тебя насиловать, — рассмеялась эскортница.

— Дело не в этом, но объясняться не хочу сейчас. — Адвокат легонько похлопал её по пятой точке. — Давай, малышка, не сиди, добеги до Маршала. Он знает, сколько и чего мне дать.

«Надеюсь, он не откажет, а то я в лимит уже второй раз не укладываюсь».

Маркус вышел из борделя в половине седьмого, вдохнул полной грудью холодный осенний воздух и, шмыгнув носом, слегка пошатнулся. Возле входа во дворе его дожидался тёмно-синий «Maybach»; адвокат доехал до вокзала, живо рассматривая в окно ночной Петербург, и открыто улыбнулся уставшим сотрудникам на досмотре, когда те хмуро зацепились взглядом за отсутствие рубашки под пальто и словесно — за огромные зрачки; вместо долгих объяснений он вынул из портмоне свёрнутую вчетверо справку о патологии; не обратил внимания, с какой досадой на лице её вернули, миновал рамки с довольным видом и на платформе у носа только что прибывшего «Сапсана» закурил.

«М-да, ночью мне с моей Звёздочкой будет трудно. После того, как меня два часа мучила малолетка, я теперь жёстко не в себе».

Тридцатидвухлетний мужчина и девочка, только недавно перешагнувшая совершеннолетие. Маркуса сбило с толку, что они оба высококлассные профи в своей работе. Карина вымотала его незнакомыми удовольствиями, выжала до последней капли, внимательно и чутко проследила за реакциями, поработала с игрушками, каких мужчина в глаза ни разу не видел. Он никогда не смотрел на женщину как пассивный, подвластный ей партнёр, но Карина смену ролей провела максимально комфортно — позволила ему в самом конце вернуть себе главенство и выровнять внутренние веса.

«Теперь, Мар, давай постараемся не напугать нашу гостью. — Мужчина оттянул пальто за пуговицу, изнывая от жара в теле. — Да когда же меня отпустит-то, сука...»

Он глубоко затаился и двинулся в сторону Аси и Павла. Новый телохранитель заметил его быстрее подруги и кивнул на расстоянии, в то время как Ася слегка растерялась на многолюдной платформе. Адвокат посчитал искренней заботу парня, увидев, как тот придержал девушку за руку на выходе из вагона; с её комичного выражения лица, когда она Маркуса, наконец, увидела, Белов чуть не расхохотался, но скрылся в густом облаке сладкого пара и подошёл к гостям уже более собранным. Не считая вынужденно расстёгнутого пальто.

— Сiao, дорогая, — улыбнулся он, облизав губы, которые забыл намазать маслом. — Прости за вид, я только что из борделя. — И немедля протянул Павлу руку. — Мар.

— Паша. Именно Мар, не Маркус?

Адвокат облизал губы ещё раз и понизил тон.

— Да, с зачином на будущее. — Он развернулся к прибывшим спиной и махнул рукой, приглашая двигаться вслед за ним. — Идёмте, нас ожидает чёрный «Bentley».

Белов их проводил до машины через длинный зал ожидания с большой картой на стене, лепниной и арочными окнами. Маркус уверенно шёл на выход, окрылённый чувством редкой лёгкости и свободы; на заднем сидении такси не замутнённое проблемами сознание на автомате выдало, казалось бы, такую же шутку на грани, что и сотни других до этого дня, но Асе она почему-то не понравилась. Её рывок и сжатые пальцы на подбородке вызвали у мужчины ледяную волну внутри; он широко улыбнулся самому себе, своей реакции на ответ подруги, и просидел с этой улыбкой ровно до момента, пока на подъезде к отелю в голове не щёлкнуло.

«Надо же. Наконец-то».

Адвокат в очередной раз шмыгнул носом, выходя из лифта на этаже. Веселье сменилось усталостью; Белов проводил гостей от стойки регистрации до номеров, ушёл к себе и там дождался Асю, лёжа на кровати лицом в подушку.

— Ну кто так делает? — начала девушка, едва переступив порог, и повесила на «плечики» брошенное у двери пальто. — И дверь нараспашку, и одежда на полу. Мар!

— Я в Питере, дорогая, — отозвался Белов, неохотно перевернувшись на бок. — Здесь моя родина, здесь у меня всегда хаос.

— Да я уж вижу, — вздохнула Ася. Она закрыла дверь, присела на край кровати и заинтересованно вытянула шею, чтобы взглянуть адвокату на спину — рассмотреть всю красочную татуировку, маленькой частью зацепившую плечо. — Тебя хоть отпустило?

— Угу, — промычал Маркус, не размыкая губ. — А что, так заметно было?

— Нет. Если бы Паша не сказал, я бы даже не поняла.

Белов тихонько засмеялся и машинально прикусил нижнюю губу. Он понаблюдал за тем, как Ася любопытно тронула его за руку, чтобы слегка повернуть сначала к себе, ради тату, потом от себя, ради прокола.

— Ма-а-р — восхищённым голосом произнесла гостья. — Ты в костюме народ с ума сводишь, а без костюма так вообще... Нереальный красавец.

— Спасибо, я очень стараюсь. — Адвокат приподнялся на локте и откинул назад упавшие на нос пряди. — Давай, рассказывай, что у тебя случилось? Костя мудрит?

— И Костя, и мама, — грустно поделилась девушка, опустив глаза. — Ты что-то уже знаешь, да?

— Ничего не знаю. У нас с Костей в последнее время свои личные проблемы, поэтому я предположил, что они отражаются на тебе.

— Какие проблемы? — встрепелась Ася.

— Дорогая моя, не переводи тему, — чуть понизил тон адвокат, и девушка послушно опустила задранные плечи. — Иди-ка сюда.

Он освободил место у края постели и протянул Асе руку, приглашая лечь рядом.

— Это будет уже не по-дружески, Мар, — она неловко улыбнулась.

— С чего бы? С каких пор друзья не могут делить одну кровать?

Ася промолчала. Она задумчиво накрутила на палец пшеничный локон и вдруг заливисто рассмеялась.

— Господи, Мар, я вообще не о том подумала!

— А о чём? О том, что я предлагаю тебе жаркие объятия, прогулки руками по телу и всё в таком духе? — Девушка покивала, не прекращая хохотать. — Ася, блядь... Ложись давай. Я всё, конечно, понимаю, но я не настолько конченный, чтобы трогать жену своего начальника.

Гостья радостно сбросила мягкие тапочки, упала головой на освобождённую подушку и в удобной позе на боку внимательно, уже без восторга, посмотрела на Маркуса, который откинулся на спину.

— Мар... Мне дико об этом рассказывать, но для моей семьи на тебе весь свет клином сошёлся. Мать хочет видеть тебя со мной вместо Кости, Костя ловит на каких-то фантазиях, которых никогда в жизни не было. Я устала всё это выслушивать. Что мне делать?

Адвокат остался всё таким же расслабленным и с короткой усмешкой повернул к Асе голову.

— Для начала я хочу услышать подробности, а то ты собрала всё в кучу, и я мало что понял.

«Какой неожиданный поворот, — подумал он саркастически. — И почему я не удивлён?»

Глава 32. Разговор

«Как здесь сладко пахнет, я не могу»

Ася рассказала Маркусу в подробностях, что именно произошло между ней и Костей, а потом — между ней и матерью. Адвокат взял небольшую паузу на раздумья, и девушка в это время принялась увлечённо рассматривать каждую линию по-спортивно выразительной фигуры.

«На месте матери я бы тоже хотела для дочери вот такого красивого мужчину, но конкретно Мар для семьи вообще не подходит. Это же тоже надо учитывать, а не просто клевать на модельную внешность».

Адвокат сосредоточенно взял «электронку», затянулся и выдохнул через нос, окутав себя и немного Асю плотным ароматным паром.

— Пока думаешь, ляг на живот, пожалуйста, — попросила девушка. — Я хочу нормально посмотреть, что у тебя на спине такое нарисовано.

Секундная улыбка, молчаливый переворот — и Маркус потянулся всем телом; Ася невольно с трепетом вздохнула от игры скульптурных в напряжении мышц и подумала, что Косте не мешало бы взять себя в руки. По сравнению с Беловым он выглядел проигрышно со своим семейным животиком.

«Когда мы познакомились, он тоже был сильным и красивым».

Не таким, конечно, как Маркус, но она и не гналась за мужчиной с обложки. Она искала надёжного и заботливого, а друг у неё нарциссичный, смотрящий на женщину как на товар. С ним один раз переспать. Ну два. Ну пять. А дальше? Видеть его хорошо если ночью, ждть, когда он соизволит провести с тобой время и с членом внутри тебя возьмётся с кем-то вполне обыденно разговаривать по телефону? Да уж, мечта.

Гостя поднялась и под села к Маркусу ближе. От шеи до поясницы мастер нарисовал картину с волками — на кроваво-красном фоне злые голодные звери с оскаленными пастьями, переплетения белых замёрзших веток и затуманенная луна. Девушка склонилась над рисунком, чтобы рассмотреть мелкие детали, контуры и переходы цвета; на такой спине, как у Маркуса, татуировка выглядела органично, и Ася придержала вопросы о ней для более подходящего момента.

— Блин, забери, а, — раздражённо нарушил тишину мужчина; он протянул Асе не глядя электронную сигарету, неудачно шмыгнув носом и закашлялся. — Если ты хоть когда-нибудь захочешь закурить такие штуки, то...

Маркус не закончил. Он ошарашенно обернулся на характерный булькающий звук и получил облако прохладного пара в лицо.

— Забористый, как дедова бражка, — прокомментировала гостя с такой гримасой, будто съела что-то слишком кислое. — Ты договаривай. Если я захочу, то что?

— То приди ко мне, и я скажу, почему это очень плохая идея, — произнёс адвокат, поднялся и сел к Асе лицом, подогнув под себя ноги. — Давно ты куришь?

— Я не курю. — Девушка положила девайс на прикроватную тумбу. — Так, изредка балуюсь.

— И Костя не в курсе? — Маркус заинтересованно, как кот, склонил голову набок.

— М-м-м, он много о чём не в курсе, — ответила гостя с заговорщицкой улыбкой и добавила после очень короткой паузы: — Как и ты. Поделись, что надумал по моему вопросу?

— Поговорю с твоей мамой, — сию секунду выдал Маркус, не отводя от подруги неподвижного пронзительного взгляда. — Женщина она видная, мало ли, вдруг она присмотрела меня сама, но достаёт тебя, чтобы не палиться.

— Я ей буквально позавчера то же самое сказала. Она та-а-ак на меня посмотрела, ты бы видел.

— Это ожидаемо. — Он поиграл плечами. — Молодой сексуальный мужчина в самом расцвете сил против мужа, который вечно пропадает в санаториях и уже ни на что не годен. Я думаю, мы с ней легко договоримся.

Ася подняла руки ладонями от себя и набрала полные лёгкие воздуха:

— Я бы очень хотела спросить, как именно, но, зная тебя, лучше не буду.

— Всё в рамках приличия, дорогая, что за мысли? — Адвокат немного сократил расстояние между ним и Асей и подался телом вперёд, опёршись на руки перед собой. — По поводу Кости тоже расслабься. Мы с ним отдельно поработаем, когда у него поутихнет желание придушить меня к чертям собачьим, а вот ты... К тебе у меня вопросы.

— Не-е-ет, — растянула девушка, помотав головой и одновременно покачав из стороны в сторону указательным пальцем левой руки. — Это у меня к тебе вопросы. Я за последние три дня столько всякого интересного про тебя узнала, что хочется прижать тебя к стенке и всё-всё вытащить. А потом уже и про себя рассказать. В довесок.

— Какой у меня сегодня интересный день, — промурлыкал адвокат. — Одна меня знатно нагнула, вторая тут тоже претендует на роль домины. Если ещё и Кристинка ночью зарядит в том же духе, я буду истерически ржать.

— Ну не всё же тебе одному править балом. Тем более знаешь, как будоражит мысль, что ты ставишь на колени сильного властного мужчину?

— Боже, Ася... — Маркус отвернулся, еле сдерживая нечто явно колкое, крутящееся на языке, глубоко вздохнул и вновь посмотрел на гостью широко раскрытыми глазами с безднами зрачков. — Я слушаю твои вопросы. Что ты там такого сверхъестественного про меня раскопала?

— Ну, например... Например... — задумалась девушка, глядя в потолок. — Например, то, что у тебя, оказывается, нет личной охраны. Ты себя богом, что ли, возомнил? Бессмертным? «Давай, Мар, не юли. Скажи мне то же самое, что и Паша».

— Оу... Прежде, чем я отвечу, скажи, от кого ты это услышала.

— От Паши, — не стала скрывать Ася, но взялась наблюдать за другом и откликом его тела. — Он разве неправ?

— Почему же, прав, но он судит со своей колокольни, как сотрудник официального охранного агентства. А мои ребята на бумагах нигде не числятся. Они выходцы из действующих преступных организаций, поэтому логично, что Паша о них не знает.

— Иными словами, тебя охраняет мафия, — констатировала гостья и поёжилась от новой мысли. — И она же тебя может легко убрать.

— Может, но я хорошо умею договариваться. Кое-какие обстоятельства научили. Так что пока я не начал кусать кормящую руку, меня не тронут. Что ещё?

«Хорошо... Ещё один плюси́к в копилку доверия к Паше».

— Ещё твой бизнес. Я об этом тоже узнала от Паши, уж извини, он теперь, наверное, часто будет на слуху. — Ася совсем ненадолго замолчала, чтобы верно подобрать слова для вопроса. — Ты правда каким-то чёрным трафиком занимаешься?

— Белым, — улыбнулся Маркус, но эта улыбка, неуютная, бандитская, девушке не понравилась. — Я защищаю торговцев «пылью» от органов правопорядка и взамен получаю свой процент. И саму «пыль», естественно. — Он шмыгнул носом. — Костя у меня в воскресенье спрашивал, как я ещё нахрен не сторчался. А всё просто. Надёжный поставщик, отличное качество порошка и знание своих лимитов. — Пауза. — Что ещё? Хотя подожди. — Адвокат перестал улыбаться и взглянул на гостью с подозрительным прищуром. — О моих делах Паша сам тебе рассказал, по личному желанию, или он за что-то в разговоре зацепился?

— А вот об этом, — ответила гостя уже серьёзно и собранно, без тени былого веселья, — я никогда не планировала рассказывать, но Паша настоял. Как он сказал: ради нашей с тобой дружбы.

— О, дорогая, за эту формулировку я пожму ему руку, — понизил тон Маркус. — Я уже чувю, как у меня подгорает жопа, хотя ты ещё даже не начала.

— Ма-а-ар, ну давай без драмы. Я всего лишь помогала Косте в его бизнесе. Ничего особенного.

Ася в подробностях обрисовала, как уже в первый год после свадьбы начала постепенно вмешиваться в дела мужа — разбираться в документах, видеть отличия «белых» сделок и «серых», запоминать имена клиентов. Как за спиной у Кости, видя его неудачи в переговорах, обрела «крыс» в офисе, которые приносили ей нужную информацию по предстоящим сделкам. Она научилась вести «нулевые» встречи, где готовила клиентов к особому стилю разговора, потому что муж за десять лет так и не избавился от резкой нахрапистой манеры общения.

— Не хочу особо возвышать свои заслуги, — добавила гостя в конце истории, — но за время брака я спасла, наверное, десятка два значимых контрактов. Без меня бы Костя их запорол. Что?

Ася непонимающе уставилась на друга, который где-то с середины монолога начал тихонько посмеиваться. Под завершение он стал прикрывать рот кулаком, дрожа плечами, и на последней фразе не выдержал — закатился в безумном хохоте, повалившись на спину.

— Фу, блядь, у меня истерика, сука... — Маркус кое-как отдышался и рывком, с замахом руками из-за головы, сел. — Прости за мой французский, но ты вообще... А-а-а-а... — Он уронил голову на грудь, проглотив приступ смеха, и вновь посмотрел на девушку. — Понимаешь, я всё это время думал, что бизнес Кости целиком находится у меня в руках. Я догонял клиентов, убеждал их и сглаживал конфликты, потому что Костя реально до сих пор не понял, что он больше не Костолом, и так общаться нельзя. Я занимался бумагами по каждой сделке, я закапывался в поправках на «теневой» сегмент, а теперь выясняется, что то же самое делала ты, только в обратном порядке.

— Мар...

— Подожди. Я договорю. Знаешь, что я сейчас чувствую? — Мужчина стал таким же серьёзным, как и Ася. — Облегчение. У меня появилась возможность без опасений скинуть с себя часть работы, из-за которой я ни хрена не успеваю жить. А с другой стороны я хочу тебя крепко отмудохать вот этой подушкой, — он постучал ладонью по большой пышной подушке позади себя, — потому что, во-первых, если бы я узнал об этом в критической ситуации, ты бы осталась без защиты, а во-вторых, Косте начали угрожать. И тут тебе большое спасибо. Точнее, Паше, что надоумил обо всём рассказать. Ты ответила на очень важный вопрос, которым я всё никак из-за простуды и брата не мог заняться. Я думал, что это Косте угрожают через тебя, а получается, что наоборот, тебя хотят достать через него. Здорово, не правда ли?

— Очень, — процедила девушка сквозь зубы. — Когда начались угрозы? — нахмурилась она.

— В пятницу.

— Что-то ещё, кроме угроз, было?

— Да. Кто-то распустил слухи, что Костя тиран, особенно в отношении меня. Пока что слухи и угрозы связать между собой не удалось, но мои ребята ищут зацепки, так что я жду от них информацию.

— Это клиенты, Мар. Нужно искать среди них, но есть ещё Семёнов, этот упырь из комитета. Он тоже может масла в огонь подливать.

— Не может. У нас договор.

— А я говорю, что может. Он твоим договором подотрётся и тебе же в рот его засунет. И то, что именно он мутит воду, ты никак не докажешь.

— Говоришь, как будто хорошо знаешь работу комитета, — едко подметил Маркус.

— Я говорю, потому что его работу прекрасно знаешь ты, и заодно давай напомним, что у меня папа из органов. Того, что я от него успела насмотреться и послушаться, мне хватило на всю жизнь вперёд.

— Хорошо, — согласился мужчина, вздохнув. — Я возьму это на заметку и завтра всё обдумаю, а ты пока вспомни клиентов, с которыми вышли конфликтные переговоры. Мне пригодится любая информация, даже самая незначительная.

— Хорошо, — кивнула Ася, молча посидела минуты две и позвала погружённого в себя адвоката: — Мар, ты к своей Кристине вот таким унылым ехать собрался?

— В машине настроюсь, — отмахнулся друг и мельком глянул на часы на правой руке. — О, мне, кстати, пора собираться. У тебя остались какие-то ещё вопросы насчёт меня? — Гостя мотнула головой. — Тогда я завтра постараюсь с тобой пересечься до отъезда, а ты не отходи от Паши. Договорились?

— Да как скажешь, дорогой.

Адвокат с лёгкой усмешкой поднялся с кровати, девушка подскочила вслед за ним, и друзья стиснули друг друга в крепких неторопливых объятиях. Уже за дверью номера Ася вспомнила, что Маркус мимоходом упомянул Яра, из-за которого не смог вовремя взяться за дела, но возвращаться не стала.

«А тело-то, блин, чуть не подвело», — подумала она в своём номере, стыдливо подёрнув плечами, и пошла в душ — смывать с себя сладкий дурманящий запах, чтобы он ненароком не спутал мысли перед сном.

Глава 33. Задание

Паша заперся в номере изнутри и сел на край кровати. Он только что прошёл по этажу, на котором Маркус забронировал все три номера, включая свой, и понял, что прослушку сунуть некуда. Двери к косякам прилегали наглухо, без просвета между полом и нижним торцом; Ася направилась к другу в длинном белом халате без заколок и резинок на волосах, и «жучок» на ней адвокат бы сразу увидел.

«Значит, буду по старинке играть в искусного психолога».

Манипулятора, ты хотел сказать. Прямо как учили. Слово за слово, улыбка, намёк, безобидный окольный вопрос, касание, взгляд, безупречная искренность. И по сотому кругу одни и те же мысли.

«Серьёзная работа, большие деньги, я понимаю. Папаша хотел как лучше. Не знаю, правда, для меня или для себя. А чего я хотел в этой жизни, уже и не помню. Помню, что просто любил смотреть «дебильник» и слушать старый американский рэп».

Он в восемнадцать лет после школы ничего на будущее не планировал — ни карьеры, ни семьи. А теперь ему двадцать три, и он — подтянутый симпатичный охранник шестого разряда, умеющий запутывать разум и обводить вокруг пальца.

«Тебе нравится? — со сдержанной усмешкой вспомнил Паша слова жены Матвеева. — Как сказать... Без понятия. Не мечта, конечно, но и жаловаться не на что. Я за год уже привык».

С двумя предыдущими клиентами всё было типовым и скучным. Безмолвное хождение по пятам, ночные дежурства, меньше пяти подъёмов по тревоге и одна погоня с оружием наперевес. То самое чувство тоски, когда много чему научился, а практиковаться не на чем.

Когда Паше вручили контракт и оставили присмотреть за домохозяйкой, он совсем загрустил. Его расстроил переход с линии фронта в тыл, потому что в тылу почти никогда ничего не происходит, и накопившую хандру немного разбавило только специальное задание по этому контракту. Парень явился на порог Асиного дома с маломальским интересом, но всё пошло не по плану в первый же час знакомства. Вместо ожидаемого ковыряния в носу Паша за три дня уже дважды выехал по делам клиентки, собрал любопытную информацию, познакомился лично с Беловым, о котором ходили крайне неоднозначные слухи, и понял, что скучать он в этих условиях не будет ни секунды.

Паша снял куртку, отнёс её в прихожую и неторопливо осмотрелся. Маркус оплатил ему проживание в номере того же класса, что и у подруги, а та заняла такой же де-люкс, как у адвоката. Прежние клиенты подобной роскошью не разбрасывались, и парень испытал всепоглощающее наслаждение в ванной комнате с плиткой под серый мрамор; он забрался в горячую воду, на десяток секунд опустил на дно и вынырнул с чувством, что проживает лучший момент своей жизни.

«Мало того, что меня наняли в единственном лице, когда на практике нужны минимум двое, так ещё и чувствую себя каждый день как на королевском приёме».

Он положил голову затылком на чёрный, тоже мраморный, борт и прикрыл глаза. Пока девушка находилась у друга, Паша себе позволил отпустить внутреннюю пружину, расслабить тело на ближайший час и выгрести из сознания весь накопившийся мысленный мусор.

«Очень важно не терять бдительность, но когда сама вселенная даёт такой шанс, нужно быть идиотом, чтобы им не воспользоваться».

Он вслушался в тишину и неподвижно пролежал в воде, пока та не остыла до неприятной для него температуры парного молока. Вставать не хотелось до отторжения самой мысли об этом, но под контрастным душем состояние разнеженности и лени, давно забытое в ритме работы, неохотно утекло в канализацию, и Паша для бодрости немного размялся, как только вышел из ванной комнаты.

«А, ну да, — с досадой подумал он, скинув белый отельный халат и вспомнив, что у него даже сменных трусов с собой нет. — Точно... Ладно, как говорится, где наша не пропадала».

Паша вернулся к раковине, сжимая в кулаке несвежее бельё, выстирал его под краном каким-то невероятно душистым мылом и взялся просушивать мощным горячим потоком воздуха из фена. На курсах телохранителей этому не учили. Такое он подглядел у девушки, с которой встречался в годы студенчества.

«Нынешняя так не изголяется, но мы и видимся в неделю всего два раза. С этим графиком я все её бытовые приколы, наверное, никогда не узнаю».

Он минут за двадцать закончил, оделся, провёл рукой по коротким, стриженным под машинку, волосам и в диалоге с любимой записал «кружок» — похвастался номером и показал красивый вид из окна на улицу Марата. Девушка в ответ прислала фото из ресторана в «Галерее Neva Towers», где отмечала день рождения сестры.

«Вот покажи кому-нибудь другому нашу переписку, — подумал Паша, сунув телефон в карман джинсов, — он бы начал верещать, что ты надо мной издеваешься».

И резонно: любимая словно разбивала всякое хвастовство, отвечая чем-то превосходящим. Как сейчас — номер в отеле против дорогого ресторана. Двадцать тысяч за ночь и те же двадцать тысяч за два-три часа. Впечатление унижения и соревнования, но Паша не зря оттачивал навык читать и разгадывать людей, чтобы видеть не только то, что кажется на первый взгляд. Он понял, что любимая говорит ему не «посмотри, как у меня», а «посмотри, я тоже» — радуюсь, отдыхаю, делюсь с тобой. Да, с тем условием, что по финансам они сильно не совпадали, и задней мыслью парень себя морально давно подготовил к моменту возможного расставания. Несмотря на два с половиной года вполне тёплых отношений, разный статус и банальное «надоело» не стоило списывать со счетов. И в подготовке немалую роль сыграли знания с курсов — пути отступления, навыки сглаживания конфликтов, переключение психики. Всё, как учили...

«Вот потому и не жалею, — опять припомнил охранник вопрос клиентки. — Вроде как в жизни это пригождается иногда даже больше чем в работе».

Он сунул ноги в красные тапочки с золотой вышивкой «Helvetia», вышел в коридор и стал привычно прохаживаться по нему из одного конца в другой, как это было с предыдущим заказчиком во время его отдыха в московском бутик-отеле. Другие гости на молчаливого задумчивого парня внимания не обратили; Ася его тоже не заметила, выходя из номера Маркуса — Паша внимательно проследил, как она, едва не порхая, закрылась у себя, а вот адвокат, шагнувший за порог, увидел его мгновенно.

— Порядок? — спросил мужчина, как только телохранитель поравнялся с ним.

— Полный, — с улыбкой ответил Паша. Маркус оделся-таки в рубашку, оставив расстёгнутыми верхние пуговицы, и гость невольно засмотрелся на красивое лицо адвоката с демоническими глазами.

«Надо же, как природа с ним поигралась... Это реально надо видеть только живую, потому что эффект потрясающий».

— Точно? — лукаво произнёс Маркус и приблизился к Паше на расстояние вытянутой руки. — Эй, отвиси.

— Прости, — рассмеялся парень. Он был где-то на полголовы ниже адвоката, но тот опустил обычно гордо поднятый подбородок и развеял высокомерный облик. — Я залип, как и все, наверное.

— Ты залип ещё на вокзале, — поправил Маркус и надел пальто, висевшее на левой руке. — Я вообще-то не планировал появляться в таком виде перед Асей, но у меня что-то весь день наперекосяк пошёл, так что было уже всё равно, как я выгляжу.

— Ася растерялась, это было заметно, но ей понравилось.

— Ты ей тоже нравишься. В определённом смысле. — Паша удивился, глянув на протянутую ладонь, и неловко взялся за неё. — Я обещал ей, что пожму тебе руку за формулировку, которую ты выбрал, когда убеждал рассказать о своих делах. Мы действительно с Асей очень близки, и мне страшно за неё, не буду скрывать. Страшнее, чем за Костю, потому что она умна, но беззащитна.

— Она не просто умна, она очень сильная. Надо было видеть, как она вела переговоры с этим мерзким адвокатом. Мне про неё рассказывали, что я буду работать с принцессой, домохозяйкой и мамой, а мы в первый же час выехали на объект, и я, честно, охуел там. Вот по-другому не опишу.

— Понимаю. Я после её рассказа заржал как придурак. Тоже слегка выпал из реальности, но благодаря тебе я теперь могу немного выдохнуть.

— Я думал, ты проведёшь с ней воспитательную беседу.

— Зачем? Ася в ней не нуждается. Без неё Костин бизнес прогорит, потому что с такой нагрузкой я продержусь ещё год-два-три максимум. — Адвокат выждал маленькую паузу, и Паша рефлексивно упёрся локтем ему в грудь, когда он дёрнул охранника на себя. — А теперь минутка серьёзности, — выдохнул мужчина, склонив голову ближе к уху собеседника, — чтобы ты не пребывал в иллюзиях. Я вижу тебя насквозь ровно так же, как ты меня, поэтому маску «хорошего мальчика» при Асе не снимай, а вот передо мной не выделяйся. Я прекрасно знаю, что ты у неё единственный телохранитель не просто так, и пусть мне пока не донесли, почему, я заранее предупреждаю: Асю я буду защищать во всех смыслах этого слова, и добраться до неё можно будет только через мой труп. Понятно?

— Понятно, — напряжённо ответил Паша, и Маркус оттолкнул его, вернув губам прежний изгиб фальшиво-доброжелательной улыбки.

— Да ты расслабься, Паш. Я рано или поздно и сам всё узнаю, без тебя, но если уж что-то будешь делать поперёк, то делай красиво, чтобы мне было не скучно с этим работать.

— А ты прям настолько уверен, что я собираюсь действовать поперёк? Может, меня поставили к Асе, потому что остальные ребята в агентстве слишком мордворотные для неё, слишком приметные? А я простой, образованный, весёлый. Ты об этом не думал? Тем более, Мар, — усмехнулся Паша, — давай не будем исключать презумпцию невиновности. Хочешь меня в чём-то обвинить, вперёд. Бремя доказывания целиком на тебе. А я сделаю всё, чтобы у тебя не было повода меня подцепить.

— О, смотри не перестарайся, — азартным тоном ответил Маркус. — Лучше очевидный повод, чем нарочитая безупречность.

— Лучше вообще не бежать впереди паровоза, потому что, правда, я сам понятия не имею, почему в охране Матвеевой я один и почему именно я. Мне всучили контракт и отправили работать. Всё. По факту я сейчас на месте разбираюсь, как и что мне делать, потому что, как я уже сказал, Ася ни хрена не принцесса оказалась. Я, честно, в ахуе. Что говорить начальству, я не знаю, и говорить ли в принципе, и тут ещё ты сверху присел. Я, конечно, очень рад такому удачному знакомству с тобой, давно мечтал лично встретиться, но, блин, как-то не с этого рассчитывал начать.

— Эй, давай-ка без театрального драматизма, — сахарно протянул адвокат и подошёл очень близко к собеседнику. Паша отвернулся, но не отступил. — Я хочу, чтобы ты понимал, куда вляпался, — добавил Маркус низким жёстким голосом. — Не затем, чтобы ты боялся и смотрел на меня исподлобья, а затем, чтобы учитывал мою роль в этой семье. По секрету, Паш: я управляю жизнью Кости. И жизнью, и бизнесом. Поэтому всё, что касается его жены, также в полном объёме напрямую касается и меня. На данный момент у меня есть весомые причины для такого резкого тона, но если на твой счёт в конечном итоге ни одна из моих теорий не оправдывается, моральная компенсация будет более чем достойной.

«Я не просто вляпался, я охренеть как вляпался. Не успел толком вникнуть, что происходит, как меня уже на «мушку» посадили».

«Зато все твои навыки теперь могут пригодиться. Ты же этого хотел, разве нет?»

— У меня только один вопрос, — нахмурился Паша и поднял на адвоката глаза. Тот воспринял прямой пронизывающий взгляд очень спокойно, с холодным выражением лица. — Нахрена тебе всё это? Вот такой контроль над чужими людьми. У тебя же, насколько я понимаю, свой бизнес есть, куча шалав, тебе ни Костина компания, ни жена его не нужны. Зачем тогда?

— Не могу ответить. Возьми это как моё персональное задание, пока ты работаешь с Асей. Мне интересно, к какому выводу ты придёшь.

Маркус упёр указательный палец левой руки в грудь собеседника, едва ощутимо от него оттолкнулся и сделал пару шагов назад. Он на чём-то глубоко сосредоточился, разворачиваясь к охраннику спиной, и Паша не двинулся с места, пока адвокат не скрылся за поворотом на лестницу.

«Я уже пришёл к выводу, что ты наглухо отбитый, но вряд ли это ответ на мой вопрос».

Глава 34. Волк

Лёжа на кровати и глядя в потолок, я в какой-то момент начал понимать Маркуса, его мотив открыть окно и выпрыгнуть на волю. Несмотря на прекрасный сервис, удобства и вкусно готовящих поваров, на вторые сутки отголоски хандры начали доставать и меня, хотя я спокойно переносил больничный антураж. Вячеслав Антонович осмотрел меня утром на пару с Мариной и заверил, что показатели в норме. Держать меня тут до конца недели бессмысленно, так что в пятницу будет контрольная проверка, и вечером я, возможно, вернусь домой.

«Сочту это за внеплановый отпуск, но справедливости ради выбью из Маркуса компенсацию за простой».

Брат ответил на моё гневное голосовое сообщение в начале пятого утра, сказал, что можно позвонить ему по видеосвязи где-то в полдень. Я так и сделал. Правда, слегка растерялся поначалу, увидев его не в костюме, а лежащим в кровати отельного номера — полуголым, расстрёпанным, недоспавшим и лениво потягивающим «электронку». Телефон, поставленный на тумбу, захватил в кадр ещё и небольшой беспорядок вокруг.

— Доброе утро, — сказал я, как только Маркус принял вызов и вновь откинулся на подушки.

«Хрена се... — В глаза мне сразу бросились серьга и татуировка, и в голове мелькнул отголосок колючей зависти. — А я тогда чего жду? Второго пришествия?»

— Кому как, — хрипло отозвался брат и перевернулся на живот, чтобы хорошенько потянуться. Я с невольной брошенной вслух руганью возмущённо отвернулся от экрана, заметив расписную спину Маркуса. — Чего ты там бормочешь?

— Да ничего. Ты давай рассказывай, что на тебя вчера нашло, и самое главное, почему ты решил, что я после этого побегу на тебя заяву катать.

— Это было бы самое логичное из последствий, — проговорил старший. Он оттолкнулся руками от постели, чтобы сесть; одеяло сползло по телу вниз, на секунду обнажив ягодички, но Маркус перехватил его и замотался ниже пояса, подогнув под себя ноги. — Я как адвокат в первую очередь задумался о тебе как о жертве, потому что это была не просто драка, Яр. Это было покушение на убийство. Когда до меня дошло, что я делаю, стало пофигу абсолютно, чем это мне грозит. Я на автомате выкатил тебе все необходимые материалы по подаче заявления. Это уже потом, когда тебя увезли на «скорой», мне стало страшно за своё будущее, но так как ты не чужой человек, я не стал искать варианты отмазаться.

— То есть потому, что у тебя мозги переклинило, ты был готов лишиться работы, карьеры и свободы?

— Я больше скажу, — выдал Маркус удручённый смешок, — в первые несколько секунд я хотел сдохнуть, так что потерять всё не выглядело как проблема. Почему тебя это удивляет?

— Не удивляет, — мотнул я головой, хмурый и напряжённый. — Рассказывай, что случилось. Ты до этого три раза уже пытался меня придушить, но всегда это делал, глядя в глаза. А вчера зашёл со спины. Я помню, что тебя этому захвату один мамин хахаль научил, который чуть ли не со всей местной братвой тебя перезнакомил.

— Гришаня...

— Ага. Он самый. Не суть. Мне сейчас важно знать, что я такого сделал или сказал, что тебя понесло. Ты сорвался вот точно так же, как тринадцать лет назад, и я хочу знать, почему.

— Тринадцать лет назад?.. — в глубокой задумчивости повторил Маркус и придвинулся к краю постели, чтобы взглянуть на меня в упор «демоническими» глазами. — Тринадцать лет назад мы потеряли мать. Причём тут я?

«Ой, блядь... И кто меня за язык тянул...»

По ощущениям я словно только что вырыл себе могилу. Брошенные легкомысленно слова поставили меня в критическое положение, потому что сейчас я должен был либо выложить перед братом события того вечера, либо...

— Вот именно. Мы потеряли мать, и ты пришёл в бешенство. Я тогда подумал, ты убьёшь меня, потому что тебе показалось, будто это я виноват в её смерти. Я помню этот захват оттуда, поэтому вспомни, чем я тебя так зацепил вчера, чтобы этого больше не повторялось.

«Нет, Яр, не сейчас, не время всё это выливать на него».

Лучше позже, когда он выберется из чувства вины, остынет, закопается в работе. Хотя и так нет никаких гарантий, что я угадаю с моментом.

«В любом случае не сейчас, а там посмотрим».

Брат облизал пересохшие губы и дотянулся до «электронки». С пару минут он молча курил; я не врывался в его тишину с комментариями, терпеливо ждал, когда он соберётся с духом, мыслями, воспоминаниями, за кадром нервно перебирал пальцами и думал, что, будь у меня пристрастие к никотину, как у Маркуса, я бы тоже теперь в ожидании безостановочно дымил.

— Я не знаю, что отвечать тебе, Яр, — приглушённо сказал визави. — Ты много говорил тогда, что я не учитываю твоих желаний, навязываю правильную жизнь, и что ты вообще марионетка. Но крышу у меня не с этого сорвало точно.

— Уверен?

— Процентом на девяносто. Ты ещё наркоту мне припомнил.

— Да, я сказал, что нечестно учить меня правильной жизни, когда сам каждый день живёшь неправильно. Ну это лицемерие, Маркус, правда. Я поэтому и вспылел, потому что ты сам вот такой, а воспитываешь меня, как будто святоша.

— Стоп! — вскинул руку брат. — Повтори мне ещё раз, какой я. Какого меня ты не хочешь слушать?

— Живущего против своей пропаганды. Ты куришь, а мне запретил. Ты водишься с бандитами, а меня на пушечный выстрел к ним не подпускаешь. Ты трахаешь проституток, а меня убедил, что я не должен об них мараться. Это всё равно, что если бы меня дьявол учил основам священного писания. Причём отмазка у тебя шикарная, мол, я не должен тебе уподобляться, потому что ты с детства конченный. А может я именно этого всю жизнь и хотел — быть таким, как ты, потому что и сам конченный не в меньшей степени? А? — Я подался вперёд на эмоциях. — Мы в одной семье росли, понимаешь? Одна картина перед глазами каждый день с той разницей, что мы учились по какой-то причине в разные смены и в разных школах. А в остальном я видел то же самое, что и ты, жил в тех же условиях, что и ты. Почему же тогда ты стал демоном, уж извини за сравнение, а я с какого-то перепою ангелом? Я не хочу сейчас целиком похерить твои старания, но мне правда непонятно, почему ты пришёл к такому выводу.

— Я хотел тебя вытащить из этой жизни, — устало проговорил Маркус, выпустив облако пара. — Во-первых, потому что я знал, что мы оба конченные, но у тебя был хороший потенциал стать нормальным человеком. Во-вторых, я сильнее и морально, и физически, поэтому работу в «тени» я вывожу легко, а ты сломаешься. У тебя мышление не то. И мораль высокая. Не я в тебя её вложил. Я её только поддержал.

— Маркус, — начал я после маленькой паузы, но брат оборвал меня:

— Мар. Для тебя я тоже Мар, хорошо?

— Да как скажешь. Мар, ты ведь и сам понимаешь, что сделка с Маршалом оказалась точкой невозврата.

— Спорно.

— Ни фиги. У меня по накатанной всё пошло, и даже если ты что-то там пошаманишь по своим каналам, меня всё равно это не отмоеет до конца. И если уж совсем честно говорить, — добавил я более сдержанно и тихо, — не мать меня воспитывала, а ты. Ты для меня не

только брат, но и отец в определённом смысле. Я за тобой тянусь, как тянется за отцом любой мальчишка, поэтому, сколько мою башку не отворачивай, я всё равно буду смотреть на тебя.

— Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит, — пробормотал Маркус куда-то в сторону, и я натянуто засмеялся.

— Да, именно. Нам надо было давно об этом поговорить, но то тебе некогда, то я всё никак с мыслями нормально не соберусь. Так и дотянули до катастрофы.

— Надо было. — Визави провёл ещё полминуты в тягостном молчании. — Если ты сунешься в «тень» и там накосячишь, это выйдет мне боком. А там, где боком выходит мне, таким же боком выходит и Косте. Я потому и замкнул на себе всю эту цепочку, потому что гораздо легче вытаскивать из ямы только себя, а не всех троих.

— Я понимаю. — Мои губы изогнулись в маниакальной улыбке. — Только знаешь, какой приколы? Очень невесело быть зависимым от чужой репутации. Я потому и сказал тебе, что я как будто марионетка, и ты сам мне только что это подтвердил. Ты построил мир, в котором у других людей больше нет ни воли, ни права выбора. Прямо как это сделала мать с нашей семьёй. Ты это на досуге мозгами догони, потому что я не знаю, как ещё помягче объяснить.

Старший Белов закашлялся, хапнув горячего пара в беспокойной поверхностной затяжке. Я почувствовал себя капитально выжатым; семья, родительская тема, личные переживания — всё это в разговорах не поднималось годами, и Маркуса на плаву сохранила профессиональная выдержка, а меня словно кто-то невидимый, опустив каменные руки на плечи, уложил на подушку.

— Мы можем на этом закончить, — предложил я, но в голосе явственно прозвучала мольба. Не специально. — Я что-то выдохся... Вроде бы просто поговорили, а впечатление, будто вагон разгрузил.

— Отдыхай, — бесцветно ответил Маркус, опять ухватился за сигарету и неприязненно отбросил её, почти коснувшись губами. — Когда тебя выписывают?

— В пятницу, наверное. Иногда возникают мысли прыгнуть в окно. — Я улыбнулся.

— Лежи давай, не настолько там плохо. — Брат уронил лицо в ладони, провёл ими вверх и вниз и потянулся к телефону. — Я здесь до понедельника, так что если смогу за тобой в пятницу заехать, напишу. Отдыхай, — повторил он и отключился.

«Пиздец».

Я тут же открыл диалог с Мишей и сдвинул вверх для фиксации кнопку записи голосового сообщения.

— Если ты в Питере, я тебе скину адрес, доедись до меня, как будет время. Не вот прям срочное дело, но совет нужен.

Друг отписался коротким «ок» в течение двух минут, и я, сбросив ему координаты, позвал медсестру. Марина даже порог не перешагнула — поняла меня с полувзгляда; спасительный кофе обжёг мне горло на первом глотке, я его опрокинул в себя, как стакан воды после уличного пекла, и еле дождался, когда тепло внутри перебьёт чуть заметный донимающий тремор. Накатила мутная полудрёма.

Глава 35. Фотография

«Прямо как это сделала мать с нашей семьёй. Ещё бы ты мне конкретно сказал, что она сделала. Я же ни черта не помню».

Мар положил телефон на тумбочку экраном вниз. Даже не положил — хлопнул, не удержав. Первая мысль у него была взглянуть, не раскололось ли стекло от такой небрежности, но потом адвокат бессильно распластался на кровати, утопив лицо в складках одеяла. Минута прошла. Две. Три. На четвёртой тишину разорвало громкой и неприятной ритмичной вибрацией.

«Боже, блядь, кому я там ещё нужен?»

Он всегда был кому-то нужен, телефон со всеми включенными уведомлениями не затыкался бы ни на секунду, но сегодня даже первый за день звонок — что удивительно; обычно как минимум десятый к этому времени — поднял у Мара из глубины души вселенское раздражение. Он дотянулся до мобильного и увидел на дисплее входящий вызов от Семёнова.

«В рот тебя ебать, чёрт усатый».

— Слушаю, — ответил на звонок адвокат и понял, что надо было хорошенько прочистить горло, прежде чем брать трубку. Голос у мужчины ушёл в отвратительную хрипоту.

— Это хорошо, что слушаешь, — подколот собеседник и подождал в молчании пару секунд. — Ты опять болеешь?

— Нет. Говори, что случилось. У меня сейчас ноль желания разговаривать с тобой.

— А когда оно было, а, Мар? Если ты мне ележно улыбаешься, это не значит, что я ничего не вижу. — На том конце провода зашуршали бумаги. — Между прочим, я по твою душу в этот раз.

— Замечательно, — процедил Мар.

— Не то слово. Значит, это... Поймали одного утырка сегодня. Он, естественно, очень хочет на волю и прямо божится, что ты у нас криминальный авторитет. С каких это пор, а?

— В душе не ебу. Ты же знаешь: я максимум переговорщик и координатор. Что он там тебе наплёл?

— Ну не мне лично, а ребятам из дежурного патруля. Это они уже передали утырка нам, потому что он твоё имя назвал.

— Пришли по нему протокол допроса.

— Вот сам за ним и приедешь. А мы его пока тут помаринуем, да?

— Не, Гриш, давай протокол, потому что если это опять какой-то хер, для которого я не стал золотой рыбкой, там даже разговора не будет. А если он реально угроза, тогда да, я приеду, и мы будем решать вопрос на месте.

Семёнов задумчиво помычал в трубку, пошелестел бумагами и тяжело вздохнул.

— Мы в любом случае всё будем решать на месте, потому что твою любимую Танечку вчера по статье уволили, и все её дела передали другому следаку. В том числе твои, да, косячные. А там следак не с нашего круга. Я пока думаю, как у него дела перехватить, потому что начальство вообще не в восторге от тебя.

— Меня любят только женщины, — хмыкнул адвокат. — Для остальных я заноза в жопе. — Он со стоном перевернулся на спину. — Таня, Танечка... Вроде бы мне пизда, а вроде бы хорошо, потому что я задолбался её трахать за отмазки. Ладно. Что-то ещё?

— По мелочи. Две какие-то бабёнки накатали на тебя заяву по сто тридцать третьей. Херня, разберёшься. По делу о шантаже с вашей истеричкой эксперт написал, что он клинический долбанат, поэтому тоже сам разгребёшь. Вроде всё.

— А я сразу говорил, что у него кукушка отъехала. Кто б меня ещё слушал.

— Ну, вот докажут, что ты у нас авторитет, сразу слушать начнут, — посмеялся Гриша, но Мар не поддержал его шутку.

— Я и так авторитет, а за искажение смыслов можно и срок получить.

— Ты девкам об этом скажи, а то таких заявлений уже с десяток набралось. Ребята их в коллекцию собирают. Видимо, на юбилей тебе вместо торта на стол принесут.

Мар не удержался и прыснул со смеху.

— Гриша... Юморист, блядь. Ты мне вот что скажи, — продолжил он максимально серьёзно. — Почему на тебя Ася жалуется? Говорит, ты её в воскресенье заколебал глазами раздевать.

— Да больно надо! — вскинулся в ответ Семёнов. — Она с дуба, что ли, упала?

— Гриш, наговаривать не в её правилах. Я понимаю, что ты наблюдаешь за Костей и пытаешься делать свою работу, но давай соблюдать договорённости как положено. Я не хочу получать вот такие жалобы, когда мы чётко условились не доставлять Асе проблем.

— Передай ей, что я не специально.

— Подслушивал?

— Да. Сам же только что сказал: я пытаюсь выполнять свою работу.

— У Кости был разговор с оборзевшим клиентом. Я подключался, чтобы поставить его на место. Если тебя привлекло именно это, то расслабься, там ловить нечего. Клиент говно, но сделка чистая.

— Если клиент говно, то сделка чистой точно быть не может. Хрена с два я в это поверю. А ты дождёшься. Я на тебя и сам жалобу накатаю, потому что заебал. К Косте не подступиться, так за других берёшься, а там тоже ты. Косвенно, да, но всё равно. Третий год уже из-за тебя майора получить не могу.

— Ну если ты баран, я что сделаю? Не лови их на один крючок, зацепи за что-то, где я бессилён. Могу тебе с барского плеча дать подсказку: я очень хреново шарю в финансах, поэтому помогать в этом точно не буду.

— Зато их юристы в финансах очень даже шарят, — недовольно ответил Гриша.

— А это уже не мои проблемы. Я дал тебе ключ от двери, за которой меня нет, а дальше сам шевели мозгами. — Семёнов напряжённо вздохнул и затих. — Есть ещё, что сказать?

— Нет, всё.

— Протокол пришли. Я хочу увидеть этого камикадзе.

— Угу.

Гриша отключился. Мар получил от него несколько фотографий и внимательно рассмотрел приближенное лицо доносчика.

— Что ж ты, сука, творишь? — растянуто с наигранным сожалением проговорил адвокат. Он быстро пробежался немигающим взглядом по детальным показаниям. На треть из них Мар прямо по ходу чтения набросал опровергающие доводы, процентов девяносто от остатка решил не трогать до выяснения обстоятельств, а на последних десяти замер в лихорадочном потоке мыслей. Он почувствовал, как мурашки волной промчались по затылку; Семёнов отдельным файлом прислал ему кадр, скопированный из телефона доносчика, и Мар чётко рассмотрел на нём себя, наркодилера и закладчика.

Утро. Промзона. Север Петербурга. Сложный разговор о пересмотре его комиссии, выставленные перед собой ладони в защитном жесте и, к счастью, на фотографии ни денег, ни порошка. Только люди, с которыми он по легенде при всех своих богатых и запутанных связях не должен был пересечься.

«При самом хорошем раскладе я могу заявить, что это монтаж, попросить эксперта оформить красивую бумажку и потом закопать этого урода, который меня сдал. При плохом же закопают меня. — Мужчина смахнул все открытые окна и погасил экран, выронив телефон из

пальцев на простыню. — М-да, Гриша, ты, конечно, усатый чёрт, но спасибо, что я узнал об этом сейчас, а не получил блядским сюрпризом в понедельник».

«Мы не знакомы, — написал он Семёнову через несколько минут. — Пусть он у вас там до понедельника посидит, а я приеду, разберусь».

Мужчина досадливо цокнул языком, осознав, что нечаянно вместе с окнами смахнул все уведомления. Пришлось вручную длительно копаться в личных и рабочих чатах; среди немалого списка запросов, ответов, каналов и групповых обсуждений он наткнулся на диалог с Яром и с одним непрочитанным сообщением от него получасовой давности.

«Слушай, да ты охренел, — возмущённо про себя прокомментировал адвокат. — Я тебе с этой шлюхой не помог, так ты теперь с её братом мне мозги клюёшь».

— Возьми и пристрой его сам, — отправил он ответ голосом. — У тебя что, кроме меня, больше знакомых юристов нет?

Мар шумно вздохнул и ещё раз оценивающе рассмотрел на фотографии молодого парня в строгом чёрном костюме. С Кариной они были сильно похожи; мужчина перечитал о нём информацию от младшего и, недолго думая, переслал сообщение целиком Чернову.

«Рекомендация от Яра. Пригласи его в офис и, если он что-то умеет, возьми в оборот».

«Привет. Надеюсь, что умеет, а то у нас тут рук не хватает».

— Ну, вот и замечательно.

Он отправил Яру скриншот с перепиской, бросил мобильный за подушки и накрылся одеялом с головой.

Глава 36. Хвост

Ася высунулась в окно, перегнулась через низкий подоконник и восхищённо широко раскрытыми глазами изучила по-будничному шумную улицу Марата. Вездесущий холодный и влажный ветер тут же, не успела девушка потянуть на себя раму, разметал ей волосы и нагло забрался под длинный отельный халат. Ася запахнула его сильнее, проследила за стайкой чем-то воодушевлённых подростков и вереницей прохожих, спешивших по делам и праздно рассекавших по плиточному тротуару, насладились видом на исторические, пусть и немного облупленные местами, фасады и вновь спряталась в уютном тёплом номере, до упора повернув ручку на оконной створке.

«Пойдём завтракать», — написала она Паше. Тот не ответил ни сразу, ни в те полчаса, что девушка приводила себя в порядок, но стоило ей позвонить, как телохранитель удивлённо сказал:

— Подожди, я же отправил тебе сообщение. Уже минут пятнадцать торчу у твоей двери.

— Серьёзно? Дай-ка посмотрю.

Ася, нахмутив брови, открыла список обычных сообщений — ничего не нашла. Проверила мессенджер.

— Слушай, да, вижу. Почему-то оповещение не пришло. Просто сообщение есть от тебя, а уведомления не было. Странно... Ладно, сейчас, ещё буквально минутка, и я выйду.

— Давай.

Она торопливо расчесалась перед зеркалом напротив кровати, набросила бежевую куртку на плечи и выскочила в коридор.

— А ты чего без верха? — спросила девушка, увидев, что парень отправился завтракать в одной футболке без пальто.

— А зачем он? Мы в ресторан сразу из отеля выйдем. Не через улицу. Но я не ручаюсь за температуру в самом ресторане, — опередил её Паша, заметив, что Ася начала разворачиваться с намерением оставить куртку в номере, — так что тебе лучше перестраховаться.

Девушка понятиво покивала. Вместе с парнем они размеренным шагом спустились в «Мариус»; Паша присмотрел им уютное место с диванчиком в глубине зала, дождался, пока Ася пройдёт весь изобильный «шведский стол», и выбрал себе завтрак после неё.

— Слушай, — неуверенно сказал он, глядя в опустевшую тарелку, — я с тобой уже четвёртый день. Дашь какую-то обратную связь, как тебе? Комфортно ли? Я, когда выбрал для тебя образ такого милого парня, что ли, нарушил правила. Нам так вообще-то нельзя делать. Неэтично это.

— Ну, я не скажу, что меня что-то не устраивает. Наоборот, вроде комфортно, потому что обстановка стала очень непривычной, а с вашими стандартами мне было бы тяжело. — Ася изогнула губы в открытой дружелюбной улыбке. — Расслабься, Паш. Всё хорошо.

— Я смотрю, у вас это семейное, — проворчал собеседник. — От этого слова меня скоро передёргивать начнёт.

— Какого? Расслабься? Да не-е-ет, — со смехом протянула девушка. — Вообще не семейное. Это привычка Мара, причём заразная очень, но с его оригинальным произношением мы даже близко не стояли. Он так красиво это говорит, что прямо реально расслабляешься.

— Со мной как-то не сработало. Я наоборот только больше напрягся.

— Значит, он так захотел. Он же голосом как профессионально владеет, ты знаешь? Он если захочет, тебя и с обычного «привет» ноги держать перестанут.

— Ага. Страшный человек. Очень страшный.

— Па-а-аш, не язви. Не страшный он, но я таких больше не встречала.

— Ась, — начал парень, взял паузу и прикусил нижнюю губу. — Ладно. Давай какой-нибудь чай закажем. Выбирай, какой хочешь.

— Я хочу, чтобы ты договорил, — спокойно, но с еле заметным нажимом проговорила девушка. — Опять хотел сказать, что у нас с ним никакая не дружба?

— Да, — стыдливо опустил голову Паша. — Прости.

— Хорошо, — решительно вздохнула Ася. — Давай так: безо всяких там домыслов и намёков объясни мне свою позицию. Вот чтобы я поняла и не обиделась.

«Вообще-то я ещё в «карше» на тебя обиделась за это, но Мар учил не обижаться без разбора. Вот и разберёмся, значит».

— А-а-а... Не из лёгких задачка, — нервно усмехнулся охранник и, вдумчиво глядя в сторону, собрался с мыслями. — Для меня... М-м-м... Для меня, честно, мужчина и женщина дружить не могут. Там либо один какие-то чувства испытывает, либо другой. Я никогда такую дружбу не встречал. Сколько бы ни наблюдал, сколько у меня таких дружащих, — Паша несколько раз согнул указательный и средний палец, — знакомых было, всё время между ними то ненависть, то какие-то зацикленные родительские отношения, ну вот что угодно, кроме дружбы. У вас с Маром, знаешь, такая пограничная сложная история. Ты его так возносишь, так защищаешь, если я начинаю как-то колоть в его сторону. А с ним мы когда пересеклись на пару минут в коридоре, он за тебя мне чуть в глотку не вцепился. Я бы со своей колокольни, — без попытки унижить или оскорбить, правда, — я бы вас записал как любовников, которые хотят ими быть, но не могут.

«Вау... — Ася внутренне замерла, осмысливая последнюю фразу. — Какая красивая формулировка. Надо будет её Мару потом прислать. Обалдеть...»

Она поставила руку локтем на стол и прикрыла пальцами губы. Цепочка воспоминаний окунула девушку в себя как в мутный тихий омут; она вернулась чувствами во вчерашний вечер, когда в объятиях Мара чуть не размякла, во все предыдущие встречи, которые с ходу смогла вытащить из памяти, в моменты долгих неразрывных взглядов и жестов, которые всегда ускользали от неё.

— Мамочки... — отчаянным голосом выдала Ася, уронив лицо в ладони. — Давай мы всё-таки останемся каждый при своём мнении, потому что меня это прям из колеи выбило. Тебе в любом случае спасибо, что поделился мыслями, но я хочу, чтобы мы эту тему больше не поднимали, хорошо?

— Без проблем, Ась, — печально отозвался Паша. — Я поэтому и заткнулся, но уж что получилось, то получилось. — Он шумно вздохнул. — Давай вместо чая возьмём два «Экспресса до Хогвартса». Говорят, вкусно. Разбавим послевкусие.

— Алкогольное?

— Да. Ты не пьёшь?

— Пью, конечно. Правда, обычно вечером, а не с утра пораньше.

— Ты в Питере, Ась. Тут все правила питья и жизни в целом ломаются об колено, так что давай по одному бокалу, потом погуляем и как раз до отъезда проветримся. Да?

Девушка согласно кивнула. Сладкий фруктовый коктейль на ванильной водке с игристым ей понравился, но повело её с градусов куда больше, чем она рассчитывала. Из отеля на прогулку Ася вышла очень весёлая, крепко взятая Пашей под руку. Сумку, в которую она сложила вещи под чутким присмотром охранника, тот закинул себе на плечо, спутники двинулись по тёмно-серой тротуарной плитке к Невскому проспекту, и Ася в медленном неустойчивом шаге, задрав голову, наряду с восхищением мрачной архитектурой вновь увязла в острых эмоциях.

— Па-а-аш... Я же Костю люблю. Он мне жизнь красивую обеспечил. Мы сына вырастили. Как так-то...

— Не заморачивайся, Ась. Ты себя сейчас накрутишь, а потом окажется, что я очень сильно ошибся. Знаешь, как стыдно будет? Гляди вон лучше, какие ребята в костюмах интересные. Давай я тебя с ними сфоткаю. Хочешь?

— Хочу!

«Ты так старательно меня отвлекаешь, но это всё, это безнадежно. Я уже в панике, мне нужен Мар прямо сейчас, чтобы всё это пережевать с ним, но он как назло опять занят... Зараза...»

— А! — воскликнула девушка, вспомнив о разговоре с адвокатом до отъезда в северную столицу. — Забыла!

Она радостно обняла актёров театра на Невском, одетых в костюмы Петра Первого и Екатерины Второй, выхватила телефон из кармана, уронила его на мокрый асфальт и чуть не упала в резком наклоне за ним.

«Ты обещал, что расскажешь, как я могу тебя купить», — набрала она, выверяя каждую букву, чтобы мужчина не понял, в каком её состоянии носит по главной улице Петербурга. Закусила губу, трепетно прижав руки к груди, подняла на телохранителя голову, и улыбка медленно сползла с её лица — Паша напряжённо рассматривал проспект у неё за спиной, и Ася узнала взгляд, такой же, как у ребят из охраны мужа.

— В чём дело? — беспокойно спросила девушка. Спутник, не глядя, положил ей руку на плечо.

— Я не очень люблю Питер. Тут всяких шизануток полно. Приходится глядеть в оба, чтобы никто не полез к тебе, а это выматывает больше, чем если бы была реальная угроза.

«Правда? — Ася внимательно посмотрела на парня, безотрывно изучавшего пространство. — А может, признаешься, что за нами «хвост»? Я ведь не первый год вижу, как работают мальчишки у Кости. У вас лицо прям шаблонное. Ни с чем не спутаешь».

Они двинулись дальше вдоль Невского. Краем глаза девушка замечала, как Паша, разворачиваясь против ветра, чтобы поправить шарф, очень внимательно исподлобья оценивал обстановку. Спутники прогулялись по Дворцовой площади, пересекли туда и обратно разводной мост и ощутили на нём необузданный нрав стихии. До отправления поезда «Петербург — Москва» им осталось чуть больше полутора часов. За это время Ася досыта наелась в ресторане «Палкинъ», протрезвела и наполнилась грустью от того, что Мар до сих пор ей не ответил.

«Теперь я буду навязчиво ждать... Ну что это такое...»

— За нами кто-то следит? — спросила она Пашу, допивая зелёный чай.

— Да, — проговорил телохранитель неожиданно открыто, — и это не один человек.

Ася нахмурилась и с трудом поборолла желание осмотреться.

— Какой план действий?

— Всё тот же. Ты спокойно допиваешь чай, я наблюдаю. Когда допьёшь, отправимся на вокзал, а там посмотрим, будут они что-то предпринимать или нет.

«Нас преследуют», — набросала она сообщение адвокату, и друг ответил на него буквально за минуту.

«Расслабься. Это моя охрана. Я попросил проводить вас, потому что сам не вырвусь, но ты Паше не говори, ладно? Пусть поработает».

«Хорошо. А что насчёт того, что я написала выше?»

«Десятка в час, дорогая. Мой личный дисконт для тебя — 50%».

«А есть бесплатные варианты?» — ответила девушка, прикрепив в конце фразы «смайлик» с лукавой кривой улыбкой.

«Не по телефону».

Ася глубоко вздохнула. Она задумчиво влила в себя остаток улуна, спутники вышли на Невский, и девушка три перекрёстка до Московского вокзала беззаботно прошагала, всматриваясь в яркие витрины и витиеватую лепнину.

— Смотри, как мы вовремя, — обрадовалась она, показав рукой на табло. — На наш «Сапсан» уже посадку объявили.

Паша ничего не сказал. Ася только увидела, как он быстро вылепил на губах некое подобие быстрой дежурной улыбки и вновь стал серьёзным. После досмотра девушка обернулась вслед за ним. За линией конвейеров и магнитных рамок она заметила двоих ничем не примечательных мужчин, спокойно и внимательно смотревших ей вслед. Именно ей — она ощутила это на уровне интуиции; Ася запомнила лица сопровождающих, вообще не похожие на киношно- или книжно-криминальные, и коротко махнула им рукой.

«Всё в порядке, мы сели», — набросала она уже в поезде. Ей принесли стакан воды и тарелку фруктов, и Ася вытянула уставшие после прогулки ноги.

— Мар, Мар, Мар... — прошептала она неслышно, одними губами. — Десять лет нормально было, а теперь всё так неоднозначно.

Белов ей не ответил. Ася положила телефон на откинутый столик перед собой и, глядя, как за окном поплыли огни платформы, отправила в рот кусочек яблока.

Глава 37. Нежданный посетитель

— Да, — сказал Костя и продолжил набирать ответ на письмо, зажав между плечом и ухом трубку стационарного телефона. — Спроси, за каким хером он припёрся. Ты сказала, что Маркус в отъезде? — Администратор передала, что визитёр тоже без адвоката и крайне настойчиво просит аудиенции, мешая другим посетителям у турникета. Мужчина беззвучно выругался. — Так, Оль, я понял. Расслабься. Отдай ему этот сраный пропуск и сходи выпей кофе, если тебя есть, кому подменить. Услышала меня?

Он получил от сотрудницы придушенное «да, спасибо» и несколько раз с усилием нажал на рычаг, прежде чем повесить на него трубку.

«А теперь смертельный номер в этом блядском цирке».

— Чем занят? — спросил Костя по-деловому холодно, стараясь не выдать бурлящего раздражения в плясках интонации.

— Изображаю летучую мышь, — бодро откликнулся адвокат. — Что случилось?

— Какую нахрен летучую мышь?

— Обычную. Залезаешь на турник, виснешь на нём вниз головой и ву-аля! — ты граф Дракула. Так что у тебя там? Судя по голосу, очередная беспросветная параша.

— Можно и так сказать, — ответил Костя сквозь зубы. Гнев из глубины тела поднялся до плеч и сковал их болезненным напряжением. — Зато тебе, я смотрю, очень весело.

— Мне-то? — хохотнул Мар, и смех у него получился дёрганный. — Очень. Так весело, что охуеть. Прямо радугой сру направо и налево. — Он резко выдохнул, и безучастным механическим тембром Косте пронзило слух. — Зачем ты мне позвонил? В чём дело?

«Как хорошо, что ты сейчас не в офисе. Был бы рядом, летал бы по кабинету, как футбольный мяч».

Матвеева вчерашний вечер морально раздавил, но сорваться на любимой женщине он не мог и поэтому без угрызений совести перевёл на адвоката всю накопленную злость.

— Колосов припёрся. Один. Нужно, чтобы ты остался на линии и послушал, о чём мы будем говорить.

— Хорошо. Я до четырёх буду в зале, а там как получится. Блин, ну чё делаешь? — посмеиваясь, сказал Мар кому-то в сторону, в трубке раздался ответный заигрывающий женский смех. — Я же упаду!

— Если ты из-за своих тёлочек проебёшь какой-то важный момент, я тебе... — У Кости промелькнула мысль «раскрашу лицо так же, как твоему брату», но вслух он без заминки окончил фразу иначе: — ...премию не выплачу.

— Расслабься. У меня разговор пишется. Если я что-то упущу, переслушаю.

— Мне нужно, чтобы ты в моменте мог меня направить, если что-то пойдёт не так. Будь включённым, Мар. Это чертовски важно.

Мужчина одёрнул себя, поймав на откровенно рычащем тоне. Мар не ответил сразу, но Костя услышал в трубке долгий тягостный вздох.

— Я не буду спрашивать, какого хера ты со мной так разговариваешь, но если у тебя что-то случилось, и не доказано, что именно я в этом виноват, не надо на меня огрызаться. Хорошо?

— Хорошо, — выдал Костя, и каждая буква далась ему чувством песка в горле. Раздался громкий стук в дверь. Матвеев тут же надел один маленький наушник, положил телефон экраном на стол и второй наушник спрятал рядом с ним под стопкой документов.

— Заходите.

На пороге кабинета возник Антон с видом человека, которому всё на свете до одного места. Он только что прокомпостировал мозги новенькой девочке на стойке администрации,

зашёл в кабинет мужчины как к себе домой с руками в карманах брюк, и Костя поднялся ему навстречу, придержав этикетный порыв протянуть визитёру ладонь.

— Ну не вы, так я, Константин, — с гадкой улыбочкой произнёс Колосов, осознав, что рукопожатие не планируется. Он подошёл к столу, немного перегнулся через него, и Матвеев проняло от вида его руки перед собой, согнутой и оставленной близко к телу. Как насмешка, на которую Костя ответил только улыбкой, — не менее паршивой, — и сел обратно в кресло.

— Что вас привело, Антон? Давайте коротко, потому что я вас не ждал, и у меня есть максимум минут сорок свободного времени.

— Очень плохо, — с упрёком произнёс Колосов и сел в кожаное кресло для посетителей, стоявшее наискосок от рабочего места Кости. — Маркус мне принципиально не отвечает, до вас тоже не дозвонишься, вот я сам и пришёл. У меня вопрос по охране объекта.

Он покрутился в этом кресле и недовольно поморщился. Матвеев молча, стиснув зубы, проследил, как Антон поднялся и передвинул гостевую мебель в середину кабинета, оставив чуть больше метра до стола.

— Какого рода вопрос? — уточнил Костя, стараясь дышать как можно медленнее. Колосов, как назло, уставился на него в упор.

— Личного. Объект — я. Мне нужен телохранитель, но наш многоуважаемый Даниил Юрьевич послал меня к чёрту.

— И вы пришли ко мне.

— Кость, выдохни, — жёстко проговорил Мар, и Матвеев выровнял дыхание глубоким вздохом. — По нашей стратегии ты хороший полицейский, я плохой. Помнишь? Шмыгни носом, если да.

Костя выполнил просьбу.

— Да, пришёл, потому что Даниил Юрьевич со своей конторой целиком находится под вашим контролем, а я бы к вам не пришёл никогда, если бы у меня был другой выбор.

— М-м-м, знакомые нотки истерики, — усмехнулся адвокат. — Если я прав, то он должен выглядеть, как последний ублюдок, и бесить гораздо больше меня. — Костя шмыгнул носом ещё раз. — Ну, кто бы сомневался. Я после зала позвоню Даниилу, узнаю, что у него там за приколы, а ты скажи Антону, что всё уладишь. Сообрази для него облик спасителя.

— Если бы у меня был другой выбор, я предпочёл бы с вами никогда не пересекаться, потому что вы производите не лучшее впечатление, — сдержанно произнёс Матвеев. — Насколько срочно вам нужна эта помощь?

— Прямо сейчас, Константин. Прямо. Сейчас.

— В течение дня устроит? Я не могу оторваться разом от всех задач и пойти решать ваши проблемы.

— А жаль, — выплюнул Антон, став заметно более нервным и потеряв существенную часть бывшего демонстративного снобизма. — Позвоните, как всё уладите. Хотя нет, пусть мне Маркус наберёт. Возомнил себя, понимаешь ли, самым занятым, а за ним, между прочим, должок.

— Бля-я-дь, — на выдохе полушёпотом отозвался Белов. — Отпусти его. Пусть идёт уже.

— Я понял, Антон, — кивнул Костя. — Мы можем на этом закончить?

— Вы меня гоните?

— Я собираюсь продолжить свою работу, от которой вы меня оторвали. Мы ваш вопрос только что обсудили, и с результатом либо я, либо Маркус вернёмся в течение дня. А сейчас мне нужно подготовиться к совещанию, и я надеюсь, Антон, что вы дадите мне эту возможность.

Мужчина с оглядкой по сторонам постучал ладонями по подлокотникам — быстро и беспокойно. Он не стал размениваться на слова прощания, порывисто распрямился и вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь.

— Что думаешь? — обратился Костя к адвокату. Между отключениями микрофона он успел поймать его ровное сильное дыхание и лязг тренажёров, и это дважды вернуло мужчину во вчерашний день — туда, где он, грязный и битый, обещал себе взять абонемент. И заодно напомнило о встречах с адвокатом, его лекциях по «успешному успеху», от мыслей о которых Костя весь содрогнулся.

«С таким желанием почесать об него кулаки я даже не представляю, как буду его слушать».

— Понятия не имею, — сосредоточенно произнёс Белов. — У меня и без этого башка забита, того гляди лопнет. Тут надо по факту смотреть. Я когда позвоню Даниилу, тогда и буду что-то решать.

— Мар, ты уехал в Питер по мелкому поручению. Ладно, заболел, попал в больницу, хрен с ним, не считаем. Но после? Ты выписался вчера. Что ещё у тебя происходит?

— Реально хочешь знать? — вызывающе бросил адвокат.

— Реально. У меня с тобой ситуация в последнее время ни черта не понятная, но охуеть интересная. Чем ты таким занят помимо своей работы и блядей?

— Костя... — начал Белов, осёкся и перешёл на низкий пронизывающий тембр, заложенный в более тихий, почти интимный, голос. — Я брата чуть не убил. Мне вообще, блядь, не до твоих претензий. Ответил на твой вопрос?

— Он сейчас где? — похолодел Матвеев.

— В отличие от меня, он в полном порядке и завтра вернётся домой. А я в дерьме, так что не забывай меня, иначе я и твои дела не вывезу.

— А ты ко мне за помощью не пробовал обратиться?

Звонок закончился раньше, чем он договорил, и Костя в ярости чуть не зашвырнул телефон в самый дальний угол кабинета. Удержался в последний момент.

— Сука!

Мужчина сложил наушники в маленький серый чехол, захлопнул его крышку и с отчаянным стоном лицо уронил в ладони.

«Ты говорил, дурка ему не светит. А вот про тюрьму как-то не задумался».

Он мощно ударил кулаком по краю столешницы, и по ней рассыпалась канцелярия, не собранная в подставку.

«Один день хлеще другого. Что дальше, Мар?»

Глава 38. Дружеский совет

— Как тебя угораздило?

— Мар постарался.

Миша заехал ко мне под вечер, в начале седьмого, и я, сидя на кровати с поджатыми под себя ногами, с удовольствием заглотил сразу два банана подряд из крупной связки, которую он привёз.

— Это он тебя за Карину так разукрасил, что ли? — спросил Миша, внимательно осмотрев мне лицо с растёкшимися тёмными синяками.

— Ага, — кивнул я. — Сначала за неё, а потом и за всё остальное. Мы с ним с утра уже поговорили, так оказалось, я сам ещё накосячил по незнанке.

Челюсть заныла. Рассказать хотелось очень многое и вывалить всё сразу, но боль напомнила о себе, не успел я открыть рот.

— Отлично, а теперь давай с самого начала и подробнее. Я так понял, ты хочешь спросить, что тебе дальше делать, а мне для ответа нужна инфа. Чёткая и понятная.

— Да я знаю, но чёт наговорился, походу, за сегодня. Больно охренеть как.

Я детально рассказал другу всё с момента, как Мар явился ко мне домой, и до понимания, в какой именно палате нахожусь. Миша за это время ни разу не шелохнулся; он замер в одной позе, внимательно слушая, пристально глядя в лицо, и вытянул плотно сжатые губы в тонкую линию.

— Зато мы в расчёте, — улыбнулся я после того, как избавился от фантомного чувства давления на горло. — Я заплатил за его лечение, теперь он заплатил за меня. Чуть дороже, конечно, вышло, но ничего, для него двадцать-тридцать тысяч — это вообще не разница.

— Ты сказал, что вы сегодня утром разговаривали. Как он эту ситуацию объяснил?

— Да как есть. Мы с ним выяснили, что я сказал одну фразу, с которой его понесло, но знаешь, Миш, я... Я промолчал в итоге. То есть, я знаю, в чём дело, я знаю, что конкретно произошло в его голове, но рассказать не смог. Мар и так в полном раздрае после вчерашнего, ещё и простуда наверняка его до конца не отпустила, а тут я бы ещё сверху дерьма накинул. — Я быстро отвернулся, вздохнув, и опять перевёл широко распахнутый на эмоциях взгляд на Мишу. — Ты бы его видел. Вот как ты мне его описал в понедельник, замученного, нервного, вот такой он и был. На башке чёрт те что, а по виду его как будто пинали всю ночь.

— Или трахали. Он с Кристиной был, а она любит затягивать до утра.

— Ну, с его блядьми там отдельная история. Я хочу совета, Мишань. Ты с ним плотно общаешься, ты говорил, вы в бизнесе часто пересекаетесь. Так может, я в этот бизнес всё-таки тоже сунусь? Да, — вскинул я руки в ответ на то, как визави возмущённо расправил плечи, — я знаю, как это дерьмово звучит, но блин, Мар ни хрена не в порядке. Вот совсем, ни разу. Он мало того из-за Кости сдаёт позиции, так ещё и с нашими семейными тайнами крышу повело. Ему помощь нужна и не от тех людей, которые наверняка его как крысы подставят, когда он окончательно подломится. А он подломится рано или поздно.

— Это его выбор, Яр, — сурово проговорил Миша и собрал пальцы рук в крепкий замок, положив локти на подлокотники гостевого стула. — К тому же, в какой именно бизнес ты собрался лезть? Мар дал тебе чистые проекты Матвеева. Здесь пожалуйста, работай хоть до упаду. Про всё остальное ты не знаешь. И тебе никто не позволит знать.

— Миш, я просил совета, — чеканно произнёс я, задетый категоричной формулировкой, — а не напоминания, что я грёбаная марионетка.

— Эй, я такого не говорил. У Мара свои причины не допускать тебя в теневые круги, а я не хочу тебе что-то такое советовать, потому что в этой сфере надо зубами чужие глотки грызть. Ты сможешь? Это тебе не бумажки подписывать, сидя в кафе. Я когда в разведке работал, у

меня двое товарищей так ушли в нелегал. Один через год сторчался, другого через три недели грохнули. И это при том, что у них и связи были, и «крыша». — Друг поспешно сглотнул, выдав эту тираду на одном дыхании. — Допустим, хорошо, представим, что ты в это всё погрузился, заляпался по самое не хочу. Но ты сам говоришь, Мар не в порядке. Он будет Матвеевские дела тянуть и ещё за тобой следить вдвое, вдесятеро пристальнее, чем сейчас. Хочешь, чтобы он за полгода кончился? Тогда не вопрос. Я тебе всё расскажу и даже покажу. Познакомлю, с кем надо. Хочешь?

— Он мне сам всё расскажет, — возразил я с идеально натренированной маниакальной улыбкой, — и всё покажет. И познакомит, и научит. А тебя назначит ответственным за мою жизнь. И тебя, и тех ребят, которые за мной хвостом ходят и думают, что я их не вижу.

— Фига себе, — опешил Миша и застучал указательным левым пальцем по колену. — Ну-ка, раз такой глазастый, скажи мне, сколько их, и как они выглядят.

— Двое, — с ходу без раздумий ответил я, неотрывно глядя другу в глаза. — Один высокий, бритый, без волос, с аллергией на молоко. Второй пониже, смугловат, походка загибающая. И пальцы ещё синие, как у сидельца.

— Про молоко как узнал?

— Словами через рот. Подошёл к бариста и спросил, что он взял. Такой лёгкий ненавязчивый разговор с долей безобидного обмана. Они вообще кто? Работают на Мара, долги так отдают или что?

— Это ребята из его охраны. У него нет личных телохранителей, как у Кости, но есть вот эти засранцы. Местные шавки под крылом у Финансиста. Ты с ним косвенно знаком, потому что Владимир, который тебя падшей девицей назвал, пришёл от него.

— Нахрена так изголяться, — всплеснул я руками в недоумении, — если можно вызвать меня лично и безо всякого цирка поговорить? Мол, Ярослав, так и так, твоя работа с Маршалом тебе хорошенько поднаслала, репутация настолько в жопе, что её оттуда никак не вытащить. Давай подумаем, как не оставить тебя без клиентов. Логично же? Логично. Но нет, надо прислать какого-то идиота, как будто его хамство и угрозы поставят меня на колени. Ага, щас.

— Яр, знаешь, что мне непонятно? — в задумчивом напряжении спросил Миша. — В какой момент тебя так перемкнуло? Ещё на прошлой неделе не было ни этой жуткой улыбочки, ни развязной манеры общения. Я тебя не узнаю. Ты и на себя не похож, и до брата тебе как ползком до Китая, хотя ты вот всеми силами пытаешься ему подражать. Зачем?

— Ну, затем, что я не подражаю. Я такой и есть. Мы с тобой познакомились, когда Мар уже сделал из меня маринованную субстанцию, а после сделки у меня все эмоции наружу полезли. Я же такой же конченный, как мой брат. Мы только с утра с ним об этом говорили. Он подтвердил. Хочешь, спроси у него, он тебе, может, расскажет, какой он разглядел во мне радужно-солнечный потенциал. Точнее, не он, а его воспалённый мозг.

Миша промолчал. Он погрузился в мысли, опустив хмурый взгляд в район моего живота, а я в это время из положения сидя откинулся на подушку.

— Мне казалось, ты нашу с ним историю знаешь вдоль и поперёк. А сейчас у меня стойкое впечатление, что ты всегда воспринимал её как какую-то больную фантазию.

— Ну, так оно и есть, — без былой уверенности в голосе произнёс друг. — Мне же Мар вполне подробно обрисовал, какую терапию ты проходил после гибели матери.

— А про свою он не рассказал? — широко улыбнулся я, готовый истерически рассмеяться. — Я у психолога торчал, потому что не стал идти наперекор. А вот понесло как раз не меня. Не мою крышу сдвинуло на сто восемьдесят, хотя не спорю, мне бы тоже не помешал хороший спец, потому что кошмары затрахали. Одно и то же каждый раз вижу все тринадцать лет.

— Я что-то подрастерялся, честно скажу, — проговорил Миша на длинном выдохе после долгой паузы, более долгой, чем предыдущая. — У меня теперь в голове всё перемешалось, и как на это реагировать, я пока не понимаю.

— Пока расслабься, — ответил я, не нарочно — правда! — глубоко занизив тембр голоса на излюбленном слове брата. Миша за это слухом зацепился, и мой взгляд ухватил едва заметное передёргивание плеч. — Я рассчитывал, что повод рассказать тебе эту историю будет не таким убудским, но уж как получилось.

— И вот после всей этой жести какой ты хочешь от меня совет услышать?

— Рассказывать об этом Мару или нет. Он каким-то образом придумал себе новый мир, и у него всё так хорошо пошло, что я не стал ничего рушить. А он наверняка к своему терапевту как раз из-за смерти матери ходит. Он этого не помнит. Ни секунды с того дня. Представляешь? А я помню. И вчера он меня чуть не придушил ровно так же, как в тот вечер, когда мы мать потеряли. И вообще я из-за него непонятно, свою ли жизнь проживаю или нет. Да и он, кстати, тоже. Если бы он себе новую вселенную в голове не сотворил, то, может, и карьера была бы совсем другой. — Я перевёл дыхание. — Ты намного лучше меня знаешь, как у него сейчас обстоят дела. Если я расскажу ему правду и объясню, что случилось, он выдержит это?

— Нет, конечно, — мотнул головой Миша. — Такая инфа его поломает. Без вариантов. Очень высокий риск суицида, поэтому в идеале Мара надо сразу уложить в ПНД и там уже всё это рассказывать.

«Про смерть он вчера уже заикался. Я даже внимания не обратил, пока ты сейчас не напомнил».

— Нет уж, такого риска мне не надо. Я лучше как-нибудь ещё поживу с такой ношей, а там, как говорится, у судьбы не вовремя не бывает.

— Да, — закивал мой друг. — Пусть она сама решит, когда это всё вываливать, иначе ты на себя возьмёшь слишком большую ответственность. Последствия без гарантий, а риски стопроцентные.

— Ладно. Я понял. Спасибо.

Я оторвал ещё один банан. Миша ответил мне кратким «да не за что», разговор на этом исчерпался, и мы оба затихли. Визитёр беспокойно взялся перебирать пальцами; я хотел ещё обсудить с ним татуировки и пирсинг, увиденные во время утренней беседы с Маром, но передумал и оставил чувство обиды и зависти внутри.

С ним же, заполонившим всё мысленное пространство, и уснул незадолго до полуночи.

Глава 39. Два вопроса

«Доброе утро. Мы можем минут на десять где-нибудь пересечься? Не телефонный разговор»

«Привет. У злой уставшей собаки не бывает доброго утра. В одиннадцать в моём номере пойдёт?»

«Да хоть в машине на обочине, пофиг. Насчёт Яра надо поговорить».

«Он же в клинике. Куда опять вляпался?»

«Да никуда, не парься, но пара вопросов есть».

«Понял. Напиши, как подъедешь».

Миша отметил последнее сообщение адвоката реакцией «палец вверх».

«Да уж, дружище, подкинул ты мне задачку».

Полчаса назад за кружкой растворимого кофе с молоком он тщательно перебрал вечерний диалог с Яром и сопоставил новые факты с теми, что получил от старшего Белова ещё в первые месяцы знакомства с ним — когда три с половиной года плотного взаимодействия ещё не начались. Адвокат очень долгое время не распространялся о брате, не рассказывал о нём и на просьбы показать что-то, кроме единственной фотографии с акции благотворительного фонда, отвечал очень уклончиво. Миша в итоге выследил Яра сам; он «случайно» догнал его в задний бампер на перекрёстке, они, пока разбирались со страховыми компаниями, разговорились, и Миша обнаружил парня очень приятным собеседником. По своим старым каналам он выяснил, где младший Белов живёт, как работает и с кем именно, где бывает; мужчина только хотел понять, что было с Яром не так, если Мар его столь активно скрывал ото всех, но прошли месяцы, и навязанное общение незаметно перетекло в очень близкую дружбу. Адвокату это, естественно, не понравилось, он Мишу взглядом уничтожил при встрече, когда узнал, — не сразу; братья в умении не делиться новыми связями оказались очень похожи, — но этим всё и ограничилось. Ребята Мара ещё с полгода за ними понаблюдали, и тот отозвал их за ненадобностью.

«В целом, там было сразу понятно, что Мар — контролёр до мозга костей и причём даже там, где не надо. Но то, что он твою жизнь построил на больной фантазии, звучит как минимум бредово. Как максимум — страшно».

Миша десятки раз переформулировал вопросы, которые собирался задать по приезде к Мару. В пути до отеля подумал, что в идеале парой вопросов тут не обойтись, но идеальная ситуация разве когда-нибудь бывала?

«Я в холле. Куда идти?»

Адвокат ему прислал номер этажа и цифры с нужной двери. В просторный зеркальный лифт перед Мишей зашла симпатичная, натурально накрашенная девушка с пепельно-русскими длинными волосами; на этаже она шагнула вслед за ним и недоумённо остановилась, не дойдя до номера Белова несколько шагов.

— Давай, заходи, чего встал? — нахмурился адвокат, и Миша с коварной улыбкой кивнул в сторону.

— Вперёд дамы не могу.

Мар ошарашенно взглянул на него из глубины коридора, вернулся к порогу и, узнав гостью, с тяжёлым вздохом опёрся бедром на косяк.

— Если хочешь ко мне прийти, сначала предупреждай. Я сейчас занят.

— Ты всегда занят, — упрекнула девушка, подойдя ближе. — Я написала тебе раз, ты не ответил. Написала второй, ты игноришь. Дозвониться до тебя, это как до президента, — проще самой прийти.

Белов раздосадованно закатил глаза и исчез в полутьме прихожей.

— Зайдите оба.

Миша провёл рукой по воздуху, приглашая незнакомку войти первой. Та еле заметно присела, как в очень плохой пародии на реверанс, и если мужчина, закрыв за собой дверь, беспрепятственно двинулся вглубь номера, то девушке Мар не дал и сумку снять с плеча. Он её припечатал к стене, упёршись ладонями в гладкие обои по обе стороны светловолосой головы, и Миша увидел, как незваная гостья тревожно подняла и прижала к груди тонкие руки в кожаных перчатках.

— Почему я? — выдал адвокат громким взбудораженным шёпотом. — Что во мне такого, а? Есть куча других мужиков, от которых можно родить нормальных детей, но нет, ты прицепилась именно ко мне. И хоть бы спросила, а мне надо такое или нахер никуда не упёрлось.

— Ты сказал, что я могу подписать договор — залепетала съёжившаяся девушка.

— Да, сказал, — выплюнул мужчина сквозь зубы, — потому что уже привык, что меня никогда ни о чём не спрашивают!

Миша не выдержал. Он в четыре быстрых шага добрался до прихожей и оттолкнул Мара от гостьи, испуганной неожиданно мерзким поведением Белова и готовой вот-вот заплакать. Адвокат инстинктивно дёрнулся в её сторону, перехваченный левой рукой визитёра за плечи, но затем сам отошёл к противоположной стене и съехал по ней вниз на корточках.

— Я сейчас очень паршиво себя чувствую, — сказал он, не поднимая взгляда от пола. — А ещё я даже не знаю, как тебя зовут. Хотя если ты после всего вот этого испаришься, то и похую тогда...

«Ё-моё... Как я с ним с таким разговаривать-то буду?»

Миша повернулся к девушке, которая стояла, будто пригвождённая к полу, и неотрывно смотрела на полуголого распсиховавшегося мужчину. Она вздрогнула, когда визитёр аккуратно тронул её за руки и тихонько, склонившись ближе к уху, проговорил:

— Простите его, он очень устал. Напишите ему ещё раз чуть позже, а я уж как-нибудь уговорю его на ответ. Ладно?

Гостья дёргано кивнула. Миша нашёл её обворожительной, но пугливой, несмотря на то, как смело и решительно она выглядела за порогом.

— Я Ксюша, — сказала девушка тихонько, но Мар её услышал.

— Ксюша?.. — повторил он несколько растерянно и сорвался на истерическое подобие смеха. — Вот же свезло. Карина, Кристина, Катерина. И бонусом Ксюша. Все на «ка». Все мои куртизаночки. И я в эту линейку со своей «ка», потому что конченный, вот и собрали комбо.

Смех перешёл в неудержимый хохот. Это глубоко оскорбило гостью, и Миша только успел помотать головой, когда она бросила на него красноречивый взгляд. Через секунду девушка вылетела из номера и застучала широкими каблуками сапог по коридору отеля. Миша захлопнул дверь.

— Мар, — мягко обратился он к адвокату, — я принесу тебе воды, хорошо?

— Зачем? — удивился тот. Он перестал смеяться сразу, как Ксюша умчалась прочь, и единственное, что осталось от бывшего неадекватного состояния, — это затравленное выражение лица. — Я в порядке.

— Хрена себе, порядок... — в замешательстве ответил Миша. — А если честно признаться?

— Честно? — широко улыбнулся Белов и поднялся на ноги. — Миш, где я и где честность? Ты чё?

— Вот и я о том же. В ПНД на недельку хочешь?

— Ой, давай не угрожай. — Мар позвал гостя за собой взмахом руки и пошёл в сторону кровати. — Какие у тебя там были вопросы насчёт Яра?

— Прежде, чем я их задам, — сказал Миша, сев за кофейный столик, — у меня будет два вопроса по всей этой ситуации. Первый: что это за девчонка? И второй: какого ещё ребёнка она от тебя хочет?

— У меня на оба будет один ответ: без понятия, — бросил адвокат и упал спиной на скомканное одеяло. — Я не знаю, что это за тёлка, и зачем ей от меня ребёнок. Может быть, это очередная сильно оборзевшая фанатка, для которой заделать мелкого — это прыжок через десять уровней после автографа.

— А тебе самому мелкого разве не хочется?

— У меня уже был, — резко съехал Мар на металлический тон. — Катюша носила. Не донесла.

«Блин... — мысленно устыдился Миша до глубины души. — Прости, Мар. Я напрочь об этом забыл».

Возлюбленная Белова, учившая парня не вздрагивать от её имени, вышла во второй триместр, когда её изнасиловали и убили. Мар потерял всё. Отца, когда тот ушёл из семьи. Мать, которую он нашёл убитой, лежащей на полу в кухне. Любимую. И ребёнка. А возможно, и себя, если Яр сказал ему правду, и в голове у адвоката уже тринадцать лет иллюзия вместо настоящей жизни.

— Прости. Я сказал, не подумав.

— Забей. Что там с Яром?

Белов замахнулся и рывком вернул себя в положение сидя. Зрачки у него расширились, губы поджалась в недовольстве, но из-под хмурой маски частично выглянуло помертвевшее лицо. И Миша был одним из немногих, кто мог это видеть.

«Жаль, нельзя сквозь землю провалиться. Очень бы сейчас пригодилось».

— Я к нему ездил вчера. Мы поговорили, и честно тебе скажу, он мне не нравится. У него за неделю в башке что-то перемкнуло, и он стал как ты, но как будто в кривом зеркале.

— Я знаю. Мы с ним тоже говорили вчера. Пока у меня нет ни единой мысли, что с этим делать, потому что и без Яра проблем хватает. Но я надеюсь, хотя бы ты понимаешь, зачем я его контролирую?

— Понимаю, конечно.

«Если Яра не дай бог убьют, это будет последняя капля. После этого точно либо дурка, либо могила».

— Отсюда у меня первый вопрос: ты же осознаёшь, что Яр уже по колено в говне, и его будет туда затягивать? Не его личными силами, так чужими?

— Да. Это очевидно.

— Тогда второй вопрос: я могу немного пожертвовать его нервами и провести интерактивную экскурсию? Ну, такую, знаешь, чтобы он получил и дозу адреналина, и стойкую фобию.

— Звучит отвратительно, — в серьёзной задумчивости проговорил Белов, — но смысл я понял. Если у меня и получится это нормально осмыслить, то только вечером или ночью.

— Да как удобно. Кстати, — вспомнил Миша, — Яр уже давно просёк твою слезку. Ты в курсе? Особенно он удивил меня фактом про аллергию на молоко. Даже я этого не знал.

— Это было ожидаемо, — вздохнул адвокат. — Я по своей глупости его много чему научил, вот он и раскусывает теперь мои приёмы. — Он посмотрел на часы, нашёл взглядом вешалку с рубашкой и кивнул гостю: — Ты же на машине?

— Ага. Подвезти надо?

— Надо бы. Яр с этой шлюхой Кариной подцепил и её брата. Он сегодня к двенадцати на собес явится, вот я и хочу посмотреть, что за крендель. Может, и правда, толковый.

— Ну, давай, — согласился Миша, глянув на смарт-часы вслед за Беловым. — Если ты за пять минут соберёшься, то мы вполне успеем.

— За три. Засекай.

«О, да, куда ж без твоего выпендрёжа. Ты без него как без рук».

Азарта ради мужчина засёк-таки время, и Мар в него прекрасно уложился.

— Опыт не пропьёшь, — довольно улыбнулся Белов, обулся в осенние туфли и перекинул пальто через левую руку. — И не пронюхаешь, — дополнил он под нос, выходя из номера. Миша с растянутым «угу» похлопал его по плечу, дав понять, что услышал.

«А то я не знаю, какой у тебя по коксу перелимит. В привычку уже начало входить, я смотрю».

В ту же секунду Белов шмыгнул носом, запрокинув голову, и Миша в тревожных раздумьях помрачнел.

Глава 40. Собеседование

Рома стоял в коридоре — топтался у двери в кабинет Чернова, выжидая время, тербил пуговицу на пиджаке и постоянно бросал взгляд себе под ноги. На Мара, торопливо минувшего лифтовой холл, он сначала не обратил внимания; гулкий шаг адвоката заставил его вскинуть голову уже в непосредственной близости Мара, и Белов снисходительно улыбнулся от того, как соискатель резко побледнел.

— Расслабься, — произнёс он, постучав по двери костяшками пальцев. — Мы не съедим.

Чернов из кабинета громко ответил «войдите». Мар укрылся за косяком, пропуская Рому вперёд, — исподтишка рассматривая выразительные скулы на широком лице, выверенные линии короткой стрижки и такие же, как у брата, голубые глаза, — и появился на пороге парой мгновений позже. Недоумение вперемешку с растерянностью, накрывшие коллегу при виде незваного гостя, привели в восторг никогда не спящего провокатора внутри Белова.

— Какими судьбами, Маркус? — улыбнулся замдиректора юридического департамента, протянув адвокату руку после приветствия кандидата. Белов её быстро пожал.

— Да мимоходом, — бросил он и сел в одно из двух кресел для посетителей возле большого полукруглого стола. — Яр никогда никого по рекомендации не приводил, поэтому было бы странно не приехать.

— Логично, — поддержал Чернов. Кандидат между тем занял второе гостевое кресло; он взволнованно сжался, и адвокат еле подавил смешок, заметив, как парень спрятал в кулаке случайно оторванную от пиджака многострадальную пуговицу.

— Дай ребёнку воды, — попросил Мар. — Он нас так боится, что я даже не знаю, как мы будем собеседование проводить.

— Для начала, — назидательным тоном ответил Чернов, усевшись за стол со своей стороны, — перед нами взрослый кандидат, а не ребёнок. Прояви субординацию. Что с тобой такое, а?

Мар тихонько засмеялся. Он сам принёс Роме пластиковый стаканчик с водой, сел обратно в кресло, забросив ногу на ногу, и остро взглянул на брата Карины.

— Роман Сергеевич у нас правильный, а я нет. Если реально хочешь тут работать, привыкай сразу, что я долбанат, и мне всё можно. Ну, или почти всё. Я мучить тебя вопросами не буду, так, — он покачал пальцами в воздухе, — понаблюдаю, послушаю, а ты давай, расскажи о себе всё, что считаешь нужным. Образование, опыт, может, какие дополнительные навыки. Вперёд, — махнул он рукой, встал и отошёл к окну за спину коллеге.

«Что со мной такое... Да на взводе я, Ромыч. Никак не выдохну. Всё навалилось разом. И Костя мудака, блядь, и Ксюша эта выбесила с утра, и Яр ещё как будто мне палкой в мозгах поковырялся. Из-за него вся неделя получилась какая-то ёбнутая. Хотя я сам виноват. Надо было ещё месяц назад за него расплатиться, а там лучше бы он говном изошёлся, чем вот это всё теперь разгребать».

Адвокат присел на подоконник. Несмотря на жуткие переживания, Рома Некрасов презентовал себя весьма неплохо и на вопросы Чернова ответил грамотно, пусть и сбиваясь. Из любопытства Мар подкинул ему задачу из уголовной практики; парень её разобрал на части, порассуждал, поспорил, и хотя он запутался в статьях, очень близких по составу, Белова тронуло воодушевление, с каким Некрасов добирался до истины.

«Ладно, Яр. Убедил. Я не возьму это противовесом всему дерьму, что ты натворил, но сочту приятным бонусом».

Белов неспешно подошёл к столу и глянул в распечатанное резюме.

«Боже... «Уголовник» после академии в рядах наёбщиков должников — это, конечно, сильно».

— Чё в органы не пошёл? — спросил он и снова занял свободное гостевое кресло по левую руку парня.

— Из-за сестры, — сдержанно отозвался Рома. — А вы?

Чернов прыснул со смеху.

— О-о, давненько тебе такой вопрос не задавали.

— Да уж... — с широкой улыбкой согласился Мар. — Лет пять, наверное? — Он задумчиво прикусил губу. — У меня была универская практика в прокуратуре. Я там половину третьего и весь четвёртый курс как мальчик на побегушках отбатрачил, а остальное уже с Костей в «полях» наработал. — Адвокат помолчал несколько секунд, и радостное выражение с губ улетучилось за это время. — Твоя Карина не стала бы препятствием для службы, даже наоборот, но знаешь, если бы у меня была сестра, я бы тоже не захотел её превращать в бесплатный общественный туалет.

«Она, скорее, как туалет в ГУМе. Красиво, но пока ещё почему-то дёшево».

— Роман Сергеич, — разнужданным тоном обратился к коллеге Мар; он несильно задрал подбородок и слегка повернул голову, чтобы взглянуть на него искоса, — ты говорил, у тебя не хватает рук. Это в каком отделе?

— У меня девочка из претензионки в декрет уходит. Думал туда отправить.

— Отправляй, — довольно проговорил адвокат, — но я надеюсь, ты не против, если я его тоже буду дёргать по своим делам?

— Чего? Своим делам? — искренне удивился Чернов и заговорщицки прищурился. — Это что сейчас, попытка взять себе помощника?

— Если можно так назвать человека, который будет мне изредка в бумажках копаться, то, наверное, да.

— Ё-ё-ёлки-палки, — замдиректора возбуждённо заёрзал в кресле и уставился на Мара горящими от эмоций глазами, — запомните этот исторический момент: наш неподражаемый Маркус Белов задолбался грести в одиночку! Кому расскажу, не поверят.

— А ты не рассказывай, — приглушённо незлобно ответил адвокат. Он поднялся на ноги, протянул Некрасову ладонь, и тот пожал её, вытянувшийся по струнке, не понимая до конца, что произошло. Белов это разглядел в заминках перед каждым движением тела. — Расслабься уже. Все необходимые детали Рома тебе сейчас обрисует, а вот у меня остался один вопрос, пока я не ушёл.

Мар убрал руку в карман пальто, которое так и не снял, как зашёл в офис. Он выдержал короткую паузу, пронизывающе глядя в упор на новоиспечённого юриста компании, смотревшего на него, слегка подняв голову, и поймал себя на чувстве мурашек по спине — от того, что Яр и брат Карины случайным образом совпали в росте и цвете радужки.

«Мало мне комбо из женских имён, так ещё вот это в придачу».

— Ты почему так лицемеришь? Конкретно почему ты со мной общаешься вежливо и на «вы», игнорируешь мою нарочитую фамильярность, а с Яром на «ты» и через колено?

— Он мог бы сказать, что я за это уже извинился, — проговорил Рома с нотками стыдливости в голосе, но глаз не отвёл.

— Видимо, не посчитал нужным.

— Очень плохо. Мы с ним всё решили там же, на месте, и я обещал больше так не делать.

— Прекрасно. Сдержи, пожалуйста, это обещание, потому что брата я во всём отстаиваю жёстко и жестоко. Даже если это просто чьё-то хамство. Хорошо?

Рома кивнул. Мар дружелюбно похлопал его по плечу, попрощался с Черновым и двинулся к выходу из бизнес-центра, по пути листая список ресторанов поблизости. После долгих раздумий выбрал уже знакомый, тот, что на Днепропетровской, добрался до него размеренным, почти ленивым, шагом, и, как только ему на стол выставили тарелку с горячим, он на выдохе освободил голову от мыслей. От всех. Какое-то время внутри царила оглушающая

тишина; Мар ел и чувствовал вкус хорошо приготовленной смеси лингвини, мяса и черри, жевал и ощущал, как тело наливается теплом.

«Вот такого же состояния я хочу для Яра до конца его жизни. Чтобы в голове звенящая тишина, а не шум, как будто у тебя там копошится куча блядских навозных жуков. Чтобы жрать и срать в безопасности, понимать, что ты ешь, и отличать горькое от солёного. Чтобы не как у меня, когда я порой вообще не понимаю, где я, кто я, и что у меня во рту. Ну хоть не чей-то хер, и на том спасибо».

Адвокат бегло усмехнулся от своей тупой шутки. Он положил нож и вилку горизонтально посередине пустой тарелки, оставил под ней наличку и вышел на улицу, по пути между столами аккуратно надев пальто. Яр пока ничего по поводу выписки не написал; день потихоньку близился к двум часам, но улицы осеннего Петербурга словно опровергали это всем видом и погружали в сумеречную иллюзию.

«Да уж... Родиться в городе, для которого ты теперь нежеланный гость, это обидно».

Мар поёжился. В центре Петербурга началась его жизнь, двадцать с лишним лет прошли на параллельно-перпендикулярных улицах среди баланса между царской красотой и отголосками нищеты, отторгающей до рвотного позыва. Он мог обойти половину города с закрытыми глазами, но сейчас, после десяти лет жизни и работы в Москве, Северная Венеция душила его даже в особо любимых местах.

Адвокат об этом вспомнил, когда вернулся на набережную Обводного канала и пошёл вдоль воды. После ресторана он дал себе полчаса свободного времени, чтобы взглянуть на район глазами обычного прохожего, без ответов на сообщения на ходу и стеклянного взгляда, способного различать только путь в размытом пространстве вокруг. С другой стороны дороги мужчине весело помахала рукой незнакомая совсем молодая девушка; он махнул ей в ответ, отвернулся, но та его догнала от светофора и со сложенными у груди ладонями тоненьким голоском спросила, можно ли с ним сфотографироваться.

— Можно, — мягко улыбнулся Мар и посадил девушку под её испуганный возглас на вытертое рукавом ограждение. — Расслабься, — опустил он голос до обволакивающего бархата, — я крепко держу.

Он прижал незнакомку к себе за талию, чтобы она действительно не опрокинулась в воду, насладился её сбившимся от эмоций дыханием и с вытянутой руки сделал фото с одним из мостов позади. Она, счастливая, замерла, глядя в телефон; переделывать, как это обычно у девчонок бывает, ничего не пришлось, фанатка умчалась вприпрыжку обратно на светофор, а Мар на ближайшей «зебре» перешёл дорогу, чтобы зайти в кофейню.

«Взять, что ли, этот ванильный латте?.. Яр его с таким удовольствием пьёт, а я даже не пробовал ни разу».

Купил. Выпил, стоя у крыльца. Выбросил стаканчик. Посмаковал приторное послевкусие. Нахмурился и, развернувшись для дальнейшего пути, с первого шага налетел на крупного неопрятно кудрявого мужчину в чёрной распахнутой ветровке.

— Дёрнешься, будет хуже.

Белов молниеносно оценил ситуацию. За спиной мужчины чуть поодаль стоял тонированный угольный седан, из кофейни этот угол крыльца было не видно, прохожих мало, а в живот адвокату больно упирался глушитель.

— А нормально сказать нельзя? Обязательно угрожать? — спросил он, прямо взглянув на кудрявого.

«Вот видишь, Гриша, авторитет, даже когда он есть, иногда ни хрена не решает».

— В машину садись.

— А если нет? Убьёшь меня?

Мужчина ни единым мускулом лица не дрогнул.

— Не, мне главное — живым привезти, а будет ли в ноге, например, дырка, тут распуханий не давали.

Теперь он, наконец, неприятно криво ухмыльнулся и на шаг отошёл, чтобы освободить Мару дорогу к седану. Белов напряжённо улыбнулся в ответ и неразборчиво выругался сквозь зубы; незнакомец открыл ему заднюю дверь, адвокат уселся на очень мягкий кожаный диван и дотошно огляделся в тёмном салоне.

— Могу узнать, кому я понадобился?

— Когда приедем, тогда и узнаешь.

«Кто бы сомневался, — подумал Мар и достал телефон. Нужно было отправить ребятам номер и марку машины, чтобы они её отследили, но полоски сети исчезли на обеих сим-картах. — Надо же... Всё продумали, суки».

Он глубоко вдохнул, задержал дыхание, выдохнул и пристегнулся, оперев затылок в такой же мягкий, как сидение, подголовник.

Глава 41. В кабинете

Ася пришла домой только в десятом часу вечера. Московская погода, в отличие от петербургской, обрадовала безветренной сухостью и редкими облаками, и вместе с Пашей девушка неторопливо прогулялась по набережной возле «Москвы-Сити». Оттуда к подъезду охранник привёз её на «каршеринге»; он проводил Асю до самой двери, и когда она спросила, куда ему теперь ехать, в какую сторону, Паша достал тяжёлую связку ключей сразу от двух квартир.

— Я живу в соседнем корпусе на первом этаже. Агентство постаралось, — улыбнулся он. — Ты, если вдруг надумаешь о чём-то поговорить или что-то обсудить такое ну, не для Костиных ушей, то приходи. Я не против.

— А девушка ревновать не будет?

— К замужней мамочке с ребёнком? Не смейся. К тому же она не знает, кто у меня клиент, а если кто и расскажет, то я по своему складу характера личное с рабочим не мешаю. И она мне доверяет.

— Ну и хорошо, — с мягкой усталой улыбкой сказала Матвеева. — Из такого, что не для мужниных ушей, разве что сплетни о Маре, потому что с Костей у них в последнее время какой-то разлад. Лишний раз и слова о нём не скажешь, сразу хмурится.

— Тогда тем более вэлком. Я про Мара ничего пока не знаю, так что с удовольствием тебя послушаю.

— Спасибо. — Ася достала ключи и открыла дверь. — Ну что, пока?

— Ага. Пока.

Девушка вошла в прихожую и закрыла квартиру изнутри. Со второго этажа донёлся отголосок работающего телевизора в комнате Серёжи — судя по звукам, тот смотрел очередной вечерний мультфильм.

«Кости дома, что ли, нет? — тревожно подумала Ася, пройдя в освещённую диодными ночниками кухню. — Или опять с кем-то разговаривает, что не может выйти?»

Она выпила стакан воды и поднялась к мужу в кабинет. Матвеев её встретил быстро поднятым указательным пальцем, мол, подожди; он, глубоко сосредоточенный, что-то слушал через мониторные наушники и за чем-то следил немигающим взглядом. Ася послушно и очень тихо присела на гостевой стул.

«Мамочки... Это что?»

В глаза ей сразу бросились фиолетовые синяки на лице Кости и содранная кожа на руках. Когда он с измождённым видом положил наушники рядом с собой на стол и, наконец, поднялся, чтобы обнять супругу, она первым делом после краткого поцелуя коснулась подушечками пальцев одного из пятен на скуле.

— Что случилось?

— Драка за разбитое стекло в машине. Пока я ещё в состоянии тебя слушать, расскажи, как съездила.

— Шикарно. — Ася приглушила голос до полушёпота и ненавязчиво увлекла мужа в очень лёгкий танец из плавных медленных покачиваний. — У меня был номер с видом на историческую улицу. Там такая красота из окна, ты бы знал. Я и вечером с удовольствием посидела на подоконнике, и утром аж высунулась на улицу, чтобы всё это целиком увидеть. Невероятный город. Просто невероятный. Мы с Пашей утром спустились в ресторан на завтрак, а потом пошли гулять по Невскому. А в ресторане, знаешь, так аппетитно описали коктейль, что я не удержалась и попробовала.

— Алкогольный?

— Да. Очень вкусный. Правда. Меня с него немножко разморило, но тут Паша молодец. Он от меня все два дня ни на шаг не отходил, и пока я трезвела, он меня прям за руку держал и смотрел так внимательно вокруг, как ястреб. Я им довольна. Хороший надёжный парень.

Ася замолчала в ожидании ответа и прижалась головой к Костиному плечу.

— И всё? — спросил он недоумённо.

— Ну да. А что ещё? Отдохнули, погуляли, сели в поезд и приехали домой.

— И с Маром не встречалась?

— Встречалась, конечно. Ради этого и ездила, но я подумала, что ты опять сделаешь недовольное лицо, если я что-то о нём скажу.

— Смотря что ты скажешь. И как.

Ася вновь посмотрела на мужа.

«И что, и как тебе не понравится, потому что я полным восторге от него, и скрыть это будет сложно».

— Он меня удивил. — Она еле слышно засмеялась от воспоминаний. — Мы когда с Пашей вышли из поезда, Мар нас встретил на платформе, и я, честно, растерялась. Он, представляешь, пришёл на вокзал в расстёгнутом пальто, а под ним ничего. Ну, в смысле, брюки есть, всё есть, а рубашки нет. Голое тело. И холодильник на улице, если что так. Сказала бы, что дурак, но ладно, назову эпатажным засранцем. А ещё у него така-а-а-ая татуировка на спине! Обалденная работа. Я прямо засмотрелась. На животе ещё там узоры какие-то, но самое удивительное, чего я вообще не ожидала, — это серьга в соске. Вот я бы поняла серьгу в ухе, но в соске? Это же безумно большой прокол. Мне девчонки знакомые говорили — невероятная боль. И ведь это не вчера у него появилось. Давно уже... Если бы я вот так к нему в Питер не приехала, может, и ещё бы сто лет об этом не узнала.

Костя криво улыбнулся.

— А член и жопа у него ещё целые или тоже с дыркой?

Ася задумалась не дольше, чем на секунду, и громко расхохоталась, запрокинув голову.

— Не знаю, не видела. Но если очень хочешь, давай я спрошу.

«Не беспокойся, он не снимал передо мной трусы. Он снял их позже перед другой женщиной, которой это интересно».

— Не надо, расслабься. Я несерьёзно.

— Да я и не напрягалась. Это была очевидная шутка, но в каждой шутке, как говорится, только доля шутки, и то, что ты интересуешься его членом и жопой, наводит меня на о-о-очень интересные мысли.

Кривая улыбка выровнялась, но стала напоминать оскал. Асина ирония чувствительно уязвила Костю; его руки с поясницы девушки сдвинулись на бока, в тёплые уютные объятия ворвался колкий холод, и Ася выскользнула из них, чтобы тут же прижаться к мужу со спины.

— Я Серёже подарок из Питера привезла. Если завтра вечером не будешь сильно занят, давай его вместе подарим.

— А смысл? Он сразу поймёт, что я не имею к этому подарку никакого отношения.

— Смысл в общности. Не я отдельно, ты отдельно, а вдвоём. Серёжа наши совместные подарки видит только на новый год и на день рождения. На его месте я бы тоже думала, что родители выделяют общее время по нужде, а не по желанию. Два раза в год положено, а в остальные дни обойдётся. Дети именно так это воспринимают.

— Мы вчера с сыном весь вечер потратили на совместные игры. Он сказал, что со мной не интересно. А я устал. Такие капризы происходят у нас третий год подряд, и я борюсь за его внимание из последних сил. У меня и бизнес идёт нелегко, и с Маром теперь не всё гладко в отношениях, и мать твоя без конца напоминает, что я чмо недостойное, и ещё сын выкаблучивается. — Костя развернулся к Асе лицом и взглянул на неё блестящими от внутреннего накала глазами. — А я не могу высказать всё, что чувствую. У меня единственная отдушина

была в тебе, но даже ты умудрилась подрезать мою опору. — Он облизал губы и заговорил чуть тише и грубее. — Я заебался, Ась. Меня вчера отмудохали, потому что ты в чём-то там с кем-то накосячила, и я до последнего думал, что буду молчать об этом. Но не могу. Оно не держится внутри. Оно сверху так прибило, и я теперь вообще не понимаю, что происходит, и кто находится рядом со мной. Может, ты хотя бы немножко прояснишь ситуацию, чтобы я ночью уснул, а не как вчера до пяти в потолок плевал, а?

Ася буквально заледенела. Костя нежно прижался правой ладонью к её щеке, большим пальцем провёл по раскрытым заметно дрожащим губам, и девушка нормально вздохнула, может, минуту спустя или даже больше.

— Я же дома сижу с ребёнком. Что за бредятина?..

Муж качнул головой, не сводя с супруги властного прожигающего взгляда.

— А чего ты испугалась, если не виновата?

— Мне страшно видеть тебя таким заведённым. Не потому, что я в чём-то провинилась, а потому, что я как будто могу пострадать.

— Ты считаешь, я могу тебе навредить?

— Я не знаю. Я никогда тебя таким не видела.

«Я даже пошевелиться не могу. Господи...»

Ася порывисто вобрала в себя воздух и напряглась до предела, когда Матвеев скользнул по ней кончиками пальцев от шеи до пояса и прижал к себе в самых аккуратных и плотных объятиях, на которые был способен. Мир для девушки замер на те мгновения, что Костя молчал, дыша ей в задранное плечо.

— Асенька... Я мразь для кого угодно, но не для тебя.

Он убрал от жены руки и отошёл на несколько шагов. Та ощутила, как ноги чуть не подкосились от испытанного ужаса. Костя вернулся за стол, опустившись лбом на столешницу; Ася с огромным трудом заставила тело выйти из ступора, и когда муж опять на неё посмотрел с выражением беспросветного отчаяния в глазах, она не выдержала.

— Я посплю на диване в кухне, — догнал её голос Кости уже за порогом кабинета. Девушка обернулась. — Иди.

Она закрыла дверь. Не таким ей представлялся вечер после возвращения из Петербурга. Ася вздрагивающими от пережитых эмоций пальцами отыскала в списке номер адвоката, нажала на кнопку вызова и сбросила, так и не получив ответа.

«Я могу пережить чью угодно ярость, но не твою. Твоя — самая страшная».

Девушка миновала комнату сына — замялась на полушаге, но в таком состоянии не рискнула войти и в спальне, упав на кровать, беззвучно заплакала.

Глава 42. Впечатление

Паша резко сел на кровати, встревоженный поздним сообщением Аси. Она прислала ему «кружок» в первом часу; золотые пагчи под нижним веком перетянули внимание на себя, но парень с чувством сомнения просмотрел запись ещё раз и в тёплом свете ночника в спальне заметил у девушки воспалённый взгляд.

— Привет, — очень тихо на грани шёпота сказала Ася, не глядя в камеру. — У меня тут кое-что случилось... До Мара как всегда хрен дозовишься, поэтому вот говорю тебе. — Она взглянула ненадолго в экран, как в зеркало, убрала волосы с лица и вновь отвернулась. — В общем, пока мы с тобой развлекались, Костю кто-то избил вчера вечером. Я не представляю, что ему там наговорили, но я очень испугалась, когда он сказал, что его избили из-за какого-то моего косяка. То есть вот эти жуткие синяки у него на лице из-за меня. И он ещё, знаешь, стоял и смотрел на меня с такой яростью. Я прямо видела, как его чуть не трясло. Он меня — представляешь? — обнимал так нежно, говорил, что не мразь, что не навредит, а сам убил бы, наверное. — Девушка тяжело вздохнула и нахмурилась, чтобы не потерять заранее заготовленную маску серьёзности. — Я не знаю, что делать, Паш. Он ушёл спать на кухню, а я даже сына ещё сегодня не видела. Если у тебя есть какие-то дельные мысли по этому поводу, ты поделись, пожалуйста, а я пока ещё раз попробую до Мара дозвониться. Должен же он в конце концов взять трубку.

Ася ещё раз откинула пряди с лица и закончила запись.

«Может, переночуешь у меня?» — написал он в ответ.

«Не могу. Если уйду, Костя взбесится ещё больше, а я за сына переживаю».

«Ну, смотри. На всякий случай у меня второй корпус, это налево, второй подъезд и квартира 2. Звонок от домофона очень громкий, я его даже во сне услышу. Он мне в ухо сразу заорёт. Ты только, главное, не терпи, а сразу беги. Ладно?»

«Ладно. Ты не волнуйся. Костя же не дурак совсем. Я надеюсь, мне Мар до утра ответит, а там мы с Костей поговорим».

«Ага. Разговор будет только в моём присутствии. Я обязан убедиться, что ты в безопасности, и неважно, что он для тебя муж, а для меня — работодатель. Я лучше перестрахуюсь лишний раз и извинюсь, чем потом буду последствия разгребать».

«Хорошо, если тебе так будет спокойнее, то сделаем разговор на троих. Но я надеюсь, что всё обойдётся. Спасибо тебе за заботу, Паш».

«Не за что. Остаюсь на связи».

Под сообщением появилось маленькое «сердечко». Парень вышел из диалога с Асей и провалился в другой, для отчётов, куда не то что не хотелось ничего писать, а было стойкое непреодолимое желание заблокировать его и выбросить из списка чатов. Он зажал кнопку с микрофоном и сдвинул её наверх.

— День четвёртый. Без происшествий. Из новостей пока только выход на прямой контакт с Маркусом, но я жду отбивку, чтобы мне его в задание не включали. Пусть как хотят выкручиваются, но я не возьмусь за него. Он для меня опасен.

Паша уронил руку с телефоном на постель, выпустил аппарат из пальцев и пружинисто встал, чтобы сделать кофе.

«Оставлю пока информацию при себе. Если что-то узнают сами, да ради бога, как-нибудь отбрехаюсь, но подставлять себя под удар заранее как-то вообще не с руки».

Белов его впечатлил. Развязность, напор, ощущение безнаказанности и превосходства, сила, авторитетность. Это всё Паша поочередно считал за короткое время знакомства в машине и в коридоре отеля. Недалеко от двери адвокатского номера в напряжённом разговоре телохранитель увяз в парализующем воздействии превосходно поставленного голоса и ощутил, как

его приземлило грамотное пользование всеми этими качествами одновременно. Мар десять лет провёл у Матвеева под крылом, семь — в адвокатуре, почти столько же — в «теневом» бизнесе. У него была куча времени, чтобы мастерски отточить навыки. Паша на пути в Москву всерьёз подумал контракт аннулировать, но тогда кончится и его карьера, и отношения с отцом, который и без того с ним не особо церемонился. Парень рисковал остаться без наследства, без работы и без каких-либо перспектив, но если должность в охранном агентстве и сеть финских саун он потерял бы безо всяких сожалений, то зарубленные на корню возможности подняться выше продавца в ларьке его не устраивали.

Он долил в горячий напиток жирные сливки, хорошенько всё размешал барной ложкой, высыпал в кружку пакетик тростникового сахара из пиццерии и снова перемешал. Стук металла о керамические стенки разлетелся эхом по просторной кухне. Казалось, парень единственный в доме не спал; из соседних квартир не доносилось ни единого шороха, и в тишину, которая вновь воцарилась в «однушке», едва он сел за овальный стол с узором столешницы «под малахит», ворвался лишь ненавязчивый шум заработавшего холодильника.

«Блин, телефон».

Мобильный уже несколько раз оповестил о новых сообщениях громким сигналом. Паша вернулся в комнату, выудил аппарат из глубоких складок одеяла и сел на край постели, развернув список уведомлений.

«Я дозвонилась! — прочитал он первым делом в диалоге с Асей. — Мар завтра сам будет с Костей разговаривать, так что я всё, засыпаю. Спокойной ночи».

— Спокойной ночи, — по слогам проговорил охранник, набирая то же самое в ответ. — Значит, завтра шоу отменяется. Жаль.

Парень разочарованно вздохнул и убрал из списка ненужные баннеры от приложений. Остался только стикер на ночь от любимой девушки и сообщение в чате с агентством, от которого Паша стиснул в руке телефон до угрожающего хруста пластика.

«У нас нет отдельного задания по Белову. Он формально часть семьи Матвеевых, и в рамках договора его мониторинг тоже на тебе».

— Да он меня закопает, если раскусит, — рычащим тоном проговорил телохранитель. — Я ещё жить хочу как бы.

«Я не буду за ним досконально следить. Моя информация — только та, что я получу от Анастасии Юрьевны или лично увижу. В остальное я не полезу. Это выше моих возможностей».

Он хлебнул кофе, не отрывая глаз от экрана, и слизал с верхней губы сливочные пузырьки. В диалоге с любимой стикер с полуголой аниме-девицей Паша отметил огоньком и записал для девушки короткий бессловесный «кружок» — изобразил Джея Гэтсби с бокалом шампанского, разве что вместо бокала полная кружка «Jacobs».

— Всё, давай тоже спи, — прокомментировал он вслух, а сам отправил в чат «храпящего кота».

«Дашку надо сюда перетаскивать. Или пусть хотя бы ночует дважды в неделю, а то я так домой не наезжусь в другой конец города. Я её тут хочу, под боком, чтобы раз, и поцеловал мимоходом. А не так, прилетел на пять минут, сунул, высунул и снова поехал обратно. Дашка пока ничего мне не говорит по этому поводу, но если скажет, это всё, это будет финиш».

С предыдущим клиентом работа и дом находились в пределах одного квартала. С клиентом до него Паша работал по строгому графику, и Даша редко видела, чтобы он задерживался или выезжал раньше обычного. Теперь же до его квартиры, куда девушка переехала несколько месяцев назад, от дома Кости час на машине, со всеми пробками полтора, и когда Паша заезжал домой в понедельник, Даша натянула неискреннюю улыбку, наблюдая за сборами парня сразу после секса.

«Завтра накидаю ей вариантов. Пусть выберет самый удобный, лишь бы не улыбалась так больше».

Телохранитель отложил телефон и в отрешённом молчании допил кофе. В жирном сладко-сливочном послевкусии не хватило коричневых ноток; Паша добавлял ароматный порошок всегда, если понимал, что впереди маячила бессонная ночь, но корица вчера предательски закончилась, и парень устался на дно кружки с чувством лёгкого душевного дискомфорта. Как будто стоило заказать доставку, набрать что-нибудь ещё по мелочи и сделать кофе снова часа через два.

«Или спать, что ли, лечь, как девчонки? Усну — хорошо. Не усну — пойду прогуляюсь. Корицу эту несчастную куплю по пути. — Паша усмехнулся. — Ну и настроение. Меня как будто Петербург своей осенней хандрой догнал. Вот серьёзно, прямо так и кажется, что я, если выйду на улицу, там вместо Москвы будет дождливый исторический Питер».

Охранник лениво поднялся на ноги, бросив телефон ближе к подушке, и стопкой сложил на краю кровати снятую одежду. Вместо неё он взял тонкий домашний костюм и с ним, перекинутым через руку, отправился в душ. Под тёплой водой из «тропической» лейки Паша невольно вернулся мыслями в номер отеля и чувство неземного удовольствия, которое там испытал, сидя в ванной и растворяясь в узорах чёрно-белой «мраморной» плитки. Мар умел выбирать комфорт со вкусом.

«Да сука ты, в мозг мне врезался, теперь не вытравишь ничем».

В жизни Паши ещё не было человека, способного так отпечататься на извилинах. Сознание переключило кадры с блаженного отдыха на острую беспокойную встречу в коридоре, и Паша сосредоточенно прокрутил в голове вопрос, который стал персональным заданием от Белова.

«Тут загадка не только в твоём контроле над жизнью босса, но и в том, нахрена ты себя таким сделал. Это ненормально, что ты так наглухо врезаешься в память. Ладно там глаза, это никуда не деть, но ты в целом как демон, честное слово. Дурь какая-то. Кукла инопланетная. Тебе чуть ли не поклоняться готовы, и я хочу знать, нахрена это. На-хре-на, если потом твоё же амплуа тебе всё равно боком выходит».

Паша об этом решил не спрашивать, хотя после душа, когда он залез в переписки, руки так и зачесались написать адвокату. Парень взял себе целью внимательно за ним понаблюдать и невесело хмыкнул, осознав, что так или иначе обе загадки привели его к неприятной части задания. С той единственной разницей, что он мог сделать выбор — отработать согласно контракту или найти ответы, чтобы их не использовали против него.

Глава 43. Отец

Тонированный седан остановился на парковке у ресторана «Метрополь». У Мара возникла прекрасная возможность убежать — Садовая днём и ночью полна людей, выстрелить бы не получилось, догнать тоже, но раз его привезли в публичное место, значит кто-то, ждущий Белова за обедом, рассчитывал прежде поговорить.

«Нахера было угрожать мне пистолетом, если я спокойно мог поехать по собственной воле?»

Мар обернулся на сопровождавшего, который бесцеремонно оставил ему глушителем синяк на животе. Мужчина первым выбрался из машины, обошёл её сзади, размял на ходу затёкшие плечи и поравнялся с адвокатом, внимательно наблюдавшим за ним через стёкла имиджевых очков.

— Я должен зайти в уборную, — сказал Белов, и спутник сально ухмыльнулся.

— Штаны застирать?

— Утопиться в унитазе. Ты со мной или как?

Сопровождавший презрительно фыркнул и вместо ответа кивнул на ресторанный дверь. Он подождал Мара у туалета снаружи, потом у гардероба, подвёл к нужному столику в малом зале, и навстречу адвокату, сложив приборы на край тарелки, поднялся мужчина лет пятидесяти с небольшим — невысокий, опрятный, бритый, одетый в кремовый костюм и белую рубашку без галстука. Мар заметил мелькнувшие под левым рукавом дорогие часы; мужчина твёрдо протянул ему ладонь, и адвокат её как можно спокойнее пожал, обожжённый строгим проницательным взглядом.

— Здравствуйте, Маркус, — дежурно улыбнулся незнакомец и жестом свободной руки велел спутнику Белова уйти. — Присаживайтесь. У нас будет недолгий, но очень серьёзный разговор, так что если хотите что-то заказать, я попрошу принести вам второе меню.

— Не стоит. Ваш человек мне весь аппетит отбил, когда упёр в меня пистолет. — Адвокат уселся на один из свободных стульев с мягкой серой обивкой и полукруглой спинкой и забросил ногу на ногу, положив на край стола кисти рук со сцепленными в замок пальцами. — Я хотел бы узнать, кто вы, и почему нельзя было просто попросить о встрече. С учётом места я бы не отказал.

— Я знаю, но вы не достойны моего личного приглашения, — ответил мужчина и вернулся к неспешному ланчу. — Как отец оскорблённой дочери я бы бросил вас в багажник и оставил бы там ночевать.

«О... — затрепетал Мар глубоко внутри от воспоминаний об утренней гостье. — Спасибо, что «бы» помешало».

— Я бы умер за это время.

— Вы никогда не катались в багажнике, так что не говорите, чего не знаете. — Собеседник прервался, чтобы хлебнуть воды. — Давайте я буду кратким и откровенным, чтобы не занимать ни своё, ни ваше время. Ксюша мне сегодня рассказала, что вы напугали её и сравнили с кучей своих многочисленных проституток. Я такое простить, разумеется, не могу и предлагаю два варианта решения проблемы: вы либо выполняете её желание безо всяких договоров, либо...

— Либо я рассказываю свою версию событий, — перебил его Мар, не повышая голоса, — и вы даёте мне шанс остаться мужчиной, а не мудаком. Согласны?

— А вы действительно очень смелый, — подметил мужчина с опасной, леденящей интонацией. — На вашем месте другой прикусил бы язык и молча кивал.

— Но я такой, какой есть. Понимаю, что вы — уважаемый и авторитетный человек, но я, во-первых, вас не знаю, мы ранее не встречались, поэтому нет ни страха, ни предрассудков.

Во-вторых, вы, извините, даже не представились, а в-третьих, у каждого человека есть шанс оправдаться. В уголовном праве это называется презумпцией невиновности. Я прошу её не отнимать.

— Если бы я хотел её отнять, то пригласил бы вас не сюда, — по-змеиному улыбнулся собеседник Мара, разжевал положенный в рот кусок обеда и продолжил. — Обращайтесь ко мне Николай Иванович. Вам Олег потом расскажет, кто я такой, а пока я вас внимательно слушаю, Маркус. Только, пожалуйста, уложите ваши оправдания в пять минут, чтобы я не особо утомился.

— Легко, Николай Иванович, — с азартной улыбкой ответил адвокат и мельком посмотрел на часы. — Если чётко по делу, то я встретил вашу дочь в воскресенье, когда приезжал по делам и спускался в ресторан поужинать. Она навязчиво строила мне глазки, но я отказал ей во внимании и оплатил счёт в качестве извинений. Через какое-то время она поднялась ко мне в номер в одном тонком платье, — это можно проверить по камерам в коридоре, — она бросила его у порога и потащила меня в постель. Честно скажу, я с таким женским поведением сталкиваюсь каждый день, поэтому первая мысль у меня была, что это очередная, извините, обнаглевшая фанатка или заскучавшая эскортница. Она решила переспать со мной на своих правилах, но я и здесь отказал. Это нормально — не хотеть каких-то залётных детей и требовать гарантий. Вы со мной вряд ли не согласитесь. Я предложил Ксюше подписать бумагу об отсутствии каких-либо претензий и притязаний в надежде, что это её отпугнёт, и одной головной болью для меня станет меньше. Однако нет, она стала мне много писать, несмотря на то, что я принципиально не читал сообщения. В итоге сегодня утром Ксюша пришла снова, и я, понятное дело, вспылал. Мало того, что я был не один, у меня была назначена встреча, так ещё и проблем навалилось столько, что ваша дочь стала последней каплей. Иными словами, собирая всё это в кучу, я воспринял Ксюшу как надоедливую фанатку, которая ничего мне не объяснила, ничего не спросила и решила, что мной можно поиграть. Как куклой. А я куклой никогда не был и сорвался как обычный живой человек. Теперь вот сижу здесь и отчитываюсь за свои чувства. — Мар в этот раз демонстративно сдвинул рукава пиджака и рубашки на правой руке и взглянул на часы. — Две минуты, Николай Иванович. Как и просили. Хотя, простите, кое-что забыл. Ваша дочь мне так и не ответила на вопрос, почему она выбрала именно меня для такой... скажем так, авантюры. Может, вы сможете разобраться?

Мужчина промолчал. Он спокойно доел то, что осталось на тарелке, сложил на неё приборы и достал из внутреннего кармана пиджака телефон.

— Вы мудак, Маркус, — вздохнул он, — но мудак в том, что не касается моей дочери. Она действительно бестактна и напориста в своих желаниях, но раз уж мы честны друг перед другом, давайте я вам кое-что покажу. — Николай Иванович разблокировал экран мобильного и начал что-то сосредоточенно листать. — Так получилось, что моя Ксюша с юности влюблена в своего двоюродного дядю. Влюблена причём беспamięтно, и вытравить это из юной девичей головы не получилось ни у меня, ни у моей жены. С парнями она встречалась и разбегалась, потому что Сашу никто переплюнуть не мог ни умом, ни красотой, а вы так на него похожи, что я думал, она с ума сойдёт. Мы очень долгое время жили в другой стране, поэтому несколько лет Ксюша буквально молилась на распечатки с вами, а тут две недели как вернулись, и вот результат. Посмотрите. — Собеседник протянул Мару телефон, и тот настороженно взял его в руки. — Фотография, конечно, не новая, там Саше ещё сорока не было, но вы с ним почти одно лицо.

Адвокат снял очки, положив их на край стола. Кадр на экране был неровным сканом с потрёпанной бумажной фотографии, сделанной на полароид; петербургский двор-колодец, на заднем фоне коридор из арок, и в центре красавец мужчина, который улыбался в камеру, сидя на капоте новой иномарки. Почти копия Мара, как и сказал Николай Иванович.

Белов машинально выдохнул до упора, а вдохнуть не смог — дыхание пережало жестким мышечным спазмом.

— Маркус?..

«Это что, блядь, шутка?..»

Он не понял, сколько прошло времени, но почувствовал, что у него забрали из рук телефон и заставили выпить воды. Буквально глотнуть пару раз, чтобы тело переключилось и вернуло способность дышать — через силу, с хрипом, с натугой и страшной болью.

— Простите, — выцедил Мар, не поднимая ресниц. Он с опущенной головой и закрытыми глазами попытался унять бесконтрольную дрожь, и Николай Иванович обеспокоенно предложил:

— Давайте я отвезу вас к врачу.

— Не нужно. Я справлюсь сам.

Адвокат с горем пополам выровнял дыхательный ритм, нацепил привычную деловую маску и посмотрел на мужчину тяжёлым пронзительным взглядом.

— Человека с фото я бы лично закопал сейчас. Мне было восемь, когда он бросил мою мать. У неё в альбоме хранилась точно такая же фотография, но я её где-то посеял, когда мы с Яром переезжали. — Он улыбнулся, и Николай Иванович поёжился от его неадекватного для ситуации изгиба губ. — Получается, я могу вашей дочери теперь официально отказать, потому что я даже в сопля пьяным спать с сестрой не буду. Ну больше не буду.

«В моей копилке блядских подвигов только инцеста и не хватало. Апгрейд, нахуй. Дно. Ниже падать некуда».

Мар начал хихикать. Одиночные смешки быстро переросли в безудержный истерический смех, и когда Николай Иванович вновь поднялся, чтобы потрясти адвоката за плечи и привести в чувство, Белов так же стремительно в его руках скатился в бесстыдный отчаянный плач. На какую-то пару минут — чтобы, как всегда, на пике бури, запрокинув голову, чудовищным волевым усилием подавить всякие эмоции, проглотить их, вытереть салфеткой глаза и надеть очки.

— Я прошу прощения за эту клоунаду, — сказал он так, будто в горло засыпали песок. — На меня действительно в последнюю неделю много чего свалилось, поэтому я слегка не в себе. Честно говоря, разговор хотелось бы на этом закончить, если вы не против.

— Конечно, — согласился Николай Иванович. — Олег отвезёт вас в отель и оставит мою визитку.

— Спасибо.

Мар попрощался с отцом Ксюши, вышел на улицу и взялся за шею в очередном приступе удушья.

«Когда поедешь за братом в клинику, сделай вид, что тебе нормально, а то вместо отеля опять будешь ночевать в палате».

Он неустойчивым шагом двинулся к машине, на которой его сюда привезли, и на заднем сидении взялся безостановочно курить, лишь бы не всплывало пока больше перед глазами отцовское лицо.

Глава 44. Зависть

Я сел в корпоративную машину брата и чётким обыденным движением пристегнул ремень.

— Наконец-то домой.

Мар никак не отреагировал. Он молча замер с остекленевшим немигающим взглядом в окно и правой рукой на руле — как манекен, разве что при дыхании шевелилась грудь.

— Мар, — окликнул я его. Старший Белов слегка дёрнулся и повернул ко мне голову.

— Что?

— Будешь так залипать, я тебя выгоню с водительского места. Поедешь тут. — Я постучал сбоку по креслу, которое занял.

— Ага, а потом ты заплатишь бешеный штраф за вождение без доверенности.

— Окей. Я положу тебе его в карман и сам же его оттуда достану как моральную компенсацию за мошенничество.

— Хрена се заявления, — улыбнулся брат, задрав брови. — Кто-то начал разбираться в законах?

— Да нет. Повезло, что я знаю конкретно этот. — Я кивнул в сторону лобового стекла. — Поехали уже, я домой хочу.

С усмешкой Мар лениво откинулся на спинку водительского кресла, включил передачу и одним пальцем вырулил на полосу. Я ничего на это не сказал, но так выразительно вздохнул, что брат недовольно цокнул языком и взялся за обод двумя руками.

«Да блядь, что его вечно штормит из одной крайности в другую?»

Мар этим виртуозно раздражал уже лет двадцать. Начиная с раннего переходного возраста жил на двух полюсах одновременно, мог из одного состояния за секунды переключиться в диаметрально противоположное, расплакаться и следом рассмеяться, выкрутить эмоции и смыслы на максимум. Получить упрёк в агрессивности и выдать поведение настолько приторное, чтобы оно въелось в подкорки и вызвало стойкий рвотный рефлекс.

— Очнись, — тронул я его за рукав пальто, когда мы затормозили на светофоре. Мар опять уставился прямо перед собой пустыми невидящими глазами, и мой голос поправил на отрешённом лице непринуждённо-беззаботный «фильтр».

— Я не угроблю нас, расслабься.

— А я и не напряжён, в отличие от тебя. В чём дело?

— Ни в чём, Яр, всё как обычно, — хмуро глянул на меня брат. — Я уже в Москве одной ногой. И всеми мыслями тоже. Там без меня какая-то херня происходит, так что я вместо понедельника срочно возвращаюсь завтра.

— И ты, конечно же, не расскажешь, какая именно херня там творится.

— Ну, почему же... — нехорошо улыбнулся Мар. — Могу завесу тайны слегка приоткрыть, раз уж тебе тоже так приспичило в моей жизни покопаться. — Он шмыгнув носом и посмотрел в зеркала, чтобы перестроиться. — Что у меня там из самого весёлого... А, комитетовский следак, которому ради звания надо посадить Костю. И заодно меня — лет так на пятнадцать при хорошем раскладе. Ещё надо Косте приехать в таблю прописать за то, что Асю до слёз довёл. Уж чего-чего, а в обиду я её даже собственному мужу не дам. И-и-и... Наверное, зашлифую тем, что я утром сорвался на одну девчонку, и меня за это чуть не подстрелили. Вот такие дела. Удовлетворил твоё любопытство?

Я глубоко медленно вдохнул и выдохнул через рот.

— Пока да, но я не понимаю, почему ты всё это с такой издёвкой мне говоришь. Я же не Костя. Не левый человек. Я хочу понимать, что с тобой происходит, потому что у меня больше никого, кроме тебя, нет. Случись что, а я даже не знаю, что делать.

— А ты ничего и не сделаешь, — развёл кистями рук старший Белов, не отрывая их от руля. — Я уже объяснял это. У меня такие проблемы, что у тебя никаких ресурсов не хватит их решить. А если ты с головой полезешь в мою жизнь и мои дела, то уже у меня не хватит ресурсов. Я просто не вытащу тебя из дерьма, в которое ты по незнанке вляпаешься. Запомни это уже, наконец, и не беси.

Я раскрыл было рот в возмущении, но лишь клацнул зубами и отвернулся к ветровому стеклу.

— И назло мне тоже не делай, ладно? — устало добавил Мар. — А то я прям жопой чую твои протестные задние мысли.

— Чуйка у тебя бракованная, — пониженным тоном проговорил я, не поворачиваясь к брату. — Когда в следующий раз к своему терапевту пойдёшь, попроси, чтобы починил.

— Какой же ты, сука, дерзкий стал, — оскалился старший, яростно крутанув руль. Меня ударило плечом о дверь, но я стерпел и фыркнул:

— Так весь в тебя. Ты же меня воспитывал, вот с себя и спрашивай.

— Боже...

Остаток дороги мы провели в тягостном молчании. Брат на парковке у дома заглушил двигатель; я мельком посмотрел налево вниз, отщёлкнул ремень и озадаченно поднял голову, заметив, что Мар почти нажал на красную кнопку замка, но убрал с неё палец и сдвинул руку на селектор.

— Ты не идёшь?

— Я хочу покурить.

— Смотря что.

Брат вынул из бардачка наполовину пустую пачку «Charman Red» и серую, металлическую, зажигалку «Zippo».

— Ну, да, — кивнул я, — с этим я тебя домой не пущу.

— Ты можешь не ждать. Я докурю и поднимусь.

— Да не, я с тобой постою. У меня же тоже чуйка, — не сдержал я краткого смешка, — вдруг сейчас я уйду, а ты — в тачку, и по газам.

Старший прыснул в ответ.

— Дурак, блядь. Я вообще-то никогда так не делал.

Я без слов театрально развёл руками. Мы выбрались на улицу из душного салона; Мар присел на капот, выбил одну сигарету из пачки и звякнул зажигалкой. Запахло терпким табачным дымом вперемешку с вишнёвыми нотами.

— Дай мне свою «электронку», — попросил я, встав на расстоянии пары шагов от старшего. Брат выпустил через нос густое сизое облако и взглянул на меня с настороженным прищуром.

— Нахрена?

— Хочу попробовать. Хотя бы раз в жизни затянуться, а то все вокруг с таким удовольствием эти «дудки» посасывают, а я как отшибленный какой-то на их фоне.

— Ты хочешь стать бараном из стада? Я полжизни уже курю, — продолжил он, не дав мне сказать, — потому что в юности братва втянула в это. А теперь никак не могу бросить. Сколько лет пытаюсь, и бесполезно. Хочешь так же? Я, между прочим, свою «электронку» на той неделе в окно запустил. Думал, поможет. А ни хера.

— Мар, я с одной затяжки заядлым курильщиком не стану. Не хочешь — не давай, я попрошу кого-нибудь другого. Делов-то.

Мар отвернулся с беззвучной руганью, втянул дым ещё в несколько нервных подходов и отдал мне лежавший во внутреннем кармане пальто «боксмод».

— Вот даже предупреждать ни о чём не буду, — проговорил он, едва открывая рот. Я с интересом покрутил в руках чёрный девайс, нажал на кнопку, сделал пробный вдох, и старший громко расхохотался, когда я в безумном кашле чуть не задохнулся.

— Понравилось? — уточнил он, бросил под ноги фильтр от докуренной сигареты и забрал у меня «электронку». Я активно замотал головой, не в состоянии отвечать. Горло как будто кошки ободрали; фруктовое послевкусие сгладило эффект, но кашель до тошноты отбил всякое желание хоть когда-либо это повторить.

Мы неспешно поднялись в квартиру. Я сразу всучил брату вешалку, чтобы он по привычке не оставил пальто у порога на полу, свой плащ повесил рядом и предложил кофе.

— Ты в прошлый раз его так и не попил со мной.

— Я выпил его в кофейне сегодня. Бурда, если честно. Там от кофе одно название, чисто бабки за накачанное сахаром молоко.

Мар положил пиджак на подлокотник дивана и сел с этой же стороны, закинув ногу на ногу. Я между тем налил себе любимый ванильный латте, с кружкой остановился перед братом и задумчиво уставился на его до конца застёгнутую рубашку.

«А если я тоже поднакачаюсь, мне нормально будет или не очень?»

— Что? — спросил Мар, поправив галстук.

— Ты можешь раздеться?

Гость аж подавился, и его зрачки мгновенно расширились до предела.

— Не догола, — успокоил я, понимая, как отвратительно прозвучала разорванная мысль. — До пояса только. Ты в разговоре вчера так свои телеса засветил, что я хочу на это нормально посмотреть.

— И позавидовать? — закусил губу старший.

— И позавидовать, да. Сука.

Брат запрокинул голову, смеясь. Я, пойманный на жгучем чувстве, внимательно проследил, хлебнув кофе, как старший плавно поднялся на ноги, слегка потянул галстук за хитро-мудрёный узел и облизнул губы.

— Раздеться, значит... — Он убрал руки в карманы брюк. — Ну, раз тебе так это надо, сам и раздевай.

Я испытал испанский стыд. Пришла моя очередь беззвучно материться.

«Как ты меня своими провокациями заебал».

Кружка отправилась на барную стойку; я поставил её с нечаянным грохотом, чуть не расплескав содержимое, чеканно подошёл к Мару и крепко перехватил петлю галстука у самого горла.

— В свои блядские игры сам играй, окей? Без меня.

Я отпустил брата, слегка оттолкнув, и принялся дальше поглощать молочно-ванильное успокоительное. Старший не ответил, но блуждающая улыбка на его губах так и подмывала стереть её чётким ударом в лицо.

Мар избавился от одежды выше ремня и расставил руки, точно для широких объятий.

— Пожалуйста. Рассматривай, сколько влезет. Только штангу не трогай, а то у меня реакция на это своеобразная.

— Ага. Эрекция, ты хотел сказать. — Я допил остатки кофе и поставил кружку в раковину. — Я и глазами спокойно потрогаю, так что... Расслабься.

Брат со стоном закатил глаза от моего колкого подражания.

— Ты такую боль по приколу терпел, — спросил я, кивнув на прокол, — или как?

— Я спор проиграл. Мастер думал, я у него на кушетке отъеду нахрен, но ничего, зажило. Зато девчонки теперь пищат от восторга, когда играют, потому что чувствительность просто космическая.

— Звучит интригующе.

— Закатай. У тебя низкий болевой порог, — напомнил Мар.

— Анестезия в помощь, но на твоё счастье такое мне не интересно.

Я развернул брата лицом к свету, чтобы рассмотреть ажурную татуировку под грудью. Она очертаниями напоминала парящую птицу. Глубоко в раздумьях не удержался, чуть наклонился и коснулся пальцем «крыла»; мышцы брата мгновенно напряглись, и я отдернул руку, услышав над головой порывистый вздох.

— У тебя настолько чувствительное тело?

— Да, — приглушённо сказал Мар. — Я поэтому ненавижу лето, когда нет возможности плотно одеться.

Я понимающе покивал и велел повернуться спиной. Масштабная красочная картина меня впечатлила и надолго приковала к себе внимание проработкой деталей. Внутри чёрной плесенью разрослась тоска; навязанная братом жизнь уничтожила мечты о рисунках на коже, и набросок в стиле «трайбл» отправился в мусор ещё во время работы в найме.

«За восемь лет в Москве ты превратился в модель с обложки, а я настолько поддался твоим манипуляциям, что даже не заметил, что ты запретил мне только лезть к «теневикам». Во всём остальном я был абсолютно свободен. Во всём. Абсолютно».

Я похлопал Мара по плечу и ушёл мыть кружку. Когда закончил, старший уже оделся — под моим оценивающим взглядом он одёрнул пиджак и пригладил волосы.

— Во сколько завтра уедешь?

— В девять. Кстати, — щёлкнул пальцами брат, — Ася хотела с тобой познакомиться. Она приезжала буквально позавчера, но так как ты лежал в клинике, я не стал её к тебе везти.

— Я приеду сам. Могу даже завтра, потому что я всем клиентам сказал, что буду лечиться до понедельника. Да, — добавил я, вспомнив, — спасибо, что предупредил их. Я, правда, не ожидал, что ты им честно назовёшь причину, по которой я валяюсь в палате.

— Я посчитал это необходимым. — Старший достал телефон и начал в нём что-то набирать. — Ты если реально собрался в Москву, давай я куплю билет и оплачу отель.

— Давай. А что отель? Слабо к себе пригласить? — Я сказал это добродушно, без намёка на язву.

— Не слабо ни разу, но, Яр, ты в моей квартире и часа не выдержишь. У меня там своя атмосфера, и непривычному человеку в ней очень тяжело.

— Своди в гости на час. Как раз и проверим, выдержи или нет.

— Хорошо, но в отель всё равно поедешь, потому что ещё, помимо атмосферы, у меня в квартире стоят камеры. Я не хочу, чтобы Костя наблюдал за нами.

«Ни хрена себе контроль. Это уже рабством пахнет».

— И тебе нормально вот так под наблюдением жить?

— Мне — да. Это моя безопасность в первую очередь. Но если на себя я позволяю вот так смотреть, то твоя жизнь должна быть для чужих недосягаемой. Поэтому я показать покажу, но выпровожу быстро.

— Окей. Договорились.

Мне пришло оповещение на телефон. Я разблокировал экран и увидел входящее письмо от Мара с билетом на «Сапсан» — на то же время, что и у него — и бронью в отеле «Mercure» на Павелецкой.

— С возвратом? — уточнил я. Брат взглянул на меня исподлобья как на идиота.

— Подарок. — Он быстро глянул на часы. — Так, всё, я тебя довёз, вроде ничего не забыл сказать из того, что хотел... Поеду тогда.

Я махнул рукой в выпроваживающем жесте.

— Утром тоже заедешь, или мне на такси?

— На такси, — произнёс Мар, надевая пальто в прихожей. — Я вызову на твой адрес, потому что мне до вокзала три шага.

— Как скажешь.

Гость отправился за порог.

— Спасибо.

Тот поднял руку на прощание, не оборачиваясь. Я проводил его долгим взглядом в окно; пока машина выворачивала на проспект, растёкшаяся тоска сжала мне грудь изнутри ещё сильнее, я коснулся пальцами того же соска, где у брата была серьга, и с досадой шумно выдохнул.

Глава 45. Семейный конфликт

Костя помыл посуду после обеда, который провёл на кухне в одиночестве, и поднялся в кабинет. Минут через сорок он услышал на первом этаже счастливый голос Аси, громкий шорох упаковочной плёнки и пробравший до кончиков пальцев низкий бархатный тембр.

«Сука... Тебя ещё нахера принесло?»

Он вышел за дверь и опёрся локтями на поручень на втором этаже. На глаза ему сразу попался шикарный букет из персиковых хризантем, — жена суетилась, искала, куда их поставить, — и Костя внутренне сжался от смеси ревности и возмущения.

— С чего такой жест внимания? — спросил он, очень старательно удержав голос в рамках сделанного спокойствия.

— Это компенсация за вчерашнее, — отозвался Мар, не поворачиваясь к Матвееву. Гость продолжил с душевной улыбкой наблюдать за радостными хлопотами Аси, подхватил букет, как только она налила воды, и вместе с подругой они бережно поставили цветы в высокую хрустальную вазу.

— Как они пахнут! — восхитилась девушка, вдохнув нежный аромат. — Знаешь, как... — Она задумалась и стала крутить кистями рук в воздухе. — Как медовая трава.

— Да, — легонько засмеялся гость. — Я уже нанюхался по пути сюда.

— Ма-а-ар... — протянула Ася, склонила голову набок и с широко расставленными руками шагнула к адвокату. — Спасибо.

Матвеев скрипнул зубами от того, как его жена крепко прижалась к юристу, и тот обнял её, коснувшись губами пшеничной макушки.

— Асенька, дорогая, ну что ты... — Мар погладил её по волосам. Костя заметил, как адвокат на мгновение растерялся перед этим, потому что девушка сцепила пальцы в жёсткий замок у него за спиной и отвернула голову от лестницы. — Rilassati, sono vicino*.

Ася подняла на него широко раскрытые глаза, опустила высоко задранные плечи и следом притёрлась к груди, как кошка, — скользнула виском по галстуку и рубашке и вновь оказалась к мужу затылком.

«Не понял, — опешил Костя, распрямившись. — Это что ещё за прикол?»

— Эй, — обратился он к адвокату, — это ты сейчас на каком языке разговаривал?

— На самом красивом, — отчеканил тот и перевёл на Костю резкий вызывающий взгляд исподлобья. — Тебе совсем, что ли, мозги отшибло? Ты нахрена её так напугал?

— А я не знаю, чего она испугалась, — выплюнул Матвеев и двинулся вниз по лестнице. — Мы десять лет в браке. Я столько раз выходил из себя и при ней, и при сыне, но почему-то именно вчера у неё там что-то в голове перещёлкнуло. Ась, может, не надо тут перед Маром такую сцену устраивать? — Он не дошёл до жены и юриста несколько шагов и положил руку на барную стойку. — Ты можешь не отпускать своего рыцаря. Только повернись и посмотри мне в глаза. Я ведь тебе вчера чётко проговорил, что я могу быть распоследней мразью для кого угодно, даже для Мара, но не для тебя. Я ушёл спать на кухню, чтобы ты поспала спокойно. Я пожертвовал своим комфортом, своими желаниями, потому что мне дорого то, что ты чувствуешь. Да, наплевать на то, что чувствую я, переживу как-нибудь. Но ты теперь стоишь и держишься двумя руками за другого мужчину, как будто я не ебаться какой абызюер. А я всего-то хотел узнать, какого чёрта в моей жизни происходит, раз важные вещи мне доносят через вот такие встречи.

Костя обвёл указательным пальцем место на лице, где синяки ещё были сильно заметными. Девушка неохотно развернула к нему голову и посмотрела так измождённо, что Матвеев и внешне, и внутренне весь обмяк.

— Я раньше не боялась, потому что твои срывы меня не касались. А здесь виновата я, и это совсем другие условия. И реакции другие.

— Так давай нормально обсудим эти условия. В присутствии адвоката, блядь, — качнулся Костя в сторону супруги. — Хоть как-нибудь, но чтобы я не чувствовал, что у меня жизнь рушится на корню. Мар!

— Я не против, — сказал Белов. — Ася?

Девушка нерешительно взглянула на друга и кивнула.

— Прекрасно, — истерически выдал Матвеев и небрежно махнул рукой куда-то вверх. — Тут или в кабинете?

— Давай тут, — обозначил Мар и посадил Асю на диван, встав между ней и Костей. — Серёжа где?

— Угадай.

— С Софией, я понял. Поставь, пожалуйста, чайник, — тактично распорядился Белов, отодвинул журнальный столик и водрузил стул на его место.

— Зачем? — не понял Костя, наблюдая за движениями юриста.

— Чаю заварим, чтобы руки были заняты, и никто из нас их не распустил. — Белов уселся на подготовленное место и забросил ногу на ногу. — Или ты про стул?

— Да, — отозвался Матвеев. Он максимально заполнил чайник водой и нажал на кнопку.

— Я третейский судья. С этой позиции легко всё увидеть, услышать и пресечь любое посягательство на жизнь и безопасность, к тому же я не вправе в конфликте разделять собой мужа и жену. Во-первых, это неудобно для всех, а во-вторых, не этично.

— А обнимать мою жену, как будто она твоя любовница, это этично?

— Костя! — не выдержала Ася, и Белов оборвал её стремительный шаг.

— Не надо!

— Да ладно, пусти, — нервно, порывисто засмеялся Матвеев. — Пусть зарядит свою пощёчину для успокоения.

— Кость, закройся, — процедил адвокат сквозь зубы. — *Per favore***, — выразительно попросил он девушку и взял её за плечи, посмотрев в глаза. — Не провоцируй. Он и так на взводе, а ты усложняешь мне работу. Присядь пока.

Девушка раздражённо вырвалась из рук Белова и вернулась на диван.

«А что мне ещё думать, когда ты называешь её «дорогая», даришь такие букеты и разговариваешь на каком-то шифре, который она понимает, а я нет?»

Мар отвлёкся на телефон, окунулся в переписки всем существом и не обратил внимания на громкое бульканье. Чайник щёлкнул. Ася заварку сделала сама, разлила по кружкам и первую вручила адвокату. Вторую взяла себе; Костя невольно подумал, что ему такой заботы, как Белову, не достанется, но девушка также принесла ему чай, только равнодушно — поставила мимоходом и села на диван по левую руку друга.

— План такой, — сказал адвокат, когда Матвеевы разместились по обе стороны от него. — Начинает Костя как пострадавшая сторона. Потом Ася. Потом я даю комментарии, объясняю смыслы и ориентирую по дальнейшим действиям. Устраивает?

— Мне прям как есть говорить? — с тревогой уточнила девушка.

— Да, в том порядке, какой мы с тобой обсуждали. Я, если что, подхвачу, не переживай.

«О, блядь. Как это он без своего коронного обошёл?»

— Начинать? — осведомился Матвеев, и Мар кивнул. Распалённый Костя выложил всё — начиная с момента, как его заблокировали в проезде между набережной и проспектом, и заканчивая беседой с Софией. Ася пристыженно отвернулась; её мужа Белов останавливать не стал, дослушал до конца, хотя по ходу рассказа резко вдохнул и прикрыл пальцами губы.

— Тебе там София Михайловна случайно тайком не пишет? — издевательским тоном поинтересовался Костя.

— Если бы написывала, я бы эту проблему решил намного раньше. Но вы тоже молодцы, конечно. София столько лет делает меня камнем преткновения в вашей семье, а я узнаю об этом только сейчас. Вы оба — моральные мазохисты, что ли, я не пойму?

— Да неловко было о таком говорить, — пролепетала девушка. — Это личные заскоки моей мамы. У неё там свои представления об идеальных мужчинах для меня, поэтому я просто терпела и вообще думала, что, кроме меня, она больше никого не достает.

— Ха, наивная, — отозвался Костя. — Она же меня ненавидит с тех пор, как мы начали встречаться. Десять лет, Ась. До сих пор на «вы», с презрением и упрёками. А потом она спрашивает, почему я такой агрессивный и ревнивый. Да потому что она заебала насаждать эту идею и постоянно сравнивать меня с другим мужчиной, с которым вообще сравнивать бессмысленно. Я для неё столько всего сделал, что не пересчитать, но как ни стараюсь, она всё смотрит в его сторону. — Он указал пальцем на адвоката. — Ей нужен красивый, обходительный, не бандит, блядь, а то, что Мар — та ещё пидорасина, ещё хуже, чем я, шлюха ебаная, это её не волнует. И вот даже не пытайтесь убедить меня, что она об этом не знает.

— Я разберусь, — припечатал Белов, опять не дав Асе в гневе кинуться на мужа. — Давай, Ась, твоя очередь.

— Ты разберёшься, да, — съязвил Костя.

— Да, — без эмоций произнёс Мар и жестом показал Матвееву, чтобы он рот закрыл. — Жену послушай сейчас внимательно. Она согласилась не пользоваться своим правом молчания, поэтому будь так добр, не превращай наши переговоры в базар.

Костя шумно вздохнул и отвернулся, принявшись лихорадочно перебирать пальцами, выкручивать их и кусать губы изнутри. Ася робко начала говорить; она рассказала, что некоторые «теневые» клиенты проявили к ней деловой интерес, потому что столько лет удерживать отношения с мужем, у которого крайне переменчивое настроение, — это чистая дипломатия. С парой из них девушка встретила лично — с теми, кто был настойчив и не понимал с первого раза. Пришлось объяснять другим языком, более жёстким и бескомпромиссным, но она не думала, что в ответ на её отпор заденут Костю.

— Почему не сказала об этом? — прорычал Матвеев, сурово глянув на жену.

— Потому что страшно было.

— То есть, мне признаться страшно, а Мару выложила как на духу?

— Он адвокат, Кость. Он как третья независимая сторона, и я доверилась ему, потому что это часть его работы.

— Зашибись...

— Костя, давай я тут кое-что дополню, — ровно проговорил Белов, забрал у Аси пустую кружку и отнёс посуду в раковину. Затем вернулся на место. — Мы с тобой оба знаем, что Ася в бизнесе не шарит и не знает, кому, как и что говорить. В общении с клиентами она защитилась, как смогла, и упрекать её в последствиях неправильно. Понимаешь? При этом к тебе у меня вполне закономерный вопрос: где была твоя охрана, когда тебя били? Она должна быть при тебе до момента, пока ты не зайдёшь в квартиру, а ты, я так понимаю, опять всех отпустил.

— Мар, а может, ты перестанешь делать из меня идиота? — криво улыбнулся Костя и свою кружку поставил у ножки дивана. — Если моя жена окажется прекрасной бизнесвумен, я не буду рвать и метать. Я наоборот стану беречь её больше, чем сейчас, потому что она мне очень дорога. Но, понимаешь, у меня ведь тоже не одна извилина между ушами. Я вижу, что у меня «теневые» клиенты все как под копирку с одинаковой реакцией на разное моё состояние. Их как будто заранее учат не реагировать, и кто так может сделать? Только грамотный дипломат. А она, — Костя кивнул в сторону Аси, — сама сказала, что клиенты цепанули её за вот эту самую дипломатию.

— Ты и есть идиот, — вздохнул Мар. — Я из тебя его не делаю. Ты вбил себе в голову сказанное вчера и, походу, забыл, что всеми твоими клиентами занимаюсь я, а не Ася. Я с ними

разговариваю, я их готовлю к переговорам и трачу на исправление твоих косяков херову тучу времени. Я бегаю за клиентами каждый раз и уговариваю их не горячиться, а тебе нассали в уши, потому что просекли твою слабость. Включи критическое мышление, Костя. Ася у нас максимум приманка, а ты навешал на неё чёрт те что, и она из-за тебя рыдала полночи. Я как узнал об этом, пожалел, что не в Москве нахожусь, а так бы добавил тебе синяков за такое поведение.

— А давай, — завёлся Костя. — Добавляй. Мало брата избил, и меня давай заодно.

— Остынь, — понизил тон адвокат, но Матвеев поднялся на ноги, и Мар пружинисто распрямился вслед за ним. Расстояние между мужчинами стремительно сократилось; Костя молниеносно вскинул руку, быстрее, чем адвокат уклонился, и сжал тому горло.

— Костя! — испуганно вскрикнула Ася, но муж откровенно зарычал на неё:

— Не лезь!

«А вот и твоя слабость, да, Мар?»

Белов перехватил его запястье всеми пальцами и словно одеревенел. Матвеев яростно швырнул гостя обратно на стул, как безвольную куклу, поймал за галстук, чтобы Мар по инерции не опрокинулся, и хорошенько замахнулся.

Ася пронзительно завизжала. Белов от этого пришёл в себя и метнулся из-под удара, слегка задетый по плечу. Он забежал за спинку дивана, вцепился в неё левой рукой и зашёлся в запоздалом кашле, согнувшись напололам.

— Господи, Мар! — сорвалась к нему девушка, вместе с ним аккуратно опустилась на пол, и Костя услышал её всхлипывающий голос. — Дыши, дыши, дорогой, дыши...

Костя со всей закипевшей внутри яростью врезал по металлической трубе, растянутой через барную стойку от пола до потолка. Повреждённую правую кисть охватила резкая острая боль, и пальцы перестали разгибаться.

— Не надо крушить дом, — с хрипотой сказал адвокат. Ася помогла ему встать, и Костя устался на них, морально раздавленный происходящим. — Он не виноват, что у тебя проблемы с гневом.

— Шёл бы ты нахер, — опустошённо проговорил Матвеев. — У меня столько лет было всё хорошо, а тут за неделю вся жизнь как будто пиздой накрылась.

— Да? А ты думаешь, у меня всё гладко? — Мар подошёл к мужчине очень близко, и Костя предельно напрягся, вспомнив гипнотический вечер понедельника. — Знаешь, — сказал адвокат очень тихо и надрывно, не глядя в глаза, — ты со своими проблемами в семье и тупой завистью просто везунчик. А я после всего, что со мной за неделю случилось, готов намотаться на ближайший столб. — Он шмыгнул носом и поднял на Костю остекленевший взгляд. — На твоё счастье, мне реально нужно идти. Ты можешь гарантировать, что Ася будет в порядке?

«Вот только ещё некролога о тебе не хватало...»

— Я клянусь, что она будет в порядке, — твёрдо произнёс Матвеев, и Белов с натянутой улыбкой молча похлопал его по груди. Ася проводила гостя за порог; Костя встал у окна, проследил, как адвокат уехал на такси, и с чувством искреннего беспокойства, перебившего собой всё ещё бурливший в венах гнев, уронил ему пару знакомых ребят на «хвост».

Он Белову завидовал, злился и страшно ревновал, хотел закопать его улетевшее в космос эго, срывался, не мог затормозить, когда несло, как сегодня; по воле обстоятельств это всё лишь обострилось в минувшую неделю, заставило принять изнанку отношений с адвокатом, но как бы Костю ни штормило, признания в мыслях о суициде он не ожидал. Мужчину это моментально отрезвило; такого до глубины замороженного взгляда он никогда у Мара не видел, мысли завертелись в поисках решения, и тут Костю осенило: камеры! Четыре «глаза» по всему периметру адвокатской студии. Самый лёгкий способ узнать о жизни Белова, не спрашивая напрямую.

«Как я забыл?»

Матвеев почти бегом добрался до кабинета и с ноутбука подключился к архиву видеозаписей.

* Расслабься, я рядом (итал.)

**Пожалуйста (итал.)

Глава 46. Даша

— Дашка, я дома!

Паша разулся и повесил куртку на крючок в прихожей. Девушка к нему не вышла. Паша прогулялся до гостиной, заглянул на кухню и нашёл её в маленькой комнате — Даша в одних кружевных шортиках лежала на животе поперёк кровати, болтала ногами и что-то увлечённо слушала через наушники, с улыбкой глядя в телефон.

Увидев парня, она тут же бросила мобильный на простыню экраном вниз, убрала в чехол «эйрподсы» и повисла у любимого на шее.

— Привет!

— Привет. Как ты тут без меня? — спросил он горячим полусшёпотом и несильно прижал к себе обнажённое спортивное тело.

— Не очень, — грустным голосом поделилась Даша. — Днём ещё ничего, а к ночи совсем одиноко. Хоть вой.

— Ну и вой, если это поможет. Ты подумала над моим предложением?

— Да-а-а. — Девушка мягко высвободилась из объятий Паши и вновь упала на кровать. — Я решила не оставлять квартиру совсем без присмотра, поэтому переезжать не буду. Мне там и район не очень нравится. А вот на ночёвки я согласна. Как раз верну себе золотую скидку на такси. — Она откинула за плечи тёмные прямые волосы, гладкие и блестящие после дорогого ухода. — Ты ко мне надолго сегодня?

— А как ты хочешь? — Паша снял водолазку и швырнул её на край постели, оставшись в тонкой футболке. — Сегодня я своей клиентке не нужен, так что могу и на ночь остаться.

— Я хочу, чтобы ты остался на все выходные, — промурлыкала Даша и протянула к парню изящные руки.

— Легко.

Он забрался к ней на кровать, и Даша скользнула подушечками пальцев по рельефным плечам; она втянула парня в жадный поцелуй, ноготками царапнула кожу на груди под футболкой и стащила её сама, положив рядом на соседнюю подушку.

«Я бы остался с тобой на всю жизнь, но твоя мама терпит меня, пока ты молода. Как будешь постарше, она увидит, что я в бизнесе папаши никак не участвую, и всё. Кончится наша любовь».

Девушка под его напором откинулась на спину. Паша легонько сжал аккуратную небольшую грудь, и Даша завлекательно провела ногой по его бедру от колена до пояса. Маленькая комната наполнилась порывистым шёпотом, сдержанными стонами, нетерпеливым дыханием и ритмичным шорохом. Парень выключил голову и целиком растворился в процессе, наслаждаясь мысленной пустотой и мощной чувственной отдачей.

— Люблю тебя, Дашка...

Та не ответила, поглощённая темпом и волнами ярких ощущений. Паша ей залюбовался; ему досталась девушка с эффектной внешностью — подтянутая, высокая, зеленоглазая, очень гибкая и подвижная. Доводить её до экстаза — одно сплошное бесконечное удовольствие, и парень заурчал от протяжного грудного стоны, крепко прижав к себе любимую, охваченную крупной дрожью.

«Дашка... Лучшая моя девочка...»

Он догнал её чуть позже и, утомлённый, свалился рядом. Девушка тут же пристроилась головой у него на плече.

— Это так волшебно, — сказала она негромко, пропустив сосок парня между пальцами, — когда мы лежим, и тебе никуда не нужно бежать.

— Знаю, малышка. Ты в прошлый раз обиделась, да?

— Нет, но впечатление как-то смазалось.

— Ты говори, как есть, не бойся. — Паша всей рукой погрузился в густые тяжёлые волосы. — Я же знаю, что это выглядело, как будто я тебе на ходу присунул и побежал дальше.

— Ну да. Неприятно было.

— Прости, Дашка. Правда. Прости. Мужская физиология проще воспринимает такое, когда всё по-быстрому, а женской надо время. И я тебе его не дал.

— Не страшно. Ты же не специально так. Вот мы сколько встречаемся, — улыбнулась Даша после короткой паузы, — я до сих пор никак не могу привыкнуть к такому бережному отношению. Это как сон какой-то. Мечта...

— Если ты в этом сне счастлива, то я всё правильно делаю. В тебе весь мой мир, и мне важно не потерять его.

Даша приподнялась и вовлекла парня в искренний страстный поцелуй.

— Котик, я с тобой кайфую. Бросить мужика, с которым так хорошо, — это какой же душой надо быть?

Паша засмеялся тихо и светло.

«Ты не дура, милая, но если твои родители встанут в позу, мы ничего с этим не сделаем».

Они продолжили отдыхать в блаженной тишине. Парень заворожённо слушал, как Даша мерно дышит у него под боком, ласково перебирал её шелковистые пряди и медленно остывал после огненной близости. Мышцы предельно расслабились; в какой-то момент бесцельного созерцания глянцевого блика на потолке Паша закрыл глаза и проснулся один, заботливо укрытый одеялом.

«Уже ночь, что ли?»

Он отыскал телефон под джинсами на полу и нажал боковую кнопку. Часы показали начало шестого; фронтальная камера под ярким светом экрана мигом распознала черты лица, разблокировала дисплей, и Паша быстрым жестом опустил верхнюю панель, чтобы развернуть список уведомлений.

— О, как...

Сообщение в чате с агентством его взбудоражило. Руководство дало поправки к заданию, потому что сегодня буквально час назад за Маром отправили «хвост», и причина внезапной слежки заставила Пашу нахмуриться.

«Ну, спасибо, конечно, что вы услышали мой изначальный запрос, но в таких условиях он больше не нужен. Если Мара уже вот так кондратит, значит, Асю с ним оставлять небезопасно, и я в любом случае возьмусь за ним наблюдать. Мало ли, вдруг даже помогу, чтобы кукуха совсем не отлетела».

Он поднял голову на приглушённый звук воды из кухни. Натянув трусы и джинсы, парень вышел за дверь комнаты и двинулся на свет, как мотылёк, вдыхая по дороге аппетитный аромат.

— Ещё не готово, — сказала девушка, увидев Пашу на кухонном пороге. Охранник заметил, что любимая снова перевернула телефон чехлом наверх, как только он попал в её поле зрения, но ничего уточнять не стал.

— Могу помочь, если хочешь.

— Да нет, я уже основное закончила. Осталось только подождать, пока доварится. Минут пятнадцать, наверное. Но если ты голодный, давай я что-нибудь быстренько разогрею.

— Не надо, — мотнул головой Паша. — Я дождусь твоего шедевра.

— Да ладно, — рассмеялась девушка. — Какой шедевр... Обычный ужин. Паста, сыр и грибы. И сливки.

— Дашка, — трепетно отозвался парень и подошёл к ней ближе ради недолгих нежных объятий, — ты за два года так вкусно научилась готовить, что для меня теперь каждое твоё блюдо — это произведение искусства.

— Даже когда припалю случайно?

— Даже. Да. Это не косяк, а изюминка.

— Льсти-и-и-ишь, — лукаво протянула Даша, чмокнув парня в губы.

— Воодушевляю. Но готовишь ты правда очень хорошо. Это факт.

«Я готовлю намного лучше и умею делать всякую экзотику. Но если ты об этом узнаешь, мне будет стыдно».

Девушка выпорхнула из объятий, выключила варочную панель и разложила ужин поровну на большие белые тарелки. Сама не доела — много получилось, а Паша наоборот с жадностью проглотил всё до последней сливочной капли.

— Спасибо, — выдохнул он, откинулся на высокую спинку стула и сложил руки на животе. — Вот это я обожрался...

— Надеюсь, ты с новой клиенткой успеваешь нормально поесть? — осведомилась Даша, складывая остатки своей порции в маленький стеклянный контейнер.

— А то. И поесть, и кофе попить, и погулять успеваю. И по делам съездить. Но это я только шестой день работаю. Может, со временем что-то и поменяется. Пока не знаю. Пока вроде комфортно.

«Если меня не дёрнут раньше, со следующей недели работы может сильно прибавиться, и будет уже не так весело».

— Тогда ладно. — Даша убрала контейнер в холодильник. — Минус один повод для переживаний.

Паша улыбнулся. Пока девушка мыла и складывала посуду, он вернулся в комнату за телефоном и нашёл в списке уведомлений короткое сообщение от Белова.

«Я в Москве, — написал адвокат. — Костя не в себе, я тоже, поэтому будь на связи».

— Хорошо, что ты трезво оцениваешь своё состояние, — почти неслышно проговорил Паша и отписался Мару, что принял информацию к сведению. Даша подошла к нему со спины на цыпочках, думая, что, погружённый в дела и стоящий в темноте, он её не слышит, и Паша подыграл ей. Он с удивлённым возгласом натурально дрогнул от прикосновения; девушка вновь повисла у него на шее, стоило ему развернуться к ней лицом, и в долгом поцелуе парень спрятал мобильный в переднем кармане джинсов.

«Интересно, Мар, чем ты сейчас занят?»

Глава 47. Слепая зона

«Бронза, беж, вино и молоко. Надо ж было так...»

...точно попасть в мой кошмар наяву. Бесконечно повторяющийся во сне мотив, где у меня руки залиты кровью вместе с манжетами на белой рубашке, и я не могу отмыть её.

В душевой комнате золотая плитка на стене должна была по задумке дизайнера удивить роскошью, но вместо этого погрузила меня в давящее тревожное состояние. Всплыла перед глазами карикатурность элитных интерьеров из тяжёлых сновидений; чтобы хоть немного сбить навязчивое беспокойство, я подушки и покрывало — броский кровавый бархат — убрал за штору, а деревянный столик из красного дерева накрыл одним из халатов.

«Сейчас ещё одежду раскидаю и два дня как-нибудь потерплю».

Я забрал от порога небольшую дорожную сумку и вывалил её содержимое на кровать. Из получившейся кучи выудил прямые джинсы и футболку без надписей, бережно снял и повесил пепельно-серый деловой костюм на спинку стула, переоделся и тщательно растрепал уложенные молочно-кофейные волосы.

«Когда я последний раз носил чёрное? Лет двадцать назад?»

Это были школьные брюки, туфли, галстук и куртка. Светлый гардероб у меня появился уже в институте, и я к нему так привык, что сейчас, уставившись на себя в зеркало шкафа, поёжился.

«Я даже не понимаю, нравится мне или нет».

Вчера нравилось. После отъезда Мара я в тоске пошатался по дому, не выдержал и отправился в «Галерею» за новыми впечатлениями. Вернулся оттуда с полным пакетом обновок и джинсы с футболкой взял с собой в Москву, заранее понимая, что брат отнесётся к этому далеко не с восторгом.

— Чё за траур?

Я хмыкнул.

— Эксперимент.

Мар ожидаемо нахмурился; в прихожей он придирчиво рассмотрел меня со всех сторон, обошёл вокруг, чеканя шаг, и я недоумённо захлопал ресницами, когда он стянул очки со своей переносицы и закрепил их на моей.

— И как тебе? — вырвался у меня нервный смешок. Мар покривился.

— Не твоя форма.

Старший забрал имиджевый аксессуар и положил его в футляр, который достал из внутреннего кармана пальто.

— Ты в гости не передумал ехать?

— Ещё чего. Даже подготовился, видишь?

— Да вижу. А гнездо на башке — это тоже часть нового образа?

— Не, это чистый экспромт.

— Убери его нахрен. Я тебя в таком виде даже за порог номера не пушу, а нам через пол-Москвы ещё ехать.

Я рассмеялся, слегка запрокинув голову. От этого жеста брат выразительно вздохнул и уткнулся в телефон; он, одетый, обутый, в коридоре прижался спиной к стене и терпеливо подождал, пока я вымою волосы, высушу их феном и заново уложу растёртой между пальцами глиной.

— Очень странная на тебе цветовая гамма, — обозначил Мар, когда мы сели в его машину. Старшего смутил мой светло-серый плащ, накинутый поверх тотально чёрной базы.

— Как у тебя, только наоборот, — сказал я и пристегнулся. — Ты ещё скажи, что я плохо выгляжу.

— Непривычно. Я тебя и похвалить не могу, потому что я не понимаю, что чувствую, но и осудить тоже не могу, потому что образ на удивление хорошо смотрится.

Брат быстро глянул в зеркала и начал аккуратно выезжать с парковки возле отеля.

— Главное, что ты не злишься.

— Я не вижу смысла расстраиваться из-за шмоток. У меня и без этого хватает поводов злиться, так что можешь хоть героев «Матрицы» косплеить, мне похер.

Я, вздохнув, откинулся затылком на мягкий подголовник сидения.

— Раз уж мы заговорили о поводах, расскажи, как там Ася. Я помню, что ты собирался набить Косте морду, потому что он берега попутал.

— Он с катушек съехал из-за своей ревности, — раздражённо ответил Мар. — Я подруге букет цветов притащил, так она в меня после вчерашнего вцепилась и не отпускает. А Костю это выбесило. Мало он мне до тряски завидовал, так ещё я теперь для него прямой конкурент как мужчина. Зашибись вообще.

— И как вы не подрались?

— Ну как... — Старший машинально прикоснулся кончиками пальцев к шее. — Он меня чуть не задушил. Если бы Ася не закричала, я поехал бы не к тебе, а в травму.

— Ого, — удивился я, посмотрев на хмурого брата. — Она тебя спасла, получается.

— Да... Но теперь мне за неё страшно. Костя, конечно, бьёт себя пяткой в грудь, мол, я жену не трону, какой бы мразью ни был, но сам понимаешь, один раз сорвался, второй, а на третий может и переклинить.

— Мар, — обратился я к старшему и взглянул на него полубоком с лёгким чувством настороженности, — можно я задам тебе очень личный вопрос?

— Она моя подруга, я не рассматриваю её как женщину, если ты об этом.

— А переспал бы с ней, если бы она захотела?

— Блядь, Яр, чё за вопросы? — огрызнулся Мар и рывком притормозил у стоп-линии. — Я трахаю свою Кристинку, чтобы отвлечься от Кати, ебу всяких залётных по работе и вне её. Нахрена мне при таких условиях долбить жену босса? Чтобы дружбу с ней испортить?

— Ну, знаешь, разнополые друзья — это пара, в которой один либо уже отлюбил и выгорел, либо любит, но не говорит об этом.

— Яр, — открыто зарычал брат, и я прикусил язык, — нашей дружбе десять лет. За последнюю неделю ты третий, кому я это объясняю, и я очень тебя прошу больше не задавать таких вопросов. Мы много чего с Асей позволяем друг другу, но между нами не было, нет и не будет никакой романтики. Это понятно?

— Да, прости. Ты просто боишься только за очень дорогих людей, — продолжил я после минутной паузы, — и я знаю, что друзей среди них нет. Поэтому я и спрашиваю, потому что ты всё равно ни черта мне сам не расскажешь. Только и остаётся, что закидывать вот такими вопросами.

Старший промолчал. Он достал из внутреннего кармана пальто электронную сигарету, глубоко и сильно затянулся и выпустил густой пар в приоткрытое боковое окно.

— В моей квартире ты многое поймёшь и без меня. А на всё остальное, на что смогу, я отвечу.

— Есть что-то, о чём спрашивать категорически нельзя?

— Ни о чём нельзя. Я вообще никому ничего о своей жизни рассказывать не хочу, но конкретно ты лучше узнай у меня, чем у кого попало.

Я покивал и отвернулся, чтобы рассмотреть панораму над Москвой-рекой. Мы пролетели по Кутузовскому проспекту; день выдался солнечным, вода покрылась многочисленными бликами, и яркая осенняя столица показалась мне с высоты Новоарбатского моста очень красивой.

«Пока я здесь, надо будет побольше погулять, а то я уже начал забывать любимые места».

Одно из них, смотровую площадку в начале проспекта, мы только что дважды проехали — пересекли мост и у гостиницы развернулись для выезда на Новый Арбат.

На парковке у дома я замешкался, разглядывая фасад уникального апарт-комплекса.

— Хрена ты мажор, — досадливо заметил, нагнав Мара у стеклянных дверей. — Давно тут живёшь?

— Четвёртый год, — через плечо отозвался брат. Мы прошли через современное лобби, как в офисах корпораций с бешеными годовыми оборотами, поднялись на лифте на шестнадцатый этаж, и у входа в апартаменты Мар внимательно посмотрел мне в глаза. — Надеюсь, у тебя нет аллергии на запахи?

— Вроде нет. А у тебя там что, химическая лаборатория? — усмехнулся я.

— Пыточная камера, — без тени шутовщины на лице ответил старший, приложил к панели на косяке электронный ключ, и когда пикнул замок, распахнул передо мной дверь. — Заходи. Только под ноги смотри, там коврик у порога, не споткнись об него.

Я глянул в кромешную темноту прихожей и существенно подрастерял былую уверенность. Из квартиры мне в ноздри забилась обволакивающая тёплая сладость; я шагнул через порог, изумлённо проследил, как дорожкой зажглась диодная фиолетовая подсветка вдоль плинтусов, и как следует вдохнул пьянящий концентрированный воздух.

— Знаешь, чего не хватает? — хриловато сказал я, бросая плащ себе под ноги.

— М?

Замок мягко щёлкнул. Брат поднял мою одежду с пола и сунул мне её обратно в руки.

— О, значит, дома такое неприемлемо?

— Да, эта вольность только для Петербурга. Так чего?

Я выцепил глазами в полумраке крючок на высокой напольной вешалке и за петельку повесил плащ на него.

— Бляди какой-нибудь. Я прям вижу, как она выходит из-за угла и такая «мальчики, — скопировал я мурлыкающий женский тон, — я вас заждалась».

— Да, — согласился Мар и убрал пальто в зеркальный шкаф-купе. — Моя квартира похожа на бордель, поэтому я и сказал, что ты здесь хорошо если час просидишь.

— Смотря как надышусь. Но, честно, нормально так развозит, ощутимо.

— Вот и Костю тоже развезло. Поэтому он больше сюда не приедет.

Я расхохотался и неторопливо пошёл исследовать апартаменты. Плотные чёрные шторы погрузили пространство в глубокую ночь; фиолетовый холодный свет растёкся по мебели и стенам точно лёгкой дымкой, аромат карамели в спальном зоне стал ещё более насыщенным, и я почувствовал себя ненавязчиво захмелевшим — не взбудораженным, как у порога.

— Будешь кофе? — спросил Мар. Пока меня захватывал строгий мрачный интерьер, он переделался из рабочего костюма в домашние брюки на резинке, и в натурально интимной обстановке я ощутил себя очень маленьким и невзрачным по сравнению с братом.

— Буду водку, спрайт и голубой ликёр.

«Хочу напиток и перестать закапываться в сравнениях».

— П-ф, — фыркнул старший, — закатай. У меня максимум есть вино и шампанское, но я сегодня весь день за рулём, так что без меня ты тут один бухать не будешь.

— Тогда найди мне другой способ отвлечься от тебя, чтобы я не искал под ногами свою самооценку.

— Да боже... Яр, — засмеялся Мар и подошёл ко мне очень близко, так, что между нами поместилась бы от силы пара его ладоней. — Я никогда не запрещал тебе ходить к мастерам. И на тренажёрки амбарный замок тоже не вешал. Ты почему-то сам решил, что чистая репутация равна чуть ли не девственному телу, хотя я такой установки не давал.

Он под конец опустил голос до любимого пронизывающего тембра. Я почувствовал от шеи брата сложный пленительный аромат духов, в которых чётко угадал пару акцентных нот

ириски и горькой вишни, и увидел колдовские расширенные зрачки в контрасте со светлой кожей, скульптурно выделенной густо-фиолетовыми тенями. У любого другого человека тут же перехватило бы дыхание, но во мне коронная фишка брата не потревожила ни единого нерва.

«Не, Мар, не сработает. Если ты думаешь, что блядская обстановка что-то изменит, то обломись. Или как ты там говоришь, закатай».

— Это я уже понял, — медленно раздвинул я губы в дерзкой улыбке, спокойно глядя брату в глаза. — Но ты же и сам знаешь, что к новой реальности ещё привыкнуть надо, поэтому сделай одолжение — оденься, пока я здесь, а то мне правда некомфортно. Окей?

Мар обезоруживающе улыбнулся в ответ. Он шагнул от меня спиной, развернулся и надел футболку, сложенную на краю постели.

— Так ты кофе-то будешь или нет? — уточнил он, заглянув в отсек для зёрен у дорогой кофемашины.

— Буду, если ты мне приготовишь латте по всем правилам.

— Да легко. Даже сироп добавлю, как ты любишь.

Я с воодушевлённым «о-о-о» подошёл ближе и заворожённо понаблюдал, как старший прямо в кружке умело взбил капучинатором смешанное с ванильным сиропом молоко, залил через центр тонкой стружкой выданный машиной шот эспрессо и протянул мне готовый напиток.

— Офигеть, — покачал я головой, попробовал кофе и понял, что наконец-то пью его не приторным до ощущения слипшегося рта. — Я теперь чувствую себя ещё более ущербным. У тебя вообще есть хоть что-то, чего ты не умеешь?

— Конечно, — прыснул брат, поставил свою чёрную без рисунков кружку на поддон, запустил режим для капучино и начал загибать пальцы. — Смотри: я в готовке полный ноль, даже сраные макароны не сварю, поэтому вся моя еда в холодильнике — это доставка от сервиса. Это раз. Два — я пытался освоить хоть один музыкальный инструмент. Ни хрена не получилось. Три — я научился работать с голосом, но пою как голодная чайка, поэтому в караоке мне лучше микрофон в руки не давать. Что ещё... А, четыре — я топографический кретин. Меня спасает только то, что я за восемь лет работы изучил Москву вдоль и поперёк, а в Петербурге вырос. Если будет какой-то новый город, я без навигатора сразу потеряюсь и буду истерить. Ну и давай пятое, самое, наверное, странное из этого списка. Я как бы это сформулировать... м-м-м... я не шарю в человеческих эмоциях и чувствах. Да, — кивнул Мар, увидев, как я ошарашенно распахнул глаза, — звучит бредово, но всё, что я умею в отношениях с людьми, как подстраиваюсь, увлекаю, работаю с негативом, это всё в голове как система правил. То есть когда кто-то плачет, я успокаиваю не так, как чувствую сам, что так правильно, а так, как во мне уложился чужой опыт и материалы из учебников по психологии. При этом спасибо моему терапевту, что я не психую на публике, потому что без него я в личной работе с чувствами проваливаюсь по всем фронтам. — Машина пропищала, закончив наливать кофе, и Мар опустошил кружку наполовину сразу несколькими глотками. — Что? Разбились розовые очки?

— У меня их и не было, — проговорил я в глубокой задумчивости. — Кстати, — я огляделся, — ты говорил, что живёшь тут четвёртый год, а впечатление такое, будто квартира до сих пор не обжитая. Всё какое-то пустое. Ни фотографий, ни мелочей для уюта. Вообще ничего. Как будто в любой момент можно собрать твою жизнь в одну сумку и вынести отсюда. Почему?

Старший не ответил. Он поставил кружку с кофе на стол, взял меня за руку и подвёл к узкому шкафу в самом углу прямо под камерой.

— Де-факто я живу в слепой зоне, — шепнул он и открыл кодовый замок. — Остальное — просто картинка.

Я несмело потянул за ручку двери. Внутри над полками зажётся мягкий тёплый свет, и первое, во что воткнулся мой изучающий внимательный взгляд, это фотография, на которой

Мар обнимал платиновую блондинку, напоминавшую Кристину из борделя, очень миловидную, невысокую, с уже заметно округлившимся животом.

«Не спрашивай, Яр. Вот ни о чём отсюда не спрашивай».

На этой же полке лежали разноцветная фенечка из бусин и маленьких камней, игрушечный «BMW», голубая лента и пучок волос, перевязанный резинками с двух сторон, который, возможно, Мар оставил себе на память после гибели девушки. На полке выше стояло несколько фигурок богини справедливости разных цветов и размеров. Ниже лежал небольшой раскрытый альбом с кадрами из детства и юности, и я, слушая натужное дыхание брата рядом с собой, перелистал всё от начала до конца.

— У тебя здесь одной фотки не хватает, которая с отцом, где он там во дворе на тачке сидит.

— Я её давно потерял.

— Да не, она у меня. Я всё хотел её отдать, но у нас вечно то ссора, то ещё что-нибудь, так и забывал постоянно. Ща.

Старший проводил меня напряжённым, растерянным взглядом. Я дошёл до прихожей, где висел мой плащ, достал из него паспорт и вынул из-под обложки фотографию с дядей Сашей.

— Держи.

— Спасибо... — подрагивающим голосом выдал Мар, прижал квадратную бумагу для полароида к груди и второй рукой попытался закрыть себе лицо, чтобы я не увидел, как разыгрались на нём за бурлившие внутри эмоции. — Я никогда его не прощу за то, что он меня бросил, но судьба, видимо, очень хочет, чтобы мы встретились снова, и я всё это ему высказал.

— Что случилось? — заботливо поинтересовался я, хотя наружу чуть не вырвалось импульсивное «в смысле?». Мар долгое время не решался заговорить, пока не сдался в моих утешительных объятиях, и мне открылась история двух вечеров — от прошлой субботы и вчерашнего. Какое счастье, что брат не видел, как я от новостей чуть не выронил глаза; это меня с одной стороны очень крепко расстроило, потому что зависть умножилась, ведь моя семья так и осталась существовать только в одном человеке, а с другой...

Я отстранился и взял старшего за плечи.

— Мар, это лучшее, что я мог от тебя услышать. Окей, опустим момент вашего переписка, ты ничего не знал и знать не мог, но ты вдумайся — целая семья! Вы же остались на связи с этим Николаем?

— Да, — понуро кивнул брат.

— Ну вот. Познакомься как следует, доберись до отца, выскажи ему всё и выдохни уже, наконец. Это такой фарт, блин! Если бы меня так фортуна облизала, я бы не стоял с таким унылым видом. Ну?

— Ты так говоришь, будто эта семья тебя не касается.

— Да, я к ним отношения никакого не имею. У меня нет с ними ничего общего.

— Нет, Яр. Я либо иду в эту семью вместе с тобой, либо не иду вообще.

— Ты дурак?

— Яр, — нахмурился старший, — давай без преждевременных восторгов. Во-первых, Ксюша может оборвать все мои связи с Николаем, во-вторых, я привык к тому, что семьи у меня, кроме тебя, нет, поэтому пока это чисто деловой интерес. В-третьих, при наилучшем исходе я не оставлю тебя за бортом. По факту я всё это рассказал только для понимания, как у меня вообще дела сейчас, и почему я постоянно на взводе. Чтобы ты не гадал и не спрашивал. И не выслеживал меня через своих информаторов.

— А что? Тебе, значит, можно, а мне нельзя?

— Я не следил за тобой. Караульные появились уже после сделки с Маршалом.

— О, расскажи-ка мне как раз, что за караульные, откуда они у тебя, и что ты за авторитет такой. Я тебе ещё в палате обещал об этом спросить. Помнишь?

— Помню, — шмыгнул носом Мар и захлопнул дверцу шкафа. — Караульные — мои знакомые ребята из местных петербургских группировок, — объяснил он, лениво дошёл до дивана и практически упал на него. Я аккуратно присел рядом. — Их было удобнее попросить, чем знакомых из органов. Да, естественно, раз я знаю серьёзных «теневых» бизнесменов, таких как Маршал, например, я не могу не знать и прочую шалупонь. Но это не значит, что я чем-то там нелегальным заправляю. Авторитет я, потому что профессионал, я много консультаций провожу чисто по знакомству, поэтому тут не надо приплетать какое-то криминальное значение. Да, веду дела Кости, да, знаю в лицо его «серых» клиентов, да, порой отдыхаю в кругу известных как раз-таки натуральных авторитетов, и да, народ любит обобщать. Ответил на твой вопрос?

Я покивал и допил остатки кофе. Мар, глянув на мою кружку, вспомнил о своей, оставленной на столе, забрал её и вернулся на место.

— Что ещё нужно разобрать, пока я добрый?

— Не, хватит пока. Я и так получил столько информации, что неделю буду переваривать. Старший тихонько засмеялся.

— Прекрасно. Тогда давай теперь я позадаю вопросы, потому что у меня их тоже немало. И начну, пожалуй, с твоей Карины. Что ты о ней думаешь?

«Какой логичный и ожидаемый поворот».

Я покусал губы изнутри. В отношении к спасённой проститутке всё было очень сложным, и если я не мог самому себе объяснить, какое оно, то и брат ничего путного не услышит. Но без ответа меня отсюда не выпустят, и мы оба прекрасно это знали.

Я вздохнул обречённо и шумно.

— Забыл бы её к чертям собачьим, но не получается.

Глава 48. Откровенность

— О, да, девчонка незабываемая, — поддержал брата Мар и чуть сощурился. — Маршал мне передал, что ты ему в звонке озвучил такую интересную фразу: девочка проверенная. Она тебя трахнула, да? — спросил он с коварной улыбкой.

— У меня секса давно не было, так что я особо не противился, — пожал плечами Яр.

— Да ладно тебе, расслабься. Меня она тоже нагнула. Не буду рассказывать, как, эта информация не для твоих ушей, но вас, голубков, между прочим, засекла камера на лестнице. Я поэтому и хочу узнать, ты у меня голову совсем потерял, или это так, на эмоциях было?

— Я думаю, что просто эмоции. Мы тогда с ней очень классно потрахались, а я с таких мероприятий долго отхожу.

«Если бы ты из себя праведника не строил, то с сексом вообще проблем бы не было. У тебя столько девочек в профиле тусуется, а ты с ними даже поиграть не можешь».

— Это честный ответ или попытка себя обмануть?

— А я на допросе? — неприязненно отозвался Яр, и старший Белов примирительно поднял руки ладонями от себя.

— Нет, конечно. Я к тому, что, если ты влюбился, не бойся об этом сказать. Я осуждать за это не буду, всё-таки сам не лучше со своей Кристинкой, но нужно помнить, что Карина — эскортница, и в своей работе она профи. Она не бросит её ради тебя.

— Естественно. Всё даже проще. Я не смогу её обеспечивать. Она сейчас цену себе набьёт, и я даже прийти к ней клиентом не смогу, потому что не потяну её прайс.

— Ну, с этим-то я тебе помогу, — засмеялся Мар. — Она девочка умная, на спецусловия вряд ли не согласится, потому что иначе я ей напомню, из какого дерьма ты её вытащил, и как легко там снова оказаться.

— Мар, не надо с ней так. Она не заслужила.

— Может быть, но ты видел её всего два раза. Ты не знаешь, чего она заслужила, а чего нет, но если ты так за неё переживаешь, значит, у тебя не просто эмоции, и не пытайся набить в этом вопросе ни меня, ни себя. И не забудь заранее написать, когда снова к ней соберёшься, потому что мне нужно время для согласований с Маршалом. Хорошо?

— Хорошо, — неохотно выдохнул Яр. — Давай дальше.

— Там дальше проще, не переживай.

Мар допил кофе, забрал у младшего кружку и отнёс посуду в раковину.

— Тебе плохо? — спросил он обеспокоенно, заметив, как его гость утомлённо развернулся боком и прижался виском к спинке дивана. Яр зевнул, как только Мар опустился рядом с ним на расстоянии вытянутой руки.

— Да не, просто темнота усыпляет, и ещё после кофе разморило.

— Точно не плохо? Не тошнит, голова не кружится?

— Не-не, Мар, порядок, правда. Мне если нехорошо, я обычно об этом не молчу.

— Но в темноте всё-таки некомфортно, да?

Старший Белов не дождался ответа и подошёл к занавешенному окну.

«Там такое солнце, что я свою квартиру сейчас не узнаю».

Он нажал кнопку слева на пульте, две плотные тяжёлые шторы медленно разъехались в стороны, и фиолетовая дымка погасла, залитая ярким дневным светом с улицы.

«Ну-ка, тихо...»

Мар быстро попятился в глубину кухни-гостиной. Он только что спрашивал у брата, не кружится ли у него мир перед глазами, как самого повело, стоило на секунду взглянуть на оживлённый Новый Арбат с высоты.

— Эй! — окликнул его младший и подскочил на ноги. — Давай сюда, — сказал он и за руку довёл Мара до дивана. — У тебя паничка, что ли, на нервах? Или этот... вампирский синдром? — усмехнулся Яр.

— Я же демон, а не вампир, — с похожим смешком отозвался мужчина и потёр пальцами глаза.

— И всё же?

Мар облизал губы.

«Я только на прошлой неделе боялся, что Яр узнает о моих бытовых косяках на фоне круглосуточной работы. А тут и выложил всё сам, и ещё и на фобии так тупо попался...»

Он снова поднял руки, загнул на одной все пальцы и на второй один большой.

— Шестое. Если кратко, то я не могу смотреть в окна с высоты. Где бы я ни находился, в офисах или дома, у меня всегда окна занавешены, потому что если забудусь, как сейчас, то да, будет что-то вроде паники.

— Прекрасно, — недовольно подытожил Яр. — А психотерапевт об этом знает? Ты с ним получил вообще хоть какой-нибудь результат?

— Честно?

«Блядь, тормози, Мар... Он тасует твои же манипуляции. Должен же быть от них иммунитет!..»

Яр неотрывно смотрел брату прямо в глаза, не меняя позы, чуть склонив голову и направив пронизывающий взгляд слегка исподлобья. Голосом он так виртуозно не владел, но колкий тон словно методично проделывал дыру в защите, напирая, подтачивая опору в одном и том же месте.

— Естественно.

Мар подсел ещё ближе к гостю, взял его руку и положил себе на горло. Младший хмуро сдвинул брови к переносице и поджал губы; не отводя глаз, он напряг пальцы, заставив Мара перехватить его запястье, и старший опустил тембр до полусшёпота.

— Каждый раз, когда кто-то так делает, у меня чёртов ступор. Я ничего не могу, ни защититься, ни убежать. И как только я найду причину всего этого, терапия закончится.

Младший отдёргнул руку и нахмурился ещё больше.

— Это у тебя от мамы, — проговорил он, точно сдерживая в себе слова. — Она постоянно так делала, когда ей что-то не нравилось, но почему именно так, я не знаю.

«Почему это помнишь ты, а не я?..»

— Не знаешь? — повторил мужчина уже в полную силу голоса. Яр напрягся — вздёргнулись плечи, и сбилось дыхание. Мар приподнялся, чтобы пересесть в более удобную позу, но на его движение младший на порывистом вдохе зажмурился.

«А, так мы с тобой оба со странными рефлексамии. Как замечательно...»

— Вот эта твоя реакция мне очень не нравится. Откуда она у тебя?

— Как и твоя, оттуда же, — процедил Яр в попытке вернуть телу былую расслабленность. — У нас какой-то день безудержной откровенности сегодня. — Мар согласно молча качнул головой. — Ладно. Я для матери был ребёнком, которого она ненавидела. Так нельзя ненавидеть детей, но тут очень большая твоя заслуга, что ты не давал меня бить. Я только запомнил, как она замахивалась и возвышалась надо мной, поэтому на подкорках теперь эти машинальные жмурки.

— Клиенты знают о них?

— Некоторые да. А твои про тебя знают?

— Мои могут подловить меня разве что на зрочках, потому что если они расширены, значит, я кайфую, и контролировать это невозможно. Об остальном в курсе только ты. Этакий личный эксклюзив, но ты, я надеюсь, понимаешь, что о нём нельзя никому рассказывать.

— Да, — кивнул младший и мельком посмотрел в угол, где висела камера, — но она же пишет звук?

— Когда включена, да. Из-за того, что ты здесь, она сейчас выключена, и это тоже информация только между нами. Если Костя каким-то образом узнает, что у меня есть доступ к пульту управления, это сильно осложнит мне жизнь.

— Почему ты думаешь, что он не знает?

— Я вижу логи. За всё время, что я здесь живу, камеры ни разу не просматривали. Их тут четыре, если что. — Яр непонимающе взглянул на брата. — Здесь, в прихожей, в ванной и в туалете.

— Тебе нужен мой ублюдский комментарий по поводу ванной и туалета?

— Нет, Яр, это не для того, чтобы Костя на меня втихаря дробил. — Старший Белов зашёлся в беззвучном хихиканье. — Но знаешь, мужское внимание для меня не ново. Бывает, цепляю всяких любителей чупа-чупсов, но они, к счастью, не лезут ко мне со своими потребностями.

— Глядя на тебя, я бы ничему не удивился, — иронично констатировал гость, и Мар укоризненно цокнул языком.

— Эй, я конченный, конечно, но не настолько.

— А заигрываешь, как будто настолько.

— Яр, блядь!

«Я это тоже не особо контролирую, мудака ты мелкий!»

Белов-младший издевательски улыбнулся, огляделся по пути к панорамному окну, лишённому спасительной чёрной завесы, и сфотографировал шикарный вид на Новый Арбат. Шикарный для него и до сих пор не оценённый для Мара. Тот с первого дня проживания здесь занавесил оконный проём и сегодня впервые с момента заезда воспользовался пультом от карниза.

— Мы жили на первом этаже. С чего у тебя страх высоты?

«Да ты хоть бы тон подходящий выбрал для такого вопроса, а то звучит как претензия».

— Упал, наверное. Хрен его знает, я не помню.

«Реально не помню. Оно с ни хера взялось, и когда я проезжаю мосты, ты даже не представляешь, как это мешает».

Яр ещё с полминуты простоял у окна, погружённый в тишину, понаблюдая за потоком машин далеко внизу и подошёл к пульту. Наклонил голову влево, вправо, неуверенно нажал на кнопку, и шторы плавно съехались, вернув студии привычный для Мара бордельный облик.

— Сколько у меня ещё времени, пока ты опять не уехал? — спросил он, присев на диван.

— С полчаса где-то. Мне нужно проведать одну свою коллегу, и желательно успеть до шести часов.

— Я могу поехать с тобой?

— Ну... — замялся Мар. — Я поеду в психушку, Яр. Это не то место, куда я хотел бы тебя тащить. О, — воодушевился он, — а если я напишу Асе, и вы с ней как раз по вечерней Москве погуляете? Она же хотела с тобой познакомиться. И ей будет радость после всего сегодняшнего, и ты без меня не заскучаешь. М?

— Я рассчитывал побыть с тобой подольше, — вздохнул Яр, — но если так критично ехать именно без меня, то окей, пиши Асе.

— Она тебе понравится, я обещаю. А мы с тобой покатаемся завтра, потому что правда, я не хочу тебя везти к Маринке. Ты, во-первых, не поймёшь, о чём мы говорим, а во-вторых, она тяжело воспринимает незнакомцев. Я к ней и так как на минное поле приезжаю, так что не обижайся. Я отказываю только потому, что сильно рискую.

— Я понял, — задумчиво протянул младший. — Тогда да, пиши Асе. Посмотрим, что у тебя за подруга такая, из-за которой тебе морду бьют.

«Погоди, ещё и тебе достанется, но я не могу отказать Асе в таком удовольствии».

Мар быстро большим левым пальцем набросал девушке сообщение и, пока просматривал новости из рабочих чатов, она ответила.

— Через час на ВДНХ. Мы минут через двадцать выйдем, и я тебя отвезу, потому что мне там по пути.

— Вот так и продлю с тобой время, — улыбнулся Яр, и Мар ответил ему той же улыбкой.

— Да расслабься, завтра нагоним.

«Самому бы ещё расслабиться перед блядской неделей».

И перед сегодняшним поздним вечером, на который Белов-старший запланировал встречу с Софией, тоже.

Глава 49. Никогда

Ася ещё раз прихорошилась у зеркала в коридоре. На крышке обувницы она оставила телефон с открытой на весь экран фотографией младшего Белова, найденной на просторах интернета, и всё тело девушки охватил по-детски радостный трепет.

«Надо же, за столько лет я наконец-то увижу этого ангелочка! Он такая прелесть, я не могу...»

Журналисты ловили его то на выходе из машины, то за столиком в кофейне, и везде у него на лице отражалась меланхоличная петербургская задумчивость. Почти везде. На нескольких кадрах видно, что Яр обнаружил направленный на себя объектив и красиво улыбнулся.

«Нет, ну разве не зайка?».

Ася кокетливо повела плечами и вышла к подъезду. Несмотря на пережитый испуг, убежать молча она всё же не стала; Матвеев заперся в кабинете после отъезда Мара, и то, что Пашу на ближайшую пару часов нужно заменить, Ася написала ему в мессенджере. Костя ответил коротким «сейчас»; он безо всяких лишних вопросов оперативно вызвал для неё своих ребят из охраны, и перед тем, как усесться в тонированный служебный «Mercedes», девушка заметила мужа в окне — он провожал её, стоя за белой тонкой занавеской.

«Если бы ты не был таким упёртым, Яр бы сейчас сидел у нас на кухне, и мы пили бы чай в семейном кругу. Но ты, насколько я помню, даже не извинился до сих пор за то, что избил его. Я после такого на его месте твоими контрактами просто подтёрлась бы, потому что у него теперь проблем выше крыши из-за тебя. Хотя, может, он вписался только из-за Мара. Из-за того, что проекты он ведёт, а не ты. И как он, блин, успевает... Я бы чокнулась».

Девушка себя одёрнула, подловив на очередном скачке мыслей с одного брата на другого. Мар и без того для неё каждый день впечатляющий, но во время её короткой поездки в северную столицу он произвёл шоковый эффект. Она с момента возвращения в Москву не раз вернулась памятью и чувствами к объятиям в де-люксе «Гельвеции»; мужчина прижал её с такой отдачей и страстью, каких она никогда не видела за деловым обликом и футлярмом из строгого костюма, но даже когда тело предательски отозвалось крупными мурашками, первое, о чём подумала гостя Петербурга — это Костя. Несмотря на вспылчивость и вулкан внутри, в котором, казалось бы, должна прятаться яркая сексуальность, мужу отчаянно не хватало такого же штормового напора, чтобы ей всплеском желания подкашивало ноги.

«Мар как дикий зверь. Хоть и прирученный к домашней кормушке, а всё равно дикий. И сексуальность у него такая первобытная. Господи... Я, видимо, так устала от этих дурацких Костиных игр, что подсознательно реагирую на эту дикость вопреки здравому смыслу. Вообще вопреки всему. Это страшно очень. Мы с Костей разменяли в браке одиннадцатый год, а у меня в голове такая дурнина...»

Ася тяжело вздохнула и уронила печальный взгляд на тонкое кольцо из белого золота. Вот куда её понесло? Чего бы она за прошедшие десять лет ни захотела, Костя подал это на королевском блюде. Нестандартные обручальные кольца, двухэтажная квартира в центре столицы, абонементы в зал и частную клинику, даже клубника посреди ночи. Всё, что угодно. Ася взамен отдавала очень много себя, своих сил и времени, но она ни разу до минувшей ночи не задалась единственным вопросом: а почему он так беспрекословно старается ради неё? В других семьях мужчина порой торгуется, на что-то не соглашается, позволяет себе обижаться и злиться, а Костя с первых дней Асиной взаимности будто отрёкся от права в чём-либо ей отказать. Белов же наоборот и спорил, и не боялся твёрдого «нет», и разубеждал. Нечасто — набегам, пять минут контраста, но с годами, когда он ещё и неприлично похорошел, Ася под села на эти качели, а Костя до краёв переполнился напряжением, которое сдерживал столько времени.

«Как же всё это получилось сложно и глупо...»

Девушка вспомнила беглую ночную догадку, от которой её пробрало до кончиков пальцев.

«А что если Костю тогда больше никто кроме меня не заметил, и он такой от безысходности?»

Тогда — во времена бандита по кличке Костолом, весьма симпатичного, хотя и местами битого, чуть грубоватого, вспыльчивого, но железобетонно отвечавшего за каждое своё слово и обещание. Он вышел из группировки ради неё, поднялся, открыл бизнес, обеспечил сытую праздную жизнь, а она через десять лет едва не растаяла в руках у адвоката.

«Мамочки... — с обжигающим стыдом подумала Ася и сжалась, укрыв лицо за ладонями. — Я же это не специально...»

Она в самом деле не видела Мара любовником. Она всего лишь хотела такой же искры от любимого мужчины, потому что с годами его безоговорочное служение стало неуютным где-то на глубинном подсознательном уровне. Сначала было хорошо и спокойно, потом привычно, и в последнюю пару лет накрыла бесконечная тоска от чувства тотальной предсказуемости. Мар в Асину рутину врвался штормом, а Костя видел это и безумно ревновал. Только вместо того, чтобы высказаться и заявить о чувствах, он придумывал очередную ловкую манипуляцию, болезненный укол, замаскированный под изощрённый игривый намёк. Вроде того, что случился на стадионе в воскресенье.

«Ты никогда не огрызался на меня, что бы ни случилось, никогда не лез в жизнь Мара, никогда не ругал Серёжу и ещё куча, куча, куча таких же «никогда». Мама заколебала мне говорить, что это самая что ни на есть умелая манипуляция, чтобы держать всё под контролем, но блин... Я в этой манипуляции десять лет прожила, мне было хорошо в ней и безопасно. А так, если подумать, это что же у тебя в голове творилось, если ты решился на такое рабство?»

Ася по-другому не смогла это назвать. На этом поток тягостных раздумий оборвался, потому что машина остановилась, и девушка увидела в окно ярко освещённую арку Северного входа ВДНХ. Один из охранников помог ей выйти, и при взгляде направо она ощутила, как сильно заколотилось сердце.

— Да ладно!

Через два парковочных ряда наискосок заняла место чёрная «Audi», возле которой стоял, опершись на крышу, сам владелец, и Яра возле него Ася заметила не сразу.

«Ой, я думала, он ниже ростом...»

Братья что-то увлечённо обсуждали, но младший Белов кивнул старшему за плечо, и тот развернулся навстречу девушке всем телом.

— Дорогая, — промурлыкал Мар, несильно обняв её. Более осторожно, как ей показалось, чем дома несколько часов назад. — Знакомься. — Она неохотно отстранилась от адвоката и сделала маленький шаг в сторону его спутника. — Это Яр. То ли сын, то ли брат, уже чёрт его разберёт, — рассмеялся мужчина. — Яр, — обратился он к младшему, — это у нас Анастасия Юрьевна, но можно просто Ася. Можно же? — уточнил он у девушки.

— Да конечно можно, — улыбнулась она. — Вам двоим вообще можно всё, что угодно. Но я кое-что хочу сказать. Яр, — попросила Ася извиняющимся тоном, — я утащу Мара на пару слов, ладно?

— Да пожалуйста, — развёл руками младший Белов. Девушка за руку отвела его брата ближе к служебной машине и с беспокойством тихонько проговорила:

— Я очень испугалась сегодня. Как ты?

— Главное, как *ты*, — заботливо ответил Мар. — Я всегда старался не допускать таких ситуаций, но Костя меня в тупик поставил. Прости.

— Он чуть не задушил тебя и чуть лицо не разбил. И ты ещё извиняешься за это?

— Нет, Ась, он просто сделал то, на что у меня непрошибаемый дурацкий рефлекс. От него тяжело избавиться, но можно, и да, я извиняюсь, потому что проблема решаема, но в критический момент она мне опять помешала.

— Опять? — вздёрнула брови Ася.

— Опять, — повторил адвокат. — Костя не единственный, кто знает эту реакцию, но речь не об этом. Ты сама как себя чувствуешь?

— Со мной полный порядок, не волнуйся. Но мне... — Она замаялась и нерешительно прикусила нижнюю губу. — Я, во-первых, с тобой хочу кое-что обсудить насчёт Кости. Не сейчас, потом, попозже. А во-вторых, скажи мне, вот то, что ты сказал про намотаться на столб, это правда?

— Какой острый у тебя слух, — похвалил её друг и легонько провёл ей подушечками пальцев по левому уху. — Не думала, что из тебя получилась бы хорошая разведчица?

— Мар, не уходи от темы, прошу тебя.

— Ты веришь, что я скажу тебе правду?

— Верю. Я знаю ответ, но хочу, чтобы ты сам признался.

— Зачем, если ты и так знаешь?

— Да Мар! — Девушка вскинулась на эмоциях и несколько раз ударила мужчину кулаками в грудь.

— Тихо, тихо, — рассеянно улыбнулся Белов и заключил подругу в тёплые объятия. — У меня правда много проблем, которые я буду с понедельника разгребать, и да, я иногда срываюсь на очень плохие мысли. Но это всего лишь мысли, Ась. К тому же надо было как-то осадить Костю, и я не придумал ничего лучше, как выдать ему именно эту формулировку. Не бойся, — добавил он после краткой паузы, — я тебя не оставлю. Даже если совсем потечёт крыша, мне никто такого не позволит. — Мар погладил её по пшеничным кудрям. — Давай, иди к Яру. Я ему про охрану давно рассказал, ребята вам мешать не будут, но ты, если что, розовые очки сразуними, хорошо? Яр у меня тот ещё демон, оказывается, так что, я думаю, ты с ним поладишь.

— А говорил, что он ангелочек. И выглядит очень мило.

— Ага, — со смешком ответил Мар. — Я много чего говорил, а по факту не знал ни хрена.

«Как это интригующе».

Друзья вернулись к адвокатской машине, и Яр, присевший на капот в ожидании, плавно распрямился.

«О-о, узнаваемая манера».

Как у брата, который тоже поднимался на ноги так, будто никогда никуда не спешил, хотя торопился везде и постоянно.

— Всё, я вас оставляю, — подытожил старший Белов, и Ася вновь ненадолго его обняла — на прощание. — Гуляйте, ешьте, пейте, ребята за вами присмотрят. А я поехал.

— Удачи, — пожелала девушка. Мар кивнул ей, махнул брату рукой, сел в машину и выехал с парковки. Ася глубоко вздохнула, проводив «Audi» тоскливым взглядом, и встряхнув плечами, с готовностью повернулась к Яру. — Ну что, пойдём?

Глава 50. Усталость

У Кости задрожали руки. Он случайной выборкой просмотрел уже больше сотни записей с камер видеонаблюдения в квартире Мара, и среди темноты, ничем не примечательных поздних вечеров, где адвокат ужинал, читал, собирался в командировки, с кем-то разговаривал по телефону и работал за ноутбуком, Костя наткнулся на очередной пугающий файл. Семнадцатый, если говорить точнее. Семнадцатая копия на запасном, его личном, сервере, потому что на основном записи кто-то стёр.

«Что ж ты, сука, вечно врёшь, что у тебя всё в порядке?»

Октябрь прошлого года, начало месяца. Мар явился на порог квартиры в двенадцатом часу ночи, весь залитый кровью из носа, и вместо того, чтобы пойти в душ и отмыться, он сел на пол и откинулся затылком на высокое изножье кровати. Просидел так неподвижно полтора часа, прежде чем добраться до ванной комнаты и подготовиться к очень короткому сну.

Июль текущего года. Мар опять на полу. Заскочил домой в середине рабочего дня и упал в обморок на несколько минут.

Сентябрь, который в начале недели кончился. Четыре записи: на первой, третьего числа, длительная истерика, на второй, восьмого, адвокат снова загнулся от головной боли и после двух каких-то таблеток, видимо, анальгетиков, кое-как улёгся на бок поперёк кровати. Третья выпала на субботу, шестнадцатое, — потеря координации во время лёгкой влажной уборки, изматывающий кашель после шести сигарет подряд, уже знакомые таблетки и ночной кошмар. На четвёртой Костя увидел, как из пальцев юриста выскользнула кружка и вдребезги разбилась, и мужчина собрал осколки голыми руками. Он ими весь изрезался, но перемотал кисти марлевым бинтом, как ни в чём ни бывало, и выбросил его на следующее утро.

Запись от понедельника вызвала у Кости удручённый вздох. Кондиционер остался включенным, пульт от него — забытым на подлокотнике дивана, и смертельно уставшего юриста разбудил сигнал телефона, а не холод остывшей квартиры. Матвеев опустил крышку ноутбука; он сделал быструю пометку в ежедневнике насчёт анальгетиков и приступов жестокой мигрени, посчитал количество обмороков, простраций, выкуренных пачек сигарет и спонтанного сна на полу, дней, когда его адвокат работал, выбираясь из дома в полуживом состоянии, положил ручку на стол и опёрся на него локтями, прикрыв губы крепко сжатым кулаком.

«Твою мать...»

Это всего лишь условная сотня бегло просмотренных роликов. А сколько ещё такого накопилось за три с небольшим года? И за те четыре с половиной, когда Мар ютился за пределами Садового кольца? И такого ли? А то, может, чего и похуже?

Костя запросил отчёт у караульных, посаженных адвокату на «хвост». Они исправно за ним проследили от точки перехвата до парковки у дома, затем от Нового Арбата до отеля «Мерсугу» на Бахрушина и следом — до ВДНХ.

— Ясно, — выдохнул Матвеев, — вот ты куда помчалась...

Ему доложили, что младший Белов посетил Москву, и Ася с охраной пошла гулять с ним по выставке.

«Старший где?»

«На Кропоткинском. Походу, к тёще твоей в гости заехал».

«В девять вечера только по тещам и ездить. Ладно, держите в курсе».

— Мог бы и завтра этим заняться, — проворчал Костя, отложив телефон, и спохватился. — А... Какой завтра. Отгул же. Блядь...

Он раздосадованно фыркнул и откинулся на спинку кресла. Единственный выходной, в который адвокат всё равно круглосуточно оставался на связи, ещё и вписанный в соглашение как отгул, а не выходной, показался Матвееву жалкой подачкой с его стороны. Издеватель-

ством. Чернов передал ему, что взял выпускника-юриста по рекомендации младшего Белова, и что Мар определил его себе в помощники по мелким рутинным делам. Это не могло не обрадовать, но пока он обучится, пока наберётся опыта и скорости, пройдёт, возможно, не один год, а после увиденного Косте захотелось прямо сейчас отстранить Белова от работы как минимум на месяц.

«Я всегда для тех, кто мне важен, хотел как лучше. Аська у меня горя не знала. Все десять лет без скандалов. Мара я вообще не трогал, потому что доверился как себе. Думал, так будет правильно. А вышло, блядь, как обычно...»

Говорят, благими намерениями вымощена дорога в ад, и поговорка очень удачно отразила Костину стратегию, начатую ещё от свиданий с будущей женой. Он после участия в ОПГ побоялся внести в семейную и деловую жизнь бандитские привычки, стал инверсией себя, но сегодняшний день в плане результата вышел самым показательным — отсутствие хоть маломальского контроля над адвокатом из соображений гуманности вылилось в красивую картинку, скрывающую серьёзные проблемы, а постоянное сдерживание чувств и эмоций ради того, чтобы жить с Асей в мире и благополучии, наоборот его подкосило и вынудило жену искать помощи у Мара. У того, кто сам нуждается в помощи, но, как выяснилось, ни за что о ней не попросит.

— Ладно, сейчас текучку узнаю, а там посмотрим.

«Ты с Даниилом Юрьевичем созвонился? — написал Костя в диалог с адвокатом. — Он решил вопрос с Антоном?»

«Да, — ответил Мар через несколько минут. — Охрану ему выдали только сегодня, но по ценнику выше».

«Завтра ждать от него претензий за этот ценник?»

«Нет оснований».

Матвеев поставил под сообщением реакцию «палец вверх», вышел из кабинета в полутьму остальной квартиры и прислушался к бойким визгливым голосам из-за двери Серёжиной комнаты. В начале восьмого он заглянул к сыну, чтобы отвлечься от записей и побыть с ребёнком, обсудить его дела и настроения, но Серёжа не пустил отца дальше порога. Сказал, что у него мультики, и он хочет их смотреть. Костя расстроился; он облокотился на перила, всмотрелся в сумрак, разбавленный мягкой приглушённой подсветкой под кухонными шкафами, вспомнил, как Белов самозабвенно курил в понедельник, сидя на корточках у служебного входа, и горько подумал, что способа заглушить чувство душашей безнадёги у него нет — от вредных привычек мужчина избавился в первый же месяц, как начал встречаться с Асей.

«Я хреновый папаша, хреновый муж, а теперь ещё и, походу, хреновый бизнесмен, если Мар вместо того, чтобы своей работой заниматься, без конца переделывает мою».

Матвеев опустил голову на руки. Он разозлился из-за цветов для жены. Озлобился на переговорах, когда ощутил себя тенью Мара. Ударил его, чего никогда на людях не делал. Чуть не ударил снова при жене. За всей работой потерял уважение сына. Изошёлся завистью. Замучился стыдом от мысли, что всё это знатно заколебало. И неописуемо устал от жизни, которую построил ради любимой женщины, чтобы она не чувствовала себя обделённой по сравнению с родительской семьёй. Теперь у неё есть гораздо больше, чем у Софии с Андреем, а у него на фоне созданной им роскоши — только пульсирующее желание снова стать бандитом, как десять-пятнадцать лет назад, когда он ещё чувствовал себя настоящим. Не успешным, не богатым, не статусным — просто настоящим.

«А моя Аська кого тогда полюбила — меня Костолома или меня, когда я уже сломался для неё?»

Серёжа вышел из комнаты. Матвеев тут же распрямылся, взглянув на ребёнка, но тот посмотрел на отца мельком и скрылся в уборной в конце коридора.

— Серёж, — позвал Костя мальчика на его обратном пути, и сын настороженно встал у двери. — Подойди на минутку.

Ребёнок сделал в сторону мужчины несколько шагов, и тот присел на корточки перед Серёжей, подтянув брюки на коленях.

— Скажи мне, пожалуйста, — проговорил Матвеев негромким утомлённым голосом, — какой я отец для тебя?

— Вечно занятый, — буркнул мальчик, опустив глаза в пол, — и скучный.

— Что мне сделать, чтобы тебе стало интересно со мной?

— Не знаю, — быстро пожал он плечами. — Ты всегда работаешь, а я слушаю, слушаю и ничего не понимаю.

— Может, я изучу что-то интересное для тебя, и мы это обсудим?

— Я не хочу, — мотнул головой ребёнок. — Ты всё равно не приходишь, а я жду, жду, жду, и всё...

— Я решу вопрос с делами, Серёж. Конечно, не за один день, но постепенно...

— Я не верю, пап, — с ноткой надрыва заявил мальчик. — Ты всегда так говоришь, а потом я опять сижу один!

Он развернулся и убежал к себе. Мужчина вернулся в кабинет окончательно раздавленным; он опустился в кожаное кресло, посмотрел на семейную фотографию возле ноутбука, затем на второй кадр в рамке, такой же, как на первом этаже, где они с Маром обнимались на фоне Москвы-Сити ещё до его адвокатского экзамена, и горестно усмехнулся.

«Я думал, такое только в кино бывает, когда жизнь рушится на глазах. А вот никуя...»

Это всё поправимо, сказал он себе, но отчаяние затопило его, и Костя не стал ему сопротивляться.

Глава 51. София

Адвокат припарковался возле дома на Кропоткинском переулке, неспешно поднялся на пятый этаж по широкой лестнице, которая, как змея, обвила огороженный сеткой лифт, и нажал на кнопку звонка. Подъезд исторического здания в центре Москвы напомнил ему петербургские парадные с такими же винтовыми лестничными пролётами, и Белов не смог отказать себе в удовольствии пройти по ним пешком.

— При всей вашей занятости вы очень пунктуальны, — похвалила его София Михайловна и дала зайти в просторную светлую прихожую. — Хотите чаю?

— А может кофе? — улыбнулся Мар и оставил туфли на нижней полке открытого гардеробного шкафа.

— Можно и кофе, — игривым тоном отозвалась хозяйка квартиры и подтянула назойливо сползающий с плеча шёлковый халат. Адвокат различил на кремовой розовой коже, слегка тронутой возрастными морщинками, тонкий слой шиммера, и про себя хмыкнул.

«Это она ещё не купалась или наоборот разукрасилась к моему приходу?»

Он повесил пальто на вешалку. Женщина провела его за собой на кухню и поставила две чашки на поддон автоматической кофемашины.

— Так странно, что я за столько лет ни разу у вас не был, — проговорил Мар, осмотревшись по сторонам из арочного проёма между п-образной кухней и местом для обеда с длинным овальным столом, окружённым шестью стульями.

— Ничего странного, Маркус, — ответила София, насыпала зерно в бункер и повернулась к адвокату лицом. — Я не могла вас пригласить, потому что Андрей у меня — человек очень консервативный, а ваши связи с борделями, уж извините, ни для кого не секрет. Вы, кстати, не сказали, какой кофе предпочитаете. Скажите, пока я цикл не запустила.

— Я пью раф на сливках или капучино.

— Да? — с искренне радостным удивлением спросила женщина. — Тогда пусть будет раф, потому что я тоже предпочитаю сливки молоку. О чём я говорила... — продолжила София, запустив на сенсорном табло машины выбранный режим. — Об Андрее. Он хотел и Асю приструнить, чтобы она с вами меньше общалась, но я убедила его, что вы по сравнению с Костей просто лапочка. Она с вами буквально цветёт вся, а муж её в какой-то кактус превратил. Мы с ней до свадьбы так хорошо ладили, а потом она в этого бандита вцепилась, и всё, мы как чужие стали...

— Вы знаете, София, ваш муж отчасти прав. — Машина пропищала, закончив, и Белов забрал у хозяйки квартиры протянутую чашку с горячим кофе. — Я как раз потому и приехал, чтобы немного развеять образ, который вы мне приписали.

— Да ну что вы, Маркус, — тихонько засмеялась женщина, коснулась локтя собеседника и ненавязчиво пригласила его за стол. — Я знаю, что вас называют демоном. И не только за глаза.

— Да, за мои зрочки и впечатление, которое я произвожу, — сказал адвокат и сел на стул, забросив ногу на ногу. София заняла соседнее место в той же позе и повернулась так, что при любом необдуманном движении мужчина задел бы её обнажённую икру. — Но если покопаться, то моё публичное амплуа хорошо отражает то, чем я занимаюсь, и я хочу, чтобы вы перестали навязывать дочери мою прекрасную кандидатуру, потому что я та ещё мразь по сравнению с Костей. Он за десять лет на жену ни разу голос не повысил, и такого трепетного отношения к женщине я нигде никогда не видел. А вот мне ничего не стоит и огрызнуться, и матом высказать всё, что я думаю, и силу применить. — Мар отхлебнул из чашки. — Вы хотите навязать Асе человека, с которым она не будет в безопасности. Вы Костю столько раз уже называли бандитом, но он бандит хотя бы в прошлом, а я в настоящем, потому что я веду

его нелегальные сделки и я каждый день торчу в криминальных кругах, а не он. Понимаете, София?

Женщина отстранилась, не отводя от гостя внимательного прямого взгляда. Собеседники неспешно допили кофе в гробовом молчании. Мар в это время ответил на сообщения Кости, отложил телефон, и хозяйка с толикой азарта улыбнулась.

— Всё же, Маркус, давайте представим, что вы с моей дочерью муж и жена. Как бы выглядела ваша жизнь?

— Никак, — еле заметно качнул головой Белов. — Я бываю дома только ночами и то не всегда. А ещё командировки каждую неделю, и я из-за брата в них теперь часто задерживаюсь. Это раз. Два — я могу легко во время, извините, секса взять трубку и начать разговаривать. У меня уже были девочки, которые устраивали скандал из-за этого. Три — как я уже говорил, у меня нет привычки глотать слова и чувства. Если мне что-то не нравится, я буду об этом говорить, иногда ругаться, злиться. Могу толкнуть или схватить за руку так, что останется синяк. Вы не смотрите, София, что я весь такой галантный и участливый. Если бы моё тело не было ходовым товаром, я бы не перекрыл свои недостатки чем-то другим, и вы бы ни за что не задумались обо мне как о желанном зяте. Да даже элементарно, София, — понизил и приглушил голос адвокат, — я в любой момент могу либо сдохнуть, либо сесть, а Костю разве что побили раз в пятилетку. Есть разница?

Повисла короткая вдумчивая пауза.

— Маркус... А вы людей убиваете? — прищурилась хозяйка, и лицо у неё стало пронизательно-сосредоточенным. Белов от вопроса не дёрнулся ни единым нервом.

— Люди сами себя убивают, а я лишь не мешаю им получать инструменты для этого.

— Почему вы так откровенны со мной?

— Потому что я не боюсь огласки от вас, и лучше так, чем убеждать вас обходными путями.

— А я думаю, вы пугаете нарочно, чтобы Ася не была к вам ближе, чем сейчас. Разве нет?

«В целом, да, но мне очень не нравится, что вы гнёте свою линию в деле, которое вас не должно касаться».

— Если бы нарочно. Я научен очень горьким опытом и теперь могу рисковать только собой. К тому же, София, разве правильно отбирать у Кости то, что он любит больше себя и своего бизнеса? Каким бы он ни был скотом по вашему мнению, я вижу его чуть ли не каждый день, и даже если допустить гипотетическую ситуацию, что Ася — мой типаж женщины, и у меня к ней есть какие-то чувства, я не дал бы ей такой любви. Я на такое больше не способен, и я поэтому вас призываю: не изводите дочь. И я в ней не вижу того, что мне нужно, и она во мне тоже. Она счастлива с Костей, а я — со своими проститутками. Наша жизнь не нуждается в изменениях. Обещаете мне, София?

— Да.

«Бля-я... Поплыла, походу».

Мар невольно сильнее занизил голос в попытке убедить, и женщина упустила из виду нахально съехавшую полочку халата, оголившую до неприличия левую грудь и округлое плечо.

«Ну ёб твою мать. Раньше меня это забавляло, а с возрастом что-то подуставать уже начал».

Он размеренно поднялся на ноги, зашёл хозяйке за спину и склонился к её уху, подтянув непослушную ткань обратно.

— София, вы либо сходите переоденьтесь, чтобы халат вас не отвлекал, либо уже снимите его совсем.

Она вздрогнула от обволакивающего тембра и положила руку поверх пальцев мужчины быстрее, чем он успел отойти.

— Мне он не мешает, Маркус, — с придыханием ответила София, — но если это отвлекает вас, то сами и снимите.

Пока говорила, она с плавным осторожным разворотом выпрямилась, не отпуская руки адвоката. Под её невозмутимым выжидающим взглядом Белов подступил на полшага ближе; он глубоко вздохнул, переместил по мерцающей коже ладонь выше под волосы, ощутимо сжал в кулаке несколько светлых прядей и добавил в голос рычащих ноток.

— Я надеюсь, вы хорошо подумали, прежде чем это сказать?

— Разумеется.

Мар притянул женщину к себе и поцеловал так жёстко и напористо, что София не удержала грудного судорожного стога.

— Я предупреждал, — процедил адвокат горячим шёпотом. — У вас всё ещё есть время остановиться.

«Боже, как она пахнет персиками...»

Дамы постарше у Мара уже были. Он не боялся и не смущался этого. Хозяйка в ответ промолчала, и Белов сорвался на сдержанное шипение, когда заведённая собеседница нащупала под рубашкой титановую штангу.

— У вас выходной... — порывисто выдала София после нового, более долгого и чувственного поцелуя. — Оставайтесь на ночь...

— Давайте я позже об этом подумаю.

Она тихонько засмеялась и потянула мужчину за собой в одну из четырёх комнат, утонувших в ночной темноте.

Глава 52. Прогулка

«Какая всё-таки красивая у Кости жена. А я свою, интересно, когда-нибудь найду или так и помру в гордом одиночестве?»

Карина до сих пор не вышла у меня из головы. Ни из головы, ни из сердца. Вьелась, как плесень, и я теперь неосознанно глубоко задней мыслью на контрасте сравнивал роковую брюнетку (будь она неладна) и воздушную блондинку.

— Мар о тебе о-о-очень долго не рассказывал, — произнесла девушка и потянула через трубочку «Беллини». — Почему? Ты знаешь?

— Честно, Ась, не знаю, — пожал я плечами и вслед за ней хлебнул из своего бокала с «Зимней вишней». — Но предполагаю. В его понимании Костя и всё, что с ним связано, — это угроза моей репутации. Может, поэтому он всегда отделял меня от своей жизни и своего круга общения. А может и не поэтому. Хрен его знает. Да и не интересно теперь.

Я с негласным предложением поднял бокал и слегка наклонил его в сторону спутницы. Та в ответ подняла свой, и стекло от осторожного удара тоненько звякнуло.

— С тобой очень комфортно, — тепло улыбнулась Ася. Девушка допивала второй коктейль, в то время как я ещё не закончил первый. — Ты такой простой. Без вот этих «фишек» и провокаций, как у Мара. Но он — знаешь? Когда мы с ним говорили на парковке, он мне сказал, что ты тоже говнюк. Прости... — смущённо засмеялась она, замотав головой и прикрыв губы кончиками пальцев. — Я так не хочу ему верить. Почему он это сказал?

— Защитить хотел, очевидно. Мы же с ним братья как-никак. — Я сделал очередной глоток. — Если бы Мар десять лет назад не начал лепить из меня ангелочка, я был бы сейчас таким же, как он. А может и хуже. За мной каждый день бегают журналисты, так же, как за ним, и все думают, что я хороший. Вот такой милый, каким меня нарисовали в СМИ.

— Да, я видела твой профиль, ты там такой милашка, — заигрывающе дополнила спутница. Остатки «Беллини» противно забулькали в трубочке, и девушка решительно отодвинула от себя пустой бокал.

— Ещё?

— Нет. Хватит. Мне надо трезветь. А то я уже прям чувствую, как неприлично выгляжу... «Ну, до «неприлично» ещё далеко, но без моей помощи ты, наверное, не встанешь».

— Да нормально всё, не переживай. Я тогда сейчас допью, и мы с тобой пойдём гулять. Проветриваться. Да?

— Да, — размашисто кивнула Ася.

— Вот и прекрасно. А пока я допиваю, давай, что там было про мой профиль?

Идея сменить фотографию в соцсетях и добавить туда актуальную информацию вяло подавала признаки жизни где-то с июля. В это время, пока я занимался работой и чем угодно, кроме личного поддержания интернет-имиджа, в сети процветало как минимум одно крупное фан-сообщество, полное влажных фантазий. Пошлых, но терпимых, чего не скажешь о поклонниках и поклонницах Мара. В их цифровой обители хороший продуманный контент задушили собой такие опусы, что непонятно, как у брата хватало терпения не засудить их авторов — хотя бы за ту часть откровенно издевательского контента, в котором я с Маром изобретал новую «Камасутру».

— Милашка ты там, вот что, — повторила Ася. — Я, правда, ожидала тебя в белом... В светлом. В сером. Господи... Ты понял меня.

— Понял, понял, — коротко засмеялся я. — Это эксперимент, и, что удивительно, Мар за него даже не ругался. Он на меня ещё и очки свои нацепил, но мне не пошло. Форма, говорит, не твоя. А ты что думаешь?

— Я наслаждаюсь, — обворожительно улыбнулась девушка. — Так жаль, что Мар опять по делам укатил... Вас бы рядом посадить, и всё, я бы тут была самая счастливая.

— Он тебе нравится?

— Это смотря какой контекст, — игриво повела плечами Ася, выдав последнее слово едва ли не по слогам. Алкоголь заметно сковал ей мышцы лица, и некоторые буквы она начала сминать, ещё не допив первый коктейль.

— Самый прямой.

— Ну, Яр... — надулась моя собеседница. — Я его десять лет знаю. Мы дружим. Да, такая вот необычная у нас дружба, но я замужем. А он с этой с проституткой-то своей. Как её...

— Кристина.

— Вот. С ней. И то... — Ася поникла под грузом непростой мысли. — Он же не любит её. Так, — она покачала в воздухе рукой, — играет, чтобы...

— Я знаю, — прервал я собеседницу ровным тоном и взял её за запястье. — Выбирай, куда пойдём: тут погуляем по парку или доедем до центра?

— Ты же не допил, — удивлённо глянула девушка на мой бокал.

— Там пара глотков осталась. Так что?

Она задумчиво покусала нижнюю губу, что-то попыталась рассмотреть в темноте за окном кафе и перевернула руку, чтобы освободить её и взять меня за ладонь.

— Давай лучше тут. В машине будут Костины парни. Я там не смогу говорить.

— Стесняешься? — Я опрокинул в себя остатки «Зимней вишни».

— Нет... Не хочу, чтобы они слушали. Они же всё Косте донесут потом.

— В таких случаях Мар обычно говорит «расслабься». Они и так всё расскажут. И то, что ты выпила, и то, что я тебя за руку держу, хотя вроде как не должен. И, кстати, меня наверняка уже пасут журналисты, так что завтра в новостях может появиться наша фотография с каким-нибудь пикантным заголовком.

— Ох, да Мар это легко решит. Он всегда решает проблемы с этими папарацци. — Ася стыдливо вздохнула. — Mamочки, напилась и даже слова теперь не выговариваю...

— Ничего страшного. Мы сейчас погуляем, и всё вернётся, как было. Не переживай.

Я поднялся из-за стола. С моей помощью девушка встала на ноги, дошагала до вешалки и надела ветровку, но на выходе, на широкой маленькой двухступенчатой лестнице, чуть не упала, и я машинально поймал её за талию, крепко прижав к себе.

«Блядь, это очень нехорошо. Если мне Костя ещё и за это лицо разобьёт, я к тебе один больше не подойду».

Я оглянулся. Ребята Матвеева проследовали на крыльцо кафе вслед за нами; один из них подошёл ко мне ближе, и Ася при виде мужчины бросилась на мою защиту — будто поняла, о чём я думаю.

— Он меня не трогает! Всё нормально!

Мы с телохранителем быстро переглянулись, и во взгляде у него мелькнула неловкость.

— Анастасия Юрьевна, я только хотел спросить, не нужна ли машина.

— Нет, Иван, — ответил я за спутницу, — пока не нужна. Мы ещё немного погуляем, но будьте рядом, пожалуйста, чтобы я мог вас позвать.

Мужчина кивнул и отошёл на несколько шагов. Мы с Асей потихоньку двинулись по освещённой фонарями дорожке, и я взял её под локоть, чтобы девушку не заносило в сторону людей, бесконечным разрозненным потоком идущих навстречу.

— Яр, — она чуть дёрнула меня за рукав плаща, — а у тебя есть девушка?

— Сейчас нет, но была. Мы с ней расстались полгода назад, потому что я опять проиграл в конкуренции с братом. В какой там раз... В пятый вроде. Мне как-то фатально везёт на таких девиц, кто меня постоянно сравнивает с Маром, причём не в мою пользу. Как будто я сам

по себе ничего не стою. Каждый раз я грёбанный аутсайдер, но как это прекратить и найти нормальную девушку, я не знаю.

— Эти дуры даже не представляют, чего хотят. Они не могут сами дотянуться до Мара. Пробуют через тебя. Хитромудрёные шлюхи.

— А-а-а-а, — осуждающе произнёс я, покосившись на спутницу.

— Что? Я не права? Права. Мар же у нас красавец, демон, дурман. И? А дальше? Он их всех перетрахаёт, как кукол, а они потом плакаться будут. Кружочки эти слезливые запи-сывать, какой он мудака. А он нужен-то ради денег. Или фоточек, чтобы хвастаться. — Она подняла на меня голову, и я увидел, что она по-настоящему разозлилась. — А ты что? Квартиры в центре Москвы нет, денег столько нет, тело не накачанное, голос мягкий, лицо милое. Слишком галантный, слишком сахарный. Вот ты им и не упёрся никуда. Они цепляют тебя хорошего, едут на тебе, а ты же не можешь их сразу раскусить и послать.

— Могу.

— А зачем тогда терпишь? Пять раз причём. За пять раз можно уже и запомнить, какие шалавы к тебе лезут, чтобы их сразу лесом отправлять.

— Ну, что ты разошлась... — натянуто улыбнулся я, неприятно задетый острыми упрёками. — Я до прошлой недели был образцовым парнем, а теперь уже местами как брат. Такая же мразота. Может, в шестой раз я таких особо умных тоже просто поимею и выброшу, как это делает Мар.

— А, — встрепенулась Ася, — ты вот сказал о прошлой неделе... Я вспомнила, что хотела спросить. Я же ездила к Мару в гости. Он сказал, что не мог заниматься делами Кости из-за тебя. Вроде что-то про клинику ещё говорил, что ты лечишься. И Костя ещё на эмоциях заикнулся, что он вроде как побил тебя. Что у вас там в итоге произошло?

«Всё-то ты знаешь».

— Да ничего такого. Он в среду приехал и морду мне на самом деле набил. Но из-за того, что слегка перестарался, мне пришлось вызывать «скорую», и я три дня в палате провёл.

— За что он тебя так?..

— За то, что репутацию снова похерил. Не смог отказать одной шлюхе, которую клиенты чуть не убили. Я должен был встретиться с ней в ресторане, а она не пришла. Пришёл брат вместо неё. Он мне фотку её показал, а там не лицо, а сплошной синяк. И всё, у меня в борьбе совести и чистой репутации совесть победила. Я эту девочку буквально на следующий день притащил Маршалу, и теперь у меня куча проблем из-за этого. Но я не жалею, потому что считаю, что всё сделал правильно.

— Молодая девчонка?

— Лет двадцать. Я бы, может, и прошёл мимо, забил бы болт, но они с братом — такие же сироты, как мы с Маром. Это меня и сломало.

Ася, не прерывая шаг, прижала голову к моему плечу.

— Ты такой хороший Мар бы так не сделал. Он для чужих так не может.

«Зато посмотри, что он может для своих. И такое мне не под силу».

Я не ответил. Девушка не отстранялась от плеча ещё минут двадцать. Мы всё это время провели в молчании, каждый в себе, и в какой-то момент Ася замедлила шаг и заставила меня остановиться.

— Что такое? — спросил я обеспокоенно.

— Я что-то очень устала, — негромко сказала девушка. — Вроде протрезвела немного, но сил нет, того гляди выключусь на ходу. Мы можем ещё завтра увидеться? Ты же завтра ещё в Москве?

— Да. Я как раз хотел погулять по городу, потому что давно здесь не был. Но знаешь, мы с Костей в понедельник будем договор подписывать, так что я ещё, возможно, буду кататься сюда по работе. Как Мар, то в Москву, то обратно.

— Было бы здорово, — улыбнулась Ася, и я поискал глазами телохранителей. Они отстали от нас метров на тридцать и в тёмной одежде потерялись из виду. — Во сколько тогда завтра встретимся? — спросил я, когда ребята подошли к нам вплотную.

— Давай часов в двенадцать на старом Арбате. Я по Москве сама давно не гуляла, только всё дома да по делам. А с вами двумя и Петербург увидела, — засмеялась она, — и Москву посмотрю как следует.

— Это да. Пойдём.

Я проводил её до машины. В пути мы с Асей коротко поговорили о моей работе, о процессах и курьёзах без указания имён, и у подъезда ещё раз мягко обнялись на прощание.

— Спасибо за вечер, — утомлённо проговорила девушка и уже на развороте лицом к двери махнула мне рукой. — Пока.

— Доброй ночи.

Иван поднялся вместе с ней до квартиры, и я протянул ему ладонь, как только он вернулся.

— Всё, теперь отдыхать?

— Нет, — мотнул головой мужчина, принимая рукопожатие. — Вас велено довести до отеля и отчитаться, что вы на месте.

— Да ладно... — нахмурился я. — Гонять вас ещё. Кому я в этой Москве нужен...

— Такой приказ, — пожал плечами Иван.

— В жопу такие приказы. Вон куча такси на радаре, а у вас и так полдня из выходного вылетело.

Не дожидаясь комментариев, я недовольно вздохнул и вернулся на заднее сидение «Mercedes»-а. До отеля мы домчались меньше, чем за полчаса; на парковке я ещё раз обменялся с ребятами крепким рукопожатием и в номере плюхнулся на кровать, уронив плашмя одну из красиво уложенных подушек.

— Слушаю тебя, — сказал Мар, и в трубке раздалось его глубокое тяжелое дыхание.

— Я не вовремя, да? — ответил я, посмеиваясь.

— Я умею совмещать, ты же знаешь, — похоже хохотнул брат.

— Знаю. Да я на минуту. Мы с Асей завтра в двенадцать договорились снова погулять, но она хочет нас двоих. Сможешь? Хотя бы на час.

— На тройничок потянуло?

— Мар, блядь, — рыкнул я.

— Какая формулировка, такой и ответ. Куда ехать надо?

— На старый Арбат.

— М-м-м, пять минут пешком. Идеально.

— Придёшь?

— Естественно.

— Окей. Тогда у меня всё, можете долбиться дальше.

Брат рассмеялся на том конце провода и отключился. Я тут же перестал улыбаться, завистливо поджал губы и, сбросив одежду в кучу на край постели, голым ушёл в душ.

Глава 53. Образцовая семья

Щёлкнул входной замок на первом этаже. У Кости внутри зародился очень слабый порыв спуститься и встретить жену после прогулки, спросить её, как всё прошло, но мужчина даже пальцем пошевелить не смог. Тело застыло в тисках морального упадка и лишь дрогнуло в ответ на осторожный стук в дверь кабинета.

— Кость?.. — позвала его Ася, несмело перешагнув порог. Матвеев на неё не посмотрел. Он рассеянно уставился в боковую стену, и девушка подошла к нему медленными тихими шагами. — Костя, — обратилась она чуть громче и потрясла его за колено. Потом за руку. Потом за плечи. Потом заключила его лицо в прохладные с улицы ладони, и только тогда мужчина перевёл на неё потухший взгляд.

— Всё хорошо? — спросил он бесцветным голосом, видя перед собой смазанную картинку, будто после стакана водки.

— У меня? — откликнулась Ася в недоумении, отстранившись. Костя едва заметно покивал. — У меня всё было шикарно, пока я тебя не увидела. Что-то страшное случилось?

— У тебя всё шикарно, — проговорил он через силу, — только меня нагнули за твои косяки. У Мара тоже всё шикарно, но почему-то камеры у него в доме транслируют какой-то психологический триллер. — Мужчина дёрнул губами в попытке улыбнуться. Не получилось. — Одно сплошное враньё, чтобы мир вокруг казался радужной сказкой. А реальность такова, что сын меня даже на порог комнаты не пустил, адвокат у меня загибается нахрен, а я так устал от этой жизни, от бизнеса, от этой гонки ради твоего комфорта, и от себя, блядь... Ась, — выдал Костя, прикрыв глаза, — ты ведь когда-то познакомилась с бандитом. Помнишь? Если я снова позволю себе те же привычки, что и тогда, ты бросишь меня?

— Ты убивать хочешь? — напряглась девушка.

— Нет. Хочу просто жить. Пить, курить и не улыбаться, когда дерьмово. И Мара хочу вытащить из-под его дурацкой маски, потому что он домолчится когда-нибудь.

— Что с ним? — Ася затаила дыхание. Костя услышал изменившийся тон её голоса и мысленно огрызнулся на себя за проснувшееся чувство ревности.

— Что, что... Предел возможностей. Он за месяц уже пятый раз теряет сознание и курит так, что начинает задыхаться. — Мужчина разлепил веки и сфокусировался, наконец, на любимых чертах лица. — Так ты бросишь меня или останешься?

Ася молча присела на край стола и хмуро собрала рассыпанные по нему ручки обратно в органайзер.

— Останусь. У нас с тобой действительно всё как-то не так получилось. Ты почему-то из бандита вдруг стал праведником, а я уже лет пять хочу спросить, почему, и всё никак с духом не соберусь.

— То есть, тебе не нравилось, но ты молчала?

— Да, мне было не по себе, потому что у других муж как муж, а у меня слуга бесхарактерный. Девчонки мне постоянно завидуют, но я же понимаю, что это ненормально. У меня и папа такой был, когда ещё служил в милиции. Тоже ни одного скандала дома, всё для мамы, любой каприз и днём, и ночью. А теперь вон из санаториев не вылезает, потому что нельзя себя вот так постоянно сдерживать. — Она затихла, но продолжила, стоило Косте набрать воздуха в грудь для ответа. — Мар тебя бесит, знаешь, почему? Потому что он может послать тебя лесом и честно сказать, где и на чём он тебя вертел. Ну, да, после того, что ты сказал о нём, не очень правильно приводить его в пример, но всё же. Он притворяется только там, где это нужно. А ты везде. Без разбора. Поэтому тебе плохо. Поэтому ты ревнуешь. Господи... — Ася стыдливо отвела взгляд. — Не хотела я на пьяную голову это всё обсуждать — Она вздохнула, соскочила

со стола и присела на корточки возле мужа, взяв его за руку. — Кость Ты уже не бандит, как раньше, но и я замуж вышла не за эталон. Хочешь снова пить — пей. Хочешь курить...

Ася прервалась и задумчиво прикусила губу. В растрёпанных чувствах Костя проследил, как она пружинисто распрямилась и куда-то убежала, оставив дверь кабинета нараспашку, а когда вернулась, мужчина изумлённо уставился на её протянутую ладонь.

— Что ты смотришь? — кивнула она вверх и вложила свою «электронку» в пальцы мужчины. — Я тоже не святая, просто дома не курила никогда, вот никто и не знал. Даже Мар не знал, пока я к нему в Питер не приехала. Ты попробуй, — вновь дёрнула она подбородком, — а то, может, ещё не подойдёт.

Матвеев поднёс сигарету ближе к настольной лампе и непроизвольно стал посмеиваться. «Блядская ирония судьбы».

Он только недавно чужой девайс чуть не разбил об асфальт, когда поймал с ним адвоката у служебного входа, а тут и сам подошёл к той черте, после которой — мужчина знал это наверняка — больше не остановится.

— Что в ней? — спросил он.

— Пятёрка никотина и яблоко. По крепости это будет примерно как обычная сигарета, но если хочешь, могу принести нулёвку с вишней.

— Хочу. Я к пятёрке пока не готов.

Ася вновь упорхнула из кабинета и пришла с такой же «электронкой», только не голубой, а чёрной. Костя затыкнулся ей до упора без лишних предисловий и с непривычки пару раз кашлянул, выпустив плотное густое облако сладкого пара. По языку растеклось приторно-вишнёвое послевкусие; Матвеев жадно вдохнул ещё раз, потом ещё и ещё, пока рваные прерывистые выдохи не стали размеренными и ровными.

— Легче? — поинтересовалась девушка, забрала сигарету с яблоком и наравне с мужем сделала несколько быстрых затяжек.

— Намного, — расслабленно проговорил Костя, положив «электронку» на стол. — Я продышался и теперь адски хочу спать. — Он надолго задержал на супруге рассеянный взгляд. — Спасибо.

— Я думала, ты не скажешь, — улыбнулась Ася.

— Не сказал бы, но на другое спасибо у меня сил нет.

— А я другого и не ждала.

— Ты не против, если я оставлю её себе? — спросил Матвеев после нескольких минут звенящей тишины и постучал указательным пальцем по чёрному девайсу.

— Нет, но давай сразу возьмём за правило, что дома не курим. Если уж совсем прижмёт, то на улицу выйти пять минут, ну либо кури здесь в окно, ладно? Чтобы у нас Серёжа всем этим не дышал.

— Я могу на всякий случай купить жидкость без запаха.

— Нет, жижу можешь брать любую, какая понравится, просто сама вот эта химия очень долго выветривается. И про маму ещё не забывай. Если Серёжа увидит тебя с сигаретой, у мамы будет лишний повод для упрёков.

— Я думаю, — прыснул Костя, — после того, как она проведёт сегодняшний вечер с моим адвокатом, у неё вообще ко мне никаких претензий не останется.

— Да, Мар говорил, что разберётся, — кивнула Ася. — Я уж не стала спрашивать, как...

— Я тоже, — как бы в сторону пробурчал Матвеев.

«Одна пошлятина в голову лезет. София Михайловна у нас женщина колоритная, но у Мара же должны быть хоть какие-то тормоза...»

Он всхлипнул от приступа смеха, из-за которого тело несуразно встрепенулось. Плечи задрожали, мужчина спрятал лицо в ладони, чтобы собраться с чувствами и заглушить нервную дрожь внутри, но всё равно сорвался на конвульсивный хохот.

— Блядь, образцовая семья... — сдавленно выдал Костя. — Муж-терпила, жена-кукловод и адвокат-шалава. Ладно, ладно, — поднял он руки в примирительном жесте, когда супруга возмущённо вся подобралась, — уже не терпила, но в остальном же всё так.

— Костя, — со сталью в голосе проговорила девушка и вновь затянулась, выпустив пар из носа, — Мар же тебе всё объяснил. Что опять-то?

— Так я не про бизнес, Ась. Не про бизнес Ты посмотри на нас. Какая красивая была картинка...

«...пока я братьев в угол не загнал».

Одного прижал неподъёмным долгом, второму этим добавил проблем и вытянул за маленькую ниточку целый клубок удручающих новостей.

— Кость? — позвала его Ася, заметив, что мужчина глубоко провалился в себя с широко раскрытыми глазами.

— Я здесь, — ответил он, продолжая смотреть в одну точку перед собой. — Я только что понял, что всю эту череду пиздеца запустил я сам. Вот как раз в тот вечер, когда мои ребята избili Ярослава у меня в машине. Мар мне правильно тогда сказал: можно было решить словами, но я сделал то, что сделал. И как теперь после этого говорить, что я не бандит?

Ася промолчала, сложила руки на груди и мрачно вдохнула яблочный пар.

— Ладно, пойду-ка я всё-таки спать, — вздохнул Костя, вяло поднялся на ноги и, крепко обняв жену, вышел из кабинета. Девушка осталась там, чтобы докурить.

«Да-а-а, а то, что я Мара шалавой назвал, тебя, походу, не смутило», — мысленно усмехнулся он и в душе на «тропическом» режиме хорошенько встряхнулся под холодной водой.

Глава 54. Возвращение

— Что молчаливые какие? Как вам арабские каникулы?

Миша занял место в середине между двумя эскортницами. Девочки расселись по всему салону «Боинга», но мужчина заметил, что у соседок помимо недосыпа на кукольных лицах отпечатались нездоровая бледность.

— Девчонки, милые, — негромко беспокожно сказал Миша, когда тишина стала невыносимой, — мне за вас перед Маршалом отчитываться. И за ваши грустные мордашки тоже. Если вас там хоть одна скотина обидела, вы скажите, Маршал это всё разрулит, и вы туда больше не поедете. Ну? Алён? — повернулся он к рыженькой и сразу обратился к блондинке. — Тань?

Эскортницы переглянулись. Таня покачала головой, запретив рыжей открывать рот, но та начала заламывать пальцы и, не выдержав, достала мобильный из сумки.

— Не могу я, Тань, — прошептала девушка, и Миша внутренне сжался, готовый получить шокирующую информацию. Алёна что-то искала в телефоне, отдала его мужчине, и тот сосредоточенно всмотрелся в происходящее на экране.

— Надеюсь, это не наши? — проговорил он очень холодно и напряжённо.

— Нет. Это они своих так...

Видео неприятно дрожало, но Миша смог рассмотреть, как гости и хозяева борделя хватили раздетых эскортниц за руки и за волосы, таскали по всему номеру, швыряли на пол, били наотмашь по лицу и насиловали.

— Кто снимал?

— Дашка...

— Маршал будет ругаться. Ей очень повезло, что съёмку никто не заметил, но я обязан буду об этом доложить.

Алёна понимающе кивнула.

— Вы с этими девочками общались? — уточнил Миша.

— Да.

— Что говорят? У них это постоянная история или так, от случая к случаю?

— Постоянная...

— Из вас точно никого не тронули?

— Мы только смотрели на это всё, — озлобленно вступила Таня и на эмоциях лопатками ударила в спинку кресла. — Нас заставляли смотреть. Мы жрали от пуза, нам украшения всякие дарили, но взамен мы терпели вот это и даже заплакать не могли, но если Маршал об этом узнает, он не только нас больше никуда не пустит, он нас ещё и уволит.

— С хрена ли?

— Да вот с хрена. Это не какой-то там маленький бордель. Это серьёзное место, и в контракте такие нули стоят, что Маршал не расплатится. Ему проще нас уволить, чем разойтись с этим Табитом. — Девушка перевела дыхание. — Чтоб его так же через колено поломали, гнида ебаная...

— Тихо, Танюш, тихо, — сказал Миша, погладив эскортницу по руке. — Никто вас не уволит. У Маршала репутация человека, который своих девочек бережёт, так что не пори горячку раньше времени.

— Миш, — тихонько позвала Алёна, и мужчина заинтересованно повернулся к ней. — А тот мальчик, который вписался за нас... Ему же ничего не будет?

— Этот мальчик, — улыбнулся Миша, — старше тебя на десять лет. И вписался он не за вас, а за меня. Он мой поручитель перед Маршалом, и с него спросят, если я где-то свою работу сделаю плохо. За что-то другое Яра не притянуть, и даже если у Маршала с Табитом будет какая-то перепалка, Яра это не коснётся.

— Хотелось бы верить.

«Мне тоже...»

Мужчина ненадолго аккуратно сжал тонкие пальцы Алёны в своих, отпустил и разложил кресло до упора. В седьмом часу утра после бессонной ночи в отеле Миша еле соображал и, как только нашёл удобную позу, отключился мгновенно; в черте Петербурга девочки разбудили его незадолго до посадки, и в холле аэропорта он ещё раз внимательно осмотрел каждую проститутку — от торчащих волосков на макушках до пылинок на носках туфель и кроссовок.

— Так, — подытожил он, — четверых забрал, четверых привёз. Кому-то нужна медицинская помощь? — Эскортницы дружно замотали головами. — Хорошо... — протянул Миша, набрав короткое быстрое сообщение в диалоге с сутенёром. — Тогда идёмте на выход. У нас будет белый минивэн «Toyota Alphard» восемьсот сорок два. Вперёд.

Он по низу махнул двумя руками, и проститутки сгрудились перед ним, безмолвные, сонные, обессиленные. Белая машина ждала их с открытой дверью недалеко от остановки автобуса, и Миша вместе с подопечными торопливо запрыгнул в бежевый семиместный салон. Даша, которая запечатлела вопиющее насилие в египетском борделе, оказалась по левую руку от него; самая старшая из девчонок, она выглядела измождённой, но собранной, и мужчина не стал к ней лезть ни с вопросами, ни с поддержкой.

— Я не вмешиваюсь в чужие дела, — хмуро проговорил Маршал, когда закончил смотреть жестокий видеоролик. — Тем более в дела зарубежных коллег. Для меня самое главное, чтобы они моих девок не трогали. Вот как тронут, тогда я и буду претензии выкатывать, а пока работаем как есть.

— Наши девочки вернулись морально раздавленные, — парировал Миша. Он сел на диване справа от сутенёра и периодически тянул кальян из второй трубки. — Это ведь тоже насилие.

— Безусловно, — согласился Маршал, и чаша забулькала на вдумчивом долгом вдохе. — В этом бизнесе выживают не все, и я, когда принимаю девок на работу, сразу объясняю, что тут не рай и не курорт. Тут надо уметь язык в жопу засунуть и улыбнуться, даже когда творится что-то вроде вот этого, — он показал головой на телефон возле Миши.

— А я вроде столько в разведке отработал, а всё равно как-то до глубины души это всё задело. Нельзя же так с женщинами. — Гость хорошенько затянулся два раза подряд и утонул в белёсом паре.

— Слушай, я сутенёр уже двадцать лет. Женщина сама выбирает, как можно с ней, а как нельзя. Мои правила таковы: клиент платит за сервис, в который заложено всё, кроме физического вреда. Я за это впрягусь так, что мало не покажется. Девки об этом прекрасно знают. Но какие правила у Табита — я без понятия. Это другая страна и другой менталитет. — Сутенёр набрал полные лёгкие пара и выпустил его в потолок. — Мишань, я же слабых к себе не беру. Тебе девки там в самолёте поплакались, а через две недели первыми запросятся в новый рейс. И никто уже сопли жевать не будет, потому что ценник решает. Может, у них пмс, может, ещё чего, эмоциональный фон скачет, я понимаю. Но это бизнес. Очень суровый бизнес. И если мои лучшие девки его дальше не потянут, значит, лучшими станут другие. Вот и всё.

— Дай им хотя бы пару выходных. Пусть отоспятся.

— У эскорта не бывает выходных, — засмеялся Маршал и в затяжке прищурился. — Ты что, такой же наивный, как твой друг? Не первый раз вроде девок через границу таскаешь.

— До этого мне никто таких роликов не показывал. А про Яра ты зря говоришь. Там своя у него паршивая история.

— История по имени Карина?

— Да нет, там ещё с юности тянется, но не мне рассказывать чужие секреты. А что там с этой Кариной?

— Красотка девка, — довольно крякнул сутенёр. — Обоих братьев захомотала. Старшего на самый дорогой тариф раскрутила, а младшего я всё в гости жду. У него такие были поцелуи на лестнице, что он на неделе точно позвонит. Я чисто на опыте знаю, что позвонит. Не выдержит.

— И будет, как Мар, преданным фанатом одной проститутки? — саркастически заметил Миша, приложив ко рту пластиковую насадку. Пар растёкся по горлу и языку более мягким травяным послевкусием, не таким ярким, как в начале, когда мужчина только пришёл в бордель.

— Почему бы и да. Не такие уж они и разные, эти Беловы. Для Яра я даже скидку на первый заказ организую. За полцены девку отдам как новому клиенту. И заодно компенсирую моральный ущерб за прошлый раз, а то охрана малость переборщила, и ситуация вышла так себе.

— На твоём месте я бы лучше не ждал. Яр принципиальный, и раз он запомнил, что его тут не очень хорошо встретили, ему проще будет забыть Карину, чем прийти снова.

— Не-е-ет, — широко улыбнулся Маршал, — я точно тебе говорю, что придёт. И девка ждёт его, — он тряхнул кальянным шлангом в воздухе, — кстати.

— Ну и написала бы ему.

— Так он не отвечает.

— Ладно, — бросил Миша, хорошенько вдохнул и на выдохе опустил руку на колено. — Что-нибудь придумаю. Моя зарплата где?

— Уже перевёл.

— Оперативненько, — удивился гость и откинулся на спинку дивана. — Тогда следующая забивка за мой счёт.

— Да ради бога. Я только за.

Миша глубоко затянулся, опустив веки.

«А девчонок всё равно жалко, что ни говори».

И медленно процедил пар сквозь зубы.

Глава 55. Психологические сюрпризы

Мар немного замедлил шаг, отвечая на сообщение коллеги из Петербурга. Его брат и Ася тем временем ушли вперёд; адвокат с улыбкой понаблюдал за ними, за тем, как они что-то увлечённо друг другу рассказывали, гуляя вдоль набережной, и подумал, что теоретически София лучше бы Яра сватала дочери, а не его. Тем более после того, как они провели в постели вчерашний вечер.

«Мальчик мой, я хочу ещё».

Белов заметно содрогнулся. Воспоминания бросили его в холодный пот, и Мар инстинктивно зацепился пальцами за воротник рубашки с чувством, будто перетянул галстуком плотную ткань. Но галстука не было, и между расстёгнутыми пуговицами виднелся изгиб ключиц.

«Да с чего это...»

Мужчина с усилием вдохнул. Городской шум приглушило невидимым куполом, очертания предметов размылись, как у телефонной камеры со сломанным фокусом, и адвокат ухватился за каменную ограду заледеневшими пальцами.

«Раз, два, три...»

Он заученной методикой начал считать пролетавшие мимо автомобили, но сбился на втором десятке, потеряв разноцветный поток из виду. Вместо него взгляд упёрся в сосредоточенное лицо младшего брата; Яр подошёл очень близко, заполнил собой всё пространство, суженное в глазах Мара до острого угла, как от света фары в ночи, и в уши залился уверенный и спокойный заниженный голос.

— Я здесь, Мар. Смотри на меня. Я сейчас сделаю вдох на четыре счёта, потом выдох, а ты повтори за мной. Давай.

Яр глубоко медленно вдохнул, не отводя внимательного прямого взора, и Мар заулыбался от ощущения братских ладоней на плечах. Он втянул воздух через нос и закашлялся.

— Боже...

— Нормально. Давай ещё раз.

Адвокат замотал головой и несмело притянул брата к себе в объятия, зарывшись носом ему в плечо.

— Я лучше так, — проговорил он с закрытыми глазами, и Яр заботливо погладил его по спине. — Ася напугана, да?

— А для тебя это важно сейчас?

— Это важно для неё. Мы с ней и так почти не видимся, а именно этой встречи она ждала годами. Я не могу...

— Ма-а-ар... — с придыханием протянул младший Белов. — В наше время такие выпадки из реальности стали нормой. Ты же перед подругой в штаны не насрал, правильно? Вот если бы насрал, я бы ещё понял, а так ты всё ещё максимально бесячий мистер Безупречность.

Мар его крепко стиснул на пару секунд, обозначив притворное недовольство, и, содрогаясь от смеха, плавно отстранился.

— От бесячего слышу, — проговорил он с безобидным уколom. Тело расправилось, выпрямилось, освобождённое от бульдожьей хватки тревожного приступа, и мужчина вновь увидел столицу в красочных панорамах. — А если серьёзно, то спасибо, Яр. У меня вот такой паники на улице уже давно не было, но я не ожидал, что ты, оказывается, умеешь с ней работать.

— Да если бы, — смущённо отозвался младший. — Просто у самого бывает паничка после ночных кошмаров, вот на каких-то основах и выезжаю. Ничего сверхъестественного.

— Вы, блин, два сапога пара, ей-богу, — проворчала Ася, и Мар растянул губы в виноватой улыбке.

— Прости. Я надеялся, что ты никогда не узнаешь об этих психологических сюрпризах, но раз так вышло, давай я компенсирую моральный ущерб, например, стаканом кофе, а тему мы закроем. Хорошо?

— Вот опять ты пытаешься всем вокруг сделать хорошо, кроме себя, — вздёрнула брови девушка.

— Ну, Ась. Мы же не затем собрались, чтобы отвлекаться на мой приступ. Бывает. Закружили, забыли. Гуляем дальше. Да?

— Caro mio*, — возмущённым тоном сказала девушка, — ты и правда бесячий. Вот честно. У тебя твоё «бывает» — это уже систематика. Мы когда с Костей вчера говорили, он рассказал, что ты пятый раз за месяц в обморок падаешь, и я уж подумала, всё, если сейчас будет шестой, ты от меня больше никакими сладкими речами не откупишься.

«Как он это узнал?»

Мар делано удивился и мимолётно провёл кончиками пальцев по рукаву Асиной куртки.

— Дорогая, я упал всего один раз, когда температура зашкалила. Где Костя взял остальное, я не знаю.

— По камерам посмотрел. Или ты забыл о них?

«Каким, нахрен, камерам?! Я же всё с них удалил!»

— Ася, per favore, — слегка уставшим голосом проговорил адвокат, напряжённый внутри до последнего нерва, — оставь эту тему для более подходящего дня, потому что сейчас я это обсуждать не готов.

— Я тоже, — подключился Яр и сложил губы в самую доброжелательную, лучистую улыбку, на которую был способен. — Я прекрасно понимаю, что в свете новой информации нам нужен этот разговор, но всё же давайте выходной им не портить, а просто выбрать потом какой-нибудь удобный день, собраться и уже в подходящей обстановке поговорить. Окей?

Ася недовольно фыркнула. Мар аккуратно взял её под руку и мягко, но настойчиво потянул за собой вдоль набережной.

— Ты кофе хочешь навывнос или за столиком в кафе?

Девушка подняла на него сердитый взгляд, оставила незримую прожжённую дырку в голове Белова и кивнула в сторону Киевского причала на другой стороне реки.

— Я предлагаю взять лимонад и на «Синичке» доплыть до «Сити». Ты плавать любишь, Яр?

— Конечно, — ответил младший брат. — У меня без водных экскурсий ни один сезон в Петербурге не обходится.

— Прекрасно, значит, идём на «Синичку», — подытожил адвокат. — Я вас там ребятам тогда оставлю, а сам поеду, потому что Маринка обидится, если я опять опоздаю.

— А эта Маринка, она кто? — полюбопытствовал Яр. Мар ответил не сразу.

— Коллега бывшая. Мы с ней вместе начинали адвокатскую практику, но клиент её до психушки довёл. Вот теперь навещаю, когда время позволяет. — Он поискал глазами кафе на другом берегу. — Слушайте, у нас до отправления сорок минут. Может, поедим?

На причал «Сити-Центральный» Мар вышел около трёх часов, передал охране подругу и младшего брата и до больницы, чтобы не плутать между башнями, за семь минут доехал на такси. На входе он после приветствия только спросил «не спит?», и девушка в регистратуре мотнула головой.

«Девчонка и так нестабильна, а я из-за этой паники теперь охренеть как сильно рискую».

— Эй, Мариш, — тихонько позвал он девушку, сидевшую на кровати с полным отсутствием жизни в миловидном исхудавшем лице, — соскучилась?

Она медленно повернулась на звук. Мужчина больше минуты терпеливо простоял на пороге одиночной палаты, наблюдая, как Марина постепенно узнаёт его, и как неохотно, точно в замедленном кино, просыпается радость во взгляде.

— Одиннадцать, — улыбнулась пациентка, закружив адвоката в неспешном вальсе.

— Что одиннадцать? — очень нежно уточнил Мар, пытаясь не смотреть в широко раскрытые немигающие глаза.

— Недель. Я ждала тебя одиннадцать недель, а ты пришёл и ничего мне не принёс.

— Неправда. — Мужчина запустил руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда плотную бумагу размером десять на пятнадцать. Девушка-фотограф ещё летом удачно выхватила из толпы его и брата, когда они мимоходом пересеклись у «Дома Книги» на Невском проспекте, и Мар обещал Марине привезти эту фотографию. — Держи.

Пациентка взяла подарок двумя руками, пристально изучила его и большим пальцем круговую потёрла Беловым лица.

— Вот теперь стены ругаться не будут. Они меня каждый день убеждают, что ты ко мне больше не придёшь, а я им вот, фигушки, говорю, Мар не такой. Мар хороший. — Марина поднялась на носочки и в предвкушении облизала губы. — Можешь поцеловать меня? — Она постучала пальцем по щеке. — Вот сюда.

Мар неосознанно поджался.

— Вот сюда могу.

Он чмокнул бывшую коллегу в место под скулой, и девушка счастливо захихикала.

— Какой ты послушный мальчик! Видите? — громко сказала она, очевидно, стенам, белым, ничем нигде не украшенным. — Видите, да? Чтобы я вас сегодня не слышала!

— Мариш, — обратился к ней адвокат, задышав через приоткрытый рот, — я же давно взрослый, а ты меня всё мальчиком зовёшь. Это мне как-то уже не по статусу.

«Боже, да хватит... — дёрнул он плечами, ощутив ледяную волну по телу. — Хватит. Пожалуйста... — Вдох. Спазм. Натужный выдох. — На платье четыре зелёные ветки, три жёлтых, четыре красных. Четыре... Да что ж как душит-то, пиздец...»

— А я так хочу, — тем временем ответила Марина и подозрительно притихла. Она уставилась на гостя пугающим распахнутым взглядом, замершая как истукан, и Мар улыбнулся ей на грани очередного приступа.

— Бездна открылась, — таинственно прошептала девушка прежде, чем он успел ей что-либо сказать. — Бездна. Бездна!

Она схватила мужчину за лицо, прижала к нему холодные сухие ладони и засмеялась — громко, без остановки. Пронизывающая бесконтрольная паника мощным прессом опустила потерянного Белова на колени. Он обнаружил, что не может выдавить ни единого звука; его затрясло так сильно, что он услышал, как постукивают зубы друг о друга, и безумный оглушительный смех Марины совсем рядом зациклил безнадежное истерическое состояние.

— Пусти меня! — отчаянно прокричал мужчина и с силой отбросил девушку в сторону. Дверь в палату распахнулась в эту же секунду, и привлечённые шумом врачи замаячили перед глазами.

— Маркус, — позвала его женщина в белом халате, и адвокат с надрывным стоном откинулся на спину. Приступ не уменьшался; Белова мутило, он задышался и внимал лишь обрывкам фраз, которыми в него бросалась обездвиженная медиками бывшая коллега. Она вторглась в его сознание совершенно нелепыми домыслами, будто мужчина скоро станет её соседом, и вторая кровать свободна специально для него. Девушка повторяла это, как заведённая, пока действие лекарства не погрузило её в глубокий сон.

«Нет тут второй кровати, дура, блядь...»

Он вцепился в руку женщины-врача, повернулся набок и под её бережный умиротворённый голос постепенно успокоился.

— Вы меня только не оформляйте, пожалуйста, хорошо? — с нервной усмешкой сказал Белов, когда с её помощью перебрался с пола на стул.

— Да оформить-то не оформим, — отозвалась медик, — но вы же понимаете, что вашего психотерапевта мы просто обязаны об этом известить?

— Разумеется, — удручённо покивал Мар. — Я тут и не препятствую.

«Слава сам потом к супервизору плакаться пойдёт, когда я притащу ему всё дерьмо за неделю».

Адвокат поднялся на ноги, сочувственно посмотрел на Марину, которая безмятежно спала после ввода транквилизатора, и в приложении вызвал такси до дома.

— Я так понимаю, из-за меня лечение осложнится?

— Возможно, — вздохнула женщина, неопределённо пожав плечами. — Лечение в целом очень тяжёлое, поэтому здесь даже не знаю, как там будет после вас. Может, хуже, может, так же. Никак не спрогнозируешь.

— Я понял.

Мар попрощался с персоналом, забрал пальто из гардероба и вышел на улицу, чтобы на парковке в ожидании машины две-три минуты покурить. Он очень расстроился; вчерашний поздний вечер его морально подкосил — София, когда села сверху, вытащила наружу те же смутные разрозненные чувства, что накрыли адвоката во время драки с Яром, и старший Белов позорно сбежал, едва сумев закончить.

«Какой послушный мальчик».

— Да блядь!

У него перехватило дыхание, он жёстко закашлялся и упал на заднее сидение такси злой, как чёрт.

*Дорогой мой (итал.)

Глава 56. Вина

Служебный «Mercedes» остановился возле подъезда. Водитель помог Асе выйти; на крыльце супругу дождался Костя, размеренно тянувший «электронку» с мощным плотным паром, и девушка телохранителей отправила по домам.

— Что-то ты невесёлая, — хмыкнул Матвеев, когда жена подошла к нему. Ася вернулась с прогулки хмурой и напряжённой, достала свой голубой девайс и закурила вслед за Костей.

— Будешь тут весёлой, — пробурчала она, — когда у нас два брата-акробата, и у обоих проблемы с головой.

— В смысле?

— Да у Мара был панический приступ. Яр его успокоил, но там слово за слово, и всё, выяснили, что не один Мар такой морально прибитый.

— А причина?

— Да если б я знала. Мар там опять в телефоне завис и отстал от нас. А мы с Яром заболтались и убежали вперёд, а потом поворачиваемся, а там он уже еле на ногах стоит. Не знаю... — Ася вдохнула и порывисто выпустила сладкий пар. — Может, в переписке что-то такое было, может, ещё чего. Сам же помнишь, Мар такие темы всегда заминает, а тут ещё Яр с другой стороны насел, и я оказалась как это... между молотом и наковальней. Что-то дальше выяснять было просто бесполезно. Там сразу в ход манипуляции пошли, а мне куда против такой артиллерии? Вот, пришлось гулять, как будто и правда всё в порядке. Но блин... Яр его назвал... как же... бесячий мистер Безупречность, и как же я с ним солидарна, ты не представляешь!

— Давно я тебя такой взвинченной не видел, — легко посмеялся Костя. — Мне кажется, я начал Мара немного понимать, вот эту его привычку ничего не говорить. Я что-то сегодня с самого утра этим загнался и, знаешь, подумал, что это, возможно, его единственный способ не сойти с ума. — Он сделал долгую глубокую затяжку и выдохнул, слегка задрвав подбородок. — Скоро шестой год пойдёт, как убили его девчонку, а он же до сих пор не отошёл. Я как-то упустил это из виду, а сегодня стал так досконально вспоминать, и да, реально, Мар тогда капитально сломался, но никто этого даже не понял.

— Ну, кто-то, может, и не понял, а я поняла сразу, — мрачно проговорила Ася, прикурила, поморщилась и достала из сумки флакон с жидкостью для заправки картриджа.

— Серьёзно? — неприятно удивился Матвеев. — И промолчала?

— А что я могла сказать? — пожалала плечами девушка. — Он пресёк на корню любые разговоры об этом, даже прессу заткнул каким-то образом. Там попробуй только заикнись, и всё, пожалеешь, что родился. А потом пошло: зал, сигареты, круглосуточная работа, а если не работа, так проститутки. С таким ритмом жизни ни на какую депрессию времени не останется.

— Охренеть... — прыснул Костя. — То есть, ты это столько лет знала, а я допёр только сейчас?

— Да нет, ты тоже это знал, но из-за своей маски «хорошего парня» ты решил не влезать. А я сейчас даже не уверена, могли мы тогда помочь или нет.

— Мы могли попытаться.

— Я и пыталась. Я же дипломат, как мы выяснили. Только не получилось ни хрена. — Ася убрала флакон в боковой карман сумки, обогнула мужа и легонько тронула его за плечо. — Важное забыла. Яр сегодня дал хорошую затравку для новой встречи, так что мы все эти психологические моменты ещё разберём. Хотя бы какую-то часть. У Мара в голове этот крючок в любом случае останется, и он отвертится, только если Яр передумает.

— Да ладно, Ась, — улыбнулся Матвеев, — задашь ему пару правильных вопросов, и он передумает обратно. Это тебе не Мар. С ним проще намного.

Девушка неопределённо качнула головой.

— Да? А в палате у Мара тебе так не показалось. — Костя мгновенно смутился и отвёл глаза. — Я теперь понимаю, — с лёгким намёком на упрекающий тон выдала Ася, сложив руки на груди, — почему Мар так много времени тратит на твоих клиентов. С таким умением видеть людей ты далеко не уедешь. Мне, может, и правда стать твоим советником в бизнесе, чтобы хоть Мар у тебя перестал заниматься не своей работой? А?

— И кого ты хочешь взять на сопровождение? — напористо проговорил Матвеев, пустив жене пар в лицо. — Белых или серых?

— Всех. Я бы целиком сняла эту задачу с Мара, чтобы он один между кучей твоих клиентов не разрывался. Он же с каждым, считай, передоговаривается после тебя, а клиента после неудачных встреч вести очень тяжело. Это выматывает. Нет, он, конечно, молодец, профи, но я теперь боюсь, что с такими состояниями, как сегодня, например, он начнёт ошибаться. Он сказал, что у него давно не было приступов на улице. Это критично, Кость. А мы с тобой раз уж заговорили о помощи, то давай сразу прикидывать реальные возможности.

— Так странно, — усмехнулся мужчина. — София Михайловна говорила, что ты ни разу не бизнесуман, а ты вон как всё по полочкам разложила.

— Тебе не нравится?

— Да, мне неприятно понимать, что я дерьмово работаю, а ещё мне страшно, что из-за этого ты хочешь взять на себя колоссальную ответственность.

— Вот опять ты вырвал информацию из контекста, — произнесла девушка, удержав желание вплести в голос чувство досады. — Я сказала, что ты не умеешь видеть людей, а это не то же самое, что дерьмово работать. Просто ты более эффективен в других процессах, не связанных с переговорами и сложными клиентами. И с чужими моральными ямами тоже. — Она вздохнула. — Короче, делегируй, блин, и косяков тогда не будет. В этом смысл грамотного руководства.

Ася двинулась к открывшейся двери, из которой вышла молодая пара с грудным ребёнком в коляске, и, проходя мимо с коротким дружелюбным приветствием, окончательно растеряла недавнее счастливое настроение.

«Господи, Мар, мы вот сейчас об этом поговорили, а я и представить боюсь, как это было страшно. И мы ведь никак не вмешались. Как будто бросили тебя со всей этой болью, а потом круги в больнице наматывали...»

Девушка поднялась по лестнице на этаж. От стыда за прошлое пятилетней давности внутри всё сжалось; она же могла заметить вовремя, что парень гаснет, несмотря на внешнюю блистательную маску. Она же могла хоть что-то сделать, чтобы они потом с Костей не падали в ноги врачам, которые чудом успели вытащить Мара с того света. Дважды. В первый год одиночества и во второй. Ладно, Костя упёрся рогом в свой принцип не трогать личную жизнь адвоката, но ей-то что мешало проводить с ним больше времени? Просто быть рядом без лишних вопросов и комментариев?

Она зашла в комнату к Серёже, проверила с ним уроки на завтра и села на мягкий коврик на полу смотреть мультики, обняв ребёнка со спины. Девушка обещала ему совместный просмотр, но сама еле вытерпела, как ей почудилось, бесконечные сорок минут, вышла к лестнице и, не выдержав, тихо расплакалась.

«Это чувство вины меня сожрёт теперь».

Оно сдавило как змеиными кольцами, выжимая судорожные всхлипы, и Костя услышал их из кабинета.

— Аська, ну что ты... — ласково проговорил он, заключив супругу в тёплые объятия, и стал осторожно гладить её по мягким пшеничным кудрям.

— Я так перед ним виновата, — прошептала она, сжав мужчине домашнюю футболку на груди. — Мар же никого не отталкивал. Я могла поддерживать его быт. Я могла просто говорить с ним. Мы его бросили, Кость!..

— Идём, — сказал Матвеев и деликатно отвёл жену в спальню. — Никто никого не бросил, — продолжил он, плотно закрыв дверь. — Если он не обращался за помощью к нам, это не значит, что у него не было других вариантов. Я знаю, что там друг Яра в курсе всех его дел. И Слава, психолог, с которым он давно работает, уже был на тот момент. Он один точно не был, а то, что он тебе как подруге ничего не доверил, — это его выбор. Ты же не собиралась ему навязываться? Да и вообще, — добавил он немного тише, — какой смысл переживать сейчас, когда мы всё равно не можем отмотать назад? Что было, то было. Главное, то, что есть сегодня, а сегодня у нас паника, обмороки и кашель от курева. Вот об этом и будем думать. Согласна?

«Он пытался убить себя быстро, не вышло. Теперь убивает медленно. Тут не думать надо, а делать, причём делать срочно, а я понятия не имею, что именно».

— Ты лучше подумай, как меня в бизнес ввести, — более твёрдо сказала Ася, вытерев слёзы боковой стороной больших пальцев. — Пока мы с Мара эту нагрузку не снимем, он даже медкомиссию в расписание не воткнёт. А я так понимаю, с этого и надо начать.

— То есть, это такая ультимативная история без выбора? — больше утвердил, чем спросил мужчина.

— Нет, почему же. Ты можешь выбирать, но если ты решишь меня не вмешивать, и Мар в итоге загноётся, я всю вину за это повешу на тебя.

«Да, Кость, это ультиматум. Я наконец-то выйду из тени, потому что в край достало уже прятаться по углам с телефоном, и выключу Мара из этого процесса, чтобы он для начала свою «пыль» поменьше нюхал. Может, из-за неё как раз вот такие побочки и всплыли».

Судя по выражению лица, Костя ощутил себя загнанным в тупик. Ася проследила, как он несколько раз подряд измерил спальню беспокойными шагами, перестала назойливо вздрагивать плечами от произвольных всхлипов и забросила в ожидании ногу на ногу, положив на колено сложенные в замок руки.

— Нет, я не могу так с ходу решать, — сдался мужчина, замерев перед женой. — Мне нужно время, хотя бы до завтрашнего вечера.

— Не вопрос, — согласилась девушка. — Давай обсудим завтра вечером.

Он в ответ шумно досадливо вздохнул, нервно похлопал себя по карманам и беззвучно выругался.

— Курить? — Ася растянула губы в понимающей еле заметной улыбке. Муж утвердительно быстро кивнул, и жена устало поднялась вслед за ним. — Подожди тогда, я с тобой.

Глава 57. Скандал

— Извини, что я тебя вот так внепланово дёрнул, но такие разговоры по телефону не ведутся. На личной встрече как-то эффективнее получается...

— Макс, давай без этих окольных предисловий. Я помню, о чём мы говорили в прошлый раз, и если ты идёшь на расторжение, то так и скажи. Окей?

Мы сидели в офисе — как и на предыдущей встрече. Одетый по привычке в светлое, я всеми силами старался сохранить лицо и ни единой мышцей не показать, что ситуация катастрофическая. Макс — один из ключевых моих клиентов, самый крупный по сумме контракта, и без него на три четверти прежнего дохода я уже многое себе не позволю. С учётом затрат на машину, такси, перекусы вне дома и, самое главное, на кредит у меня свободный финансовый «хвост» ужмётся до крючка на свиной заднице, а по проектам Кости, с кем мы подписались электронно сегодня утром, быстрый выхлоп не гарантирован.

— Ладно, Яр, — тяжело вздохнул Макс. — Без предисловий так без предисловий. — Он выложил передо мной бумагу, развернул её правильной стороной и собрался с духом. — Я бы рад продолжать, но положение у меня безвыходное. Вчера на точке среди твоих аутсорсеров оказалась реальная проститутка, и там вышел такой скандал, что меня учредители группы поставили перед фактом. Я либо расторгаюсь, либо иду нахер.

— Очевидный выбор. Я понимаю. Таких посредников, как я, ещё десяток по Петербургу, и лучше взять другого, чем потерять работу.

— Прости, я здесь правда бессилён. Гости у меня серьёзные, и, как я понял, ни о каких твоих личных объяснениях речи не шло. Ты загляни-ка в новости, может, по тебе там уже сто раз проехались.

— Ты знаешь, что здесь самое смешное? — криво улыбнулся я, краем глаза пробежав по пунктам соглашения. Зеленоглазый шатен заинтересованно качнул головой вверх. — То, что твои серьёзные клиенты наверняка сначала нажрались у тебя в ресторане, а потом вот эту самую проститутку ночью в отеле оприходовали. Или где-то ещё. А я не то, что с этого никакого процента не поймею, так ещё и наоборот потеряю значимого партнёра. — Я перевернул документ и положил его текстом на стол. — Такую несправедливость я на тормозах спускать не собираюсь. Ты мне дай номера гостей, которые больше всего орали вчера, а я попробую с ними пообщаться.

— Они не будут с тобой разговаривать. Там скандал капитальный. Репутация, все дела.

— Я обязан вмешаться, Макс, — отчеканил я на пониженных тонах, и мужчина хмуро поджал губы. — Это мой косяк, я за него в ответе, а ты — моя полная сиська, которая меня кормит. Я без тебя крепко просяду по уровню жизни, так что давай сюда контакты, я в ближайшие два-три дня попытаюсь всё разрулить, и только потом, если всё пойдёт по одному месту, мы встретимся и вот это, — я ткнул пальцем в соглашение, — подпишем. Окей?

Недовольный, шатен протянул руку, чтобы забрать бумагу. Я вернул её и отзеркалил жест, поиграв пальцами.

— Тебе вручную, что ли, написать? — буркнул мужчина и взглядом показал на экран рабочего ноутбука. — Я вообще-то на почту собрался бросить.

— Давай на почту, но прямо сейчас, чтобы я это письмо потом не потерял.

— Не доверяешь? — хмыкнул Макс.

— Прости, но нет. Ты сильно рискуешь, и я могу выйти отсюда, а ты просто закроешь ноутбук и не дашь мне ничего решить.

— Вообще-то обидно это слышать.

— Конечно. Мне тоже обидно за то, что ты даже не попытался меня отстоять. Из-за того, что я вписался в теневую сделку, мне теперь будут палки в колёса вставлять все, кому

не лень, и я честно думал, что наш с тобой совместный опыт даст мне гарантию поддержки на вот такие дерьмовые случаи. А ты струсил, Макс, и язык в жопу засунул, как только у меня начались проблемы. И пофиг, что я вписался за тебя два года назад, когда ты чуть не похерил собственную репутацию. Вот она, взаимовыручка, да? — Я указал головой на компьютер. — Пиши давай. Я жду.

Клиент насупился, уткнулся в монитор, и мы провели несколько минут в давящей тишине, пока заветное письмо не осталось у меня копией в личной переписке с самим собой.

— Не знал, что ты можешь быть таким неприятным, — разочарованно проговорил Макс, неотрывно глядя на меня в упор из-под нахмуренных бровей.

— Я могу быть ещё и очень агрессивным, если ситуация вынуждает. Или ты думал, что я перманентно такой мальчик-одуванчик с гагаринской улыбкой? — Я усмехнулся в намеренной паузе. — Да ладно, Макс. Самые добрые собаки тоже иногда скалят зубы, если их гладят против шерсти, а у меня сейчас стоит вопрос моего будущего. Ради этого я буду грызться до последнего, но если не повезёт, то что ж... — Я поднялся с гостевого кресла возле стола клиента и закончил на смиренном выдохе. — Тогда расторгнемся, куда деваться.

Мужчина распрямился вслед за мной, и мы обменялись формальным рукопожатием. Сильным, коротким, напряжённым. Я вдумчиво и неторопливо спустился на парковку по лестнице с двадцать четвёртого этажа, в машине целенаправленно пролистал все новости о себе, которые смог найти в каналах и по прямым запросам, и с чередой неразборчивой, зажёванной, ругани воткнул телефон в держатель на приборной панели.

«Ну, что, сам разгребёшь или спросишь совета у брата?»

— Сам, — процедил я вслух, и, как по закону Мёрфи, на экране мобильного появился входящий звонок от Мара. Пришлось ответить. — Да.

— Пизда, — сдержанно и приглушённо раздалось в наушнике. — Ты новости читал?

— Читал. Вот только что. А ты мне звонишь, потому что отпиздить хочешь в очередной раз или помочь?

— Да не за что пиздить. Я знаю, откуда ноги растут. А вот за дерзость я бы прописал тебе хороший подзатыльник.

— Не сегодня.

— Твоё счастье. — Мар откашлялся куда-то в сторону, его кашель мне очень не понравился, но я взял это на заметку молча. — Как будешь теперь отмываться? Есть вообще хоть какое-то представление, что делать, или мне искать билеты на ближайший рейс?

— Я взял контакты гостей, которые попали на скандальный банкет. В ближайшие дни буду вытягивать их на переговоры, потому что у меня клиент из-за такой огласки пошёл на расторжение, а для меня это приличный кусок дохода.

— В самом паршивом случае, — попытался успокоить старший, — ты просадку перекроешь Костиным контрактом.

— Ага, — скептически ответил я. — Когда? К новому году?

— Я думаю, раньше. До тебя маркетологи уже постарались, так что заявки идут потихоньку. Их только надо грамотно обработать.

— Да без проблем, Мар, но сейчас я теряю значимого клиента. У меня нет возможности полагаться на гипотетический выхлоп. Если Матвеевская затея никак не окупится, или будет окупаться слишком долго, я в самом паршивом случае могу остаться без жилья.

— Значит, переедешь ко мне в Москву, — рассмеялся брат и тут же вернулся к серьёзному деловому тону. — Давай так. Я к тебе до среды всё равно не вырвусь, так что разгребайся, как считаешь нужным. Но если будешь понимать, что своими силами не вывозишь, позвони. Я подключусь. Хорошо?

— Хорошо, — нехотя согласился я. — Только тогда подключайся так, чтобы я не чувствовал, будто без тебя ни на что не способен.

— Всё будет зависеть от степени твоего провала, если он вдруг случится. Но я всё же надеюсь, что ты у меня молодец, потому что я сам по уши в дерьме, и помощник из меня сейчас так себе.

— О... Мне определённо нравится, что ты этим делишься, а не как раньше, но я тебя, как всегда, хрен подстрахую, да?

— Не в этих делах, Яр. Не в этих. Ты, во-первых, без профильного юридического, во-вторых, не работал с госмашинами, поэтому для меня твоя полезность нулевая. Но, — заговорщицки добавил старший, — я кое-что согласовал по остальным делам, и завтра у тебя вместо выходного будет квест. Ты же не против?

— Ну... — Я замялся и выдал недоверчивый смешок. — Звучит, конечно, интригующе, но после того, как ты мне морду набил за мою самостоятельность, чёт как-то тревожно.

— Расслабься, — бархатно улыбнулся Мар. — Ты просто будешь на подхвате у Миши, а я потом вечером спрошу, как у тебя впечатления.

«Хрена се поворот...»

— Мар, — откровенно засмеялся я, — вот скажи честно: это тебя после вчерашнего так перемкнуло, или что? О делах мне своих рассказываешь, квесты устраиваешь, причём я же чую подвох. Ты же...

— Да, — прервал меня собеседник, — со стороны это выглядит, будто я уже одной ногой в дурке, но я лучше сам твои хотелки проконтролирую, чем ты опять без меня куда-то вляпешься.

— Ну, вот такой контроль я даже, так и быть, сочту приемлемым. Давно бы так.

— Угу, — промычал Мар, не открывая рта. — Тебе Миша вечером всё более детально объяснит, а я пойду одного утырка допрашивать. Подержи за меня пальцы, чтобы я из него отбивную не сделал.

— Тебе нельзя.

— Это ты так думаешь, — фыркнул старший. — Ладно, всё, мне пора.

И отключился.

— Так я не думаю, я знаю, — пробубнил я себе под нос.

«Но такому юристу, как ты, закон не писан, и хрен тебя кто остановит».

Я провёл пальцем вверх по экрану, открыл сохранённое письмо от Макса и набрал первый номер по списку.

— Лев Сергеевич, добрый день. Это Ярослав Белов, да. Я... Нет, я только сегодня, буквально полчаса назад, обо всём узнал, и, если вы располагаете временем, я хочу встретиться и получить информацию от вас лично. Да, сегодня. Я ради этого сдвину другие встречи, потому что СМИ там такого нагородили, что я не понимаю, чему верить. Нет, Лев Сергеевич, я всегда тщательно проверяю списки сотрудников, поэтому мне сейчас очень важна информация из первых уст. Конечно. Я обязан выяснить, это моя личная ошибка, или кто-то пытается со мной нечестно играть. А для этого мне нужны вы в первую очередь. Будет у вас сегодня время? Двадцать-тридцать минут, не больше. Да, записываю, диктуйте. Простите, не услышал, во сколько? В два... Понял, спасибо. Тогда всё, Лев Сергеевич, рад был вас услышать, до встречи в два. Да, до свидания, всего доброго.

«Надо же, — искренне удивился я, надув щёки и шумно выпустив воздух на долгом выдохе, — я думал, меня нахуй пошлют, а со мной так любезно поговорили. Как-то подозрительно. Или нет? Или я уже башней еду не хуже Мара?»

Напротив моей машины вновь открылась дверь кофейни, взгляд упёрся в яркие стаканчики в руках гостей, и во рту появился лёгкий фантомный ванильный привкус. Я посмотрел на часы. Пятнадцать лишних минут у меня точно было, и я устроил себе латте-паузу за столиком возле панорамного окна.

Глава 58. Соглашение

Чёрное полотно откатных ворот медленно скрылось за левым краем забора, и Паша въехал на частную придомовую парковку, маленькую, на два места, одно из которых занял отцовский «Jeep». Хозяин дома на вошедшего гостя никак не отреагировал; телохранитель молча встал у края длинного углового дивана и терпеливо дождался, пока мужчина поднимет на него глаза.

— Что будет, если я откажусь от контракта?

— Ты не откажешься, — невозмутимо сказал отец, — поэтому ничего не будет.

— Я не в рабстве, пап. Захочу — откажусь, но я должен понимать, чем мне это реально грозит.

— Ну, вот откажешься, как раз рабом и станешь. Если тебя не грохнут вместе со мной, то с таким пятном на репутации ты даже грузчиком на стройку не воткнёшься. — Хозяин дома развёл руками. — Вот такие перспективы.

— Ты для них слишком спокоен, тебе не кажется?

— А смысл трепать себе нервы? — хмыкнул мужчина. — Я предполагал, что с контрактом будут проблемы, так что вон, бери листок, читай.

Он небрежным кивком указал на документ, лежавший на тумбочке под двухметровой плазмой. Им оказалось одностороннее дополнительное соглашение; Паша вдумчиво пробежался по строкам немигающим цепким взглядом, и на губах у парня замелькала дёрганая улыбка.

— А, то есть, ты вот это рабство имел ввиду? — потряс он бумагой.

— Это моя гарантия, Паш. Чему ты удивляешься?

— Да действительно, — фыркнул охранник. — Ты участвуешь в какой-то мутной схеме, из-за которой тебя могут грохнуть, а я не то что не могу разорвать контракт, я даже вот эту лагу не подписать не могу. — Он мельком посмотрел в листок. — Фантастика просто. И это причём не Лёха строчил, я вижу. Не та манера. А раз не Лёха, значит, Герман. *Он* же у нас мастер двоякой трактовки. Да?

— Герман защитил меня от пули в лоб, — сказал отец. — Ты этого не понимаешь? Или ты настолько уже охренел, что мечтаешь плюнуть на мою могилу?

— Я мечтаю не участвовать в ваших разборках, — отрезал Паша. — Неужели нельзя было дать Матвеевой другого охранника? А меня, наконец, услышать и сунуть какому-нибудь артисту, как я просил уже хрен знает, сколько раз.

— Да получишь ты своего артиста, — досадливо проговорил мужчина. — Успокойся. Как только мои кураторы с делами разберутся, я тебя хоть на дальний Север отпущу. Делай, что хочешь. А до этого времени, будь добр, закрой рот и работай. И соглашение подпиши, чтобы нас обоих по частям за МКАД не увезли.

— Ну, нет, сначала я поговорю с Германом, а там решим, — выплюнул телохранитель и сложил бумагу пополам. — До встречи с ним я ничего подписывать не буду.

— Ради бога. Твоё право. Но я не знаю, зачем ты будешь тратить его время, если он всё равно тебе ничем не поможет.

— Я уже говорил, что никуда свою подпись без юриста не поставлю. Мы контракт подписывали вместе с Германом, если ты забыл, поэтому приложение к нему тоже разберём вместе. — Паша взмахнул соглашением и согнул его по центру ещё раз. — Он же номер не менял?

— Да вроде нет. Ты можешь ему и не звонить, в принципе, он сегодня в офисе.

— Офис, который офис или головная сауна?

Мужчина в коротком раздумье растрепал жидкие волосы на затылке.

— Он не уточнял.

— Ладно, сам уточню. В конце дня отчитаюсь.

Паша свёрнутый листок убрал в передний карман джинсов и, не прощаясь, вышел на парковку. Ворота начали открываться ещё до того, как он сел за руль; его это покорило, но из-под чувства уязвлённости проклюнулся намёк на душевную теплоту — ведь парня только что демонстративно выгнали, а безразличие, в котором Паша упрекал холодного отца и вслух, и молча, таких обидных жестов не плодит.

«А с другой стороны, где логика? Если я хоть немного дорог, смысл меня учить на спеца, у которого день может тупо не кончиться?»

Парень загасил в себе светлый проблеск и хмурым выехал из закрытого коттеджного посёлка.

— Смольный, — наконец ответил адвокат после четвёртого дозвона.

— Ага, — усмехнулся Паша. — И тебе здорово. Я по делу.

— Ну, естес-с-сно, — протянул Герман, что-то пробормотал, тихо, быстро и неразборчиво, и снова переключился на собеседника. — Хоть бы одна скотина мне просто так позволила.

— У тебя для этого есть целый маленький человек.

— Натуська не в счёт. Но она да, компенсирует мне рабочий игнор. Я тут порой зашиваюсь, а меня даже банально никто не спросит типа «Гера, а как у тебя дела?» — Юрист выдохнул и, судя по звуку, что-то интенсивно зачеркнул. — Ладно, что там у тебя?

— Я только что от отца. Он мне всучил бумажку, которую ты настряпал, и я теперь хочу лично с тобой по этому поводу поговорить.

— А, ты про соглашение? Какой конкретно вопрос?

— Давай лучше при встрече. Ты вроде в офисе, как я понял, но в каком именно?

— В обычном. Который не сауна. — Герман хлебнул воды, подавился, откашлялся и рассмеялся с этого. — Блин... Я как всегда. Ты это раз уж приедешь, захвати апельсинов. Я так апельсинов хочу, не могу.

— А доставка чё? Не катит?

— Да жаба душит. Там сотка за апельсины и две за доставку. Я что, Рокфеллер, чтобы так переплачивать? Когда будешь?

— Минут через сорок. Ну, через час, если будет очередь на кассе.

— Шик. Я как раз приду с обеда, будет мне десерт.

— А мне? — шутливо-претензионным тоном отозвался Паша.

— И тебе. Я ж не жмот. Мы с тобой посидим, пожуём, всё обсудим, чаю попьём Кстати! Возьми-ка к нему каких-нибудь вафель, что ли, а то я всё корпоративное печенье сожрал.

— За сегодня? — в недоумении спросил охранник.

— Нет, конечно. За неделю. Но коробка-то на месяц рассчитана. Ладно, Паш, — засуетился Герман и стал кому-то что-то громко набирать на компьютерной клавиатуре, — мне надо тут кое-что закончить, а через сорок... Через час, короче, я тебя жду. Всё, до скорого.

Паша рывком убрал телефон от уха, когда на том конце провода раздался оглушительный звук. Ни грохот, ни шорох, нечто среднее, пронзившее слух до самого мозга, и парень укоризненно цокнул языком.

— Ты его когда-нибудь окончательно разобьёшь.

Герман закончил вызов, но перед этим опять уронил телефон и опять, скорее всего, на пол. Неподражаемое упорство — из раза в раз пытаться совладать со скользким глянцевым корпусом вместо того, чтобы надеть на него чехол.

— Он у меня есть, — проговорил адвокат, не успев прожевать, как следует. Паша на гостевой стол ему выложил туго набитый и еле завязанный пакет апельсинов и такой же внушительный пакет весовых квадратных вафель, залил кипятком из чайника ароматные фруктовые пирамидки, и в запертом изнутри кабинете они вдвоём устроились на кожаном диване.

— Но у Натуськи приколы такой. Она его берёт и снимает, а я в запаре с утра даже не смотрю, в чехле у меня телефон или нет.

— Ну, так научи её не брать твои вещи, — ответил Паша, снимая с апельсина торчащий, как заусенцы, альbedo. — Или носи с собой. Или прячь, я не знаю.

— О-о-о, знаток нашёлся. Заведи ребёнка, пусть он у тебя до семилетки дорастёт, а я посмотрю, как ты вещи будешь на потолок складывать. И всё равно ведь даже там достанет, паразитка. — Герман торопливо проглотил оранжевую сочную дольку и закинул в рот следующую. — Дашка там вообще как? Вы жениться не собираетесь?

— Я боюсь её об этом спрашивать. У неё всё в шоколаде, а я с этим контрактом как на пороховой бочке. Вот думаю таскать её к себе на служебную квартиру, потому что иначе я к ней через всю Москву не накатаюсь. — Паша аккуратно прихлебнул горячий чай. — В эти выходные меня никто не дёргал, я в субботу домой приехал, натрахался, нацеловался и утром сегодня уехал. Было бы так постоянно, я бы не вякал, а так у меня работа ещё толком не началась, а я уже нормально влип. Ты же знаешь? Да знаешь, чё я спрашиваю. Белов. Маркус.

— Ха! — рассмеялся Герман. — Мы с одного потока. Все втроём причём, вместе с Лёхой. У нас ещё такие погоняла в универе были, закачаешься. Как на подбор. Вселенский непостижимый юмор.

— Что-то наркоманское? — следом широко улыбнулся Паша.

— Естес-с-сно. Герыч, Марка и Кокс. Лучшие студенты потока, три дебила, бл... — Адвокат сдавленным кашлем приглушил окончание слова, вздохнул, успокоился и разжевал очередную вафлю. — Чё у тебя с Беловым?

— Напряжёнка. Мы с клиенткой к нему в Питер ездили, так он меня в коридоре отеля морально оприходовал. Если бы вы мне с отцом это грёбаное соглашение не накатали, я бы отбрехался от этих дел. Я не хочу с ним бодаться.

— Это да, он всё такая же умная тварь. Стратег великолепнейший, но такой конченный, — слегка растянул юрист и сокрушённо помотал головой. — Такими только рождаются, мне кажется. Но работать с ним придётся. Как бы я того ни хотел, помочь тебе с расторжением я никак не смогу. Нет, ну, теоретически смогу, формулировки всё-таки я составлял, но если меня на этом поймают, я Натуську больше не увижу. Да я в принципе больше ничего не увижу в этой жизни, поэтому... — Он запнулся, нахмурился и бросил на язык сразу две вафли друг за другом. — Я по соглашению тебе всё подробно распишу, — проговорил он, жуя, — но ты с этой бумажкой сходи-ка к Мару. Вот прямо от меня поедешь и выцепи его где-нибудь по пути.

— А если откажет?

— Как он откажет, если это касается его напрямую? Мразота он та ещё, спору нет, но я точно не из тех, кто желает ему неприятностей. Ты только, главное, не говори никому, что я тебе тут обходные советы раздаю. Мар-то, понятное дело, сразу всё поймёт, а другим знать не надо. Ладно?

— Герыч, это мне каким дебилом нужно быть, чтобы тебя так подставить? А?

— Слушай, мне легче попросить лишний раз, чем промолчать. Я с этой катавасией рискую почти так же, как инвесторы в кризис.

— Да так и скажи, что не хочешь, как Мар, потерять семью, это же очевидно, — прямо заявил Паша, и Герман опустил глаза, скованный заметным чувством дискомфорта. Посетитель достал из кармана джинсов свёрнутый листок и протянул его адвокату. — Бумажка нужна, или ты себе новую распечатал?

— Нужна, — безрадостно ответил Герман, забрав документ. Он отодвинул от себя пакет с остатками вафель, посмотрел на кучу апельсиновых корок и тяжело откинулся на спинку дивана. — Я обожрался...

— Плохо?

— Нет, но десять минут я бы посидел молча, а то вместо меня будешь слушать мою дикую отдышку.

— Да пожалуйста, — согласился Паша и раскусил дольку нового, только что хорошо очищенного, апельсина. Герман, чтобы этого не видеть, отвернулся к рабочему столу.

«Ты не обожрался. Это у тебя нервы уже ни к чёрту».

С таким начальником, играми разума, рисками — не удивительно. Парень сочувственно вздохнул.

Глава 59. Очная ставка

Раннюю, шестичасовую, тишину и мрак, перемешанный с дымчато-фиолетовым светом у пола, разорвал изнурительный удушающий кашель. Под шум воды в унитазе Мар опёрся плечом на стену, вслушался в тяжёлое дыхание, свистящее, сдавленное, как у астматика, и с новым приступом опустился на пол. Его стошнило — вывернуло наизнанку, едва ли не окунув головой в фарфоровую чашу, и следом от напряжения на мутную жижу полетели рубиновые частые капли.

«Паршиво... Очень...»

Он завалился набок и в развороте ударился спиной о плитку, соскользнув с колен на пятую точку. Кровь закапала с подбородка на грудь; Мар её в попытке вытереть размазал по всей нижней половине лица, уцепился рукой за косяк, чтобы встать, но с остаточным судорожным покашливанием растянулся через порог.

«Нет, нет, нет... Поднимайся... Нельзя...»

Вот так замирать нельзя — выключит. Мысль распалась, улетела, как созревший одуванчик, и адвокат упёрся ладонями в тёмный паркет. Тело задрожало; мужчина толком не спал, без конца дёргался и метался между реальностью и её психоделическим продолжением во сне; будильник остановил эту дьявольскую карусель, но выжатый до нитки организм окунул мир вокруг в гауссово размытие. В затылке вместе с Маром проснулась давящая боль. От натуги во время приступов она дотянулась до висков, и мужчина стиснул зубы, отрываясь от тёплых досок.

«Вода».

Он соображал отрывками. Кое-как распрямлённое тело донесло себя до прохладного душа, в нём постепенно стало намного легче, остановилась кровь, и чёткость вернулась в растушёванное пространство.

— Блядь, — досадливо выругался Мар, пригладив мокрые волосы, и закрепил на ручке шкафа-купе вешалку с деловым костюмом. Время перевалило за семь часов; он со всеми утренними процедурами, завтраком и пробками рисковал опоздать на утреннюю планёрку, и в чат Матвееву полетел вопрос:

«На собрании будет что-то важное?»

«Нет, — отписался Костя через несколько минут, — но к шести ты мне нужен. Поговорим».

«Я не гарантирую, что к шести освобожусь».

«Постарайся».

— Постарайся, — фыркнул адвокат. — Серьёзно, что ли? В самый загруженный день ты от меня ещё что-то хочешь?

«Меня до вечера трижды выебут и высушат. Может, поговорим до того, как это случится?»

«Нет».

— Пидора ответ, — автоматом сказал Мар и швырнул телефон на стол. Он заметил боковым взглядом красную маленькую точку на камере в углу, с минуту неотрывно посмотрел в чёрный объектив и вызывающе показал в него поднятый средний палец.

«Минус пять косых за нарушение субординации».

— Да спиши сразу всю зарплату, чего мелочиться-то, — глухо проговорил он в ответном голосовом сообщении, наклонившись над столешницей, и пошёл выкладывать завтрак из контейнера на тарелку. Его не смутило, что перед камерой он расхаживал по квартире голым; если Костя вот так бесцеремонно стал за ним следить через запасные сервера, к которым Белов не имел доступа, то прятать под одеждой раскрашенную кожу больше не было смысла.

«Не уволит же он за это, в самом деле».

Но от мысли, что в трансляцию попала его борьба с беснующимся телом, адвокат слегка поджался. Он ни перед кем не собирался отчитываться, что происходит с его здоровьем, даже если оно с каждым месяцем всё больше подводило. Никому не должно быть до этого дело, и Мар невесело усмехнулся от понимания, что слежка его разозлила.

«Я годами жил сам по себе. Мои проблемы были только моими, тебе было насрать на всё, и я к этому привык. А теперь что? Вот что? Попытки в заботу, которая мне никуда не упёрлась? Лет пять назад, да, я бы её принял, потому что она мне была позарез нужна, а сейчас *mi scusa**, блядь, не надо ко мне лезть. Я не хочу этого. Да, буду учить тебя, как обещал, я буду рассказывать что-то о себе, что-то показывать, но не для того, чтобы ты из этого сделал очередной повод для контроля. Я сам себе контроль. — Мар поставил тарелку с горячей едой на стол и сел, забросив ногу на ногу. — Боже... Меня ведь никто за язык не тянул. Я сам в это всё вписался. И сдал себя сам, и даже не сказал ничего, прямо так его домой затащил. От балды. Молодец... — Он прожевал украшенную яблоками и корицей рисовую кашу и с трудом её проглотил. — Дожили, мне нужна моя личная Галя с волшебным ключом. А то я чёт косячу безбожно. Сука...»

Мужчина доел, глубоко погружённый в трясину мыслей и чувств, убрал посуду и методично собрался. Голову до сих пор стягивала ноющая боль; адвокат уложил волосы перед зеркалом в прихожей, выпил анальгетик и, притянутый в уборную запахом утренней тошноты, со смущённым вздохом нажал на кнопку слива.

«Ладно, Мар, ты был не в том состоянии, чтобы об этом думать. Забудь».

Он повторил это ещё раз, когда сел за руль. Сигарета в руке зашипела; клубнично-манговый пар опустился в лёгкие, но раздражённое горло на химию тут же ответило спазмом, и после короткого интенсивного приступа рваного кашля Белов закинул в рот ментоловую конфету.

«Ну, ты хоть до отпуска доживи, а? Месяц остался».

И постарайся между своими чёрными делами пройти хотя бы одно обследование, домыслил он с кривой усмешкой, порадуя медиков солидным чеком. Адвокат иронично ругнулся в приоткрытое ветровое окно. Из него в лицо хлестнуло порывом мерзкого промозглого ветра, швырнуло на колени пожухлый листок, и Мар поднял до упора тонированное стекло.

— Доброе утро, — гаденько проговорил Семёнов на том конце провода. Белов скривился.

— Доброе утро не начинается с поездки в Следственный комитет. Мой упырь где?

— В изоляторе на «Сокольниках».

— По судебному или так, по принуждению?

— Обижаешь. У меня тут всё по бумажке, как заказывал.

— Прекрасно. Тогда дёрни этого упыря на очную ставку, пока я еду. В протоколе с его слов такая дичь нагорожена, и меня теперь раздражает от любопытства, как он будет изголяться в моём присутствии.

— Ха-ха, Мар, — прыснул Семёнов, — а я буду следить за тобой. Мне же работу свою как-то надо делать, помнишь?

— Да ради бога, следи. У тебя даже протокол останется на память. Хочешь, в рамку повесь, хочешь, в дело подшей. Насрать, в общем-то.

— Экий ты борзый, — хмыкнул следователь и вздохнул. — А что будешь делать, если на очной ставке этот упырь тебя к стенке прижмёт? А? Не боишься в изоляторе заночевать?

— Гриш, ИВС для лохов. Если что и будет, в чём я очень сомневаюсь, то ночевать я буду дома, потому что есть залог и есть подписка о невыезде. Как минимум. Ты меня давай заранее не беси, а звони в «Сокольники» и тащи упыря к себе. Всё. На связи.

Белов смахнул текущий вызов и пристегнулся. В девятом часу утра дороги столицы на карте горели осенней палитрой, бордово-красно-жёлтой, и до Технического переулка со всеми объездами Мар добрался чуть больше, чем через час.

— А ты вовремя, — широко улыбнулся Гриша, когда адвокат с ним поздоровался, войдя в кабинет.

— Привезли, что ли? — бросил Мар и занял один из двух стульев, любезно поставленных напротив рабочего стола.

— А то! Оперативно работаем. Всё, как ты любишь.

— Семёнов, блядь, ну не ёрничай. Между прочим, любовь к порядку и слаженности — это для юриста часть работы. Ещё скажи, что я не прав.

— В наших реалиях не знаю, — откровенно засмеялся Гриша. — А у тебя твоя вот эта слаженность — это от слова «слажать»?

Адвокат не ответил — тихонько ругнулся на шумном выдохе и правой ладонью прикрыл глаза. В это время стационарный телефон, стоявший на краю стола, противно зазвонил, и хозяин кабинета сорвал трубку.

— Семёнов. Иду, да. Скажи, что через пять минут буду. Ага. — Он закончил разговор и довольно потёр руки. — Давненько у меня день с очных ставок не начинался. Ух! Аж не терпится.

Гриша оставил Мара одного и запер дверь снаружи на ключ. В одиночестве Белов лениво пошagal из угла в угол, изучил корешки разных книг в узком шкафу за стеклом и с пластиковым стаканом воды вернулся на место возле окна.

«Спиной повернись, и всё».

Он немного сдвинул гостевой стул и сел на него полубоком, сложив ногу на ногу. Пять минут растянулись в десять, и адвокат заскучал.

— Э, а ну-ка свали, — замахал рукой следователь, увидев Мара катавшимся из стороны в сторону в его кресле. Белов дождался, пока Семёнов подойдёт и, недовольный, встанет перед ним, уперев руки в бока, и с демонстративной неохотой пересел. — Может, тебе административку выписать? Чтоб ты поменьше себе позволял, а?

— Нет оснований. Ты мне протокол из башки собрался нарисовать?

— Могу и нарисовать, — осклабился Гриша, заняв своё место и придвинувшись к столу плотнее. — Напишу, что ты меня нахер послал, и будет тебе штраф.

— Да пиши, — улыбнулся Мар в ответ, и в улыбку закралась видимая «безуминка». — Я потом Косте похвастаюсь, что умудрился два штрафа за утро отхватить.

Семёнов многозначительно вздохнул и покачал головой. Он что-то в течение пары минут быстро напечатал, затем разъяснил каждому из присутствующих общий порядок мероприятия, права и обязанности сторон и предупредил о ведении диктофонной записи.

— Что ж, начнём... — протянул Гриша и внимательно посмотрел на участников разговора. — Вы знаете друг друга? В каких отношениях состоите?

— В весьма интимных, судя по показаниям, — отозвался Мар, и Семёнов сделал ему замечание.

— Мар, шутки давай в сторону, ладно?

— Я не шучу. Мы не знакомы. Я не знаю, кто это, не знаю, откуда и почему он знает меня, но из того, что я успел прочитать, у нас должны быть очень близкие отношения. Деловые естественно.

— А вы знаете гражданина Белова? — уточнил следователь у молодого парня, которому на вид совершенно не дашь его двадцать семь лет. Он выглядел на все сорок. Прыщавое лицо, как у подростка, сутулость, по-вахтёрскому изогнутые вниз губы, неухоженные руки с грязью под ногтями, замасленная местами одежда и щекочущее нос амбре — запах общественной уборной, пропитавший изолятор временного содержания.

— Конечно, — ухмыльнулся подозреваемый и взглянул адвокату прямо в глаза. — Я же нарик. И он нарик. Только я с одной стороны цепочки, а он с другой.

— Это как?

— А вот так, — перевёл он взгляд на Семёнова. — Я, как это называется, конечный потребитель. Но так как барыги у нас оху... эм, простите, оборзевшие, то свою дозу я покупаю напрямую у него. — Парень махнул в сторону Белова.

— Вот те раз... — крикнул следователь. — Гражданин Белов, это вообще-то серьёзное обвинение.

— Да не то слово, — спокойно произнёс Мар. «Я не продавец, я координатор, мудила». — Кто из нас его вопросами закидает, ты или я?

— Ты, — уверенно сказал Гриша и в предвкушении слегка подался плечами вперёд. — А я как раз понаблюдаю, да?

— Приятного просмотра, — саркастично пожелал адвокат и развернулся лицом к новому собеседнику. — Давай по классике. Кто ты, как зовут, как мы познакомились. С самого начала под запись, вперёд.

Он откинулся на спинку стула и скрестил пальцы на коленях.

— Хорош придуриваться, — фыркнул подозреваемый. — Ты и сам отлично всё знаешь.

— Гражданин Бондарев, я прошу вас ответить, — вклинился Гриша.

— Да я отвечу, но он вам тут комедию ломает, вы посмотрите!

— Бондарев, — жёстко проговорил Семёнов, — комедия тут или нет, я разберусь сам. Отвечайте по существу.

— Да пожалуйста! — огрызнулся парень и стал цедить сквозь зубы необходимые факты. — Бондарев Игорь Владимирович. Коксовый нарик. Мы года два с тобой точно знакомы, может, больше. Я за чистой «пылью» раньше к одному барыге таскался, а он сдох внезапно. А другой стал цену драть конскую. Я начал искать варианты и вышел на тебя. Ты типа не поставщик, а этот... Как его... Посредник. Обходная лазейка. Мы где-то раз в пару недель встречаемся, ты координаты скидываешь, у кого забрать, и я забираю.

— То есть, иными словами, Маркус у кого-то выкупает часть поставки и для таких, как вы, работает распространителем?

— Ну да, — кивнул Игорь.

— Прекрасно, — безэмоционально вступил адвокат. — Давай гипотетически предположим, что всё, что ты сказал, правда. Тогда ответ на такой вопрос: почему ты решил сдать меня сейчас? Не год назад, не месяц, не через год, а сейчас?

— И ты ещё спрашиваешь? Я кореша потерял из-за тебя. Ты так зажрался, что у тебя люди расходниками стали. Забыл, что ли, уже? Амнезия трахнула? — Подозреваемый шмыгнул носом и вытер его рукавом джинсовой тёплой куртки. — Ладно, хер с тобой, я напому. У меня кореш не особо шарил за чистоту порошка, а ты это просёк и начал его гонять не к тем барыгам. Или к тем, я не знаю, но у кого рука такая же грязная, как у тебя. Они ему мешанину толкали по цене чистяка. Я когда это просёк, он тебе репутацию чуть не испортил, а ты и париться не стал. У тебя же всё, — Игорь поводит вкруговую пальцем в воздухе, глянув на секунду в потолок, — схвачено. Захотел, передоз организовал, захотел, мозги продырявил. Как моему корешу, например. Он у тебя какой уже по счёту? Пятый, сотый? А, сучара ты смазливая?

Он агрессивно кивнул в сторону адвоката, качнулся телом вперёд, но остался на месте, взвинченный, неспособный хотя бы на миг замереть в одной позе. Мар ощутил внутри ледяной колючий ком, воткнувшийся, как иглами, в солнечное сплетение, желудок и горло.

«Я помню этого петуха, но, блядь, мы же с ним всё порешали. В смысле он мёртв?!»

— Игорь, — сдержанно высказался Белов, чувствуя, как слегка закружило голову, и тело вошло в состояние невесомости, контролируемое, но пограничное и опасное, — давай начнём с того, что я не умею стрелять, и если твоего кореша правда кто-то убил, то это точно не я.

— Но свою причастность к обороту кокаина ты не отрицаешь? — добавил Гриша.

— Отрицаю, — парировал адвокат. — Не отрицаю только личное употребление, но об этом я тебе сам рассказал. Это к делу никак не притянешь, потому что личное употребление не делает меня автоматически участником нелегального трафика.

— А моих показаний что, мало? — возмутился подозреваемый.

— Да. Я тоже легко могу в красках описать, как ты по Красной площади голым бегал, но мне одному никто не поверит. Нужны ещё свидетели.

— Да полно их. Я всех притащу, вот увидишь.

— Мар, ты сейчас себе могилу роешь, — прокомментировал Семёнов, и Белов равнодушно хмыкнул.

— Давай поспорим, Гриш, что против меня свидетельствовать некому. Если проиграю, что вряд ли, то у тебя будет очень весомый повод для новых погон. А если выиграю, то Игорь у нас поедет отдыхать по сто двадцать восьмой.

— Замётано, — согласился следователь, мужчины пожали руки, и Мар кивнул на них, обратившись к третьему участнику очной ставки. — Разбей.

Подозреваемый с собой заметно поборолся, прежде чем встать, и ребром ладони разорвал крепкую сцепку пальцев. Белов опёрся ими на край стола; его чуть покачнуло, но он сохранил максимально уверенный вид и сел обратно на свой стул.

— Продолжим.

*Прости (итал.)

Глава 60. Раны

— В машину сядь, — прорычал адвокат, не разжимая зубов. Обернувшийся на его оклик бывший подозреваемый непослушно подался в сторону крыльца. — Сядь, я сказал!

На чужие данные в приложении «каршеринга» Белов недалеко от здания комитета бронировал неприметный седан; он проследил за Игорем до самого дома в районе Чертаново Северное и чуть не посадил его на капот возле подъезда.

— Чё те ещё от меня надо? — набросился на него парень, как только забрался в салон.

— Рот закрой, пока я тебе ебало не разбил.

Адвокат мимолётно глянул на себя в зеркало заднего вида. Кипящий гнев сдвинул циркониевую радужку между тёмным ободком и чёрной плашкой вместо зрачка и превратил её в тонкое блёклое колечко.

— Как у тебя мозгов хватило сразу всё ментам выложить? Слабо было не трепаться, пока не выпустят?

— Да хрен бы меня выпустили, — огрызнулся пассажир. — Если б этот Семёнов твою писульку не оформил, я бы сокольничким в план пошёл. А так два зайца разом.

— Никуда бы ты не пошёл. Это я просил тебя в изоляторе подержать, чтобы ты свой рот поганый ещё где-нибудь не открыл. — Белов резко выдохнул. — Фотографию из протокола где взял?

— Спиздил.

— Подумай ещё раз.

— Да шёл бы ты нахуй! — вскинулся парень. — У меня кореш в канаве сгнил из-за тебя, и мне похую, какая там гнида с камерой в кустах посидела. Мне главное, что этот следак все мои слова на ус наматывал, а это значит, что он тебя по-любому возьмёт за яйца. Ты сядешь, сука. Я и свидетелей найду, и в спину те плюну, когда ты со своей двуспалки на шконку переедешь. Понял?!

Игорь попытался выйти из машины. Он рывком открыл пассажирскую дверь, но адвокат ему вцепился левой рукой в плечо, и бывший подозреваемый развернулся как опытный уличный боец. Мар даже среагировать не успел. Его собеседник молниеносно замахнулся, и нечто маленькое острое вместе с одеждой пробило кожу на груди чуть ниже левой ключицы.

— Да стой... — прошипел от боли адвокат, перехватив запястье нападавшего, и разглядел в его пальцах лезвие складного ножа-брелока. — Я реально стрелять не умею! Не я ему дырку в башке делал!

— А кто же? — вырвался парень и попутно зацепил Белову ладонь остриём.

— Не знаю, — выцедил Мар и вынул из внутреннего кармана пиджака носовой платок, чтобы зажать его в кулаке. — Мне до пизды было на твоего кореша. Он тупой как валенок, и то, что ты там про репутацию мою говорил, это всё бред собачий. Он что-то попытался вякнуть, когда мы с ним в цене не сошлись, но его заткнули, потому что он ненадёжный, и все об этом знали. С такими у торгашей тариф плюс пятьдесят. Вот, может, его кто-то из торгашей, кстати, и грохнул. Нельзя купить дорогое за дёшево. Не этот товар. — Он поморщился и сдержанно застонал, пошевелив раненой стороной тела. — А может, кто-то решил подставить конкретно меня, но кому это я так поперёк горла встал, непонятно. Всё же вроде отлажено...

«А у тебя твоя вот эта слаженность — это от слова «слажать»?»

Мар притих. Он развернулся лицом к лобовому стеклу, сел прямо в водительском кресле и затылок, отдалённо стянутый фоновым спазмом, уложил на подголовник.

— И всё-таки откуда у тебя фотография?

— Фотографи-и, — поправил Игорь и мастерски щёлкнул ножом, убрав его куда-то вглубь рукава джинсовой куртки. — Они лежали в моём почтовом ящике. Вот тут. — Он пока-

зал большим пальцем за спину. — Камер у нас в подъезде нет, поэтому хер знает, кто их туда кинул.

— Почему в протоколе только одна?

— Ну, потому что я хотел посмотреть, как ты вывернешься, а потом хоба! — и выложил бы всё остальное.

— Покажешь?

— Да, щас. Размечтался. Вот я как буду уверен, что ты мне в уши не ссышь, тогда и покажу.

— Какую информацию ты хочешь?

Экран телефона проснулся, оповестив о новом сообщении. Краем глаза Мар пробежался по началу фразы в окошке всплывшего уведомления, и здоровой рукой снял блокировку.

— Достоверную. Которую ты не купил.

— Мне для этого понадобится полицейский отчёт с места обнаружения трупа, — проговорил он, параллельно отвечая собеседнику в диалоге, чтобы тот его ждал через два часа в ресторане «Paulaner» на Казачьем. — Если я его достану и наглядно покажу, что меня в день убийства не было в том районе, ты успокоишься?

— Если ты мне прям как человек это докажешь, а не лживый сучий адвокат, тогда да.

— Лживый сучий адвокат я только для Кости, — усмехнулся Мар, — а в том дерьме, где мы с тобой варимся, я даже не юрист. — Он шмыгнул носом и аккуратно посмотрел, не остановилась ли кровь на ладони.

— И чё? Юрист не юрист, а всё равно пиздобол, как ни верти.

— Нахуй иди отсюда, — с напором проговорил адвокат, и собеседник, закатив глаза, выбрался из машины. Белов осмотрел себя; на рубашке расплылось большое кровавое пятно, которое продолжало медленно опускаться вниз к животу, и мужчина попробовал застегнуть пиджак.

«Пальто ещё сверху накину, и нормально будет».

Приемлемо, чтобы доехать до центра города, прогуляться через дворы и спрятаться в своём автомобиле. А на нём уже домой — переодеться, обработать раны. Тонкое лезвие повредило грудную мышцу, и любое движение — поворот руля, скольжение по телу ремня безопасности — вынуждало Мара всю дорогу дышать через плотно сомкнутые зубы. В арендованной «Kia» мужчина внимательно поискал хотя бы какой-то намёк на «аптечку», но кроме документов в бардачке ничего не нашёл.

«Ну вот, для полного счастья нам с тобой только гайца и не хватает. А то мало тебе два штрафа за утро. Будет третий».

Он покрутил карту навигатора в телефоне, прикинул ближайший удобный и знакомый поворот и по Варшавскому шоссе поднялся до Садового кольца. В Чертаново за восемь лет работы в Москве адвоката ещё не заносило; по дороге он придумал два правдоподобных объяснения на случай, если кто-то в этом районе поймает его в мобильный объектив, потому что возле МКАДа живёт то самое хорошо известное отребье, с которым по легенде Мар пересекаться не должен. За него тут работают посредники, но связи с ними тщательно продуманы и недоказуемы.

К радости Белова, никто из окон соседних машин не взялся ему махать, и на постах ГАИ сотрудники не разглядели в его седане чего-то подозрительного. Он остановился в глухом дворе неподалёку от корпуса «Бауманки», завершил аренду и в плотно запахнутом пальто спешно дошагал до личной «Audi».

«Боже, целый час как шпион, блядь. Ещё до дома осталось вот так же без проблем доехать. И проследить ещё, чтобы никакая сука не схватила меня за плечо».

Мар положил себе на колени красную сумку с аптечным дорожным набором, вынул из неё перекись и намочил прилипший к ладони платок. Отрывать не стал; так и добрался до

парковки возле дома, а затем и до душевой комнаты, где всю проколотую испачканную одежду отправил в быструю стирку.

«Мелочь какая, а больно...»

Он хорошенько промыл и замотал руку марлевым бинтом, после оттер засохшую кровь с живота и груди и закрыл на ней рану плотной повязкой на крепком пластыре. Постиранные вещи Белов сложил в пакет, оделся в другой, такой же, костюм и выбросил испорченные рубашку с пиджаком в мусорный контейнер.

«Всё, поехали дальше».

Он застегнул пальто и протянул ремень поверх него. Рулить стало гораздо комфортнее; четыре слоя ткани, включая повязку, сгладили трение жёсткого фиксатора, и Мар перед встречей с Асиным охранником заметно успокоился.

— Минута в минуту, — удивился Паша, глянув на часы, и привстал для рукопожатия. — Привет.

— Привет, — слегка улыбнулся Белов, оценив его уверенную сильную подачу в дежурном жесте. — Бывает и такое. Но я голодный, сразу говорю. Ты, надеюсь, не против, если я себе что-нибудь закажу?

Он повесил пальто на вешалку и сел за столик.

— И как Герыч будешь мне с набитым ртом отвечать.

— Вообще-то нет. У Герыча всегда была эта тупая привычка жрать, когда разговаривает. Или разговаривать, когда жрёт. Но у него и график другой. У меня в отличие от него обеда ещё не было, а завтракал я в семь утра. Так что *mi scusa*, Паш, я задавал вопрос как риторический.

Телохранитель рассмеялся.

— Смотри, чтоб тебе моя история аппетит не испортила.

— У меня сегодня такой понедельник, что ты его вряд ли испортишь ещё больше.

— Да я уж вижу, — кивнул он на перевязанную руку. — Ты подрался, что ли?

— Типа того. Назовём это издержками профессии. Дай-ка меню.

Паша протянул ему ресторанный презентацию блюд, и Мар на одном из названий невольно прыснул.

«Крафтбрюхе. Язык не поворачивается это правильно прочитать».

— Я буду крафт в брюхе, — со смешком произнёс он так, как неизменно получалось, несмотря на все усилия. — Это какое-то издевательство над моим речевым аппаратом.

— И это мне говорит адвокат, выступающий в уголовном суде?

— Ну, Паш, я не идеален. Ты если что-нибудь хочешь, заказывай, я угощаю.

— Может, ты сначала слушаешь, нахрена я тебе позвал? А потом уже будешь решать, угощать меня или нет.

— Я и так знаю, что ты мне дерьмо какое-то принёс, но моё желание заплатить от этого никак не меняется.

— Чуйка?

— Опыт. Что у тебя?

Паша достал из кармана свёрнутое соглашение. Белов его забрал и развернул сразу после того, как молодой официант принял у него заказ.

— А вам? — спросил тот у охранника.

— То же самое, пожалуйста. И счёт на одного.

— Хорошо.

Сотрудник ушёл. Адвокат обратил внимание на замолкнувшего собеседника и поднял на него хмурый взгляд.

— Там всё настолько безнадежно? — поинтересовался Паша с еле различимой каплей надежды в голосе.

— Это смотря для кого, — на пониженных тонах ответил Мар. — Для меня точно нет. Я с твоей бумажкой теперь как всевидящий бог. Ну, почти. — Он быстро перечитал документ от шапки до подписи Германа. — Для тебя тут тоже полно лазеек, так что не парься, подписывай, а там разберёмся. — Мужчина сложил соглашение пополам и вернул его владельцу. — А вот у Герыча проблемы.

— Как ты это понял? — насторожился Паша, убирая лист обратно в карман джинсов.

— Как минимум, по тому, что он отправил тебя ко мне. Это раз. Ещё ты упомянул, что он жрал, когда вы разговаривали. Он всегда так делает, когда сильно нервничает. Это два. И формулировки. Определённая манера, которую знаем только мы с Лёхой. Это три.

— Да может, он просто понял, что нельзя тебя так подставлять? Он же как сказал: я не из тех, кто желает ему неприятностей. Вы друзья же всё-таки.

— Я не вправе раскрывать тебе наши секреты, но поверь на слово. Там больше, чем нежелание работать против меня.

— Мне попробовать узнать?

— Не вздумай. Наоборот сделай вид, что меня вообще сегодня в твоей жизни не было.

— Но мы в ресторане... — замялся охранник и огляделся. — Нас же все видят.

— Не видят. Ты сел за стол, который якобы забронирован, и тебя пересадили перед тем, как я пришёл. Это раз. Я зашёл с чёрного хода, а не с парадного, вот с этого, буквально за моей спиной, и в ресторане сейчас нет никого, кто меня бы узнал. Это два. И три: мы с тобой сейчас спокойно поедем, я поеду, а ты выйдешь минут через десять после меня. Понятно?

— Понятно, — вздохнул Паша. — Мне бы твою уверенность, чтобы вот так раз, два, три, и всё по плану.

Он вздохнул ещё раз, глубже, громче. Официант подошёл через полминуты и выставил с подноса на стол две порции куриного бульона с домашней лапшой и овощами.

«Вроде переживает по-настоящему», — задумался Мар, хлебнув горячего супа. Ложка никак замотанной ладони не помешала. Зато ноющая боль в районе дырки от ножа в движении бесцеремонно напомнила о себе, не успел он толком распробовать сытный обед, и столовый прибор переключал в другую руку.

— Удобно? — скептически покосился Паша на адвоката.

— Непривычно. Но интересно.

Белов улыбнулся. А хотелось опять сомкнуть зубы до хруста и спазмы залить чем-нибудь покрепче.

Глава 61. Не чужой

— Зайдите.

На пороге кабинета появился Мар. Он молча взглянул на Костю, медленно перевёл глаза на его жену, сидевшую в одном из гостевых кресел, и занял второе свободное.

— Я думал, ты не придёшь, — недовольно сказал Матвеев и пересел из-за стола на его внешний край. — Что с рукой?

— Неважно. О чём ты хотел со мной поговорить?

— Нет, Мар, всё, что я у тебя спрашиваю, важно. Ответь.

Костя немного смягчил тон, подметив, что начал машинально перегибать. Он злился, что Белов последние два часа не поднимал трубку и не читал сообщения в диалоге. Как будто что-то произошло, и вдобавок Мар опоздал на сорок минут.

— Хорошо. Отвечаю. Споткнулся, упал, поранился об асфальт, замотался, поехал дальше работать. Всё, — приглушённо выдал адвокат, уперев затылок в мягкую спинку. Матвеев увидел, что он за очками напряжённо щурится, и выключил основной яркий свет, оставив только лампу на рабочем месте. — Это было не обязательно, — шмыгнул носом Белов, кашлянул и продолжил. — Но спасибо.

— Ты очень агрессивно реагируешь, Мар, — ласково включилась Ася. — Мы же переживаем. Тебе и утром было плохо, и сейчас ты столько времени на звонки не отвечал. Мы уж думали, что-то случилось, а тут ты ещё приходишь с перевязанной рукой. Разве можно о таком не спрашивать?

— Cara mia, — отрезал Мар, — не просто можно, а нужно. Если вы меня только за этим выдернули из графика, то я не собираюсь дальше продолжать.

— Но слушай, — недоумённо возразила девушка, — а если тебя вдруг, не дай бог, подстрелят, ты тоже скажешь не лезть?

— Если буду ещё в состоянии что-то говорить, то да. Но, скорее всего, меня не подстрелят, а сразу грохнут, и там уже не придётся ничего объяснять. Мы переключим тему, или я поехал?

— У тебя рабочий день закончился, — угрюмо заметил Костя.

— Это у тебя он закончился, а я потерял целый час, пока сюда добирался, ещё час потрачу, чтобы доехать обратно, и, может быть, к девяти вернусь домой. А так вернулся бы в семь.

— Ладно, — выдохнул Матвеев и устало потёр пальцами глаза, — давай пока отложим тему. Начнём с конца. — Он взял со стола бумагу и передал её Мару. — Это формальное согласие на то, что Ася теперь работает параллельно со мной.

— Мы немножко поругались на выходных, — со смущённой улыбкой дополнила Ася. — Ну, как поругались... Я поставила вопрос ребром. Раз уж так получилось, что мы с тобой делаем одну и ту же работу, я решила, что надо это как-то разграничить. Вот прямо не исподтишка работать, а нормально, как положено. Тут я и сама уже устала столько лет в тени торчать, и твоя паника на улице меня тоже подстегнула, так что вот. Я теперь официально советник Кости. От тебя нужна только подпись.

— Я не стал делать Асе официальный договор, — произнёс Костя, — но ради порядка наложил согласие. Прочти. Я вроде там всё нужное расписал, но если чего-то не хватает, исправить не проблема.

Адвокат сосредоточенно изучил каждый из пунктов и без единого слова достал из портфеля планшет и ручку.

«Блядь, какой же ты упрямый, — посетовал Матвеев, глядя, как Белов с маской невозмутимости на лице пристраивает «Waterman» между пальцами перевязанной руки. — Ну, если

тебе больно, а мы же видим, что больно, так покажи, что ты, сука, живой. Что ты работа из себя строишь-то?..»

— Не надо исправлять, — ответил Мар и довёл у подписи длинный «хвостик». — Пока меня всё устраивает, но просьба этот регламент не перешагивать. Что ещё?

— Я хотела между делом спросить про твои татуировки, — осторожно проговорила Ася. — Быстренько. Можно?

— Спрашивай, — кивнул адвокат, и Костя подметил, как тело юриста замерло.

— О, спасибо, — немного оживилась девушка и развернулась корпусом к отстранённому собеседнику. — Я на самом деле прям впечатлилась твоими волками на спине, потому что очень красивая работа. В ней какой-то особый смысл, да?

— Да нет. Такой же, как и в моей профессии. Только птица ещё показывает свободу выбора и свободу в целом, а волки — это как сторожевые псы на заднем дворе.

— Интересно... У тебя всё так по плану, строго, ещё и рисунки связаны одной структурой. Здрóрово.

— Спасибо. Что ещё?

— Твоё сегодняшнее утро, — безапелляционным тоном сказал Костя и покусал губы с внутренней стороны. — Я тебе штраф решил всё-таки не выписывать, но взамен хочу понимать, что с тобой происходит. Да, сразу оговорюсь, что Ася записи с камер не видела, потому что ты там не одетый, но лично я видел всё. Со всех ракурсов. И не только сегодняшние записи, так что давай-ка по-честному, без твоей вот это маски... Как ты там сказала? — обратился он к жене. — А, Мистер Безупречность. Без вот этого, пожалуйста.

Мар снял очки. Матвеев чуть поёжился от его насквозь прожигающего взгляда, и Белов перебрал пальцами здоровой руки по мягкому подлокотнику.

— Один ляпнул, и все теперь это будут повторять до скончания веков?

— Наоборот, я хочу, чтобы для этой клички больше не было повода. Расскажи хотя бы в двух словах, что у тебя с утра случилось? Ты же человек. Ты можешь болеть, и я тебя за это не ругать собираюсь, а наоборот.

— Поддержать? — хмыкнул адвокат. — Позаботиться? Вклиниться в ту часть моей жизни, до которой вам десять лет не было дела? Этого ты хочешь?

— Да, хочу, — отчеканил Костя и, дошагав до Мара, сел перед ним на корточки. — Я десять лет не лез в твою жизнь, потому что я в принципе никуда не лез, только исправно прислуживал и никому не мешал. А на выходных переклинило. Ася не даст соврать. Я устал строить из себя непонятно кого и теперь пытаюсь исправить наши с тобой чёрт те на что похожие отношения. Разве нельзя?

— Мар, объективности ради, — добавила девушка, — я в отличие от Кости пыталась интересоваться твоими делами. Я спрашивала, что у тебя в жизни происходит, пыталась помочь, когда Катя погибла, но ты как злая собака только рычал и не давал подойти. Может быть, дело не только в нас?

Адвокат поджал губы и промолчал.

— Вот и нечем стало возразить, — поддел Костя, распрямившись, и вернулся к столу. — Мы все тут хороши, но сейчас я спрашиваю не потому, что стало стыдно, хотя и это тоже, а потому, что могу спросить. Спросить и не мучиться потом от чувства, что я куда-то не туда полез. Ты не чужой мне, Мар. Ты очень ценное звено в моей жизни, и в работе, и не в работе, и я не хочу, чтобы ты нахрен загнулся. — Он в короткой паузе глотнул воды из кружки возле ноутбука. — Или ты так свою третью попытку выпилиться красиво растягиваешь?

— Костя! — вмешалась Ася, едва не вскочив на ноги.

— Что? — рывкнул Матвеев и грубо махнул рукой в сторону Белова. — Он с утра от кашля задыхался, на полу валялся в кровище, блевал, а я что? Молчать должен? И когда мне

в лицо буквально говорят, что было бы неплохо по столбу размазаться, я тоже должен пасть закрыть? А?!

Мар начал посмеиваться, сначала тихонько, потом громче, громче, слегка запрокинул голову и расхохотался во весь голос.

— Я справку тебе за каким чёртом принёс? — обозначил он, успокоившись. Костя в неуютной тишине кабинета услышал его затруднённое, хрипящее дыхание, которые прорывались даже сквозь плотно сомкнутые губы. — Ты её вообще не читал?

— Читал, — оправдался Матвеев, достал из ящика стола врачебное заключение и положил рядом с собой. — Я прекрасно помню, что тут написано, но утром...

— Костя, — жёстко прервал его Белов с леденящей интонацией в голосе, — если бы ты читал, то вот этого всего абсурда сейчас бы не было. Там чёрным по белому написано, что у меня из-за дистонии давление скачет как в одну сторону, так и в другую. И то, что ты видел с утра, это было высоким давлением. Почитай в интернете, если уж мне не веришь.

— Допустим, — неохотно согласился Костя. — А кашель, вот этот пиздец, который я слышал на записи, это тоже давление?

— Нет, конечно, — фыркнул адвокат. — Логично же, что нет. Это пережитки простуды с прошлой недели и моё курево. Но запретить мне курить ты не сможешь.

— Я и сам опять курю, так что расслабься, — понизил тон Матвеев, — но если эта дрянь будет угрожать твоей жизни, я сделаю запрет письменным и введу штраф в ползарплаты, если ты его нарушишь.

— А я нарушу. Курево нечем заменить.

— Да? А чем у тебя твой психолог за такие бабки занимается? Вот он пусть и скажет, чем заменить.

— Не скажет. Он «электронки» сосёт без конца не хуже меня. Это то же самое, как если бы меня консультировал жирный диетолог. — Мар шмыгнул носом. — И давно ты куришь?

— Со вчерашнего дня.

— Что ж... — протянул он задумчиво. — Поздравляю. Что-то ещё к обсуждению, или мы, наконец, закончим выносить мне мозги под конец дня?

— Ой, да езжай уже, — отмахнулся Костя и сел в своё рабочее кресло.

— Мар, — позвала адвоката его жена, когда Белов поднялся и двинулся к выходу. Мар обернулся; Ася к нему протянула руки для прощальных объятий и встала, чтобы прижаться к другу на несколько секунд.

— Ты посмотри, какой агрессивный, — проворчал Матвеев, стоило юристу выйти и закрыть за собой дверь в кабинет. Ася присела на подлокотник.

— А что ты хотел? Чтобы пальцами щёлк, и всё, и душа нараспашку? Мечтай... Он сначала возьмётся думать. Соображать, прикидывать. Мне кажется, он даже меня услышал, раз не смог ответить на мой вопрос, но ему в любом случае нужно время. Мы его мало того ого-рошили этим всем, так ещё и правда под конец дня, когда он уже намотался и устал. Ты уж не торопи его, ладно? — Она улыбнулась. — А то вдруг он волком станет и отгрызёт нам головы.

Костя шутку не поддержал, звучно вздохнул и посмотрел из окна, как Белов уезжает с парковки. Врачебное заключение, как только оно попало мужчине в руки, он прочитал вдоль и поперёк очень много раз. Это было полное обследование по запросу компании, результаты верные, не подделанные, не купленные, но удручающие, и Матвеев расстроился, что Белов как будто плевать хотел на то, что в них написано.

«Дистония не лечится, только корректируется, а ты не спишь ни хрена, не отдыхаешь и пьёшь одни обезболы, хотя должен пить... как их... ноотропы с витаминами. Вот как тут не рычать на тебя?»

Глава 62. Подражатель

Миша притормозил у входа в бордель, отстегнул ремень и мельком посмотрел на Яра. Тот занервничал.

— Ты можешь не идти, — предложил ему друг, но младший Белов помотал головой.

— Сдаться в самом начале? Не, не хочу.

Яр проследовал за Мишей по лестнице, и Маршал чуть кальяном не подавился, когда увидел перед собой неожиданного гостя. Ещё и целиком одетого в чёрное, не считая маренгового плаща.

— Мишаня, — громко сказал он, положив мундштук на диван возле себя, и поднялся друзьям навстречу, — я думал, ты его позвонить упросишь, а я что вижу?

— Несоответствие ожиданий ты видишь, — улыбнулся Миша и пожал сутенёру протянутую ладонь. У того серые джинсы примечательно перекликались с седыми прядями на отросших тёмных волосах, а по белой футболке кружились рыжие шары света из прожектора над головой. — Ему брательник вместо выходного приключение устроил, вот я его с собой и таскаю.

— Ага... — задумался Маршал и замахал охране возле входа. — Ну-ка тогда, отойдите подальше. В угол, в угол, да, а то мало ли, моя редкая залётная птичка опять пятками засверкает с испуга, — засмеялся он под конец. — Вы проходите давайте, что у порога-то встали, — показал он на диван, уселся первым и продолжил тянуть кальян. — Интересно, конечно... Мар же у нас ангелочка как свои яйца берёт, а тут, видать, с кукушкой совсем попрощался. Или как это получилось?

— Я его достал, — ответил Яр. Он занял место по правую сторону от Маршала, уложил рядом плащ и забросил ногу на ногу с таким же небольшим замахом, как у брата. Миша подметил, что сутенёр обратил на это внимание и насмешливо сощурился. — Причём довольно быстро.

— Это да, — согласился Миша, упав на диван слева от хозяина борделя. — По первой сделке он ещё худо-бедно всё уладил, а вот за вторую пришёл морду бить.

— И набил, причём так, что меня на «скорой» увезли.

— Слышал такое, слышал. Я бы на месте Мара до второго раза не дотянул, но это я, — с полуулыбкой покивал Маршал, наполнил лёгкие паром и на долгом выдохе качнул мундштуком. — Присосётесь?

— За твой счёт с удовольствием, — отозвался Миша.

— Я не курю, — поднял руки Яр, когда сутенёр выразительно посмотрел на него. Маршал усмехнулся.

— Зато брат у тебя всегда накуривается, как в последний раз. Ну, ладно, — хлопнул он себя по колену, — Мишань, давай уже к делу, а соску тебе сейчас организуют.

Мужчина глянул ещё раз на младшего Белова, сдержанно блуждавшего глазами по безлюдному залу. На тридцать градусов от Яра мелькнула тень; Миша поймал её очертания, мысленно похвалил за босой осторожный беззвучный шаг и начал рассказывать Маршалу про ту часть наркотрафика, которой занимается лично Мар и с которой возникли сложности из-за девочки Маршала. Его друг, увлечённый темой, нахмурился, дёрнув уголками губ. Мужчина хотел ему напомнить, что можно всё прекратить в любой момент, если неудобно, но передумал — не понял, что именно отразилось у Белова на лице, что-то пока неразличимое.

Тем временем у силуэта позади Яра нарисовалась аппетитная фигурка, по коже, блестящей от косметики, скользнул узкий луч цветного прожектора, и Миша ловко увернулся от желания посмотреть на «охотницу». Но он взглянул на младшего Белова — в тот момент, когда девичьи тонкие руки уже потянулись к глазам его спутника, чтобы их прикрыть.

— Ёлки!..

Яр потревоженной ланью замер буквально на пару секунд, и Миша не удержал эмоций, когда Белов стремительно и слепо перехватил оба хрупких запястья и дёрнул вниз.

— А-а! — вскрикнула Карина, и Яр тут же пристыженно разомкнул пальцы. — За что?!

— Блядь... — замаялся он, не зная, куда деться, в какой угол. — Прости, Карин. Это я машинально как-то, от испуга... Прости, правда. Я не хотел.

— Интересные у тебя рефлексy, — озвучил Маршал то, что Миша произнёс у себя в голове. — Мар, что ли, дрессировал?

— Не, мать. Я объяснять это не буду.

— Никто и не просит, — пожал плечами сутенёр. — Давай тогда, Мишань, продолжим.

Мужчина кивнул и взялся дальше под кальян раскрывать проблему слишком большой загруженности Мара — слишком при условии, что наркотрафик требовал серьёзного контроля. Яр опять к нему внимательно прислушался; Миша увидел, как эскортница легко расположилась у Белова на коленях, но тот настолько глубоко провалился в происходящее между ним и Маршалом, что девчонка бросила попытки обратить на себя внимание и расстроено притихла.

— Яр, — кивнул ему сутенёр с нотами недовольства в голосе, — ты её при мне так не мучай. Она либо пусть уйдёт, либо ты хотя бы глаза на неё опусти. Она вообще-то ждала тебя.

— А я наоборот пытался её забыть, — огрызнулся Яр, запрокинув голову и уперев затылок в диванную спинку.

— И как успехи?

Белов не ответил. Он опустил ресницы, и Карина подарила Маршалу потухший взгляд, собравшись оставить мужскую компанию.

— Так, малышка, — распорядился её начальник и быстро затянулся, — нос подняла, за яйца взяла и с собой утащила. Нечего мне тут мелодраму устраивать.

— Я хочу дослушать, — твёрдо сказал Яр и посмотрел сутенёру в глаза с таким вызовом, что Миша почувствовал себя некомфортно.

— Дослушаешь, как вернёшься, а мы тут пока ещё что-нибудь раскурим. Давайте, давайте, — подогнал мужчина жестом свободной от мундштука руки, — время не резиновое. — Карина от неожиданности замешкалась, и Маршал усмехнулся. — Что ты заметалась? Ну хочешь, прямо тут ему отсоси, раз он жопой к дивану прилип.

— Рот закрой, — процедил Яр, не глядя на сутенёра, и встал рывком, так, что девушка отступила от него на шаг.

— Ага, вот и сразу видно: ещё один Белов, — хмыкнул Маршал и утонул в облаке пара. — Идите уже.

Карина несмело взяла клиента за руку и торопливо увела за собой в темноту, откуда пришла.

— Скажи мне, как хорошо ты его знаешь? — озадаченно спросил у Миши хозяин борделя.

— Не уверен, что тут уместно слово «хорошо», — откликнулся мужчина с невесёлой улыбкой. — Хотя мы больше двух лет знакомы, вроде как лучшие друзья.

— У-у, два года — это мало. Тогда ладно. — Сутенёр позвал мастера, чтобы тот поменял им кальян.

— Что-то не так?

— Да всё так. Так, как надо. Я же тебе не первый раз говорю: ещё один Белов. Ангелочек херов... — тихонько засмеялся Маршал и, вынув из кармана джинсов рабочий телефон, набрал администратора. — Танюш, организуй нам первую и два по тридцать. Давай, жду. Матвей! — громко позвал он мастера. — Кальян в первую. — Из глубины зала раздалось ответное «хорошо!», и сутенёр расслабленно вздохнул. — Вот так время и скоротаем.

Миша вернулся в зал на пять минут позже Маршала и плюхнулся на то же место, где сидел до этого. Голая шатенка с золотыми ресницами как будто выжала из него все силы, и гостя борделя накрыло немного хмельное состояние.

«Есть у этой работы неоспоримые плюсы».

На пару с сутенёром они продолжили медленно потягивать ягодный микс и дождались Белова под шоу танцовщицы на пилоне.

— Молодец, — похлопал девушке Маршал и показал ей два жеста: один, чтобы та ушла, и второй, что заплатит позже. Та понятиво кивнула и собрала раскиданные по полу вещи. Между тем Яр неустойчивым шагом добрёл до дивана, присел на него и повалился на бок, отчего стриптизёрша, проходя мимо, захихикала в ладонь.

— Ты чего? — поинтересовался Миша, втянув пар из полулежачей позы.

— Заебался... — сказал младший Белов измученным голосом и повернул голову так, чтобы посмотреть другу в лицо. — Две дырки на одного — это перебор...

— А кто вторая? — удивился Маршал.

— Крис. Любимица Мара...

— Вот сучка! — воскликнул хозяин борделя, расхохотавшись. — Зараза... И как она тебе?

— Без комментариев, — вяло махнул рукой уставший гость. — Страпон в жопу не засунули, и на том спасибо...

Маршала захлестнула волна безудержного громкого смеха. Миша вслед за ним расплылся в широкой улыбке, а Яр неотрывно уставился на стоявшую на полу кальянную синюю колбу.

— Дай сюда, — потребовал он, протянув руку в сторону друга, и пошевелил пальцами.

— Не давай, — сразу вклинился Маршал. — Матвей! Наведи фруктовую «нулёвку» мини!

— Хорошо! — донеслось из-за барной стойки.

— А с этим что не так? — не понял Яр.

— Очень крепкий, — объяснил Миша, — ты даже затяжку не сделаешь, тебя вывернет.

— А... — скривился Белов. — Я «дудку» у брата решил попробовать. Думал, сдохну...

— Вот и дуй тогда «нулёвку», — сказал Маршал и выдохнул так сильно, чтобы облако пара долетело до головы Яра. — Матвей у меня хорошо делает. А мы с тобой на чём там остановились? — уточнил он у Миши.

— На том, что надо разгрузить Мара по трафику и найти доверенное лицо.

— Какой прекрасный момент, чтобы я вставил свои пять копеек, — пробормотал окончательно расклеившийся на вид Белов, — но промолчу.

— Что так? — с интересом поднял брови сутенёр.

— Мише брат башку оторвёт, если я хоть что-то скажу. А ещё у меня проблемы с текущими клиентами, и если я куда-то ещё влезу, мне кажется, моя карьера пойдёт по пизде.

— Ты смотри на него, — сказал Маршал, толкнув Мишу под руку, — матерится и не краснеет.

— Ты не тот человек, перед которым я хочу фильтровать базар.

«М-да, а в то, что ты мне сказал в палате, я начинаю потихоньку верить».

Матвей принёс Яру мини-кальян, раскурил его через насадку, болтавшуюся на шее, и передал гостю мундштук. Белов сделал свой первый вдох; пар обжёг непривычное к нему горло, мужчина несколько раз кашлянул, задумчиво распробовал послевкусию и принялся методично углублять затяжки сквозь редкие покашливания.

— Раздышался, гляди, — кивнул на него сутенёр. Миша давно у хозяина борделя не видел такого довольного выражения на лице.

— Да вижу, — вздохнул он.

«Мар меня грохнет за это».

Собеседники взялись обсуждать варианты кандидатур для помощи старшему Белову. Яр их краем уха слушал, периодически поворачивая голову, и Миша с трепетом заметил, как его друг иногда знакомо облизывает губы.

«Подражатель, блин, — сразу подумал он по привычке, но мысль на фоне всех недавних разговоров с братьями ушла в другое русло, и мужчина чуть видимо повёл плечами. — Или наоборот?»

Глава 63. Второй Белов

Мы с другом вышли из борделя в начале пятого. Миша выглядел так, будто не скурил две плотные забивки крепкого табака, зато меня кальян и девочки расслабили до состояния хмельного тумана в голове. По ощущениям я до машины словно «доплыл», тело захватила приятная невесомость, и Миша пару раз пощёлкал у меня пальцами перед носом.

— Проверка связи, — отчеканил он в ответ на мой недоумённый взгляд. — У нас по плану ещё одно место, но если ты «летишь», я тебя с собой не возьму.

— Да ну не сказал бы, что «лечу», — неопределённо покачал я рукой в воздухе, — но эйфория космическая. Мне же Матвей там точно ничего в кальян не подсыпал?

— Нет, Маршал не идиот. Ему такие проблемы не нужны, так что с кальяном не мудрили. Наверное, просто какой-то стресс отпустил, потому что ты нормально так продышался. Конечно, не «соской» такое делают, но уж как есть. Я надеюсь, что так.

— А если нет? — уточнил я с блаженной улыбкой.

— Если нет, я тебя закрою в машине, и будешь в ней сидеть, пока я не закончу. — Миша пристегнулся, и мы начали выезжать со двора. — У нас по плану Кирилл Авдеев. Он же Финансист.

— О-о-о... — протянул я, закатив глаза. — Это который мне Владимира подсунул с его непристойностями?

— Именно так. Он отлично соображает не только в деньгах, но и в провокациях. Если поддаться, он тебя закопает. А ты как раз из тех, кто поддается, поэтому, раз мы едем, я тебя умоляю, молчи. Что бы он тебе ни сказал, делай вид, что тебя нет.

— Смотря, что он скажет. На безобидное-то можно отвечать.

— А ты пока не отличишь обидное от безобидного. Поверь моему опыту. Даже брательнику твоему иногда достаётся, хотя, казалось бы, он тоже мастер провокаций.

— Окей. Я в любом случае хотел с этим Финансистом как-то пересечься, но раз не поговорю, так хоть в глаза посмотрю. Всё не просто так скатаюсь.

— Он тоже тебе в глаза посмотрит, не сомневайся. Ты, главное, не тарасься. Вот не тарасься, пожалуйста. Не жги ему дырку в башке, а то в твоей появится вмятина. Ладно?

Я рассмеялся.

— Ты так боишься, будто я демон какой-то. А демон вроде не я.

— Вот именно — вроде. С тех пор, как ты целенаправленно окунулся башкой в дерьмо, эту башку малость несёт. А иногда и не малость.

— Ты всё-таки жалеешь, что помог? — спросил я через несколько секунд, уставившись на дорогу прямо перед собой.

— Да, — хмуро бросил Миша. — Надо было не ронять тебя в грязь, а просто занять денег у Мара. Я бы сам расплатился. В конце концов Косте было плевать, кто вернёт ему деньги: ты, Мар или я. Или кто-то левый. Можно было не доводить до проблем, а теперь у тебя их полон рот.

— Хорошо, что проблем, — хмыкнул я, — а не чего-то другого. Но знаешь, — добавил, услышав недовольный вздох, — я окунулся не только в дерьмо, но и в жизнь, и в свою, и Мара, так что есть и плюсы. Расслабься.

— Яр, блин, — прошипел Миша, въезжая на Троицкий мост, — ты, может быть, перестанешь копировать брата? Это уже подбешивает.

— А я не копирую, Миш, — понизил я тон и взглянул на друга с кривой усмешкой. — Эта фишка вообще-то не его, но так как я не особо публичный, её от меня мало кто слышал. А Мар её столько пихал и в пир, и в мир, что все привыкли. Вот теперь он для всех исключительный

её владелец, но права-то на неё у нас обоих одинаковые. — Я отвернулся и вновь уставился в лобовое стекло. — Начни привыкать, что ли. Что тут ещё сказать.

«Если бы не башка в дерьме, как ты говоришь, я бы и дальше срал цветочками и ни о чём бы не догадывался. А так теперь хотя бы глаза на затылке появились. Если вдруг меня и загребут куда-то в подворотню, я пойму, за что прилетело».

Я мягко вдохнул полной грудью и от восторга вновь заулыбался. Миша прав — меня годами не отпускало внутреннее фоновое напряжение, из-за которого глубокий вдох казался достижением после череды неудачных попыток раскрыть поджатые диафрагмой лёгкие. В руках у девочек я вымотался как на тренажёрах, тело больше не смогло держать мышечный панцирь, а фруктовый прохладный пар кальяна помог своё дыхание взять под контроль. Вместо сеанса какой-нибудь йоги. Вместо очередного ядрёного коктейля в баре, который отвлекал на два-три часа, а потом догонял тем же вечером или с утра ещё большим чувством телесной скованности.

«Как бы я ещё о таком узнал, если бы не вляпался?»

Во дворе на Садовой Миша заглушил двигатель, и мы спустились по узкой лестнице к двери с вывеской «Бар». Я, правда, подумал, что внутри какая-то не очень презентабельная наливочная, потому что входная группа у нормальных баров несколько иначе выглядит.

Мой спутник оповестил о нас тремя громкими ударами кулака по металлу. Я вернулся на ступени, чтобы осмотреться в глухом петербургском дворе.

— О, явился, — раздался придушенный мужской голос из-за двери, открытой ровно для прохода одного человека. — Давненько чёт тебя не было. Куда пропал-то?

— Работа, Михалыч, работа, — улыбнулся Миша, пожав собеседнику руку.

— Да ну тебя. Заходи.

— А я с довеском. Иди сюда! — окликнул он меня, пространно глядевшего по верхам. Я послушно спустился обратно к порогу, и Миша подвинулся влево, чтобы его знакомый меня увидел.

— Ёб твою ма-а-ать... — ошарашенно протянул Михалыч, выронив окуроч, зажатый промеж зубов. Я скользнул изучающим взглядом по мужчине среднего роста, где-то мне по плечо, лысому и с наполовину прикрытым глазом; тот взаимно уставился на меня, поправил задравшуюся олимпийку на спортивном костюме и досадливо размазал недокуренную сигарету по крыльцу. — У нас чё, рак на горе свистнул, а я проспал?

— Да не-ет, — качнул головой Миша. — Это распоряжение старшего Белова.

— Да говори, как есть, — вступил я и подошёл ближе. — Я брата заебал, вот он и устроил мне наглядную экскурсию.

— Ну, заебал, так заебал, давно бы так, — обрадовался Михалыч и отошёл от прохода, махнув рукой в темноту коридора. — Я вас тогда без доклада провожу. Пускай у босса рожа вытянется с такого сюррпрайза.

Он закончил кашляющим смехом и запер дверь изнутри на ключ, как только мы вошли. Я нарочно слегка отстал, сунув пальцы в карманы брюк; из полумрака, разбитого тусклым светом единственной лампочки, мы попали в пустой зал с перевёрнутыми стульями на столах, и моё появление чуть позже Миши заставило Финансиста с разведёнными в стороны руками подняться мне с дивана навстречу.

— Надо же, Ярослав! — прогромыхал он на всю наливочную; бара я в этом подвале действительно не заметил. — Здравствуй. Добро пожаловать в мою клоаку. — Он сально улыбнулся. — И кто же тебе твои ангельские крылья подрезал, раз ты здесь?

Кирилл размашисто протянул мне ладонь, и я её спокойно крепко пожал.

— И вам доброго вечера, Кирилл. Это на самом деле прекрасный вопрос, но вы его адресуете не тому Белову.

Напряжение в тело вернулось, но не чувством второго скелета, а наоборот, азартной готовностью, как у линии старта. Мне показалось, что Авдеев перебрал меня по косточкам, пока мы несколько секунд не разнимали пальцы, и в его пристально смотрящих немигающих глазах я увидел нездоровый огонёк.

«Я же правильно понял, что это была первая провокация?»

Да, правильно, ответил я сам себе, когда мы сели по приглашению Кирилла на диван напротив него, и Миша больно ущипнул меня за бедро.

— Я же просил, — шепнул он едва различимо на ухо. В его словах, процеженных сквозь зубы, спрятались тревога и негодование, но вместо извинений Миша получил невозмутимый выдох.

— Это первое впечатление, Миш, я не мог его запороть.

«Да блядь, тебе же Маршал чётко сказал: я — второй Белов. Ты реально думал, что я буду молчать в тряпочку?»

— Всё нормально? — уточнил Авдеев.

— У нас с Яром да, — кивнул друг. — А вот у нас с тобой не очень. Я потому и приехал.

— У нас с тобой дела не очень уже второй месяц, и что-то прогресса не видно. Я всё-таки так и не понял, — сказал Кирилл и посмотрел на меня в упор. — Тебя каким ветром сюда занесло?

— Мар согласовал, — ответил Миша, и Финансист нахмурился.

— А Ярослав что, сам не может языком поработать?

— Не хочу, — ровно проговорил я и положил ногу на ногу. — Я сюда приехал слушать и смотреть, а для всех вопросов у меня есть пресс-секретарь.

— Интересно... Ладно, — с натяжкой согласился хозяин бара и перевёл взгляд на Мишу. — Чего там, говоришь, этот обморочный согласовал?

«Ты когда сказал, что после разговора с ним хочется выйти в окно, я сначала не понял. Теперь понял».

Об этом старший предупредил вчера поздно вечером. От такого количества оскорблений на квадратный метр никакая стрессоустойчивость не спасёт. Только навык ловить общий смысл, как у врачей психбольницы.

Я внимательно прислушался к диалогу Миши с Кириллом. Они совсем не дружелюбно обсуждали вопрос безопасности в перевозках наличности через границу, и Финансист обвинял моего друга в неуважении к его порядкам и безрассудстве.

— Ты ломаешь через колено всё, что я строил годами. До твоего куриного мозга всё никак не дойдёт, что мне не нужен хитровыебанный курьер. Мне нужен надёжный, потому что бабки мои, и я решаю, какими путями их раскидывать.

— Ты сто лет уже эти пути не отслеживал, — возразил Миша. — На них уже половина прихлебателей поменялась, и они твоими порядками давно жопу вытерли.

— Да что ты говоришь. Я всяким шавкам счёт и не веду, а мои старики все на местах. Если там на тебя какой-то ублюдок не так чихнул, это твои проблемы, а схемы как работали, так и работают.

— Много ты, что ли, видишь из своего подвала? Я на границах каждый раз с овчарками в «гляделки» играю, а твои якобы проверенные люди чуть не отдали команду оторвать мне яйца.

— И что? Яйца-то в итоге целы.

— А нервы нет.

— Мне похуй на твои нервы, Миша. Я заменю тебя как туалетную бумагу в сортире, и будешь свои мудрёные комбинации бомжам показывать.

— Да повесьте вы на него полную материальную ответственность, — не выдержал я, глядя в потолок. — Пускай он делает, что хочет, а если проебёт ваши деньги, то вывернет свои карманы. Вот и всё.

Миша спазматически кашлянул и сглотнул. Наливочную затопила гнетущая тишина, Михалыч где-то позади меня шмыгнул носом, и я, опустив подбородок, наткнулся на плотоядный взгляд Авдеева.

— Отлично, вот и порешали, — хищно улыбнулся он. Друг порывисто вскочил на ноги, больно ухватил меня за руку, чтобы вывести из подвала, но Финансист осадил его, оглушительно рывкнув: — А ну сядь!

Я скривился от болезненного чувства в ушах. Миша плавно и осторожно вернулся на место, и Кирилл подался телом вперёд, положив локти на большой квадратный стол.

— А слово-то ты своё не держишь. Вроде говорил, что языком трепать не собираешься, а сам опять варежку раззявил.

— Я поэтому и хотел его вывести... — начал Миша, но Авдеев рыкнул в его сторону:

— Я тебя сейчас выведу, если не захлопнешься. — Он повернулся вновь ко мне. — А ты, говорят, теперь у Костолома на побегушках? Поближе к этой сучьей адвокатской роже?

— Что-то вроде того, — усмехнулся я, не дав обиде за Мара всё испортить.

— А ты знаешь, что мы с ним о-о-очень давние друзья, а друзья своими исполнителями радушно делятся?

— Да я знаю, что я вам нужен. И Вовку недалёкого вы тоже прислали ко мне не просто так. Но есть нюанс: я работаю не на Костю, а на брата, поэтому нет никакой делёжки.

— Да что ты? — Авдеев снова растянул губы в опасной улыбке. — А если так?

Миша дёрнулся в мою сторону, как только холодный металл уткнулся мне в затылок, но я развернул к нему ладонь в упреждающем жесте. Друг замер, испуганно дыша.

— Сколько раз вы вот так же нагибали Мара? — спросил я, стараясь не шевелиться. Туман в голове развеялся, и тело наполнилось неприятным жаром.

— Мно-о-ого, Ярослав. Очень много.

— Да он мазохист.

Я глубоко вдохнул. Секунда — и резко ушёл с линии выстрела, слегка наклонив тело к столу, достаточно, чтобы не промахнуться. Я одновременно с этим выбросил левую руку назад, и точный удар пришёлся по костлявому запястью Михалыча, стоявшего вплотную к спинке дивана. Выбитый пистолет полетел прямо в Мишу; тот по рефлексу его поймал, но я бесцеремонно забрал оружие себе и, сев на место, в ту же позу, положил руку с ним на колено.

— Вы знаете, Кирилл, — сказал я прежде, чем кто-либо нарушил неловкое молчание, — я, конечно, не бандит, но один мудак научил меня двум вещам: это стрелять и делать так, чтобы не стреляли в меня. Этого, надеюсь, хватит, чтобы вы меня с братом не равняли?

— Хватит, — уверенно проговорил Авдеев, блуждая по мне цепким взглядом лихорадочно блестящих глаз. — Свободны.

— Спасибо.

Я встал и направился к выходу первым.

— Ты пистолет-то верни, — догнал меня голос Михалыча. Я покрутил оружие на пальце, дошёл до стола и опустил дуло в полный стакан с пивом, стоявший возле Финансиста.

— Всего доброго, Кирилл.

В машину мы с другом сели молча, выехали из двора на Садовую, и я впервые услышал от Миши эмоциональный поток брани.

— Пиздец... — выдал он судорожно, стиснув руль побелевшими пальцами. — Ты всего неделю назад тряся как сука в баре, пока подписывал чёртовы бумаги, а сегодня Авдееву хуем по губам помазал. Кто ты, блядь?! — воскликнул друг, устремив на меня растерянный взгляд.

— Я — второй Белов, — мрачно произнёс я, глядя вниз. — Ты прости, Миш. У нас с Маром было детство, о котором не хочется вспоминать, и вот это всё... и с пистолетом тоже... всплыть не должно было.

— А Мару я что теперь скажу? Ты хоть понимаешь, кому ты свой характер показал? Это же, блядь, Авдеев! Ты башкой своей не думал, что Мар прогибался как раз потому, что так безопаснее?

Я вскипел и зарычал:

— Да пошёл ты нахрен со своей безопасностью! Я сделал то, что посчитал правильным, и это правда, Миш, лучше, чем жить как какой-то какой-то, блин, дистиллят в чужой больной фантазии!

Друг не ответил. Он в тишине отвёз меня домой, и попрощались мы с ним тоже без единого слова, а дома я у порога бессильно прижался спиной к двери. Моя сделка с Маршалом была скучной репетицией, а вот теперь я реально вляпался по самое не хочу.

«Но ведь за последние десять лет это был лучший день, да?»

Да. Я спрятал лицо в ладонях.

Глава 64. Выход из тени

В переговорной Ася выбрала место за столом между Костей и Маром. Свой ноутбук Антон развернул экраном от себя, чтобы все собравшиеся могли увидеть Алексея, и поставил его чуть под углом справа рядом с собой.

«Садисты, блин. Могли бы и предупредить обо мне, а то прям смотреть жалко».

Она набрала это в заметках и показала Белову. Напротив Аси, Кости и Мара мужчина сидел один, и если бы не нужно было видеть лицо адвоката, он бы ноутбук использовал как условный барьер. Так показалось девушке, потому что Колосов метался взглядом с одного визави на другого и косился в экран, потирая кончики пальцев друг о друга.

«Расслабься, — набросал Мар у себя в телефоне. — Он в прошлый раз себя некрасиво повёл, поэтому сегодня будет страдать».

Ни улыбки, ни живости — жёсткая деловая холодность, и взгляд под очками кукольный и пустой.

«Это он после нашего разговора такой, или опять что-то случилось?»

— Ну что, — раздался голос Алексея из динамиков, — я вас слышу и вижу. А вы меня?

— И слышим, и видим, — ответил Мар. — Напомни, какой у тебя лимит по времени?

— Час. Потом я должен уехать, но могу остаться на связи, только без камеры.

— Я думаю, мы в час уложимся. Я предлагаю тогда начать, чтобы не затягивать, — оглядел Белов всех присутствующих. Ася кивнула, Антон и его адвокат промолчали.

— У нас на сегодня был заявлен всего один вопрос, — включился Костя и придвинулся ближе к столу, — но прежде, чем мы к нему перейдём, я хочу представить вам мою жену. — Он показал на неё рукой. — Анастасия Юрьевна со вчерашнего дня мой персональный менеджер и советник, поэтому с ней можно обсуждать дела точно так же, как и со мной.

— Всем доброе утро, — поздоровалась Ася и посмотрела поочерёдно на Алексея и Антона. — Мы с вами уже заочно знакомы. А с кем-то и не заочно. Я хоть и была домохозяйкой до вчерашнего дня, но всё равно участвовала во всех делах Константина. Просто из дома и не на виду. Сейчас обстоятельства поменялись, и я, как говорится, вышла на свет.

— Давно же мы с вами не виделись, Анастасия Юрьевна, — улыбнулся Алексей.

— Очень давно, правда, — с похожей улыбкой ответила девушка.

— Простите, Анастасия. Вы сказали «обо всех делах Константина», — недоверчиво произнёс Антон. — Реально всех?

— Прямо всех, Антон, да, — уверенно кивнула Ася, — потому что переговоры с Алексеем до того, как вы сюда пришли, вела именно я.

— До того, как я сегодня пришёл, или...

— Нет, ещё до прошлого понедельника.

— А-а... — задумчиво протянул Колосов и с упрёком посмотрел в экран. — Здорво.

— Так, — Ася слегка подняла руки над столом, — я думаю, на этом знакомство можно закончить. Будет ли кто-то против, если я сразу сейчас поставлю вопрос ребром? Так скажем, облегчу всем задачу на ближайший час.

Она посмотрела в первую очередь на Мара. Тот пожал плечами.

— Ставь.

— Я тоже не против, — помотал головой Костя в ответ на поворот её тела к нему.

— Алексей? — обратилась она к адвокату по другую сторону монитора.

— Могли бы и не спрашивать, — тихонько засмеялся мужчина.

— Ну, значит, и я согласен, — вздохнул Антон.

— Прекрасно, — воодушевилась Ася. — Тогда и скажите мне, Антон, вы когда говорили про персональное... — она невольно быстро глянула на Белова, — обслуживание, вы что кон-

кретно имели ввиду? Персональное юридическое сопровождение от нас или всё-таки личного менеджера по сделке?

Краем глаза девушка заметила, как «Waterman», который неустанно Мар крутил между пальцами, остановился. Юрист положил ручку на стол и показал Асе быстро набранную заметку.

«Не поверишь, я об этом различии даже не подумал».

— Да ну нет... — в это время замялся Колосов, — у меня же есть персональный юрист. Даже два, куда ещё-то... Получается, менеджера хотел, чтобы он вместо меня все эти административные вопросы разгребал.

— Тогда зачем вам нужен Маркус? Он адвокат, а не администратор.

— Да, но сделка-то нелегальная, — возразил Антон. — А вы сами сказали, что в курсе о нелегальных сделках. А значит и в курсе, что весь нелегал Маркус ведёт сам.

— Я тоже его веду, поэтому и задала такой вопрос. Вам если не критично, кто именно возьмёт на себя бумажную волокиту, тогда предлагаю обмен. Поменяем Маркуса на меня. Тогда всей юридической историей будут заниматься Алексей и...

— И Герман, — подсказал адвокат Колосова.

— И Герман, спасибо. А я займусь административной стороной. Что скажете?

— Я без проблем это согласую, — произнёс Алексей, — если мы сойдёмся на пунктах договора.

— А вот с этим вопросом уже к Маркусу, — лучисто улыбнулась Ася и немного развернула кресло в сторону Белова. — Вы ж там на своём юридическом договоритесь, да?

— Если Антон согласится, — ответил Мар, — то договор я подготовлю уже к вечеру.

— Антон пока почему-то молчит, — с небольшой грустью проговорила девушка и посмотрела на Колосова в упор. — Вам если что-то непонятно, вы не стесняйтесь, спрашивайте.

— Мне только одно непонятно, Анастасия, — откинулся Колосов на спинку офисного стула, — что вас надоумило выйти из тени? Сидели бы там дальше, никто бы и не знал, что у Константина есть такой козырь в рукаве.

— Очень некрасивая постановка вопроса, — всё ещё доброжелательным, но похолодевшим тоном отозвалась Матвеева. — Очень. Но я отвечу. Всеми делами мужа я занимаюсь уже без малого десять лет. Из них восемь я растила сына, поэтому выйти из тени было просто невозможно. А сейчас у меня Серёжа уже большой мальчик. Он и без меня дома вполне справляется, поэтому я здесь, перед вами. Вы готовы подписать со мной договор?

— Хочу подумать, — отпечатал Колосов, не сводя с собеседницы колкого пристального взгляда.

— Ты издеваешься? — неприятно удивился его адвокат. — О чём тут ещё думать?

— Алексей, тут дело не в том, о чём именно думать, а в том, что думать некогда. Антон, вы сами хотели закрыть вопрос как можно быстрее, так чего тянуть? Не нравится моя кандидатура? Скажите. Нужны дополнительные условия? Скажите. Нужен конкретно Маркус, потому что у вас такие-то давние нерешённые проблемы? Тоже скажите, на всё же найдётся компромисс.

На варианте про Белова у мужчины почти незаметно дёрнулся левый глаз. От глубокого вдоха рубашка на животе натянулась ещё больше, и пуговицы чудом не разлетелись во все стороны.

«Как неопратно, — мысленно поморщилась девушка. — При таких деньгах рубашка на заказ вышла бы прям за копейки. И волосы... Что за волосы? Разве нельзя вот эти три волосинки с залысиной как-то в порядок привести?»

Крыса, подытожила она. Жирная наглая крыса.

— Я не хочу компромисса, но и препираться дальше тоже не хочу, — сказал Антон и, наконец, отвёл от неё глаза, посмотрев на своего юриста. — Вы там оформитесь с Маркусом, хорошо? А мы, наверное, на этом закончим.

— На моей памяти это самые быстрые переговоры, — добавил Мар и спрятал «Waterman» в креплении под обложкой ежедневника. — Мы уложились даже меньше, чем в полчаса. Как по заказу, — криво улыбнулся он, сняв очки и взглянув на Колосова исподлобья.

— А ты давай без ухмылок. Если Анастасия наглухо утонет в процессах, я замучаю вас всех.

— Да ради бога, — хмыкнул адвокат.

— Она не утонет, — проговорил Костя, всё это время молча крутившийся в кресле из стороны в сторону. — За десять лет она мне столько клиентов сохранила, что ей надо медаль вручить за эффективный менеджмент.

— Куда более эффективный, чем ваш? — уязвил напоследок Антон.

— У меня в отношении жены слишком субъективные оценки, — не растерялся Матвеев, — поэтому я не берусь судить.

«И мне вот с этим работать. Хотя ладно, он ещё не такой блевотный, как Александр. А с ним, как назло, проблемы...»

Артём Михайлович забрал себе, похоже, самого невыносимого из всех адвокатов. Ася едва его терпела, поэтому, глядя на Колосова, она смиренно вздохнула и мягко улыбнулась на прощание.

— Надеюсь на комфортное сотрудничество, — сказала она, пожимая руку Антону, сунувшему подмышку выключенный ноутбук. — Всего доброго.

— Я к вечеру пришлю номер Анастасии для связи и договор, — утвердил Белов и проводил мужчину рукопожатием, не видя его самого.

«Ну, зачем так демонстративно-то», — укорила его Ася за то, что он вместо клиента рассматривал экран телефона. Костя с Антоном разошёлся последним, и троица дождалась, пока в коридоре бизнес-центра Колосова и след простыл.

— Молодец, — искренне похвалил жену Матвеев, и та ему благодарно кивнула. Мар ничего не сказал, утонувший, судя по лицу, где-то на дне себя.

— Клиент говно, но есть и хуже, — начала она, сосредоточенно нахмутив брови, — Что хочу сразу сказать: от вас обоих мне нужна будет установка камер на этажах квартиры. Во всех комнатах, даже, блин, в туалете. Новости о том, что я вышла из тени, сейчас разлетятся буквально за день, и те, кто тебя тогда отпинал, точнее, те, кто приказал это сделать, о себе уж точно напомнят. А у нас дома сын. Его надо обезопасить со всех сторон, потому что мама с ним круглосуточно сидеть не будет.

— Камеры в доме есть, — отозвался Белов, — только выключенные.

— А нужно, чтобы были включенные, как у тебя. И нужно передать Паше дубликат ключей. Это, во-первых, позволит за ним понаблюдать, а во-вторых, Серёжа должен к нему привыкнуть. А, ну и в третьих, чтобы он мог открыть квартиру в случае чего, если мы её сами открыть не сможем.

— Ты так из-за Антона всполошилась? — удивился Костя. — Он же пешка.

«Если скажу ему про бумажку, Мар мне голову откусит».

— Он, может, и пешка, а за ним ферзи да короли. Я рискую сыном, Кость, поэтому засели ещё где-нибудь рядом пару охранников. Пусть торчат на круглосуточном наблюдении. Мало ли.

— Будем трахаться у них на виду? — фыркнул Матвеев.

— Будем. Лучше выдать эротическое шоу, чем подохнуть в собственном доме, и никто не придёт на помощь.

— Какой у тебя позитивный прогноз на будущее, — невесело улыбнулся адвокат.

— Всяко лучше, чем твой, — парировала Ася. — Я хочу охватить все возможные риски, потому что за мной охотятся, а у меня слабых мест — завались.

«И за тобой, саго тіо, тоже охотятся, но сейчас ляпни чего при Косте, будет лишняя суета. Он один, походу, счастливый, нафиг никому не нужный в отличие от нас».

— Дорогая моя, расслабься, пока что всё под контролем, — успокоил Мар. Он поднялся со стула и предложил, достав из кармана пиджака пачку обычных сигарет: — Кто-то хочет со мной на улицу?

— Все пойдём, — ответил Костя, и троица молча спустилась на «пяточок» в углу парковки у служебного входа. Белов затянулся терпко-вишнёвым дымом, выдохнул его через нос и отвернулся, чтобы прокашляться.

«Вот ещё и твоё здоровье держится на соплях, — мрачно подумала девушка, опуская в лёгкие испарённый карамельно-банановый коктейль. — Тут хочешь не хочешь, а риски будешь просчитывать. Заменить же тебя так и некому до сих пор, а ты если сляжешь, меня хоть альтернативы худо-бедно вывезут. И то не факт».

Она посмотрела на друга сквозь густой пар и слотнула сладкое послевкусие вместе с очередным личным вопросом.

Глава 65. Миротворец

Ключи от квартиры Матвеевых с тяжёлым звоном упали на ламинат. Паша хмуро вертел их на указательном пальце за крупное кольцо, пока оно в какой-то момент не соскользнуло с фаланги.

«Да-а-а... Как в сказку попал. Налево пойдёшь — дно жизни увидишь. Направо пойдёшь — из агентства вылетишь. Прямо пойдёшь — Дашку потеряешь. А попятиться — закопают нахрен. И тебя, и Геру, и кто там ещё в этой грёбаной паутине...»

Ключи неприятно заскрежетали друг о друга, поднятые с пола и до кистевого хруста сжатые в кулаке. Ситуация намертво привязала охранника к телефону, и, несмотря на то, что предыдущие клиенты тоже могли его дёрнуть и днём, и ночью, в этот раз его некому подстраховать. Он у Матвеевой один, и когда его позовут из душа или магазина — это ещё терпимо. Но когда вызвонят из постели с Дашкой, никакого люфта по времени, чтобы закончить, у него не будет.

«У Дашки ангельское понимание моей работы, но я её раз не дотрахаю, второй, третий, и всё. Тут как бы сильно она меня ни любила, ей не нужны такие жертвы».

Если дёрнули — значит, собрался и побежал. Асина безопасность в приоритете. Сместить его на свою девчонку — это потерять минуты, которые могут стоить клиентке жизни. За это потом агентство поставит раком и с «волчьим билетом» в заднице отправит на все четыре стороны.

«Но Мар сказал, что мне Гера лазейки оставил. Надо бы узнать, какие именно, но для этого мне, по-хорошему, они оба нужны».

«Насколько ты занят?» — написал он адвокатам и в диалоге для отчётов после долгой тяжёлой паузы нажал на кнопку с микрофоном.

— День десятый. Моя клиентка сегодня вышла на работу, поэтому я теперь на круглосуточном дежурстве. Насчёт Белова новостей нет, но все поправки по нему я пока на «стопе» оставил. Пока присмотрю за ним, потому что он вроде начал мне доверять, но я не понял, почему. Мутно всё как-то.

Во время записи пальцы пронзила ритмичная вибрация. Паша отвёл руку с телефоном от лица и сосредоточенно прочёл ответ от Германа, опустив шторку с уведомлениями.

«На пиздюлях катаюсь. А что?»

Со смайликом в конце первого предложения.

«М-да, охренеть как смешно».

Телохранитель боковой клавишей выключил экран и заварил себе чай. Отбивку от Мара он дождался только минут через сорок, когда и заварка кончилась, и очередной сюжет веб-сериала.

«Смотря что случилось».

«Помоги мне расторгнуть контракт. Ты говорил, что это возможно».

«Да, но я бы не советовал торопиться. Есть нюансы».

«Кто бы сомневался. Может, пересечёмся, и ты мне объяснишь, что там за нюансы такие?»

«Может. На Комсомольской в четыре. Отель Марриотт. Я оттуда в шесть уеду, так что если уложимся до шести, то приезжай».

Паша послал адвокату стикер с поднятым вверх большим пальцем и тут же переключился на диалог с Герой.

«Дело есть. Ты к четырём сможешь прикатить на Комсомольскую? В Марриотт».

«Не-а. Не успею. Я в четыре только с экзекуции выйду».

— Герыч, блин, — огрызнулся Паша, — бесишь своими смайликами!

«Ну давай тогда к половине пятого. Так пойдёт?»

«Да я раньше приду. Мне до Марриотта пешком минут десять».

«На таймер поставлю. Попробуй только не прийти».

Герман прислал анимированный стикер в виде хохочущей собаки. Паша бросил телефон на кровать.

«Не понимаю, как можно угорать, когда тебя каждый день морально нагибают».

— А! — вспомнил он. — Кстати...

«А Лёху мой папаша так же насилует, или только тебе так не везёт?»

Адвокат отозвался набором обычных скобочек и следом дописал:

«Лёха на витаминках сидит. На него хоть ори, хоть не ори, ему похер».

— Да блядь, — закатил глаза Паша и вновь отшвырнул мобильный на подушку. — Я что, один среди вас психически здоровый?

«Какая-то дурка на выезде, ей-богу», — додумал он и ближайšie два с половиной часа пролежал на кровати, раскинув руки в стороны. Хотел для Дашки записать «кружок», уже дотянулся до телефона, но понял, что для этого слишком напряжён. Воображение нарисовало ему перспективы не просто туманные, а пугающе-грозовые; парень ощутил себя окружённым со всех сторон чем-то незримым, неудобным и заставляющим нервничать каждую секунду своей жизни. Ещё в понедельник Мар ему дал маленькую смутную надежду, этакий подарок с барского плеча, но сегодня сам же её и забрал, и через половину города вместо трепета и предвкушения телохранитель с собой провёз чувство загнанности в угол.

— Я не хочу в этом всё участвовать, — сказал он, как только Белов пустил его в номер, и Паша сел за чёрно-золотой кофейный столик. — Что мне делать?

Адвокат показал ему поднятый вверх указательный палец. Охранник молча дождался, когда тот закончит кому-то быстро набирать сообщение, уберёт глубокие складки над переносицей между насупленными бровями и с недовольным выдохом швырнёт телефон в поставленную на шов подушку.

— Расслабься, — сдержанно ответил Мар, опустившись на край постели. — Ты, во-первых, не один. С тобой ещё как минимум двое, так что если где и проебёшься, тебя подстрахуют. А во-вторых, даже если я помогу тебе, клеймо отказника всё равно останется. Тебе с ним крупные дорогие клиенты ручкой помашут. А, и ещё ты своим расторжением очень сильно подставишь Геру. Антон, сразу говорю, мудила. Он если узнает про эти махинации с формулировками, Гера покойник.

— А как он узнает? — не понял гость. — Он же не юрист.

— Тут не юридический аспект, а логический, — отозвался Белов и взялся тянуть «электронку» без запаха. — Если ты смог вырваться, значит, Гера дерьмово сработал, и конкретно за этот проёб он будет головой отвечать. Буквально. Понимаешь?

— Гера говорил об этом И что же, получается, выбора у меня нет? — удручённо спросил Паша.

— Почему же? Ты сделал свой выбор. — Адвокат прервался, чтобы откашляться. — Ты же сказал, что не хочешь в этом участвовать, поэтому просто скорректируй задачи. Ну, например, представь, что ты теперь двойной агент. Это интересно вообще-то. Тем более я тебе тоже давал задание. Помнишь?

— Такое забудешь, как же, — скривился телохранитель и откинулся на спинку стула, заёрзав на нём от назойливого беспокойства.

— Вот и прекрасно. Чем не готовый план? Ты работаешь на два фронта, я тебя страхую везде, где могу, а ты мне всего-то не врёшь и вовремя информируешь.

— А, — вскинулся Паша, сложив руки на груди, — то есть я тебя информирую, но при этом сам себя как будто не подставляю, да?

— Я же сказал, я тебя боюсь, — чуть сипловато повторил мужчина. — Ты информацию будешь нести лично мне, и уже я буду клепать стратегию, в которой и ты в шоколаде, и я как бы в неведении. Это уже моя забота. Твоя забота — не играть против меня. Согласен на такие условия?

Мар опять зашёлся длительным удушающим кашлем, и гостя встревожило состояние Белова — и сам приступ, и затруднённое астматическое дыхание после него.

— Врача? — кратко спросил он, поднявшись на ноги. Собеседник замотал опущенной головой и показал ему раскрытую ладонь с растопыренными пальцами. Мол, дай мне пять минут. Паша настороженно сел обратно, вынув из кармана вибрирующий телефон. — Мар, — позвал он адвоката, — тут это... Гера пришёл. Я пушу его, ты не против?

Мужчина взглянул на него исподлобья, замерев секунд на десять, и вновь мотнул головой с кривой усмешкой.

«Ну, вот и что, это плохо или хорошо?»

Телохранитель открыл дверь, и Герман запнулся на пороге, увидев бывшего сокурсника.

— Гер, ничего личного, — объяснил Паша, закрывая номер изнутри за спиной у юриста. — Всё по делу. Или у вас там не личное?..

— Неудачное место для встречи, — сказал Мар, и его коллега с процеженным через зубы упрёком оставил на вешалке серую текстильную куртку.

— Иисус доморощенный. Опять курил? — спросил Герман, обернувшись на Пашу. Тот кивнул. Адвокат растегнул пиджак у чёрно-синего делового костюма и без спроса плюхнулся рядом с Беловым на постель. — Ты же сдохнешь, придурок! — зашипел он на Мара. — У тебя уже лёгкие нахрен склеились от этой химии!

— Да похую вообще, — спокойно ответил тот, глядя на Геру искоса. — У меня-то хоть лёгкие склеились, а у тебя мозги. Или ты забыл, как я тебя в рехаб отвозил месяц назад? — Адвокат Колосова раздражённо цокнул языком и отвернулся. — Правильно. Вот и не надо мне нотации читать.

«Пиздец... — ошарашенно подумал Паша. — Я думал, он в отпуске был, а он, оказывается, в рехабе валялся».

И раз до сих пор не уволен, то как-то ещё умудрился не выдать себя перед отцом.

— А мне не надо твоё вознесение на тридцать четвёртом году.

— Ребят, — сказал охранник и достал из кармана слегка помятое соглашение, — давайте вы сначала мой вопрос решите, а потом грызитесь, сколько влезет.

— Твой вопрос я уже закрыл, — обозначил Мар, — но ты мне так и не ответил, принимаешь условия или нет.

— погоди, не отвечай, — попросил Герман и обратился к Белову. — Что вы тут наболтали до меня?

Адвокат Матвеева кратко пересказал ему суть разговора, и коллега задумчиво улыбнулся. Он немного ослабил винный галстук, достал из рабочего портфеля начатую пачку шоколадного печенья и кивнул Паше с набитым ртом.

— Отличный план, — едва разборчиво сказал он. — Я же говорил, что Мар чё-нить придумает.

— То есть, соглашаться? — уточнил охранник.

— Естес-с-сно. Видишь, какая слаженная получилась работа? — Мар не удержался от хрюкающего смешка. — Что-о-о?

— Ничего, — отмахнулся Белов. — Свои приколы.

— Класс, ещё и крыша в отлёте, — толкнул его Гера в плечо.

— Как будто у тебя она на месте, — парировал адвокат Кости, растрепав у бывшего сокурсника уложенные каштановые, коротко стриженные, волосы.

— Слушай, Гер, я знаешь, чего не понял? — вклинился Паша, читая развёрнутое соглашение. — Это же вроде гражданский документ. Ну, гражданское право. Или какое там... Трудовое. Короче, не уголовное. Всё, что не касается уголовки, ведёт Лёха, но вот эту бумажку почему-то писал ты. Это как?

Белов уставился на коллегу широко раскрытым выжидающим взглядом, и телохранитель увидел, как у него серебристая радужка заполнилась чернотой зрачков.

«Ну и жуть...»

Герман запихнул себе в рот ещё одно печенье, так, что при ответе всё бы вывалилось на колени. Мар у него из рук выдернул почти пустую пачку, мужчина рефлекторно потянулся за ней, и в глазах у адвоката Колосова мелькнула детская беспомощность.

«А-а-а, — вспомнил Паша комментарий Белова по поводу странной привычки Геры, — вот ты про что».

— А Гера у нас грёбанный миротворец, — сказал Мар на пониженных тонах. — Только дурак. Да, Герыч? Альтруист херов. Лёха бы тебя, Паш, без единой лазейки оставил, потому что он шавка преданная, причём до какого-то невнятного фанатизма. А Гера дал тебе шанс, но из него стратег, блядь, как из меня космонавт. Или сахаром мозги склеило. Я не знаю. Если бы он пришёл ко мне напрямую, мы всё бы нормально обсудили, но нет, надо сначала нахуевертить, а потом шифрами плакаться. Да? Что молчишь? Да же?

«Ё-моё, так у него РПП... Хорошо, что я ничего не сказал по этому поводу, а то был бы казус. — Паша проследил за взглядом адвоката, устремлённым на отнятую пачку сладостей. — Но ему чёт рехаб как будто и не помог. Или как это вообще должно быть? Я не понимаю».

Мужчина, дожёвывая, неохотно кивнул и с трудом проглотил всё, что перемолол зубами в кашу.

— Да. Я хотел как лучше.

— А вышло боком, — добавил Мар и глубоко втянул безвкусный пар. Коллега попытался вернуть себе перекус, но Белов ему в лицо выдохнул густое облако. — Ты расслабься, Гер. Всё решаемо.

Паша невольно приподнял уголки губ.

«Вот и решай. За этим я всех и собрал».

Глава 66. Послушный мальчик

— Ты не хочешь уходить? — поинтересовался Мар. Охранник подруги вышел из номера в начале шестого, а Герман остался сидеть на краю постели, сминая в руке пустую упаковку от печенья.

— Что? — встрепенулся адвокат Колосова. — А... Да нет, просто уже в делах весь. — Он засмеялся, но Белов мысленно поймал его на фальшивой эмоции. — Мне это... сказать на ресепе, чтобы записи подчистили, — спросил Герман и встал, — или сам там разберёшься?

— Разберусь, расслабься.

Мар вынырнул из беспокойных вчерашних воспоминаний, ощутив, как затормозило такси у дома на седьмой линии. Белов неспешно выбрался из машины, встал у двери в парадную и хмуро закурил обычную сигарету.

— В чём дело? — приглушённо осведомился он, не дав коллеге вырваться. Тот протянул ему руку на прощание, но Мар его прохладную ладонь крепко стиснул и шагнул за личные границы. — Тебе рехаб не помог, или что-то дерьмовое происходит?

— Да нормально всё, — пожал плечами Герман, стараясь глядеть куда-нибудь в сторону, лишь бы не в глаза. — Антон, конечно, мозги знатно выносит насчёт тебя и всей вашей семейки, но терпимо.

— Не-е-ет, — Белов опустил голос до шёпота, — было бы терпимо, ты бы не сжирал коробку печенья за неделю. В чём дело, Гер?

— Так мы же выяснили. Нет?

— Мы выяснили только то, что я позволил выяснить. Остальное мы бы в любом случае обсуждали наедине, даже если бы ты сейчас ушёл. Так что?

— Эй, — вызывающе улыбнулся Герман, — Паша тебе открылся вообще-то. Ты чё с ним как по-скотски поступаешь?

— Паша мне не друг, в отличие от тебя. Всё, что касается тебя, я буду обсуждать прежде всего с тобой, тем более, как я заметил, про твоё РПП он ни хрена не знал. Тут я проебался слегка. Но ладно. Важно другое. За все года, что я тебя знаю, ты с этой дрянью ни разу не попадал в рехаб. Раз до этого дошло, значит, где-то тебя сломали. Вопрос: где?

— Да всё там же, Мар, — снова дёрнулся из захвата гость, и снова не получилось. — Ты же читал эту долбаную бумажку. Я всё там вроде понятно написал.

— Читал, Гер, читал и даже не один раз.

— И чё тогда? Чё, блядь, как тупорылый эйчар себя ведёшь? В резюме смотришь, а вопросы такие задаёшь, как будто в глаза долбишься.

Мар выдавил горький вишнёвый дым из лёгких и закашлялся. Герман забился, как раненая птица, в его непрошенных объятиях, но постепенно затих и глухо сказал, что Белов — единственный, кому он ещё может без оглядки доверять.

— Значит, Лёха бесповоротно выпал из нашего трио.

— Давно уже. Там если Антон прикажет, он и своих загрызёт. Сука такая стал... Я и в рехаб-то из-за него, по сути, залетел. Так что это... я и не знаю теперь, кого тебе больше бояться, Антона или его.

«Как всё разом навалилось-то, блядь...»

Мар торопливо докурил, прокашлялся и затушил окурочок носком туфли. Брат ему долго не открывал, а когда дверь, наконец, распахнулась, Белов-старший увидел младшего в полууголом виде — мокрым, завёрнутым ниже пояса в банное полотенце. Но уставился он в ступоре не на фигуру, а на зачёсанные назад тёмно-каштановые только что помытые волосы.

— Привет, — удивлённо сказал Яр. — А предупредить?

— Привет, — отозвался Мар, еле-еле уложив новый облик брата в голову. — Давай сойдёмся на том, что у нас взаимный сюрприз.

Младший Белов рассмеялся, мужчина шагнул в квартиру и, вешая пальто на крючок, уловил в тёплом воздухе сладко-сливочный аромат.

— Ириски? — заинтересованно спросил он, глазами выискивая на полках источник запаха.

— Да, и кокос, — отозвался Яр и показал на тумбочку возле арки в прихожую. Мар увидел маленький диффузор и невольно усмехнулся, подметив название того же производителя, у которого закупался сам. — Как тебе?

— Эта фирма хорошая, но мне в твоём доме больше нравится запах свежего кофе.

— Да мне тоже, но я решил попробовать что-то новое. Поэкспериментировать.

— О, я так-то уже понял, что ты охренеть какой экспериментатор, — с нотой недовольства произнёс Мар и упал на диван, подогнув под себя ногу. — Волосы в честь чего перекрасил?

— Да психанул, — отмахнулся младший, сбросил полотенце и натянул на голое тело домашние брюки. — Ты же меня за вторник трясти приехал? — спросил он и сел в полуметре от брата. — Миша тебе там, наверное, в красках рассказал, как я от души нахуевертил перед этим... ну, этим... Авдеевым, блин. Чтоб его...

— Миша в красках ничего обычно не рассказывает, но то, что он был не в себе, это правда.

— А ты?

— А я... — замялся гость и пересобрал хаотичные мысли, просившиеся на язык. — Не знаю, Яр. На меня столько всего разом упало, что я даже не понял, как на это реагировать. Вроде понимаю, что надо этот пиздец остановить, но Миша мне всё так расписал, что я не представляю, как теперь вмешиваться.

— Ты хотя бы понял, что именно я сделал? — серьёзно добавил Яр.

— Да, — кивнул мужчина. — Ты сделал то, что сделал, чего требовала ситуация и твои чёртовы инстинкты, от которых я выпал в осадок, если честно. У меня в связи с этим три вопроса к тебе. Первый: почему о том, что ты владеешь оружием, я узнаю только сейчас? Второй: что означает твой ответ Кириллу, когда он тебя о крыльях спрашивал? И третий: ты хорошо осознаёшь, что вот такая наглая самодеятельность может полностью перечеркнуть годы твоей «белой» работы?

— М-м-м-м... — задумчиво протянул хозяин студии, покусал губы изнутри и качнул головой. — Я могу на один из вопросов не отвечать?

— Нет. Я тебя наизнанку выверну, но ответ достану.

— Плохо. Ладно... — Яр немигающе посмотрел куда-то в пол, на глубоком вздохе морально подготовился и что-то невнятно пробормотал, устремив на брата внимательный цепкий взгляд. — Я действительно сделал то, что посчитал нужным. Миша сказал мне молчать, но я язык за зубами никогда не держу, если кто-то смеет оскорблять меня и дорогих мне людей. Естественно, я теперь на «мушке» у этого Авдеева. Он будет следить за мной и хорошо, если просто следить. А, может, и «хвосты» прилепит, всё возможно. То есть, я отлично понимаю, что мне теперь пушку в затылок могут ещё раз упереть.

— И ты понимаешь, да, что защитить тебя некому? Я в Москве, а тут только мои ребята в округе ошиваются. И то не двадцать четыре на семь.

— Да знаю. Ты кофе будешь?

— Твой противный сладкий латте?

— А ты любишь горькое и покрепче? — с усмешкой подколол Яр, и Мар безобидно прищурился. — Мазохист, блядь.

— Ни разу. Давай капучино и отвечай дальше.

Младший Белов облизнул губы. Мужчина едва заметно поёжился.

«Он меня бессовестно копирует, но у него это так естественно получается, что я и не знаю, как быть».

Новый цвет волос брату шёл. Глаза стали ярче, лицо контрастнее и чертами острее. Мар нещадно глушил в себе чувство, что ему опять нравится это открытие, как тогда в палате, когда он поймал своё отражение в позе Яра и в том, как он себя держал. Но довольный отклик всё равно лез наружу и заставлял жадно всматриваться в каждое движение младшего, проводя навязчивые параллели.

— Эх, дальше так дальше, — драматично вздохнул Яр и лениво дошёл до кофемашины. — Тебе про какой инстинкт рассказать первым? Который из борделя или который из этой подвальной наливайки?

— Про бордель там вообще отдельный разговор, — проворчал Мар. — С девчонками там понятно всё, у них свои игры. За курево я бы башку тебе обязательно оторвал, но кальян прощу, так и быть. А про то, что ты за руки хватаешь, я знаю. Тут мамаша постаралась, поэтому ноль вопросов и ноль претензий.

— О, — воодушевился Яр, сняв чашки с готовым кофе с поддона, — а как конкретно она постаралась, ты помнишь?

Он вернулся на место, и старший хлебнул горячий несладкий напиток.

— Это важно?

— Да-а-а, — медленно кивнул собеседник, — от этого зависит, как я отвечу на третий вопрос.

«Нормально ты ведёшь интригу, нормально...»

— Она любила очень тихо подходить и через плечо смотреть, что ты в своём телефоне делаешь. Если что-то ей не нравилось, она его также через плечо у тебя выхватывала. Отсюда и рефлекс.

— Молодец, — похвалил Яр, и Мара неприятно поддела его испытующая интонация в голосе. — Правильно. Значит, возможно, поймёшь, что за прикол был в вопросе с крыльями. — Хозяин студии неспешно втянул в себя сладкий кофе. — Короче. Ты вот мне годами строил красивую «белую» репутацию, и все привыкли, что я хороший. Ангелочек, да? Постоянно это слышу. Раздражает невыносимо. А по факту ангелочек у нас не я. Я всегда был отребьем, который в семье вечно лишний, и меня шпыняли по углам. А ты наоборот, умный хороший мальчик. Ща, как это было... Какой послушный мальчик, — попытался он изобразить голос матери, и гостя передёрнуло, отчего он чуть не опрокинул кофе на себя — настолько дрогнули пальцы. — Вот и весь прикол. Мар?

Адвокат ощутил, как ему пережало горло. В памяти вспыхнули кадры с Софией.

«Мальчик мой, я хочу ещё».

Она села сверху и протянула руки с острым маникюром к его оголённой шее.

«Бездна открылась. Бездна! Бездна!»

Марина схватила его за лицо.

«Какой ты послушный мальчик. Видите?»

— Дай сюда! — Яр аккуратно и быстро забрал у Мара чашку с кофе. Куда дел свою, брат не успел заметить. У него в глазах всё расплылось, его бросило в холодный пот и затрясло. — Слушай. Слушай меня. Ты не там. Ты в моей квартире со мной. Сейчас двадцатые годы, а не десятые. Слышишь? Посмотри на меня. Посмотри, Мар.

Но Мар ничего не видел, кроме цветных размытых пятен.

«Мама, хватит...»

— Пожалуйста — прошептал старший Белов и зажмурился, сжавшись в комок. Ровный голос брата он слышал прекрасно и даже понимал смысл, но голос матери перебивал всё. Он зацикленно повторял: «Марко, amore mio, ещё!», и тело в неосознанной реакции сорвало с губ короткий стон абсолютно неуместного возбуждения.

«Я не хочу!»

— Эй, Маркус, — позвал его младший и перебил на какие-то секунды бесконечный поток заикленных видений, — скажи «а-а».

Он послушно разомкнул губы, и нечто ледяное обожгло ему язык. От холода свело зубы, всю голову пронзило болью от этого, и старший Белов выплюнул себе в ладони кубик замороженной воды.

— Фу, мята! — скривился он, и реальность вернула былые чёткие очертания. Лёд с отвратительным вкусом буквально выдернул его из болота воспоминаний, и адвокат бросился к раковине, чтобы тщательно прополоскать рот.

— Зато действительно, — с облегчением произнёс Яр и подошёл с чашкой недопитого капучино. — На, запей.

Мужчина в несколько жадных глотков опрокинул в себя кофе и машинально вымыл посуду. Бездумно — Яр только заикнулся в попытке остановить его, но ничего так и не сказал. Какое-то время они с братом молча смотрели друг на друга; Мар испытал прожигающее чувство опустошённости, и физической, и моральной, постарался уловить эмоции во взгляде напротив, но отточенные социальные навыки словно выключились, и остался лишь голый беспомощный исходник.

— Что-то вспомнил? — осторожно спросил Яр.

— А ты всё это время знал, что я что-то забыл?

— Да, но твоя амнезия сделала тебя очень крутым человеком. Без неё ты бы не справился.

— А ты, получается, справился? — Адвокат предельно сократил расстояние между ним и братом. — Или тоже поплыл кукухой, а я не заметил?

Яр тихонько засмеялся.

— Моя кукуха осталась приглядывать за твоей.

— То есть, — нервно хихикнул Мар, — пока я спасал тебя от жизни, которую веду, ты молчал и спасал меня от семейного дерьма? Чтобы я в край не ёбнулся?

— В целом, да, но смотря что ты вспомнил.

— Насилие. Этого мало?

— Пока достаточно.

— Пока? — вздёрнул брови старший Белов.

Яр мягко улыбнулся и заключил брата в крепкие заботливые объятия. Тот не стал сопротивляться и уткнулся носом в обнажённое плечо.

«Какой послушный мальчик».

Адвокат молниеносно весь подобрался и за спиной у младшего до спазма в сухожилиях стиснул руки в кулаки.

«Я же не игрушка, мам. Зачем?..»

Он по-детски всхлипнул. Один раз. Второй. Не выдержал — почти беззвучно заплакал, вздрагивая плечами, и стало очень больно от осознания, что больше десяти лет терапии сломались об сегодняшний разговор.

Глава 67. Зануда

Артём Михайлович вошёл в переговорную, и Костя заметил, как изменился в лице его адвокат. Александр на миг растерялся; напряжённые мышцы замерли, обострив черты, но спокойная профессиональная маска вернулась буквально за один шаг навстречу Косте.

«Нет, Аська, я всё-таки кое-что вижу в людях. Но непонятно, он тебя испугался, или что это сейчас такое было?»

— Доброе утро, Константин, — улыбочиво и радушно произнёс Артём Михайлович, протянув Матвееву руку. Тот её с удовольствием пожал. — Ничего, что без отчества? Чуть меньше формальности нам бы не повредило, я считаю.

— Доброе, Артём. Я только «за».

— Замечательно. Асенька, — ласково встретил мужчину Костину жену и заключил её ладонь в две своих, — я безумно рад вас видеть.

— Приятно слышать, Артём Михайлович. Взаимно.

— Просто Артём, Асенька. Давайте, как я уже сказал, без лишних формальностей.

— Поняла, — кивнула девушка, мягко освободила руку и подала её адвокату. — Александр, какой-то вы совсем мрачный сегодня. Не выпались?

— Утро немного не задалось, — механическим тоном ответил мужчина, принимая приветствие. — Маркус будет на встрече?

— Конечно. Он просто вышел, но если за пять минут не вернётся, я ему позвоню.

«Ты говорила, он мерзкий, но с виду вроде такой же типичный прожжённый юрист, как и Мар».

В такой же строгой чёрно-белой классике, такой же внешне предельно собранный, с таким же правым запястьем, украшенным неброскими часами. Только он старше Белова на несколько лет, и жизнь по нему заметно проехала, состарив куда больше, чем показывали цифры в паспорте.

— Извините, но две минуты, а не пять, — поправил девушку адвокат, глянув на серебряный циферблат. — Ему стоит поторопиться, а то он себя и так зарекомендовал не лучшим образом.

— Я понимаю, но тогда всё получилось не по его вине. Я надеялась, что мы с вами это уладили.

Пока она говорила, дверь открылась, и Мар вошёл, на ходу кому-то что-то спешно дописывая.

— Мы уладили, Анастасия, — дополнил Александр чуть тише, — но осадок остался.

«Обидчивый, значит. Ладно».

— Артём Михайлович, — сказал Мар, подав мужчине руку, — доброе утро.

— Доброе, Маркус, — улыбнулся тот. — Мы тут без вас договорились, что формальности нам ни к чему, поэтому можно просто Артём.

— Да? Прекрасно. Я тоже лишние проформы не люблю, так что очень рад, — отозвался Белов, повернулся к коллеге и обменялся с ним коротким жёстким рукопожатием. — Александр, доброе утро.

— Действительно доброе, раз вы здесь.

Мар эту язву проигнорировал и занял место за столом, как обычно, слева от двери. По эту же сторону сели Матвеевы, а напротив разместились Артём и его адвокат.

— У нас с вами сегодня промежуточная встреча, — начал Костя, выложив перед собой документы из папки, — и всё, что, по идее, нужно — это согласовать итоговую смету по первому этапу. Я уже ездил на ваш участок, там стройка уже кипит, так что от нас — и от вас — нужны только цифры.

— Я бы хотел обсудить кое-что ещё, — попросил Артём Михайлович и переглянулся с юристом. — Но не с вами, Константин. Хотя, может, и с вами тоже, но вопрос больше к Асе.

«Блядь, главное, чтобы он со мной на такую же фамильярность не перешёл».

— Я хочу, чтобы мы с него и начали, — добавил Александр, — потому что бумажная волокита — это всё скучная механика, и логично сдвинуть её в конец.

— Хорошо, — согласилась девушка. — Маркус, ты что думаешь?

— Я? — удивлённо переспросил Белов и, взглянув на неё поверх очков, на пару мгновений перевёл глаза на Костю. — Это не ко мне вопрос.

Он улыбнулся.

«Вот именно, — напрягся Матвеев, — у меня надо спрашивать, а ты за Мара цепляешься на глазах у клиента. Что он подумает? Что я тут вообще не в приоритете?»

— Да конечно обсуждайте, в чём заминка вообще? — сказал он, опустив задранные плечи.

— Анастасия Юрьевна у нас только ещё осваивается в должности, — подключился Белов, не отрывая взгляда от своих копий документов, — поэтому мы стабильно на подхвате. Но я уверен, что она сегодня прекрасно справится и без нас.

— Но мы вмешаемся, если что-то вызовет сомнения, — подхватил Костя, и Александр чуть заметно кивнул.

— Разумеется.

— Тогда, если вы позволите, Асенька, — обратился к Матвеевой Артём Михайлович, — я хочу попросить вас об услуге. Естественно, я её хорошо оплачу.

— Звучит как начало криминального триллера, — прокомментировал Белов, и Ася расхохоталась, а вслед за ней и собеседник напротив.

— Нет, Маркус, я совсем не это имел в виду. До меня дошли слухи, что вы стали персональным менеджером для Антона Колосова, — напомнил Асе мужчина. — Это мой давний деловой партнёр, и мне, честно говоря, завидно, что вы достались ему, а не мне.

— Вы хотите, чтобы я от него отказалась и взяла вас?

— Нет-нет, Асенька, я хочу, чтобы вы меня взяли вторым клиентом. Если такое возможно. Я не знаю, сколько вам предложил Антон за вашу работу, но я предложу втрое больше, потому что Антон наверняка продешевил.

— Я не вправе называть сумму договора, но вы можете заплатить столько, сколько посчитаете нужным.

— То есть, вы согласны?

— Да, — кивнула девушка. — Я же за этим на работу и вышла. Тем более, буду тоже честна, вы у нас — один из ключевых клиентов. У вас проект на десятки миллионов, и я думаю, что мы рано или поздно всё равно бы заговорили о сопровождении. Тут нюансов очень много, нужна прям включённость, поэтому да, чем скорее наши юристы составят договор, тем лучше.

— Мне нравится ваша оперативность, — оценил Александр.

— Если вы ответите ей тем же, — сказал Маркус, устремив на коллегу прямой пронизывающий взгляд, — мы подпишемся уже сегодня.

— Я отвечу, — краешком губ улыбнулся адвокат клиента. — Вы мне для этого напишите, и мы с вами все необходимые пункты согласуем.

Белов, не отводя глаз, достал из внутреннего кармана пиджака визитку. Матвеев прикусил губу, чтобы не выдать переживаний; его адвокат положил визитку на стол «рубашкой» вверх и указательным пальцем подвинул её в сторону Александра. Тот едва сощурился, вынул из сумки с документами кредитницу и таким же образом передал контакты Мару, придавив кусок картона к столешнице подушечкой среднего пальца.

«Сука, вот ты нашёл, где обмен любезностями устраивать».

Костя взял телефон и набрал сообщение в диалоге с Беловым.

«Есть хоть один знакомый юрист, у которого ты не вызываешь стойкий рвотный рефлекс?»

— Ну, что ж, раз вы договорились, — произнёс Артём Михайлович, — тогда вопрос закрываем и давайте переходить к основному. Саш, — обратился он приглушённо к адвокату, повернув к нему голову, — где там бумажки с расчётами? Доставай.

Мар в это время прочитал сообщение Кости, взглянул на него и с усмешкой набрал в ответ:

«Один точно есть».

Оставшееся время до конца встречи прошло за детальным разбором итоговых цифр, переплат, обязательств и корректировок. Александр показал себя маниакально дотошным; последние минут двадцать он разговаривал только с Маром, потому что у Кости закончилось терпение, и он затих, а его жена будущего клиента ненавязчиво отвлекла — попросила мужчину поделиться, какие у него впечатления от процесса стройки, и два юриста все нюансы готовой сметы согласовали исключительно между собой.

— Как успехи, господа адвокаты? — хохотнул Артём Михайлович. Александр медленно откинулся на спинку кресла.

— Всё в порядке, — сказал он, внимательно посмотрев на Белова, который взялся безразлично смахивать пальцем уведомления на экране мобильного. — Если ни у кого больше нет вопросов, я предлагаю на этом разойтись.

— Торопитесь? — бросил Мар.

— Не то чтобы тороплюсь, но в отличие от вас я не люблю заканчивать дела поздно вечером.

— Я тоже не люблю, но дела меня об этом не спрашивают.

— Это всё вопрос грамотного распределения времени. Если хотите, могу научить.

— Спасибо, Александр, но я боюсь, что к моему стилю работы ваше строгое планирование не подойдёт.

Адвокат клиента закрыто улыбнулся.

— Не такое уж и строгое. А вам бы дисциплина не помешала.

— Саш, — вступился за Белова Артём Михайлович, — отстань от человека. Он тебя, между прочим, сколько? Полчаса один на один терпел? Чем тебе не дисциплина?

Юрист ничего не ответил, только усмехнулся и собрал документы в аккуратную стопку.

— Простите его, — с неловкой интонацией продолжил клиент, разведя руками. — Иногда он форменная зануда, но у него такой везде порядок, что я ни о чём не беспокоюсь.

Ася приподняла уголки губ.

— У Маркуса тоже порядок, просто свой, и нас он устраивает.

— Конечно, Асенька, я об этом и говорю. Вы, кстати, уже сделали себе визитную карточку?

— Пока нет, но всё в процессе.

— Сделайте обязательно, потому что она вам ещё очень, и очень, и очень много раз пригодится.

— Я понимаю. Думаю, к понедельнику уже первую партию закажем.

— Вот и замечательно. Всё тогда? — попытожил мужчина, поднимаясь на ноги. — Разбегаемся до новой встречи?

— Да, — кивнул Костя, протянув ему руку первым. — Там по дате, если что, сориентируемся.

Клиент со всеми тепло попрощался. Его адвокат обошёл сдержанными жестами, и Артём Михайлович попросил их не провожать.

— Зануда, как же... — пробубнил Матвеев, как только визитёры достаточно далеко отошли от переговорной. — Он не зануда, блядь, а душнила.

— Да ладно, терпимо, — возразил Мар, убрав документы в портфель.

«Ты опять какой-то потерянный после Питера. Хоть вообще туда не отпускай».

— Ты уверен? — спросила Ася и подошла к юристу ближе, заглянув в глаза.

— Да. — Он повернулся к ней всем телом, и девушка мягко прижалась к нему в дружеских объятиях. Тот погладил её по волосам, и Костя нахмурился, увидев, как лицо у Белова на считанные секунды замерло кукольной мёртвой маской. Как будто на эти мгновения жизнь из него испарилась. — Сага mia... — выдохнул он. — Расслабься. Мы с Александром уже пересекались на паре конференций, так что правда терпимо. Просто надо приловчиться, потому что его стремления везде свои порядки понатыкать иногда до абсурда доходит. Такой вот тип личности у него. Ничего... м-м-м... сверхъестественного.

«М-да, мыслями он сейчас явно не здесь».

Они втроём неспешно вышли на парковку, закурили на площадке у служебной двери, и Костя осторожно помахал рукой у Мара перед носом. Тот недоумённо покосился на него.

— Я не могу не спросить, — качнул головой Матвеев. — Что-то с Яром?

— Нет, — сказал адвокат после очень долгого раздумья. — Со мной. Но помощь не нужна.

— Мар...

— Per favore, Кость, — оборвал его мужчина. — Это вас не касается. Ни тебя, ни Аси, ни бизнеса вообще. Это наше с Яром личное, и я ответил только потому, что ты бы не дал промолчать.

— Ладно, — поник Матвеев. — Извини.

Он затянулся вишнёвым паром.

— Ты обучать-то ещё не передумал?

— Тебя, что ль? Нет. Я жду, когда ты отелишься и предложишь мне план, место и время.

— План? — удивился Костя, задрал брови.

— Ну, да. Ты же обучаться хочешь, а не я. Вот тебе и решать, какой именно информацией я буду забивать твою башку.

— Логично...

Ася не удержала смешка. Матвеев напряжённо вздохнул. Мар глубоко втянул земляничный пар и крепко закашлялся.

«Ну, пиздец».

Костя с адвокатом пересеклись глазами, но под ледяным красноречивым взглядом Белова мужчина прикусил язык.

Глава 68. Слишком хорошо

Проходя мимо дивана, я с силой швырнул на него папку с документами. Бумаги разлетелись в разные стороны, а я нарочно запнулся о кровать и упал на неё плашмя лицом вниз.

— Ты курица, блядь, у тебя мозги вообще есть?!

От моего шипения сквозь зубы девушка перепуганно запищала, крепко зажмурившись. Она вжала голову в плечи и наверняка с удовольствием бы растворилась — будь это возможно — в бетонной стене отеля, в котором я её нашёл. Даже номер не закрыла — только вышла из него и сразу напоролась на меня.

— Ты понимаешь, чё сделала? — прозвучал у неё над ухом яростный шёпот. Я упёрся ладонями в серые фактурные обои по обе стороны загорелых плеч, и мне чудом хватило терпения не взять эскортницу за пепельные волосы и не уронить её себе под ноги. — Понимаешь или нет?

Она истерически затрясла головой, дрожа и всхлипывая.

— Кто бы сомневался... Как ты до своих лет-то дожила, тупица? Я из-за твоей тупости клиента потерял. И не просто клиента, а постоянного с космическим ценником. — Я схватил проститутку левой рукой за подбородок, заглянул в глаза, и та задрожала ещё сильнее. В распахнутом взгляде поселился отчаянный ужас, ноги у девушки подкосились. Она чуть не осела на пол. — А, как хуевертить, так мы первые, а как отвечать за это, так мы припадошные. Да?

Я зарычал под конец и втоптал эскортницу обратно в номер. Пока закрывал за собой дверь, она взяла с тумбочки у входа высокую фарфоровую статуэтку и, наставив её на меня, как оружие, лихорадочно сбросила туфли.

— А, — хмыкнул я, оценив перспективы, — ну, заебись.

Полминуты спустя девушка упала к изножью двуспальной кровати, закрыв ледяными от страха пальцами красное пятно на щеке. Я присел перед ней на корточки и выложил из папки на линолеум досудебную претензию.

— Закорючку свою поставь. Это сумма неустойки, которую ты мне теперь должна.

— Но я столько не зарабатываю, — пролепетала девушка, растерянно блуждая глазами по документу.

— Да мне насрать. Ты меня так сильно подставила, что я ещё мало запросил. По существу надо было в два раза больше цифру писать, чтобы в следующий раз мозгами думала, а не пиздой.

— Мозгами я думала! Я вообще пришла напрямую к владельцам ресторана, и это они меня выпустили работать!

— Прекрасно. А пострадал я, потому что заказ на мероприятие был у меня. Мне на самом деле плевать, кто из вас виноват, я не буду это выяснять. Главное, что СМИ раздули скандал из-за тебя, и решать эту проблему тоже тебе. — Я кивнул на бумагу. — Расписывайся.

Это было вчера уже поздно вечером. Сегодня в папку легло соглашение о расторжении контракта с Максом, и конец недели ознаменовался капитальным провалом. Участники скандала не оставили мне шансов оправдаться, ключевые встречи, где ещё возможно было повернуть ситуацию в свою пользу, кончились неудачей, и я по возвращении домой только и сумел, что бессильно упасть лицом в одеяло.

«Так, у тебя ещё шестнадцать клиентов твоих и четыре Матвеевских. Ты не в ноль ушёл, так что давай, поднимайся и работай дальше. Нехрен киснуть».

Я колоссальным усилием оторвал себя от постели. Вчера было ровно две недели, как состоялась наша сделка с Маршалом, а по числу событий впечатление, будто прошло полгода.

— Сука... — сдавленно вырвалось, пока машина мне налиwała кофе. — Я думал, мы встретимся, и я это всё забуду как страшный сон. А хренушки... Я теперь из башки тебя выкинуть не могу.

Потому что Маршал знает, как дела у брата. Потому что он в курсе, что у Мара проблемы. Потому что у Маршала есть кальян, от которого в прошлый раз стало так хорошо. Потому что в его борделе живёт проститутка, спасённая на свою голову, потрясающе красивая и застрявшая в мыслях, как весенний клещ.

«Две недели, блядь, а как будто уже вообще другая жизнь».

Я забрал чашку с латте, прошёл мимо шкафа-купе до прихожей, где в кармане пальто остался мой телефон, и в зеркале мельком увидел серо-стальной привычный облик. Платиновая рубашка, брюки темнее на пару тонов. Светло. Холодно. Тускло.

«Нормально же было. Что началось?»

Я забрал мобильный, сел с ноутбуком на диван и разобрал накопившиеся письма от клиентов. Один из них попросил отменить встречу на завтра из-за срочной командировки, но родившийся внутри меня параноик молниеносно подвязал это событие к цепочке возможных будущих расторжений.

«Пиздец... — выругался я и нахмурился, подловив себя на слишком частой в последнее время нецензурной брани. — Одна шлюха нам детство с братом сломала, вторая въелась в душу, не вытравить, а третья мне, походу, весь бизнес похерила. Это что, целенаправленное падение на дно, или мне просто так не везёт?»

Я закрыл ноутбук, отложил его в сторону и, допивая кофе, набрал ещё не забытый в телефонную книжку номер.

— О-о-о, соскучился? — раздался в трубке насмешливый голос Маршала.

— Если бы. Мне помощь твоя нужна, как бы дерьмово это ни звучало. Ну, не совсем твоя, но... Короче, могу приехать?

— В следующий раз не спрашивай. Просто бери и приезжай. Каринка нужна?

— Нет. У меня тут финансовый провал образовался, так что не в этот раз.

— Да ладно, Яр. Я могу в долг обеспечить.

— Не надо. Ещё я у сутенёра в должниках не ходил.

Маршал рассмеялся.

— Как знаешь.

И закончил звонок. Я неспешно переоделся в чёрное, как во вторник, и сутенёр меня встретил на том же диване, с тем же кальяном — синяя чаша и дымка с ароматом экзотики.

— Обновил себе имидж? — поинтересовался Маршал, когда я пожал ему руку и плюхнулся рядом.

— Да психанул после прошлого раза. — Я огляделся. — У тебя из кальянщиков кто сегодня на смене?

— Матвей.

— Шикарно. Пускай опять «нулёвку» сделает, только не мини, а нормальную.

— А девку?

— Без девки обойдусь. Я же говорил — в деньгах просел, а с твоими расценками никакого кошелек не хватит.

— Я не жадный, Яр, могу девку и бесплатно рядом посадить, — дразняще улыбнулся Маршал. — Матвей! — Со стороны бара послышалось отдалённое «чего?» — Тащи «нулёвку» стандарт! — Он вынул из кармана джинсов рабочий телефон и вызвал администратора. — Танюшка, глянь по-быстрому, там Карина с клиентом или нет? Нет? Тогда выдерни её в зал. Давай, жду. А у тебя, говорят, — сощурился Маршал, убрал телефон обратно и затыкнулся, — один жирный клиент сорвался. Расскажешь? А я тебе забивку за свой счёт поставлю.

— Ну, окей, ставь, — хмыкнул я. — Хотя там рассказывать нечего. Чистый сюр... — Мужчина выразительно посмотрел на меня, ожидая подробностей, и облако пара выпустил через сомкнутые зубы. — Я не знаю, как это получилось, но в ресторан моего клиента вместе с аутсорсом припёрлась какая-то шлюха. Как она мне объяснила, её допустили к работе сами сотрудники ресторана, кто-то из руководства. Когда узнали, что она шлюха, получился скандал. И кто пострадал в первую очередь? Конечно же, я, потому что персонал для мероприятия подбирал я, и всем насрать, что я эту шлюху первый раз вижу. Пресса меня, можно сказать, закопала. И клиенты уроды. Поговорить-то поговорили, но раскатали меня просто как мусор.

— Ты Мару об этом сказал?

— Нет. Я надеюсь, что он узнает всё сам, и мне не придётся открывать рот. Это пиздец, Маршал, — вздохнул я, — просто пиздец. Кстати, вот чё. Спросить всё хотел: почему Маршал? Бывший военный, что ли?

Матвей принёс такой же большой кальян, как у сутенёра, поставил на столик перед диваном и протянул мне мундштук.

— Он уже раскурен.

— Спасибо, — кивнул я вслед убежавшему мастеру, попробовал затянуться и размазал по языку послевкусие тропического коктейля. — Так чё?

— Реально интересно?

— Ну, да. Тайна какая-то или что? Я не понимаю.

Маршал тихонько засмеялся, отложил трубку и молча куда-то ушёл. Вернулся через минуту, протянул мне водительские права, и я уткнулся внимательным взглядом в потускневшие вытертые буквы.

— Блядь, — рассмеялся в голос, — у меня была, конечно, мысль, что это сокращение от имени, но фамилия у тебя... Я не могу. Как будто ровно для этой профессии и родился.

— А так и есть. Я родился в этом борделе, я в нём вырос, и я им управляю. Идеальная жизнь.

— Не то слово... — поразился я и вернул карточку владельцу — Марату Шалаеву, человеку, рядом с которым, вопреки всему, мне было спокойно. Разве что настоящее имя никак на язык не легло, и морально подстроиться под него не вышло. Маршал остался Маршалом. Я затянулся, выдохнул. Затянулся, выдохнул. Без передышки, пока не заметил краем глаза голые женские ноги возле себя.

— Привет, — протянула Карина, с любопытством оглядев мои волосы. — Это что, новый эксперимент?

— Привет, — ответил я, позволив ей сесть на мои колени. — Будем считать, что да. Тебе нравится?

Девушка покивала и дотянулась губами до шеи. Мы закурили «тропики» на двоих, и сколько так пролетело времени за расслабленной пустой болтовнёй в сизой кальянной дымке, прорезанной лазерными лучами прожекторов — без понятия. Карина запустила тёплые пальцы мне под футболку и принялась медленно блуждать ладонью по груди. Я упёрся затылком в диванную спинку. Развезло ощутимо.

— Кальян точно без примесей? — уточнил я у Маршала, продолжая тянуть «экзотику».

— Стопроцентно, — подтвердил сутенёр. — А что? Плохо?

— Наоборот. Слишком хорошо.

«Так хорошо, как нигде до этого. Почему?..»

Забивка себя исчерпала, и Матвей забрал чашу, попутно заглянув мне в глаза пронизательно и цепко. Я тут же его тормознул жестом поднятой руки.

— Без примесей?

Маршал фыркнул, но промолчал.

— Да, — как будто с лёгким оттенком обиды произнёс мастер. — Я только угли тебе менял. А чё такое?

— Да размазало как-то...

— Это с непривычки, наверное, — предположил Матвей. — Так-то больше куришь, меньше мажет.

— Ты два часа «соску» из рук не выпускал, — усмехнулся хозяин борделя. — У Мара, впрочем, такая же привычка. Тоже как присосётся, не оторвёшь ничем.

Он движением пальцев отправил мастера за бар, и тот исчез из поля зрения.

— Так я же второй Белов, — не удержался я от иронии. — Чему удивляться?

— Действительно.

В начале восьмого Маршал отправил меня домой. Карина безумно разнежила сладким поцелуем и пошла развлекать клиента, у сутенёра спокойный день плавно перетёк в загруженный делами вечер, и стало не до моей финансово невыгодной персоны. Я вышел из борделя совершенно «летающим», по ощущениям невесомым и с удивительно пустой, почти звенящей внутри, головой.

«Не хватает чего-то ещё».

Кофе? Прогулки до ночи? Вкусного ужина? Я понимал, что не мог сесть за руль, пока для этого не станет достаточно безопасно, и не отпускало чувство, что до возвращения на Васильевский остров нужно ещё побаловаться. Спеть с музыкантами у метро? Показать, что я тоже очень даже умею? А может...

Не глядя под ноги, я запнулся о порог салона красоты и чуть не рухнул плашмя на ступени. Задумался, глядя на вывеску и сосредоточенных мастеров за работой. Убрал надоевшую, вечно падающую на лоб, длинную прядь, хмыкнул и уверенно поднялся в зону ресепшн. У девушки-администратора при виде меня чуть глаза из орбит не вылезли, но она быстро соригинировалась под мой еле сдержанный смех и обратилась к одному из парней.

— Максим, у тебя... — Она запнулась и неловко смешливо закончила: — Вип.

«Блядь, и тут Максим».

Отравленное начало дня тут же напомнило о себе, но на оклик обернулся очень красивый мастер, молодой, с яркой татуировкой на правой руке, и я невольно засмотрелся на рисунок, ощутив колкую тоску. Парень усадил меня перед зеркалом и ожидаемо растерялся в попытке выяснить, чего я хочу.

— Да ладно, Максим, расслабьтесь, — понизил я голос и растянул губы в мягкой улыбке, лениво откинувшись на спинку кресла. — Пусть это будет что-нибудь на ваше усмотрение. Что-нибудь стильное, но в рамках. Без неформальщины. Окей?

Мастер понятливо кивнул. Он остался таким же взволнованным, как и прежде, засуетился вокруг меня, а я наоборот почувствовал, как от работы с волосами по коже разбежались приятные мурашки, и закрыл глаза.

Глава 69. Сессия

Мар наполовину высунулся из окна, чтобы сладкий пар от «электронки» не летел в кабинет. Слава лежал животом на подоконнике рядом с ним; они молча курили, Белов затягивался до боли в груди, и Слава постоянно держал пальцы у него на спине — он хватал мужчину за ворот рубашки всякий раз, когда пациент играючи отрывал ноги от пола.

Мар перемалывал в себе мысли как старая скрипучая мельница; ему хотелось перевернуться на спину и раскинуть руки, зависнув между небом и землёй под сырым пронизывающим ветром — ощутить всем телом глубоко въевшийся в подкорки страх высоты, открыть глаза под присмотром опытного врача, но Слава эту контртерапию зарубил на корню. Позволил только курить в окно, согревая ладонью место промеж лопаток.

«Единственная забота, которую терпим, да, Мар?»

И то в кавычках. Профессиональная необходимость, округлённая годами работы. В какой-то степени даже искренняя, насколько позволяла врачебная этика.

— Всё, это теперь твоё любимое место? — улыбчиво сказал психотерапевт. Адвокат перетащил большое кресло-грушу ближе к середине кабинета и упал в него, сильно запрокинув голову.

— Да, — выдохнул он, оттянув у галстука тугой узел. Длинные пальцы вынули из петель несколько верхних пуговиц на рубашке и скользнули по оголённым ключицам, прежде чем утонуть в пушистой ткани кресла где-то возле бедра. — Эта штука чертовски удобная.

— Она помогает тебе расслабиться?

— Нет, но физически я более раскован. А значит, и мысли не тормозят.

— А до этого тормозили? До того, как я купил это кресло.

— Слав, — рассмеялся Мар и посмотрел на врача, удерживая голову на весу, — это просто кресло. Просто удобная классная вещь. Не надо в моём отношении к ней искать какие-то скрытые смыслы.

— Я спрашиваю о том, что тебе нравится, а ты опять брыкаешься, — спокойно возразил психотерапевт. Он занял место в обычном кресле напротив адвоката и положил себе на колени увесистый блокнот, уже третий за двенадцать лет.

— Я брыкаюсь, потому что ты цепляешься за ерунду. Пофиг на эту «грушу». У меня за неделю столько всего случилось, что я даже не знаю, с какого именно пиздеца начать. — Белов упал затылком обратно, в ту же ямку.

— Давай с самого значимого. У меня даже есть предположение, что оно, вероятно, связано с твоим братом. Да?

— Ну-у-у-у, н-н-н-н... — затянул Мар. — Да. Только не у меня с ним, а у него со мной. Такой вот блядский перевёртыш, — закончил он с рычащими нотками в голосе.

— Та-а-ак, — медленно кивнул Слава. — Мне очень нравится, что ты злишься. У нас с тобой за последние... эм... восемь месяцев стабильный прогресс по сравнению с началом года. Но ты мне скажи, пожалуйста, эта злость сейчас на кого? На Яра, на себя или на что-то ещё? Или, может быть, на кого-то?

— На себя, естественно, — фыркнул адвокат и сменил позу так, чтобы прямо взглянуть на мужчину. — Я злюсь, потому что у меня в башке полный хаос. Я не понимаю, что делать, а самое главное, как реагировать на это всё. Он мне всё сломал. Яр в смысле. Он все мои порядки похерил, которые я для него выстраивал. Я в ахуе просто, Слав... В ахуе. Понимаешь?

— Да, когда самый близкий человек чудит, это может серьёзно пошатнуть внутреннюю опору. — Психотерапевт открыл блокнот и положил в середину между страницами неизменную чёрную ручку. — Ты готов рассказывать, или нужно время настроиться?

— Когда-нибудь ты перестанешь задавать этот дурацкий вопрос, — усмехнулся Белов, и Слава неопределённо качнул головой.

— Не думаю. Терапия у нас с тобой на месте не стоит, поэтому всё может поменяться. Но раз ты готов, тогда я всецело тебя слушаю.

«Я готов разразиться словесным поносом, но тогда мы в два часа не уложимся».

Мар набрал воздуха в лёгкие, но сдулся, как шарик, потеряв начало мысли. Ему показалось, что это неправильная точка отсчёта, и надо взять сильно раньше, с момента, когда он сказал по телефону, что у Яра вместо выходного будет квест. Или с той секунды, как он разрешил брату заявиться в гости в московскую квартиру. А может и вообще со второго дня в петербургской клинике и того чувства удовольствия в палате, когда он увидел в повадках Яра себя.

«Так, погоди, об этом Слава уже в курсе».

— Ну вот, — прокомментировал врач, — а говорил, что пауза не нужна.

— Я отвлёкся, — нахмурился Мар. — У меня ещё дел на сегодня до кучи, так что башка просто плавится. — Он шмыгнул носом, слегка задрал подбородок. — Я же тебе ещё не говорил, как Яру одно приключение согласовал? — Мужчина мотнул головой. — Отлично. Значит, будет предыстория.

Мар поделился, как они на пару с Мишей вытянули младшего Белова на рискованную прогулку. Старший надеялся, что у Яра такой променад отобьёт всякий намёк на желание погружаться в «грязные» дела брата, но младший так отличился, что Миша впервые за несколько лет знакомства отбросил всякие рамки приличия. Разумеется, Мар утром четверга сорвался в Питер, чтобы днём основательно с Яром поговорить, но спокойную откровенную беседу сорвала паническая атака.

— И вот сейчас, — дополнил адвокат немного тише и медленнее, — ты можешь взять ручку и записывать, потому что, возможно, терапию... тактику терапии придётся лепить заново после того, что я скажу.

— Это звучит пугающе, — настороженно проговорил Слава, послушно зажав ручку между пальцами.

— Ага, а выглядит ещё хуже, поэтому на всякий случай будь готов, что меня снова накроет.

— Да я всегда готов, чай, не первый раз.

Адвокат согласно покивал. У Славы в кабинете паника напоминала о себе стабильно раз или два в месяц, и у врача на столе прочно обосновался набор из ваты, нашатыря и бумажного пакета.

— Вот и прекрасно. Я... — начал Мар и прикрыл пальцами рот, недовольный формулировкой. — Боже... Звучит и правда настолько убого, что даже произнести не могу.

— Напиши, — предложил терапевт и протянул адвокату ручку с листом для записок. Белов отмахнулся и набрал ему сообщение в мессенджере.

— Прочти.

Слава поднялся с кресла, чтобы дойти до стола, где лежал его телефон. Судя по движению глаз, он прочитал написанное раз пять, не меньше, и, потрясённый, оставил мобильный на стопке книг.

— Мы с тобой годами копались у меня в башке, — сказал Мар, наблюдая, как Слава в глубокой задумчивости усаживается на место, — а Яр всю базу выдал за пять минут. Ну, не всю, ладно. Сказал, что пока мне достаточно, и мне уже, честно, блядь, страшно, что я там ещё забыл. Причём я-то забыл и живу себе, так, относительно припеваючи, а он всё, походу, в деталях помнит. И в кошмарах видит. А я не знал, что у него кошмары, пока он сам не признался. И панички ещё, как у меня. Такое вот дерьмо, Слав. — Адвокат облизал губы. — Я налью воды?

Слава кивнул. Мар выбрался из объятий «груши», набрал себе полный стакан из кулера, выпил его до дна и наполнил заново.

— Помнишь, я переспал с Софией? Которая мама Аси.

— Да, это было на прошлой неделе.

— Она... Она не виновата, конечно, но так совпало. Она мне сказала ровно ту же фразу, которую говорила мама, пока сидела на мне. Сидела... Хах. Скакала она на мне. В глаза смотрела. Шею мне держала и следила, чтобы я не отворачивался. Хорошо ли было? — Мужчина сделал глоток. — Физически да. Логично, мы же трахались, а не боролись. Только рефлекс тупой остался. Сука... — улыбнулся он. — И Яр такой же. С глазами на затылке вырос. А я бы... Если бы не эта его сделка с Маршалом, я бы ничего никогда не узнал. И вот он, Слав, — повернулся он всем корпусом к терапевту, — вот он — главный проблемный вопрос. А что я должен по этому поводу чувствовать? Вроде ведь плохо, что Яр во всё это влез. Плохо, что у меня всё пошло по пизде из-за него. А вроде хорошо, потому что я много чего узнал. И он много чего узнал. И терапия у нас, получается, сдвинулась с мёртвой точки. Дилемма, да?..

Пациент опрокинул в себя стакан воды, поставил его на кулер и пошатнулся. Его очень мелко затрясло; мгновенно подскочивший Слава под руку довёл Мара до любимого кресла, и тот растянулся в нём полулёжа.

— Знаешь, о чём я думаю? — спросил адвокат, опустив ресницы. — А надо ли было вообще копать. От того, что я узнал, мне стало только хуже.

— Я понимаю, Мар. Это очень страшно звучит, и я не представляю, как это можно было пережить.

— И я не представляю. И знаешь, что? Я, наверное, правда пытаюсь выпилиться, как Костя и говорил. Растягиваю, так сказать, очень сомнительное удовольствие. Я уже норму «пыли» в этом месяце кратно превысил. Ещё немного — и здравствуй, передоз. А ночью... Ладно, это лишнее. Короче, завесу тайны вроде как сорвали, но морально это добило.

— А мысли о смерти только со стороны звучат или изнутри тоже?

— Изнутри я и так уже сто раз мёртв, ещё со дня похорон моей Кати. А так какая, нахрен, смерть? Я брата на кого оставляю? Это у меня целая орава дальних родственников нарисовалась, а у него только я один. Поэтому нет, нельзя. — Мар открыл глаза и посмотрел на терапевта сквозь размытое пространство. — Думать можно о чём угодно, даже о том, как тебя красиво на столбы наматывает, но по факту ты жил, живёшь и жить будешь, потому что без тебя всё заgnётся нахер.

— Значит, я могу тебя не держать, когда мы курим в окно?

— Нет, держи. Мало ли. Даже если подохнуть не хочешь, тебя может нагнуть элементарная физика.

Слава тихонько посмеялся.

— Смейся пока, смейся, — гаденько улыбнулся Мар. — Дальше будет не лучше, потому что не с инцестом единым я сюда припёрся.

— Но и не хуже, потому что мы разобрали самое значимое.

— Логично. Я предлагаю перекурить, если время ещё позволяет.

— Да позволяет, но я хочу, чтобы ты в моём кабинете относился к себе бережно, а ты только что чуть в обморок не упал.

— И?

— И. Лежи и расслабляйся. Вот как у нас время кончится, я тебя отсюда выпровожу, тогда и покуришь.

Мар досадливо хмыкнул. Голова кружиться перестала, мелкий тремор в теле отпустил, и адвокат уложил затылок на руки.

— Тогда я продолжу.

Глава 70. Сложности

Паша вернулся в служебную квартиру и позвонил Дашке ещё раз. Она не ответила.

«Четвёртый день, Даш. Ты в эту грёбаную молчанку просто доиграешься, я приеду домой в конце недели и выброшу из неё все твои вещи. Будешь их потом по всем помойкам искать».

— Если она сама их ещё не увезла, — буркнул охранник себе под нос и налил в электрический чайник новую воду. Включённый, тот загорелся приятным оранжевым светом, и Паша упёрся руками в столешницу рабочей зоны, удручённо глядя на воздушные пузырьки за стеклом.

Он поступил отвратительно. Девушка была в душе, когда зазвонил её телефон, и на экране вместо имени контакта появились три сердечка. Брат и отец у неё записаны как «Папуля» и «Мелкий», друзей-мужчин Даша всегда заносила в книжку по именам или прозвищам. Но сердечками — никогда. Паша давно заметил, что его любимая часто переворачивала мобильный экраном вниз, когда он не был у неё в руках; парень вопреки совести обратился к знакомым ребятам, чтобы те взломали её аккаунт и выгрузили номера телефонов, а вместе с ними и записи разговоров. Конкретно эти — с контактом, украшенным однозначными символами.

— Даш, нормальные люди разговаривают, если что-то идёт не так. А ты почему молчала?

Зачем натягивала счастливую маску, хотя в это время уже делила тело на двоих? Почему не пришла обсудить проблемы, зная, что Паша не будет устраивать истерики и скандалы? Тем более парень и сам понимал, что сложности неизбежны и даже предупредил о них — ещё в самом начале, когда Матвеевых и в помине не было. Девушка согласилась не лгать и вести честные отношения. Теперь же получается, она повела себя не менее безобразно, и, хотя Паша вину за разлад полностью взвалил на свои плечи, со здравым смыслом у него вышла игра в «перетяни канат».

Закипевший чайник выключился. Оранжевый свет погас, и телохранитель невольно вслушался в оглушающую тишину квартиры. Он въехал сюда чуть больше месяца назад и до сих пор не привык, что соседская жизнь подозрительно беззвучная. На фоне Дашкиного молчания и сложностей на работе пространство казалось мёртвым, Паша чувствовал, как засыпает напряжённым, и скучал по родной «двушке» с поющим соседом сверху. Лучше два-три часа потерпеть его музыкальные потуги, чем ощущать такое безграничное давящее одиночество. Спасала только маленькая портативная колонка с нейро-помощником, и охранник начал оставлять её включенной на ночь — тихо играющей какой-то бесконечный расслабляющий плейлист.

— Алиса, — позвал он ассистента, и колонка проснулась, открыв электронные «глаза». — Включи американский рэп начала нулевых.

— Включаю, — произнесла Алиса, и под знакомые ритмы Паша залил кипятком ароматный чайный пакетик. Стало вроде бы чуть уютнее. Вроде бы — если краем уха не пытаться с надеждой уловить шорохи и голоса за стенами. Парень втянул носом оттенки малины и мяты, сел за стол и, погружённый в свои мысли, невольно дрогнул от позднего звонка.

— Да, Ась, — мгновенно сгруппировал он и разум, и тело. — Что случилось?

— Ничего, — улыбнулась девушка. — Ты как-то говорил, что я могу прийти в гости. Вот... Хочу прийти, — неловко засмеялась она под конец. — Можно?

— Конечно, можно. Даже наоборот нужно, потому что я тут... ну... слегка загрустил, в общем. Придавило меня чёт сегодняшним днём...

— А я прям чувствовала, что у тебя какой-то беспорядок. Ты обычно такой собранный, глаза ясные, а последние дня три весь в себе ходишь, ни одной улыбки от тебя не увидела.

— Прости. Я думал, что это не заметно.

— Смотря для кого. Я-то всегда всё вижу, поэтому... — Ася вздохнула. — Поэтому тоже есть свои сложности.

— У этих сложностей есть имя, — усмехнулся Паша.

— Глазастый, да?

— Работа такая. Ты выходить когда собираешься?

— Да я уже дверь за ручку дёргаю, но ещё покурить хотела, так что выходи, наверное, минут через десять.

— Нет, ты одна у подъезда стоять не будешь. Меня и так агентство за каждый твой чих нагибает, поэтому лучше дождись, ладно? Я уже обуваюсь.

— Я на правах клиента, — возразила Ася, — могу агентству такой разнос устроить, что они тебе и слова поперёк больше не скажут.

— Не надо, — рассмеялся Паша, накидывая на плечи ветровку. — Я ещё жить хочу.

Парень оставил заваренный чай на столе, ничего не выключил, — ни свет, ни колонку, — и захлопнул за собой входную дверь. Пока бежал по ступеням, закончил звонок, и Ася вышла к нему, не успел он остановиться возле её подъезда.

— Я тут кое-что думаю, — тихо сказала девушка, зашипев «электронкой», — но Косте говорить не хочу. И Мара в отпуске дёргать не хочу, поэтому дёрнула тебя. Тема такая — скривилась она, — неприятная.

— По работе?

— Угу, — промычала Ася. — А у тебя что?

— И работа, и личное. Вроде так нормально было сначала, а потом, знаешь, как обычно, всё сразу, как лавина на башку.

— Да вот и у меня всё сразу. И личного, кстати, тоже хватает, поэтому мы с тобой сегодня прям удачно по настрою совпали. Если бы ещё завтра на работу не надо было идти, я бы чего-нибудь выпила до кучи. Вот правда, — возмутилась девушка, сделав несколько быстрых поверхностных затяжек, — я когда в «тени» работала, мне было намного легче. А сейчас я так выматываюсь, что лучше бы из неё не вылезала. Но тут как раз и есть вот этот самый подвох, который мне уже который день покоя не даёт.

— Озвучишь? — спросил охранник и указал головой в сторону соседнего дома. Девушка согласно кивнула, и парень неторопливо взялся провожать её до служебной квартиры.

— Озвучу... Только прозвучит очень странно, как мне кажется. Я уж и так и сяк прикидывала, а всё равно. Вот какая-то внутренняя чуйка, что меня вывели из «тени». Не сама я вышла, а именно вывели. Причём так красиво, что и не подкопаться.

— М-м-м-м... — задумчиво протянул охранник, волнительно затеребив «собачку» на ветровке. — А если я скажу тебе, что ты права? Как поступишь?

— Я первым делом спрошу, откуда ты знаешь, — напряжённо проговорила Матвеева, чуть замедлив шаг.

— А я отвечу, что я один из тех, кто это подстроил. Не по своей воле, сразу говорю, но это уже тебе решать, будешь ты дальше слушать или нет.

Ася резко остановилась. Её пристальный взгляд исподлобья прожёт телохранителя, и тот на всякий случай, опустив глаза, отступил от неё на пару шагов.

— Ась, давай так. Я всегда хотел, чтобы ты знала правду, но Мар очень долго держал мой рот на замке. Он узнал ещё месяц назад, когда я пришёл к нему за помощью, а вчера наконец-то дал отмашку, что типа да, теперь разговаривай. Теперь можно. Я вообще не знаю, чем он там руководствовался, но раз сказал нельзя, значит, нельзя. Видимо, чё-то там какие-то свои гипотезы выстраивал. А мне и дёрнуться некуда. У меня с одной стороны агентство, со второй заказчики всего этого цирка, а с третьей вы. И сейчас — сейчас — я буду очень тебе благодарен, если мы дойдём до моей этой дурацкой квартиры и там поговорим. — Он поднял на девушку потускневший взгляд и вместе с ним руки ладонями от себя. — Я обещаю,

что будет полная безопасность. Меня реально со всех сторон дробят даже за то, что ты просто грустная, поэтому вон там, — он показал на высотку за спиной, — только чай и музыка. Что скажешь?

— Почему квартира дурацкая? — прищурилась девушка, выпуская фруктовый пар.

— Я в ней с ума схожу. У меня за стенами такая тишина, что я понять не могу, есть кто живой в доме или нет. Я и колонку купил, чтобы не так страшно было, так она теперь и ночами не выключается. Иначе я заснуть не могу.

Ася покивала.

— Ясно. Завтра Косте скажу, попробуем найти другую. — Она шагнула парню навстречу. — Идём.

— Спасибо.

Матвеева промолчала и спрятала руки в большом сквозном кармане тёплой толстовки. Паша повёл её за собой, постоянно оглядываясь, проверяя, шагает она позади или нет.

«Ты очень мудрая, удивительно мудрая. Наверное, если бы я и не распинался перед тобой сейчас, ты бы всё равно увидела, что я честен. Из-за этого и клиенты цепляются именно за тебя, а не за Костю. Получается, что с одной стороны ситуация — дрянь полнейшая, а с другой вроде хорошо. Все плюс-минус довольны. — Парень хмуро поджал губы. — Нет, это я не пытаюсь себя оправдать. Объективно же стало лучше. Работа пошла уверенней. Хотя вне рабочее там пиздой накрылось буквально за месяц, но это уже другое...»

Спутники безмолвно добрались до квартиры Паши, и Ася с порога принялась.

— Ты что-то травяное заваривал?

— Да. Новый чай купил вчера. Какой-то алтайский сбор с малиной. Будешь?

— Угу.

Девушка проследовала за охранником на кухню. В свою кружку он долил кипятка из чайника, а для госты согрел новую воду, и пока чай у неё полностью не заварился, тишину «однушки» разбавляла только музыка из колонки.

— Алиса, — произнёс Паша, — поставь на паузу.

— Сделано.

Звук оборвался. В квартире сразу стало тихо и неудобно, и после нескольких минут покашачьему бесшумных передвижений из кухни в комнату и назад Матвеева села за стол, озадаченная.

— Включи обратно, — попросила она.

— Алиса,ними с паузы.

Колонка издала сигнал, и американский рэп тихо заиграл снова.

— Это постоянно так? — уточнила гостя.

— Ну, да. С тех пор, как я заехал, соседи ни разу не шелохнулись. Как будто у меня никто не живёт ни снизу, ни сверху, ни сбоку.

— Странно... Я завтра Костю напрягу этим вопросом, пусть он в твоё агентство запрос направит. А то правда как-то некомфортно...

— Да не то слово, — вздохнул Паша и устроился на втором стуле с другой стороны стола. — Я после работы прихожу сюда, уставший, а тут вместо квартиры склеп. Мало того, что меня вся эта рабочая атмосфера давит, так ещё и дома покоя нет. И Дашка ещё добавила. Четвёртый день как на иголках сижу, и некому даже рассказать. Всем пофигу.

Он стыдливо отвернулся, взяв бокал с чаем в руки. Ася повторила его глубокий натужный вздох.

— Не обобщай. — Она отхлебнула горячий напиток. — Рассказывай, что у вас там с Дашкой произошло.

Глава 71. Опасная игра

— Асенька, обещайте мне, что, как только мы с женой сюда въедем, вы обязательно придёте в гости.

— Приду, конечно. Выберем самый ближайший выходной, чтобы и вы с супругой были свободны, и мы с Костей тоже. Я же правильно понимаю, что вы приглашаете нас обоих?

— Ну, разумеется, Асенька, разумеется. Если вы придёте одна, моя дорогая жена вас, извините, взглядом на кусочки разделает.

«Очень хорошо, что вы об этом в курсе».

Мария стала чаще приезжать на объект и участвовать в обсуждениях. Ася не возражала — наоборот радовалась её визитам, потому что Артём Михайлович уделял персональному менеджеру nepозволительно много внимания. Девушка бизнесмену понимающе улыбнулась. Нет, Асенька. Разумеется, нет. Твой Костя мне тут и даром не сдался, а вот тебе я провёл бы долгую экскурсию по спальням и потайным углам. Нюансы интонации. Короткая пауза перед ответом. Артём Михайлович виртуозно испытывал терпение Матвеевой, и та всерьёз начала подумывать о конфиденциальном разговоре с Марией. При всём уважении к клиенту его навязчивость и намёки переходили всякие границы, но открыто заявить об этом, прямо и бескомпромиссно, девушка не могла. Слишком рискованно. Ещё рискованней было только вплести сюда Костю.

«Эта тяжёлая артиллерия всё тут разнесёт, а Артём — сука злопамятная. И очень влиятельная, как назло».

— Скажите мне, — обратился к Асе клиент, — вы с моим Сашей хорошо ладите? Получается с ним работать?

Они вдвоём стояли возле машины Артёма и наблюдали, как строители возводят второй этаж будущего коттеджа. Мужчина посмотрел в заднее ветровое окно, чтобы поправить пиджак от тёмно-коричневой «двойки» и пригладить немного растрёпанные ветром короткие, уложенные на правую сторону, ореховые волосы.

— Пока да, — кивнула девушка. — Вроде пока не было нареканий ни с его стороны, ни с моей. Он, конечно, непростой человек. Прямо очень непростой. Но мне нравится, что у него всегда во всём порядок, и если в чём-то надо разобраться, он проблему чуть ли не на молекулы разложит. А почему вы спрашиваете? Что-то случилось?

— Он мне пожаловался, что вы очень авторитарны. Говорит, вы его лично ущемляете.

— Да господи, Артём, — расхохоталась Матвеева, — я вас умоляю. Саша просто не хочет признавать, что мы по отношению к вам стоим на одном и том же уровне. Он не главнее меня. Он такой же нанятый вами частный опытный специалист, и вся разница у нас только в сроках работы. Я ему об этом постоянно напоминаю, а он это воспринимает как личное оскорбление.

— Но вы, Асенька, и правда иногда очень напористы.

— Если потребует ситуация, я буду не только напористой, но и жестокой, но я жестока в делах и в бизнесе, а до искромётных унижений мне нет никакого интереса. Единственный раз я Сашу целенаправленно осадила. Это когда мы с вами встретились во второй или третий раз, уже не помню, когда ещё Маркус оказался в больнице. Он такими формулировками опустил и Костю, и Маркуса, причём за то, что от них не зависело, что я... Я только очень некрасивым приветствием обошлась, а могла бы объяснить и по-другому, что так нельзя делать.

— Опасная вы, — улыбнулся, качнув головой, Артём Михайлович, и в его интонации скользнуло напряжение.

— Так и вы не ангел, — честно призналась Ася и повернулась к мужчине всем корпусом, посмотрев в его тёмные глаза. — И другие клиенты тоже. Мне чтобы с вами работать, милую

девочку приходится выключать, потому что иначе меня этот бизнес просто размажет. Может, и вы совсем другой, именно как человек, а не бизнесмен. Я этого не знаю. Но в деле вам палец в рот не положи, всю руку откусите. Это работа, Артём. Тут, как говорится, ничего личного, только бизнес.

«Костю вы тогда избили тоже не за личные косяки, а за то, что я игру жёстко повела».

— Знаете, Асенька, — проговорил клиент и мельком взглянул на подъехавшее к воротам такси, — я тоже помню ту встречу и помню, что вы и меня встретили очень некрасиво, скажем так.

— Да, — кивнула девушка, — потому что я узнала, что Саша додумался до этого не сам. Он и язвиг-то, в целом, когда что-то касается его лично, а вот за то, что эти грубости родились именно у вас в голове, было очень обидно. Я не ожидала. Это меня прям задело.

— Какая ж у вас уникальная честность, — восхитился мужчина, жестом предложил Асе взять его под руку, и девушка согласилась. Они медленно двинулись к машине. — Вы мне буквально в лицо заявляете, что я повёл себя недостойно, но это так звучит... Так, знаете, естественно, что я даже не злюсь. Обычно всякая неприятная правда меня приводит в бешенство.

— Не все умеют говорить правду. Нужно ведь хорошо понимать, кому ты её говоришь и как. Вот я вам её сказала от себя, от сердца, по-человечески, а кто-то может рубануть с плеча и подумать, что именно так и надо. Мол, на правду же не обижаются. Ни дипломатии тебе, ни психологии. Ужас какой-то.

Артём Михайлович опять улыбнулся и посадил девушку в такси. С другой стороны на заднее пассажирское место сел Паша, хмурый и собранный; Ася в открытое окно пожелала клиенту всего доброго, махнула рукой на прощание, и машина, вывернув с площадки на размытую недавним дождём грунтовую дорогу, вскоре оказалась на шоссе.

— Я боюсь, Ась, — негромко сказал Паша, не глядя на Матвееву.

— Чего?

— Что эта мразь тебе за такие игры жопу надерёт. Я с тобой вчера разговаривал не затем, чтобы ты начала его шампуром в яйца тыкать, а чтобы наоборот осторожнее была. А ты чё творишь?

— А я работаю, Паш. Ты боишься, что меня где-то в подворотне нагнут? Так защити. Тебя для этого и наняли. А мне нужно защитить мою семью, поэтому я буду и дальше выяснять, где у него там дырка для говна.

— Грубая, — буркнул охранник.

— Да, — припечатала девушка. — У меня сегодня нет настроения сюсюкаться. Впереди ещё дел дофига, а я уже как пожёванная.

— Я виноват?

— Нет, — слегка замялась Ася.

— Ну, вот и не срывайся на меня.

— А то что?

— Поругаемся, — спокойным тоном ответил Паша. — Оно тебе надо?

Матвеева отвернулась к окну и довольно быстро остыла.

— Прости.

— Всё в порядке.

«Я скоро за эту фразу бить начну».

Состояние было нервное, дёрганое. Ася приехала в офис клиента, чтобы за компьютером в кабинете разобрать весь документооборот, который поступил за вчера и сегодня. Хотелось спать. После вечерне-ночного тревожного разговора девушка еле уснула, встала разбитой и встречу на объекте с Артёмом Михайловичем выдержала явно с божьей помощью. Но если с клиентом она ещё бодро держалась, то бумажная рутина усыпила окончательно, и Ася поставила руку локтем на стол, чтобы в ладонь упереться лбом.

«Капец, Костя, ты как это всё в одиночку вывозил, а? Я тут на постоянке с двумя клиентами уже чувствую себя плохо, а у тебя их было... Ну, ладно, не совсем у тебя. У вас. Мар, наверное, страховал. Да не наверное, а страховал. Господи, Мар... И ты ещё свои порошковые дела как-то ведёшь. Тебе этот Саша, гондон обидчивый, даже в подмётки не годится. А я... — Ася подняла голову и рассеянно посмотрела в окно почты со списком ещё не прочитанных писем. — А я не справляюсь, что ли?»

Она встала на ноги, чтобы немного размяться после долгой работы в одной позе, и подошла к кулеру выпить воды. В дверь постучали.

— Да, войдите.

Ася в дверном проёме увидела Марию. Жена Артёма Михайловича уверенно переступила порог кабинета, заперла его изнутри, и вызывающим тоном бросила Матвеевой:

— Анастасия, нам бы с вами поговорить.

— По поводу вашего мужа? — уточнила Ася и вернулась за стол. Она рассмотрела в пути элегантный синий костюм, в котором пришла совладелица компании, высокий интересной формы каблук на туфлях и безупречно уложенное платиновое каре. Как всегда стильная, яркая женщина, достойная комплиментов не только от сильного пола.

— Да, — с ноткой удивления в голосе ответила Мария. — Я пришла спросить, что вы себе позволяете. Мой Артём за вами хвостом бегает, и мне это очень не нравится.

— Мне тоже. — Ася показала рукой на свободный стул возле своего рабочего места. — Присядьте, пожалуйста. Я, если честно, сегодня всё время, что пробыла на стройке, только и думала, встретиться с вами или нет. Но раз вы пришли сами, то это знак, не иначе.

Заинтригованная, женщина села, забросила ногу на ногу и положила руки на стол, соединив кончики пальцев.

— Хорошо. Давайте тогда обсуждать.

Глава 72. Сын проститутки

Костя потянул на себя оставленную открытой дверь и вошёл в квартиру адвоката. Вязкий приторный аромат защекотал ему раздражённое сигаретами горло, темнота в обрамлении фиолетовой подсветки вдоль плинтусов неизбежно снова бросила чувствами в дорогой массажный интим-салон, и в этой атмосфере Костя увидел полураздетого Мара — тот валялся поперёк кровати, свесив голову с её края. Домашние брюки на резинке съехали неприлично низко. Пальцами одной руки он игрался, сжимая ткань пододеяльника, во второй руке держал максимально разогнанный «боксмод» и курил, выдыхая с еле заметным хрипом очень густое облако пара.

— М-м-м, ты в этом борделе как всегда самая главная блядь.

Адвокат рассмеялся.

— Типа того.

— Типа того, — передразнил его Костя и сел рядом. — Вместилище мирового порока. Ты хоть бы оделся к моему приходу. Или вообще пофиг?

— О-о... — протянул Мар и лениво сел, устремив на гостя блаженно прищуренный взгляд. — Ты от сына проститутки чё хочешь, а? Стыда? Совести? — Он широко улыбнулся и вновь откинулся на спину. — Забудь.

— Это ты меня чему сейчас научишь в таком состоянии? — более серьёзно сказал Матвеев. Он не почувствовал запаха алкоголя и подумал, что, возможно, Мар перебрал с никотином.

— Как минимум тому, что ты начнёшь чаще вспоминать о себе и забивать на формальности. Я вот такой — аморальный гондон. А ты? У тебя что дома, что на работе одно и то же лицо, хотя вроде бы мне кто-то там говорил, что хочет свою бандитскую натуру показать. И где? Я вот могу щас совсем голым остаться. А ты? Что *ты* можешь?

Он всё это выдал в потолок, чередуя слова с длинными затяжками, и под конец наглядно сжал до белых костяшек поясную резинку. Тело заиграло мышцами в напряжении; гость приподнялся, хмурый, и пересел так, чтобы взять адвоката под затылок и поднять голову для прожигающего взгляда в глаза.

— Эй, — понизил он голос до гневного полусшёпота; Мар затянулся ещё раз, не моргая, и выдохнул пар через сомкнутые зубы, — ты под чем?

— По-твоему, чтобы себя так вести, обязательно нужно быть под чем-то? — Он облизал губы. — Я же говорю: я — сын проститутки. В этих стенах я всегда об этом помню. Каждую секунду. И живу так, как помню. А ты это либо принимаешь, либо нет. Твой выбор.

— Ты и раньше был её сыном, но вот такой развязностью точно не страдал. К тому же, Мар, тебя с Яром вообще-то одна женщина родила, но даже при всех его приключениях за последние полтора месяца он себя сыном шлюхи не зовёт. — Костя рывком потянул адвоката на себя и свободной рукой взял его за горло. Тот выученно замер, ухватив Матвеева за запястье. — У тебя что, терапия перестала работать? Или как? Или ты реально чем-то накидался, а мне мозги дуришь?

— Много ты знаешь, — процедил Белов. — Яр себя кем только не зовёт. И шлюшным выблядком, и ошибкой больной женщины, и вещью, хотя я был вещью куда больше, чем он. А ты... Если бы я накидался... — Он вновь облизал губы и с нахальной улыбкой тихо продолжил: — Чтобы ты знал: я никогда не накидываюсь дома. Моё состояние — это концентрат пиздеца в первый день отпуска, но если ты сейчас уберёшь от меня руки, у нас будет отличный учебный день.

— Та-а-ак... — тянуче отозвался гость, уловив нотки угрозы в интонации. — А если не уберу?

— В «травму» поедешь.

Адвокат сильнее стиснул запястье мужчины. Тот не заметил, когда у Мара взгляд перестал быть загнанным; пальцы Белова легли на кожу под углом, из которого легко порвать сухожилия, и Матвеев отстранился — медленно, осторожно, как если бы ему исподтишка уткнули в бок пистолетное дуло.

— Grazie*. Я почти избавился от этого сраного рефлекса, — торжествующе произнёс Мар, погладив шею в красно-белых пятнах, — так что больше меня на этом поймать не выйдет. Я не дамся.

— Ты так говоришь, как будто сейчас урыл меня, — со смешком ответил Костя, ощутив, как застопоренные гневом плечи расслабленно опустились, — а я же наоборот рад. Это очень хорошая новость, и похуй, что мне теперь нечем тебя приструнять. — Он замолк, осмыслив забавную форму слова. — Пристру... Блядство.

— Нагибать. Скажи «нагибать». Я ещё благодарен, что не буквально.

— Ёбаный ты извращенец!

— Я реалист.

— О-о, значит, есть те, кто буквально?

«Только попробуй сказать, что да, я тебе таких хуёв за воротник накидаю сразу...»

Мар захихикал, наполнив лёгкие фруктовым паром.

— Ну, есть особо желающие. Условия предлагают очень вкусные, но я ещё не настолько конченый, чтобы соглашаться.

— Это хорошо. А то я уж задней мыслью... — Гость осёкся под застывшим взглядом демонических блестящих глаз и раздражённо закатил свои. — Господи, нет, всё, заткнись. Ничего не говори.

— Я бы и не сказал, если б ты сам не тормознул. И кто из нас теперь извращенец, а?

Мар плавным замахом поднял руки вверх, сцепил кончики пальцев и обстоятельно потянулся.

— Поправь резинку, бл... — зажевал окончание Костя. Он случайно увидел, как у Белова в движении оголилось интимное место, выругался и встал, чтобы налить себе воды.

— Не знал, что тебя так легко смутить, — подколот его Мар и следом после выразительного вздоха гостя поднялся на ноги. Его качнуло в сторону. Он втянул в себя ещё одну порцию пара, на длинном выдохе глухо надрывно закашлялся и, как отпустило, кнопкой на кофемашине выставил режим варки капучино. — Блин... А тебе надо было?

— Нет, не хочу, — отказался Матвеев и задумчиво осмотрел адвоката с головы до ног. — Мы с тобой знаешь, чем займёмся сегодня? — Тот покосился на мужчину с издевательски похабной ухмылкой. — С-сука, — цокнул языком Костя, — да как ты бесишь-то! Ты меня будешь галстуки учить завязывать. Я столько раз уже порывался научиться сам, но у тебя вечно какие-то фантастические узлы накручены, вот я тоже так хочу.

— Хорошо, — согласился Белов, забрал кружку с готовым кофе и поводит плечами, глядя на гостя в упор. — Если что, не я это начал.

— А кто с себя штаны собрался снять? Я, что ли?

— А кто меня блядью назвал, как только пришёл?

Костя набрал полную грудь воздуха, словно собрался выдать эмоциональную тираду, но лишь резко выдохнул и махнул рукой.

— Ладно, забей. Доставай свои удавки. Или давай сам достану. Где они у тебя?

— Не надо в моём доме тут хозяйничать, — насмешливым голосом остановил его Мар и сдвинул у шкафа большую зеркальную створку. Галстуки у Белова висели на специальной вешалке, и адвокат для практики выбрал самый обычный чёрный, без рельефа и узоров. — На, показывай, как делаешь, — протянул он аксессуар Матвееву. Тот умело затянул привычный

классический узел, и Мар одобрительно покивал. — Отлично, идеальная «четвёрка», молодец. Теперь смотри «пратт».

Адвокат перекинул галстук через голову изнанкой наружу и, не глядя в зеркало, сотворил за минуту неброскую композицию для узких воротников. Косте, чтобы это повторить без неуклюжих метаний из-за шва не с той стороны, понадобилось около десяти попыток. Он точно не считал. Затем Белов открыл ему викторианский узел. Разница с классическим — в двойном обороте широкой части вокруг узкой, и Матвеев остался довольным собой, что справился с первой попытки. А «Балтус» его рассмешил — юрист показал этот способ для общего развития, когда мужчины, уставшие, сели на пол, и Костя сделал пару долгих затяжек своей «электронкой», лежавшей в кармане брюк.

— Хватит или ещё что-то хочешь повторить? — осведомился Мар, положив галстук на колени.

— На сегодня точно хватит. Я это-то буду оттачивать ещё лет сто, — улыбнулся Матвеев, пустив пар через нос. — А у тебя есть там в арсенале какой-нибудь суперсложный узел, для которого прямо чтобы руки не из жопы были?

— Есть, — с подозрительным прищуром кивнул адвокат. — Тебе шоу захотелось? Посмотреть, как я заебусь его завязывать и попрошу меня пристрелить?

— Ну, если посчитать, что я услышал не буквальную формулировку в конце, то да.

— Посчитать, конечно, — нахмурился Мар, повернулся к зеркалу и, повесив галстук на шею, несколько раз примерился по длине концов. — Ла-а-одно...

Он начал неспешно закручивать узкую сторону аксессуара в замысловатый узор; под завершение, в очередной раз перекидывая ткань через шейную петлю, хозяин квартиры вслух зарычал и устало уронил руки, когда спрятал оставшийся конец галстука за узлом.

— И как эта жесть называется? — сочувственно вздохнул Костя, внимательно изучая красивое переплетение.

— Элдридж. Я его только на день рождения кручу, на свой и на брата. Больше ни по какому поводу я так не мучаюсь.

— Прости, что заставил, но это очень красиво выглядит. — Матвеев ненадолго замолчал, потягивая пар из «электронки». Мар в это время хмыкнул и принялся развязывать только что вымученный шедевр. — В одной поговорке говорится, что, мол, талантливый человек талантлив во всём. А на тебя если переделать, так получится, что у красивого человека и всё вокруг красивое. Не как у меня. У меня всё по среднему.

— Я уже говорил, чтобы ты не завидовал, — недовольно высказался Белов, — и говорил это много раз.

— А я так и не понял, почему, — признался Костя. — Это же не та чёрная зависть, с которой я к тебе первый раз пришёл.

— Да без разницы. Даже по белому не завидуй. Быть середнячком — это сразу минус куча проблем, потому что, например, моя красота — это товар. Это раз. Два — мне приходится всё вокруг себя подстраивать под эту красоту, даже если я не хочу. Даже если хочу здесь всё раскидать и жить в ёбаном бардаке. А не могу. Моё лицо и тело видят в первую очередь. Я поэтому и сказал: желающих меня нагнуть очень много. А всё почему? Потому что все в курсе, что я — сын бывшей элитной шлюхи и Аполлона из Флоренции, который её подобрал. Если бы он из-за Яра не сбежал...

Мар остановился. Костя встревоженно проследил за реакцией его тела, — как дёрнулись плечи вверх, — и за взглядом, потерянным и потухшим, который адвокат безуспешно пытался скрыть и одновременно сохранить лицо.

— Не завидуй, короче, — закончил адвокат, свернув галстук в «улитку». — Живёшь ты своей спокойной жизнью, вот и живи. — Он повернулся к Матвееву под натянутой сдержанной маской. — Не захотел ещё кофе?

Вместо ответа Костя подсел ближе, притянул Мара за руку к себе и подарил ему свои первые за десять лет совместной работы искренние тёплые объятия. Белов одеревенел; за несколько минут тишины он так и не разогнул прижатые к груди руки, чтобы взаимно обнять, но и не оттолкнул.

— Давай условимся, что я ничего не слышал, — мягко сказал гость, и Белов единожды согласно кивнул.

— Спасибо. Уходишь? — бросил он вслед мужчине, который поднялся с пола и взялся разминать затёкшую спину. Матвеев посмотрел на него сверху вниз, на его тёмные круги под глазами, какие даже люксовая корейская косметика не смогла полностью перекрыть, и протянул мужчине ладонь.

— Нет. А надо?

Мар с его помощью встал и уставился на гостя, словно ждал чего-то ещё, кроме словесной игры.

— Не знаю. Таймера вроде не было.

«Знаешь ты всё, но сказать не можешь».

— Значит, продолжим, — с открытой улыбкой развёл руками Костя. «Я тебя одного сейчас не оставлю». Он подошёл к кофемашине и занёс над ней указательный палец, выискивая на панели нужную кнопку. — Иди, показывай, куда здесь тыкать?

*Спасибо (итал.)

Глава 73. На парковке

«Привет. У моего старшего как там дела, ты в курсе?»

«Привет. А он не разрешал рассказывать»

«Да он вообще ни хрена не разрешает, это для справки тебе. Если он никакую бумажку не давал подписать, что ты молчишь как рыба, значит, говори».

«Не давал. — Второе сообщение: — Окей, ладно. Под твою ответственность. — Третье: — У него какие-то проблемы со Следственным комитетом. Я ничего не знаю, просто слышал. Он мне поручил алиби ему найти, потому что вроде бы на него какой-то свидетель указал. Но я, правда, не знаю. Всё по слухам».

«Откуда слухи?»

«Знакомые с «ментовки» остались. С практики. Они сказали, что этого свидетеля сначала в районный отдел привезли, а потом уже переправили на Технический. Я не знаю, за каким хреном».

«Там следак работает, который погоны новые хочет. Получилось что-то найти?»

«Кое-что нашёл. Я ему сразу сказал, что это можно оспорить, но он мне такой типа забей, я разберусь. Ну, ок, разбирайся».

Я хмыкнул, приподняв уголки губ.

«Расслабься. Если он так сказал, значит, уже кучу вариантов напридумывал. — Я нажал на «отправить» и дописал ниже: — Ты сам-то как? Освоился? Нравится?»

«Да. Всё круто. Я себя чувствую так же, как Каринка у этого сутера. Ты же Каринку мою шпёхаешь, да?»

«Да. У Маршала для меня спецпрайс на неё».

Больше Рома ничего не прислал. Сообщение осталось непрочитанным — видимо, потому, что время перевалило за час дня, и парень вернулся к работе после обеда. Я глубоко подготовительно вздохнул и открыл почтовое приложение. Первое же письмо было от клиента, которого я просил составить обратный акт о расторжении, чтобы как будто не он расторгался со мной, а я с ним. Так мы оба сохраним репутацию, — в моём случае то, что от неё осталось, — а к партнёру будет меньше неудобных вопросов. Тот согласился, как и двое предыдущих. Я скинул ему в ответном письме контакты Севы, в ком больше всего уверен среди коллег, положил телефон на приборную панель и ощутил себя точно придавленным невидимой бетонной плитой.

— Ко мне и новый никто не приходит, даже по рекомендациям, и старые пачками отваливаются. Ни хрена не налаживается.

На улице бушевал промозглый северный ветер и бросал оторванные мокрые листья на лобовое стекло. Я припарковался возле отеля «Гельвеция» час назад, выпил кофе прямо в машине и до предела откинул спинку водительского кресла. Хотелось остановиться. Прекратить абсолютно всё: дела, встречи, разговоры в чатах и письмах, звонки, планирование на неделю вперёд. Выдохнуть. Убрать руки от падающих конструкций жизни. Остаться в борделе Маршала не на три-пять часов, а на двое суток, чтобы там в сопли напиться или накуриться до невменяемости. Чтобы выключиться и пересобраться.

«Мар в отпуске. Может, и мне с недельку в потолок поплевать? В Москву к нему съездить, например. К Асе. Костю заодно потрясти, потому что его проекты какие-то полудохлые, а мне уже выхлоп нужен. А, блин... Костя-то тут причём вообще? Мара трести надо. — Я раздражённо цокнул языком. — Ладно, не надо. Сам справлюсь».

Хотя бы эти две недели его не трогай, Яр. Мой брат обмолвился на прошлой неделе, что кое-какие дни отдыха он потратит на длительное путешествие по кабинетам врачей. И это после того, как я в очередной раз поймал его за приступом удушающего мучительного кашля

и упрекнул, что он себе печень убьёт таким количеством анальгетиков. О том, что у него, как мне показалось, неприятно впали щёки, пока говорить не стал.

У меня больше не осталось дел на сегодня. Они все закончились за четыре часа, и сложно было поверить, что на календаре понедельник, обычно всегда загруженный под завязку. Я мог бы поехать домой, но не хотел — оставался полулежать в машине, глядя, как мимо проходят люди, как раздвигаются двери отеля, выпуская сотрудников покурить возле окон «Мариуса». Они дымили, морщились от ветра и укладывали в короткие перерывы череду торопливых затяжек, а я смотрел на это и изредка облизывал губы, вспоминая сладкое фруктовое послевкусие кальяна.

«Я не должен был на это подсесть. Это «безникотинка». Там же не на что подсаживаться. Тут мне либо реально мастера что-то в кашу подмешивают, а Маршал зубы заговаривает, либо вообще не в «дудке» дело. Но тогда я не знаю...»

Знаешь. Настойчивый внутренний голос опять припечатал мои мысли категоричным опровержением. Знаешь, Яр. Знаешь, что месяц назад потянулся к Мишиной трубке не потому, что хотел именно покурить, а потому, что хотел узнать, что чувствует Мар, когда сжигает после секса почти всю жижу в «электронке». Что вообще он чувствует, когда тянет в себя химию и смотрит, как дым застилает ему глаза. Ещё одна вполне успешная попытка узнать брата лучше. Да, Яр?

— Да, — сдался я, уставившись в обивку крыши. — Пусть будет «да». Я заебался тебе возражать.

Телефон дважды моргнул вспышкой. Я неохотно потянулся за ним в надежде, что это не очередное письмо с отказом от дальнейшей совместной работы, и обратил внимание, что мимо ресторана в мою сторону шла незнакомая очень стройная девушка. Она двигалась осторожно, словно вымеряла каждый шаг, боролась с ветром, придерживая на голове яркий палантин, и что-то усиленно пыталась разглядеть — то ли мою машину, то ли меня в ней. Когда разглядела, тут же заметно оживилась и засеменила к ветровому окну с водительской стороны. Наклонилась, постучала подушечками пальцев, укрытых за тонкими тканевыми перчатками в тон палантину. Я, вместо того, чтобы опустить стекло, выбрался из тёплого салона.

— Привет, — улыбнулась незнакомка, и сильный порыв ветра чуть не бросил её на капот. — Ах!

Я машинально выставил руку, и девушка устояла, не запачкав светлое пальто.

— Ну, привет. Чем-то помочь?

— Нет, — замотала она головой. — Я Ксюша. Маркус, наверное, рассказывал обо мне. Или нет?

— Э-э-э... — задумался я искусственно и колко улыбнулся в ответ. — Да. Та самая Ксюша, у которой папаша чуть его не застрелил. Я помню.

— В смысле чуть не застрелил?! — ошарашенно воскликнула девушка. — Когда?!

— Когда ты моего брата достала, и он послал тебя в пешее эротическое. А Мар из-за этого нарвался на вооружённых ребят, и спасибо, что они его к папочке не в багажнике привезли, а в салоне, как полагается.

— Господи, я не знала... — сокрушённо произнесла Ксюша и зажмурилась, когда ей ветром листья швырнуло в лицо. — Я помню, что Маркус приезжал к нам домой, но он приезжал сам. Его никто насильно не тащил. Мы просто поговорили! И папа нам фотографии показывал, всё так уютно было, по-семейному. А про ту встречу даже не слышала... — Она вскинула на меня беспокойный внимательный взгляд и, невольно подавшись рукой в мою сторону, тут же отёрнула её. — А ты сегодня занят?

— Уже нет, а что? На свидание хочешь пригласить? Или сразу в постель, как с Маром?

— Ярослав, перестань меня обижать, — неожиданно звонко проговорила Ксюша, напряжённо поджав губы.

— Перестать? — изогнул я брови и хмыкнул. — Тебе, значит, можно брата опасности подвергать, а мне тебя за это носом в говно ткнуть нельзя. Красота какая.

— Я же не специально!

— Ты знаешь, какой у тебя отец. Ты знаешь его реакцию, когда тащишь ему хоть малейшую жалобу. Значит, и последствия должна была знать.

Ксюша замолчала. Она долго стояла, глядя мне куда-то в район ямочки между ключицами и покачиваясь от ветра, пока не опустила прижатые к груди руки и не посмотрела на меня с жалостью, как на агрессивного ребёнка.

— Ярослав, — сказала она мягко и ласково, — я у папы одна. Другой дочери у него нет. И у тебя Маркус один. Больше нет никого. И папа, и ты... Вы оба... — Девушка потрясла головой, словно перемешала мысли. — Он меня так защитил, как защитил бы любой папа, мне кажется. Я тогда сильно плакала, а он подумал, что со мной сделали что-то ужасное. А я... Я, получается, в твоих глазах сделала что-то ужасное с Маркусом. Вам нужно с папой поговорить. Я так хочу, чтобы вы познакомились, потому что вы так похожи...

— А я не хочу, — огрызнулся я, спрятав руки в карманы брюк. — Я к вашей семье никакого отношения не имею, и мне плевать, чем мы с твоим отцом похожи.

— Но вы же с Маркусом братья! — запротестовала Ксюша, распахнув глаза. — Он часть нашей семьи, а значит...

— Нет, Ксюш, ваша семья у него по отцу, а я дядю Сашу почти не знал, так что не надо меня тащить туда, где мне не место.

Я развернулся к машине, открыл дверь и уже собрался сесть, как растерявшаяся девушка схватила меня за плечо.

— Подожди, Ярослав! Папа тебя всё равно захочет увидеть, потому что неправильно одного брата взять в семью, а второго нет.

— Ксюша! — зарычал я сквозь зубы и вырвался, одарив собеседницу волчьим взглядом исподлобья. — Я пятнадцать лет был мусором для своей семьи, а для вашей весь остаток жизни буду на халяву присосавшимся. Это получается хуй на хуй поменять. Спасибо. Не интересуется.

Я сел за руль, захлопнул дверь и ударил по клаксону, чтобы девушка отошла и дала мне выехать с парковки. Та вначале заметалась, не понимая, в какую сторону бежать, но потом обогнула мою иномарку сзади, встала на тротуаре, и в правое боковое зеркало я увидел, как она снова прижала руки к груди и кончиками пальцев прикрыла губы.

— Да мало ли что он там хочет! — сорвался в пути, будучи совершенно не в курсе, куда направляюсь. — А я не хочу себя чувствовать ребёнком, которого притащили на праздник просто потому, что не с кем оставить. Эй, — изобразил я Мара, — у меня ещё братик есть, возьмите его к себе. Сука! Не сам по себе ценный, а потому что, блядь, неправильно второго брата за бортом оставлять. Да лучше за бортом, чем чувствовать, что ты важен только из-за брата!

Я захрипел под конец. Захлестнула такая волна кипящей, всё внутри безжалостно выжигающей, злости, что меня крупно затрясло, и я влетел на ближайшую парковку, чтобы рывком откинуть спинку сидения и с горьким стоном закрыть лицо ладонями. Спрятать не только глаза, рот и нос, но и как будто всего себя уместить под двумя маленькими кусочками тела.

Как только меня перестало безудержно колотить, я вернулся в плотный поток автомобилей и от греха подальше поехал домой.

Глава 74. Головная боль

Старшего Белова разбудил кошмар в начале пятого утра. Снился минивэн Кости, ночной Петербург за окном, сирены, погоня и Яр, занявший сидение напротив. Адвокат смотрел на его измазанные в крови руки и почему-то молчал. Их мотало по всей дороге; знакомые дома на Московском проспекте летели мимо, свистела резина на поворотах, и Мара выбросило в реальность, когда минивэн занесло на пробитых колёсах. Он там и кончился — Белов это понял сразу, как уставился в темноту широко распахнутыми глазами, и было жарко, слишком жарко, болели мышцы и голова. Словно его, не пристёгнутого, пошвыряло по всему салону, пока машина по инерции кувыркалась, а в конце поджарило взрывом. Как отбивную.

«А что, Мар, гляди-ка. Эксклюзивный товар, ещё и поданный как ресторанный блюдо. Разве плохой довесок?»

Адвоката непрошенная насмешка из глубин сознания разозлила, он рывком перевернулся на бок и плотно замотался в одеяло. Головная боль усилилась; глаза мужчины закрывались под тяжестью недосыпа, но сон обратно не шёл, пульсация в левом виске не давала расслабиться, и Мар в половине седьмого утра выбрался из постели с тошнотворной мигренью.

«За три часа я без «колёс» загнусь нахрен».

Он забронировал самое раннее время, — самое для себя комфортное, — чтобы в клинике пройти медосмотр целиком и весь ближайший год о нём больше не вспоминать, но планировал выспаться, как вчера, а не встать с ощущением, будто голова сейчас расколется как переспелый арбуз. Если бы не анализы натошак, он бы с горем пополам хоть каши пожевал и выпил анальгетик, потому что из-за вспышек боли в виске он опять мог рассчитывать только на мотор и надеяться, что его не вывернет наизнанку где-нибудь по дороге.

Мигрень не давала соображать. Адвокат после душа и косметических процедур по привычке достал из шкафа деловой костюм и опомнился уже на галстук, почти закончив узел.

«Да блядь...»

Он досадливо закатил глаза и в полутьме принципиально переоделся в чёрные джинсы и того же цвета тёплый бадлон.

«Отпуск, Мар. От-пуск. Отпуск».

Мужчина повторил это вслух ещё пару раз, как будто закрепляя мысль не только в охваченной спазмами голове, но и в пространстве вокруг. Заказанная в приложении машина — белый «Mercedes» — подъехала через восемь минут, адвокат захватил с собой затемнённые очки и, выходя, ненадолго прижался пульсирующим виском к холодной двери.

«Я бы не парился, если бы не тошнило. Это же тебе не студентом в «экономе» блевать. Это, сука, «бизнес». — Мар со стоном отстранился от металлического полотна. — Хотя и в «бизнесе» люди блюют дай боже...»

Он размеренным шагом спустился на парковку, сел в машину и слегка приоткрыл окно. Пахло кожаной обивкой; Мар сосредоточился на этом запахе, опустив ресницы.

«А пакет-то не взял... Если приспичит, чё, будешь позориться головой наружу?»

Он спрятал пальцы в рукавах пальто, ощутив, как иномарка тронулась, развернулась и втиснулась в утренний затор. Ехали необычно медленно — так, что «Mercedes» не дёргался, а будто плавно покачивался, и Белов начал бессовестно клевать носом.

— Маркус. — Адвокат произвольно дрогнул от низкого приглушённого голоса. — Простите, что напугал, но мы приехали.

— Да? Уже?

Мужчина в сонном замешательстве посмотрел в окно. Таксист остановился задней пассажирской дверью ровно напротив входа в медицинский центр, и Белов запутался в одновременных мысленных потоках. Его с одной стороны искренне восхитило мастерство водителя;

настолько бережно его никто никогда не вёз, и он впервые за десять лет уснул в машине. С другой стороны он провалился на тот уровень сна, где реальность отличалась от фантазии лишь артефактами, если ты их заметишь, и Мар какое-то время ещё осторожно поводил ладонью по двери, стеклу и своей одежде, чтобы разобраться, настоящий это мир или копия.

— С вами всё в порядке? — участливо спросил водитель. Он развернулся всем корпусом, насколько пустил ремень безопасности, и Белова смутил его прямой встревоженный взгляд. — Если нехорошо, давайте я вас, может, провожу?

— Спасибо, не надо, — качнул головой Мар и болезненно поморщился, прижав кончики пальцев к левому виску. — Я сам дойду.

Мигрень о себе с радостью напомнила резкой тошнотворной пульсацией. Адвокат выбрался из тёплого салона в ноябрьскую сырость; он наступил на тротуар, одной рукой запахивая пальто, вторую не отнимая от места чуть выше матовой чёрной дужки, и неподдельно удивился, когда водитель поравнялся с ним буквально через несколько шагов.

— Чаевых побольше хотите? — беззлобно поинтересовался Мар, и спутник невозмутимо произнёс:

— А вы всё только деньгами измеряете? — Белов усмехнулся и промолчал. — Я вижу, что вы себя плохо чувствуете. Мы с вами только вот эти сто метров дойдём до клиники и всё, просто, чтобы вы не упали, и я не волновался. А дальше сами.

— Да я бы и не упал. У меня всего лишь адски болит голова. От этого максимум стошнило бы, но приятно, что вы так внимательны к чужим людям.

Они вместе дошагали до лестницы на высокий первый этаж, поднялись, и водитель открыл адвокату дверь.

— Ну, вот и всё, всего доброго, — проговорил он, и Белов едва заметно кивнул ему на прощание.

— И вам всего хорошего. Удачной смены.

Мар опустил на край гостевого кресла в холле и завершил поездку в приложении.

«Я не всё измеряю деньгами, — шурясь, написал он в комментариях после того, как прибавил к единице четыре нуля и отправил эту сумму чаевыми, — но всякий бизнес-альтруизм предпочитаю оплачивать по сверхтарифу».

Адвокат зажмурился от мучительного спазма в виске и втянул воздух через сомкнутые зубы. Снова начало подташнивать, назойливо, но терпимо, и Белов наощупь убрал телефон во внутренний карман пальто, взамен достав оттуда паспорт.

— Сiao, девчонки, — с трудом улыбнулся он возле стойки администраторов.

— Доброе утро, — защелбегали сотрудницы. — А мы уже все сделали.

— Да какие молодцы, — похвалил мужчина и забрал у них обходной лист. — Обед за мой счёт хотите?

— Хотим, да, — наперебой ответили администраторы, одна из них счастливо затанцевала, сидя на крутящемся офисном кресле, и Мар вынул из паспорта красно-коричневую купюру.

— Я, правда, не помню, какие где расценки, — положил он деньги на стойку, и старшая смены тут же убрала их в нагрудный карман халата, — но если этого не хватит, я добавлю.

— Хватит, хватит, что вы, — замахала руками самая молодая сотрудница, — у нас ещё и сдача останется.

— Если не будете скромничать, то не останется.

Девушки захихикали в ответ, и Мар отправился в гардероб, стерея по пути дежурную улыбку с лица. Звонкие голоса администраторов каждой нотой прошлись как маленькими молоточками прямо по нервам.

«Начнём с экзекуций, — хмыкнул он, быстро взглянув на первую строку обходного листа и следом — на пару человек, стоявших в очереди в нужный кабинет. — Если там сейчас Анюта, я выживу. А если Машка, то капец».

У Маши рука тяжёлая. Место укола в прошлый раз недели две ныло, но, к счастью, адвоката встретила другая медсестра, и после неё всех остальных врачей Мар обошёл в состоянии более спокойном, чем было у него до встречи с Аней. Кажется, даже мигрень ослабила ненадолго железную хватку, и невролог на это мимолётное замечание Белова задумчиво постучал обратной стороной ручки по протоколу осмотра.

— Вы на МРТ ещё не записаны?

— Нет, — с оттенком настороженности ответил Мар. — А это необходимо?

— С вашей мигренью да. Это надо было сделать ещё в прошлом году, потому что динамика у вас на ухудшение идёт. Тут на завтра как раз есть один утренний талон на восемь часов. Сможете прийти?

— А у меня выбор, что ли, есть, — буркнул себе под нос адвокат, опустив глаза.

— Нет, Маркус, смотрите сами. Вы можете не приходите и вообще ничего не делать, это ваше право, но я как врач настаиваю на МРТ, потому что в какой-то момент ваша мигрень доведёт вас до палаты. А я помню, что вы стационары очень не любите.

— Ненавижу, — согласился Мар и недовольно поджал губы. — Вы поищите тогда талон на другое время, а то я даже в отпуске выспаться не могу.

— Хорошо. Есть на двенадцать, но в среду. Придёте?

— Угу.

«С моими паничками только в тоннеле и лежать».

Невролог адвокату выдал инструкцию, как подготовиться, оформил запись на процедуру и направил к терапевту за печатью. Медосмотр на этом закончился, и в гардеробе, несмотря на волнообразную дурноту, Мар ощутил, что сильно проголодался.

— Ну, что, девчонки, нужна добавка? — спросил он, положив телефон на стойку, чтобы заказать такси до дома.

— Нет, — кокетливо протянула одна из сотрудниц, — мы тут идеально уложились.

— Сэкономили, да?

— Да что вы, Маркус, — отозвалась старшая, — мы там и десерты поназаказывали, и кофе, и всё без акций. Просто так получилось, и ещё пять рублей сдачи осталось, — рассмеялась она под конец.

— Да здесь какая-то бухгалтерия, а не ресепшн, — сдержанно улыбнулся Мар и лениво махнул рукой. — Ладно, красотки, до завтра. Сiao.

— До завтра? — подскочила с места самая молодая администратор, и вопрос долетел адвокату в спину.

— Ой... До среды, в среду увидимся, — бросил он через плечо и уставился в экран телефона. Тёмно-синяя «Audi S8» повернула с Новой Башиловки на Ленинградский проспект, и Белов расстроился, что мигрень лишила его пятиминутной возможности покурить на углу медцентра.

«Давай катись быстрее, — мысленно сказал он значку такси на карте, — а то я тут шас помру от этой боли».

Утренний шум столицы буквально гудел под черепом, и лишь ноябрьская серость, приглушённая затемнёнными стёклами очков, не давала тошнотворному комку подняться к горлу. На заднем сидении такси Мар опустил голову, чтобы даже краем глаза не замечать приборную панель, закрыл воротником бадлона рот и нос от приторного запаха духов предыдущей пассажирки и сильнее прижал оправу указательным пальцем к переносице.

«Давай, Мар, вдох, выдох. Мы уже на финишной прямой».

Тридцать пять минут со всеми светофорами, поворотами и остаточным трафиком от одной парковки возле клиники до другой — у жилого комплекса. Белов эту поездку перетерпел напряжённым до последнего нерва, из машины выбрался абсолютно разбитым и дома насильно затолкал в себя несколько ложек манника, чтобы выпить долгожданную таблетку. Аппетит в дороге отбило.

— Можно я обойдусь одной, per favore... — бессильно проговорил он, едва шевеля губами, когда стянул бадлон, уронил его под ноги и лёг животом вниз поперёк кровати. Свет не включал. Сиреневую подсветку наоборот погасил. И только забытый на столе телефон, как только боль заметно поутихла, разорвал спасительную тишину квартиры громким звонком.

— Какая сука меня дёргает в мой отпуск? — зарычал адвокат и, шатаясь, добрёл до стола. Пропущенный был от Семёнова. — Пошёл на хуй...

Он зашвырнул выключенный аппарат куда-то за подушки и лёг обратно в ту же позу — дожидаться по новой, когда спазмы до скрежета зубов перестанут разрывать ему череп.

Глава 75. Цели и планы

— Нечего с такой кислой рожей стоять. Я тебе ещё когда сказал, что она тебя бросит? Наиграется и бросит. Но ты же не верил. Вцепился в неё, как будто она — последняя женщина на Земле, а теперь стоишь, настроение тут всем портишь.

— Так ты не смотри на меня, и ничего портиться не будет.

Старший Колосов испытующе глянул на младшего. Паша хмуриться не перестал; он поменял местами скрещенные ноги, не вынимая рук из карманов джинсов, и остался подпирать спиной косяк отцовского кабинета.

«Птичка не моего полёта, вот что ты сказал, но мне пробили её нового трахаля. Там какой-то банковский служащий. Даже не управляющий, так, мелочёвка, и я не знаю, там хер до колена, что ли, или что? Или у неё просто беды с башкой, и мне охренеть как не повезло?»

— Объясни мне, почему у тебя в работе нет результатов, — сказал Антон, переключившись на холодную деловую интонацию. — Ты уже полтора месяца окучиваешь Анастасию, но почему-то у Матвеевых ни черта не поменялось.

— А у нас что, блицкриг? Вроде бы о том, что нужно сильно поторопиться, речи не шло. И в контракте я такого пункта тоже не видел.

— Я поддержу, — вступил Герман, приподняв и уронив левую кисть; адвокат сидел на диване, расположенном боком к рабочему столу, и смотрел неотрывно куда-то в точку перед собой. — Я чёткие сроки не прописывал, да и не давал их никто. Мы это не обсуждали.

— Да, — кивнул Паша, — а ещё, прежде чем с меня что-то требовать, посмотри, в каком положении я нахожусь. Меня в первую очередь пасёт Белов, и Ася тоже далеко не дура, да и Костя, знаешь, не без мозгов мужик.

— Тут самое опасное звено — это Маркус, — добавил Герман. — С ним поиграться — это как заранее себе петлю на шею намотать.

— Гера, ты задолбал его обожествлять, — неприязненно проговорил Алексей. Он занял гостевое кресло около стола Антона и взялся без конца переворачивать маленькие песочные часы. — У тебя ещё в туалете плакат с его рожей не висит? Не драчишь по ночам, пока жена не видит?

— Лёх, рот закрой, — заступился за адвоката Паша и нахмурился ещё больше. — Маркус реально опасен, и если я где-нибудь ошибусь, он меня закопает. Или ты чё, пару раз с ним в кабинете пересёкся и всё, типа всё про него понял?

— Слушай, нас выплюнул один и тот же институт. Я с твоим Беловым каждый день на парах виделся, и что тогда он был просто манипулятором, что сейчас. Ничего не поменялось. Ну, максимум он может тебе в морду дать, а на деле даже пистолет в руках держать не умеет. — Алексей усмехнулся. — А вот Яр умеет. Он поопаснее твоего Маркуса будет, так что не жми очко там, где это не нужно.

— Этот самый просто манипулятор, — жёстко заметил Герман, — прекрасно ведёт двойную жизнь, если ты не знал.

— Я тебя умоляю. Чтобы пассивно курировать наркотрафик, много мозгов не надо.

— Хорошо препираться, — вклинился Антон, положив перед собой ручку и блокнот. — Ты про Яра что-то ещё интересное знаешь? — постучал он пальцем по столу, привлекая внимание Алексея.

— Эй, не смей его сюда втягивать, — с тревогой сказал Паша, инстинктивно шагнув к отцу, и выдернул из карманов руки. — У него и так из-за Кости гора проблем, а к нашим планам он вообще никакого отношения не имеет.

— Да? — вскинул брови Алексей и в кресле развернулся к парню лицом. — А если напрячь извилины? Маркус ведёт два легальных проекта в компании Матвеева, и Яр в них —

прямой подрядчик. То есть, он от нас буквально в одном шаге. Ещё он где-то с месяц назад очень эффектно познакомился с Финансистом, а это известный питерский авторитет. Причём Яра он хотел загрести под себя ещё до того, как началась вся эта возня с долгом. А са-а-амое интересное, что мне крыски принесли, это что Яр сам рвётся в дела брата. А где Маркус, там и мы. Понятна логика?

Паша сделал шаг назад и ударился спиной о дверной косяк. Ответить на это было решительно нечего.

— Понятна, — процедил он и бросил короткий внимательный взгляд на Германа. Тот за сегодня ещё ни разу не улыбнулся; его обычно приподнятый настрой опять сменила тяжёлая мрачная задумчивость, и под глазами на её фоне обозначились заметные тени.

«Гера, блин... Ты этими синяками скоро Мара догонишь».

Хотя чего я хочу от человека, у кого семью пасут двадцать четыре на семь. Паша додумал это, пока в тишине Антон что-то убористым почерком дописал на чистом листе блокнота. Алексей двумя ногами оттолкнулся от пола, чтобы кресло отъехало на полметра назад, и поставил левую руку локтем на стол, оперев подбородок на согнутые пальцы.

— Значит, мы имеем следующее, — подытожил Колосов и ткнул острым концом ручки в начало первой строки. — Репутация у Яра испорчена, поэтому, скорее всего, отток клиентов продолжится. Он финансово прогнётся, и ему нужны будут деньги. Взять он их сможет из проектов Матвеева, но там что было? Напомни.

— Да ничего, — пожал плечами Алексей. — Буквально ничего. Я посмотрел ситуацию на рынке. Инвесторы пока думают, рентабельность под вопросом, поэтому Яр сильно рискует не выйти на прибыль ещё месяца три, а то и четыре.

— Так... Ему Авдеев что-то уже предлагал или нет?

— Предлагал через посредника, но, как я уже сказал, встреча была очень специфической, поэтому Кирилл пока оставил его в покое. Что странно.

— Что ж там такое произошло? — заинтересованно спросил Паша.

— Что-что... — хмыкнул адвокат. — Кирилл пытался угрожать Яру пистолетом, но у парня, как выяснилось, отличная реакция. Как говорится, инициатива нагнула инициатора. Самое весёлое, этот пистолет потом из стакана с пивом доставали, и я всё думаю, каким же камикадзе надо быть, чтобы так финтануть.

— Наверное, таким же, как ты, — закрыто улыбнулся Колосов.

— Ха-ха, — задрал голову Алексей и тут же опустил её обратно на пальцы, — может быть.

— Если так, то это не смешно. — Антон передвинул кончик ручки на строчку ниже. — Значит, что у нас Риски финансовые, какая никакая связь с Авдеевым... а-а-а-а...

— Не ломай мозги. Обрисуй примерно, что хочешь, а я скажу, реализуемо это или нет.

— Примерно я хочу приплести Яра непосредственно к семье Матвеевых. Вроде была такая история, что у Кости плохие отношения с тещей.

— Была, — подтвердил Алексей. — У них до сих пор не ладится, и не секрет, что София очень неравнодушна к Маркусу.

— Вот. Я думаю, можно двух зайцев разом убить. Нам же цель какую дали? Константина убрать, Анастасию вместо него поставить и все процессы компании свалить на Маркуса и на неё. Да? Да. Но раз у нас подтянулся Яр, можно сделать ещё интереснее. Для Софии вряд ли есть большая разница, старший брат или младший. Зато есть разница, будет это кто-то из Беловых или Константин, которого она не переносит.

— Пап, ты ебанулся, что ли? — возмутился Паша, и его потрянуло от всколыхнувших эмоций. — Задача была бизнес перестроить, а не семью развалить. Изначально же вся идея была в том, чтобы убрать Костю, потому что он просто неудобен, но рушить семью — это уже твоя прихоть. Тем более у них же сын маленький.

— Паш, — выплюнул Герман; сидевший до этого в напряжённой полусогнутой позе, он откинулся на спинку дивана и перевёл на Колосова-младшего застывший воспалённый взгляд, — тут всем плевать на детей. Прими за неоспоримый факт, что семья — это расходник, и просто слушай молча.

«Вы чё с ним сделали, уроды?..»

— Гера, — позвал его Алексей и перебрался к нему на диван, сев полубоком, чтобы комфортно было смотреть в лицо, — твою жену и дочь никто не трогает. Я не знаю, что ты там себе в башке накрутил, но родных и близких никто расходниками не делал.

— Серьёзно? — дико улыбнулся адвокат и подался в сторону бывшего сокурсника. — А когда мне Женя сказала, что дочь из школы какой-то мужик привёл, это что? Персональная бесплатная охрана?

— Это напоминание, что у тебя есть договор и обязанность выполнять свою работу так, как это нужно мне, — напористо сказал Антон, и Паша за спиной незаметно сжал похолодевшие пальцы в кулаки. — Любая твоя самодеятельность может очень дорого стоить нам всем. Каждому из нас.

— Так напоминайте об этом лично мне, — озлобленно произнёс Герман, посмотрев на Колосова. — Зачем пугать ребёнка? Зачем вообще трогать людей, которые даже наполовину не знают, чем я занимаюсь?

— А ты без тычков работать не можешь? — уколол Алексей. — Или ты лошадь, которую надо обязательно арканом ловить?

Герман ответил не сразу. В наэлектризованном воздухе полминуты молчания показались очень долгими.

— Не надо ловить, — глухо проговорил уголовный юрист. — Я принесу вам соглашение, которое вы не сможете не подписать. Как Паша своё сраное приложение к контракту. Я в нём прописал, что за все мои косяки отвечаю только я один, и подохну в случае чего тоже я один. — Он поднялся на ноги и целенаправленно двинулся к выходу, бросив гораздо тише на ходу без оглядки: — Надеюсь, что хотя бы не сегодня.

Колосов-младший на шаг отступил от порога, пропуская Германа. Никто не попытался его остановить, Алексей равнодушно посмотрел адвокату вслед и после того, как Паша закрыл оставленную нараспашку дверь, лениво пересел обратно в кресло возле стола Антона.

— С чего он вообще взял, что его кто-то собирается убивать? — спросил он, принявшись опять бесконечно переворачивать песочные часы. — Он живым нужен. Мёртвый он нам зачем?

Глава 76. Интервью

Я вернулся в машину со вторым стаканом кофе за утро, воткнул его в углубление на центральной консоли и положил себе на колени только что продлённый договор. Не все мои клиенты поддались всеобщей панике; большинство решило сохранить контракты на тех же условиях, зато в волне упаднических настроений захлебнулся я сам.

«Не дай бог ты бежишь ко мне. Не дай бог...»

Я раздражённо закатил глаза. К машине торопливо целенаправленно шёл молодой парень, лет восемнадцати, может, двадцати. За ним по той же траектории двигался его товарищ с телефоном наготове, и он начал съёмку ещё задолго до того, как первый наклонился постучать в окно.

— Вы оба хотите судебный иск? — огорошил я сразу, как опустил боковое стекло.

— А... За что? — громко возмутился парень и переглянулся с другом.

— За съёмку без моего согласия. — Я вышел из машины и, захлопнув дверь, уставился на оператора. — Камеру выключи.

Тот уронил руку с телефоном, но движения по экрану не было. Аппарат застыл в перевернутом состоянии с нацеленными на меня чёрными «глазками» объективов.

— Хорошо, — угрожающе улыбнулся я. — Отобрать у тебя телефон я не имею права, но могу рассказать об этом брату. Он предъявит тебе иск по сто пятьдесят второй статье Гражданского Кодекса, и телефон у тебя заберут уже сотрудники полиции. Без возврата, без компенсаций. Хочешь? Я прямо сейчас могу позвонить.

— Не надо, — прибито и скомканно проговорил незнакомец. — Я выключу...

— Показывай, что делаешь, — велел я, как только он начал водить большим пальцем по дисплею. — Я должен видеть, что ты реально всё выключил, и меня не будет писать какой-нибудь скрытый диктофон.

— У меня нет диктофона.

— Да что ты говоришь. Он по умолчанию во всех телефонах есть. Ты либо сейчас мне всё показываешь, либо я звоню Маркусу. — Тот неохотно повернул телефон экраном ко мне, смахнул окно с камерой и нажал кнопку блокировки. — Всё. Молодец. А теперь говорите, что вам от меня надо.

— Да блин... Короче, у меня блог на восемь тысяч подписчиков, — быстро заговорил парень, который подошёл первым. — Мы там новости шоубиза обсуждаем, и они меня закидали, короче, ссылками на всякие репортажи о вас. Типа вот, Ярослав Белов надел траур. Или вот такое ещё: Ярослав Белов копирует брата из зависти. Это типа вопрос. А подписчики меня дрочат... ой, простите, дёргают, чтобы я всё, короче, узнал и заснял, потому что вы же никаких комментариев вообще не даёте. У вас последняя запись в профиле от июня, а тут такая жара в прессе, жесь просто.

— Окей, я понял, — вздохнул я и с решительным кивком наверх обратился к собеседнику с телефоном. — Доставай обратно свою мобилу, устрою вам грёбанный эксклюзив.

«После него могут заебать ещё сильнее, но я уже и правда слишком долго молчу. Пора бы ответить».

Ребята засуетились, ошеломлённые переменой моего настроения. Дополнительно я сунул в руки оператору личный телефон, чтобы тот записал мини-интервью не только для блога, — горизонтально, под формат платформы, — но и вертикально для моей почти умершей страницы в соцсети.

— Снимаю, — оповестил нас помощник. Я даже не стал натягивать на лицо дежурную улыбку — так и вошёл в кадр сосредоточенным и готовым защищаться.

— Всем привет! — начал интервьюер и помахал рукой в камеру. — Сегодня у меня для вас сенсация. Вот без рофлов, честно. Как видите, рядом со мной стоит сейчас Ярослав Белов. Да-да, тот самый Белов, про которого вы меня замучили вопросами, и сегодня Ярослав на них ответит. Причём экс-клю-зив-но! Короче, вот так. — Он отвернулся от воображаемых зрителей и посмотрел мне в глаза. — Ярослав, вот мои подписчики спрашивают, почему вы вдруг внезапно поменяли стиль? Журналисты вас сразу же раскатали, типа, вы подражатель, или ещё я встречал такой комментарий, типа ваш брат, короче, более успешен, а вы его из зависти нелепо копируете. Как ответите на такие выпады?

«Ну, допустим, слово «нелепо» нигде не мелькало, но окей, пропустим».

— Для начала пусть докажут, что именно я копирую Маркуса, а не наоборот. У нас с ним на двоих очень много общих привычек, но он их сделал своей фишкой, а я как-то не любитель такое афишировать. А вообще про зависть — это лютая клевета. Если бы я знал, кто её распустил, человек бы точно сел, потому что я никогда брату не завидовал. Там завидовать нечему абсолютно.

— Но вы в чёрном реально очень похожи на Маркуса.

— Да, но Маркус тут ни при чём. У меня для смены стиля была личная причина, но с другой стороны чем так плоха идея подражать человеку, который заменил мне обоих родителей? Когда у нас умерла мама, брат взял на себя нереальную ответственность. Он меня воспитал, он меня вырастил, он ходил на собрания, пока я учился в старшей школе. Во многих семьях мальчишки хотят быть похожими на отцов, а я чем хуже? Почему какие-то левые люди позволяют себе насмеяться над этим? Почему никто из них не подумал, что мы похожи, потому что мы, вашу мать, братья, — развёл я руками в недоумении, — а не хрен знает кто друг другу? Тем более, кроме Маркуса, у меня больше никого нет, и внешний акцент отражает именно это, а не зависть, которую взяли просто с потолка. — Я остановился и перевёл дыхание. — Фух. Вот так злиться публично я себе никогда не позволял, но это уже перебор. Люди привыкли, что я белый и пушистый, но извините, с такой грязью я мириться не готов.

— А Маркус знает, что вас вот так прессуют? — с искренней заинтересованностью спросил блогер. — Он как-то реагирует?

— Я не знаю. У него настолько большая загруженность, что я не уверен, что у него хватает времени мониторить моё инфополе. Но как только это видео до него дойдёт, а оно дойдёт очень быстро, я не удивлюсь потоку опровержений. Возможно, он ещё не успел это всё отследить, иначе бы журналисты уже прибежали извиняться. Маркус очень суров в этом плане. Если кто-то портит мне жизнь, он вцепляется в горло как голодный лев, потому что я у него тоже единственный родственник.

— Офигеть, конечно... Тут не завидовать надо, а восхищаться. Кстати, о восхищении. Ярослав, — оживился интервьюер, — а вы знаете, что у вас тоже есть фанаты?

— Знаю, — кивнул я. — И что они творят на фанатских страницах, тоже знаю, но вмешиваться не буду, потому что, если бы это было чем-то из ряда вон, то первым бы вмешался Маркус. А раз он даже не чешется, то и мне не надо. К тому же я видел парочку работ очень достойных, и если найду, я их в профиле у себя отмечу.

— О-о, — завёлся парень и начал от избытка эмоций переминаться с ноги на ногу, — я представляю, какой будет шок у авторов. Их сам Ярослав оценил! Я бы описался, наверно, от счастья. — Он несколько секунд задумчиво помолчал. — Офигеть... — Блогер опять повернулся лицом к невидимым зрителям и сделал шаг им навстречу, оставив меня слегка позади. — Друзья, вот такое получилось у нас огненное интервью. Надеюсь, вам понравилось. Я, если честно, в небольшом раздрае, потому что эксклюзива мне ещё ни разу не давали, и, короче, это можно как достижение века себе на стену повесить. Жду обязательно ваших комментариев, лайки, подписки, репосты. — Интервьюер вернулся на место возле меня и протянул руку на

прощание. — Спасибо, Ярослав, это было очень круто. Я надеюсь, что люди посмотрят это видео и заберут свои гадости обратно.

— Да посмотрят, — хмыкнул я, принимая рукопожатие. — Я в медиа давно не появлялся, так что у вас там просмотры зашкалят.

— Э-э... Получается, пиар, — засмеялся парень. Я покивал. — Всё, народ, — громко сказал он в камеру, — пишите, комментируйте, а мы с Димоном полетели дальше. Всем бай!

Оператор остановил запись на обоих телефонах, подошёл и протянул мне мой. Я потратил чуть меньше минуты, чтобы проверить, насколько приемлемым получился ролик, и, довольный, убрал мобильный в карман чёрных деловых брюк.

— А это... — сказал блогер прежде, чем я сел в машину. — Если у меня там будет шквал комментариев, вы же дадите ещё интервью?

— Да посмотрим. Если будет такая необходимость, то, может, и дам. А может, и нет. Как пойдёт.

— Ну, если там прям, короче, огонь-пожар будет, я вас отмечу, ладно? И согласуемся.

— Окей.

Ребята, счастливые, вдвоём уткнулись в экран телефона и не успели толком отойти, как блогер начал что-то эмоционально рассказывать, снимая себя и друга на тот же мобильный прямо на ходу.

«Блогер, блядь... Бестактный молодняк. Как будто вообще не в курсе, что вначале хотя бы здороваться надо. Позорище. Если бы Мар это увидел, эти два оболдуя полетели бы с пинка до соседней улицы».

Я закрылся в салоне и перекинул через плечо ремень безопасности.

— Если бы Мар увидел, — передразнил сам себя, скривившись. — Я брату сейчас позвоню. Вам брат а-та-та сделает. — Меня всего передёрнуло. — У меня вообще-то не только Мар есть, но и Ромыч. И Роман Сергеевич. Я что, всякий мусор сам, что ли, не в состоянии закопать?

Я с чувством глубокой досады на выдохе застонал. События последних полутора месяцев как будто оголили нервы, и мне не сразу попала на глаза трещина на кожаной оплётке руля. Видимо, лопнул материал от очередного удара по нему кулаком. Желание продышаться кальяном стало назойливым до такой степени, что я не выдержал и вчера купил «электронку» с жижей без никотина. Взвинченное состояние кальянная лёгкая тяга поздним вечером относительно выровняла, но в голове поселилась тревожная мысль, что вот так и начинается большая зависимость.

Удручало и то, что Авдеев меня в покое — конечно же — не оставил и напомнил о себе недели две назад. Аккуратно, без сроков и ультиматумов. Я после разговора Миши с Финансистом очень крепко задумался, как могу разгрузить Мара в части его легальной работы, чтобы нелегальную потом не пытались вот так у него за спиной спихнуть на кого-то другого. Авдеев заметил, что их беседа с моим другом держала меня в напряжении; он об этом и написал с анонимного ящика, мол, приходи, обсудим, есть варианты, а я на исходе второй недели устал разрываться между желанием прийти — скрытно и технично взяться за выматывающую рутину — и необходимостью сделать правильно. Так, как этого хотели бы Миша и сам брат.

«Я и помочь хочу, и не навредить. — Я до побелевшей кожи стиснул пальцами руль и ощутил, как ладонь оцарапали края трещины. — Сука... Ладно, окей. Поступим так: я сначала рвану в Москву, навещу Мара и попробую всё это, как положено, обсудить. А вот если не договоримся, тогда поступлю, как чувствую. Я же не тупее Мара, да? Да. Опыт с Маршалом и Кариной уже есть, значит, наебаться будет сложнее. Да и встреча у нас с Авдеевым была... скажем так, своеобразная. Может, он и не рискнёт со мной играть. Кто знает. Короче, посмотрим».

Короче. Заразная привычка. По салону разлетелась едва слышная ругань; я достал из бардачка «электронку», до упора затянулся, выдохнул и, как только пар рассеялся, на главной странице профиля выложил интервью в открытый доступ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.